

полвека созидания

Н. ЗВЕРЕВ, О. МАЦКЕВИЧ, Н. ШАНГИТБАЕВ

полвека созидания

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КАЗАХСТАН“

АЛМА-АТА — 1967

К ЧИТАТЕЛЮ

Среди поэтических сказаний, созданных казахским народом, есть легенда об искателе счастья Асане-кайгы, Асане-печальнике. Видя нищету и отсталость своего народа, решил он отыскать обетованную землю, где дни людей беспечальны, где нет вражды и ненависти. На быстроногой верблюдице объехал Асан-кайгы казахские степи, но так и не нашел обетованной земли.

В этой легенде чудесно переплелись правда и вымысел. Правда была в том, что вся жизнь народа проходила в бесконечных скитаниях по степи, как и у его героя Асана-кайгы.

Кочевая жизнь, казалось, навечно приковала казаха к степным просторам. Из века в век гнал он свои стада вслед за солнцем и даже не мечтал, что когда-нибудь с древней его земли человек впервые в своей истории сделает дерзкий рывок в бездны Вселенной.

Но это время пришло! 12 апреля 1961 года с космодрома Байконур, почти в самом сердце Евразии, стартовал в свой первый полет вокруг земного шара космический корабль «Восток» с человеком на борту. Затаив дыхание, мир следил за этим беспрецедентным полетом. Мир ждал, чтобы человек благополучно вернулся на Землю. И он вернулся! Весенняя степь раскрыла перед ним объятия. Она бросила навстречу пионеру Вселенной пламенеющий красными тюльпанами и яркими маками праздничный зеленый ковер. Она

встретила его песней акына, который восславил героя, взлетевшего выше степных орлов, выше облачных гор и самого неба. И снова в эти дни оглянулся казахский народ на пройденный им после Великой Октябрьской революции славный путь. Он был длиной всего в каких-нибудь сорок лет! Ведь только 26 августа 1920 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет об образовании Казахской Автономной Советской Социалистической Республики (в 1936 году она была преобразована в союзную).

Народ, у которого было отнято даже собственное имя, впервые за свою многовековую много-страдальную историю стал свободным. Дружба с великим русским народом способствовала его прогрессу и процветанию. Как равный вошел он в большую, разноязыкую семью братских народов, объединенных в Союз Советских Социалистических Республик. Это была поистине великая перемена. Народный акын Джамбул откликнулся на нее словами, в которых зазвучала национальная гордость:

У казахов своя страна,
Свои земли на все времена!
У казахов цветет свой флаг,
Как горячий пурпурный мак.
У казахов сияет свой герб —
В солнце слитые Молот и Серп.

О том, что произошло на этой древней земле за полвека Советской власти, о жизни и делах простых людей-творцов новой жизни и пойдет речь в нашей книге.

**край
маральих
сагов
и
титана**

С ПЕРВЫМИ ЛУЧАМИ СОЛНЦА

Утро Казахстана начинается на востоке, в горах Алтая. Это край удивительных природных контрастов и несметных сокровищ! Занимает он лишь десять процентов территории республики. Не так уж, кажется, много по казахстанским масштабам. Но за какой-нибудь день-другой в Восточном Казахстане можно совершить путешествие от горной тундры с каменистыми россыпями до черноземных степей, где наливаются силой пшеничный колос; от прохладных субальпийских лугов до настоящей тайги, где вы не застрахованы от встречи с бурым медведем; от пустыни, выжженной солнцем, до голубых задумчивых озер и стремительных рек, несущих с собой бодрящий воздух с заоблачных ледников. Что ни долина — то свой климат, свои ветры, свои сроки цветения!

Хребты Восточного Казахстана — не самые высокие в мощной системе Алтая. Но они стоят первыми на пути западных и юго-западных ветров, приносящих сюда атмосферную влагу. Уже в предгорьях выпадает до 600 миллиметров осадков в год, а на Малой Ульбе — в самых влажных местах Казахстана — полтора метра! Снежный покров в горах достигает трех-четырех метров.

Потому-то здесь буйно растут леса. Их корни питают ручьи и реки, образующие густую разветвленную сеть. Вначале небольшие, тихие, едва заметные, они, сливаясь вместе, срываются с крутых склонов в глубокие узкие ущелья с оглушительным грохотом. Вода, разбиваясь о скалы и камни, превращается в мелкую пыль, кипит и пенится. Эти горные реки собирают свои воды для Иртыша, для трех его главных притоков — Бухтармы, Ульбы и Убы.

На востоке граница Казахстана глубоко вклинивается в сердцевину Большого Алтая. Она пересекает обширное плоскогорье Укок, от которого протянулись во все стороны горные цепи, изрезанные глубокими ущельями, поднимается на покрытые снегом Катунские Белки и проходит, почти касаясь Белухи — высочайшей точки Алтая (4 620 м), — через эту горную страну, где так своеобразно представлены климаты и природные ландшафты Западной Сибири, Монголии, Китая и Средней Азии.

Если взять за исходную точку на географической карте гору Белуху, то от нее до западной границы Казахстана почти три тысячи километров. Два часа нужно солнцу, чтобы пройти это расстояние из конца в конец.

В каменных ущельях, где глухо шумит невидимый поток, еще таится мрак, а над Белухой уже занимается утро. Меркнут крупные звезды, светлеет небосклон, и вот в прозрачном воздухе уже отчетливо проступают две гигантские снежно-белые пирамиды. Днем солнце плавит лед на их резко очерченных гранях и тогда вся Белуха сверкает, переливаясь холодным серебристым огнем. С крутой седловины близнецов-пирамид почти отвесно падают вниз застывшими каскадами воды ледники. Горы высоки и обрывисты. Куда ни кинешь взор — хаотическое нагромождение камней, покрытых белыми пятнами лишайников. Изредка в морозном воздухе приглушенно звучат громовые раскаты — где-то произошел снежный обвал.

Грозно мчится поток по узкому, тесному ложу ущелья, но, вырвавшись из него в долину и словно устав в борьбе с острыми скалами, ледниковые воды смиряются и уже неторопливо текут среди альпийских лугов. Тут природа не поскупилась на краски. Крупные тюльпаны (кандыки) буравят ноздреватый снег пунцовыми наколениками бутонов. Ниже, в густой и сочной траве, раскрыли свои цветы купальницы (по-местному — «жарки»). Кула ни глянь — тебе кивают головками голубые колокольчики, дикие фиалки. Даже колючий шиповник спрятался пестками. Море цветов! Оттого-то так душистый мед. Быстро нагуливают вес и отары, котом на альпийских лугах.

Вместе с чабанами первые лучи солнца встречают и мараловоды. Путь в олени края долог и труден. Преодолев вброд порожистую Вухтарму, мы едем верхами по кедровому лесу. На рыжей хвое дрожат солнечные пятна. Но вот кедровые расступаются. Впереди виднеется высокая изгородь из почерневших от времени и непогоды жердей. Она делит на две части невысокую сопку с травянистыми склонами. В безлесной части пасутся рогаши. Они-то и дают панты. Выше, у границы хвойных лесов, — оленухи с потомством.

Изгородь (она тянется на многие сотни километров) приводит к небольшому поселку Катонкарагайского совхоза. Пять-шесть домиков, сложенных из толстых бревен с застывшими капельками смолы. В одной из них живет Бошай — старший мараловод — человек с бронзовым лицом и жилистыми руками. Половину своей жизни он прожил на Южном Алтае. За четверть века вырастил несколько тысяч маралов и убил десятка три медведей. У Бошай скупые жесты, немногословная речь. Он не торопится узнать о цели нашего приезда и сам не спешит с рассказом.

Пятнистые олени и маралы пугливы и осторожны — пустынными кажутся необычные сады в горах. Чтобы поближе увидеть этих лесных красавцев, лучше идти с Бошаем. Мы поднимаемся на возвышенность, где расположены обыкновенные ясли, наполненные овсом. Постукивая оцинкованным ведром, Бошай громко зовет: Моська! Моська!

Сначала можно подумать, что так он кличет собаку. Но это своего рода условный сигнал для оленей.

Звон ведра и голос мараловода слышны далеко. На соседнем склоне появились рыжеватые точки. Минута-другая и уже можно отчетливо разглядеть грациозных животных с тонкой, словно выточенной шеей. Они цепочкой спускаются по склону, то и дело настороженно останавливаясь. Но знакомый голос продолжает настойчиво звать. Старый рогач, привыкший к людям, первым стремительно взбегает на возвышенность. За ним — все стадо. В яслях ждет вкусный корм.

Олени доверяют Бошаю. Но постороннему человеку, пока идет «завтрак», лучше не двигаться. Пошевелись, сделай шаг — и животных как ветром сдует!

Бошай неторопливо седлает коней. Ему еще нужно побывать в верхнем саду. Там начался растел. Свежий след приводит к только что покинутой лежке. Обычно самка марала с телком выбирает место в таежной чаще, где им не грозит никакая опасность. Разыскать ее после отела трудно. Стоит порыву ветра донести до марала

лухи запах человека — она уже на ногах. Еще секунда — и животное, сверкнув белой «салфеткой» хвоста, скрывается в чаще.

Мараленок, покинутый матерью, затаился в зарослях. Он даже полужакрыл глаза. Пятнистая шкурка почти слилась с травой и сухими ветками. Попробуй разыскать его!

Подсчет молодняка ведется оригинальным способом. У теленка в первый день его рождения отрезают кончик уха. Крохотный лоскуток бархатистой кожи — своеобразная квитанция для отчетности. Бухгалтерия необычная и не столь уж гуманная, но зато точная.

Мараленок, которому сегодня отрезали кончик уха, через год даст первые панты. Таких маралов зовут «перворожками». Но лучшими по качеству считаются панты взрослых рогачей.

Суровы олени края — кручи, обрывы, стремительные потоки. В таких условиях путь до отдаленного Репнинского парка отнимает в общей сложности неделю. Как нужно любить свое дело, сколько вложить в него упорства, умения, какую проявить настойчивость, чтобы здесь, в снежных горах Катонкарагая, разводить маралов и оленей!

Леса Восточного Казахстана — лишь часть огромного зеленого океана сибирской тайги. По склонам гор на высоте от тысячи до двух тысяч метров раскинулись темные пихтовые леса с еловыми островками. На вершинах «белков», где снег часто не тает и летом, растет лиственница, ее прочная древесина звенит под топором, почти не поддается гниению. Над этим зеленым, вечно шумящим разливом гордо поднимается кедр — красивейшее дерево тайги. Горьковатый аромат черемухи соперничает с запахами красной смородины и желтой акации. В зарослях их деловито хозяйничают пчелы.

Реки Бухтарма, Курчум, Нарым, Ульба и Уба порожисты, но все же по ним сплавляют лес в Иртыш. Оттуда его вылавливают и вывозят по железной дороге в другие районы Казахстана.

Несмотря на огромный размер строительства, требующего с каждым годом все больше древесины, за последнюю четверть века в казахстанской части Алтая площадь под лесами увеличилась. Лес здесь, как говорят, наступает, завоевывает новые пространства, заполняет редины, занимает луговые поляны. Объясняется это, с од-

Восточный Казахстан.
Катонкарагайский мараловодческий совхоз.
Сушка пант.

ной стороны, молодым возрастом самих лесов и благоприятными почвенно-климатическими условиями, а отчасти и недоступностью их в некоторых местах для вырубки из-за сложного горного рельефа и отсутствия сплавных рек. С другой стороны, росту и сохранению лесов способствует разумное вмешательство человека: рациональный метод вырубки, посадка деревьев (особенно лиственницы и сосны) на больших площадях, успешная борьба с пожарами, которые в старые времена носили опустошительный характер.

Богат и разнообразен животный мир лесов Восточного Казахстана. Много здесь ценных пушных зверей, и среди них — соболь. Пышный, шелковистый, блестящий коричневого оттенка мех — один из красивых и дорогих в мире. В Южном Алтае для соболя благодатные места: много глухих таежных участков, каменных осыпей, где он любит селиться, и мелких грызунов, которыми питается этот зверек. В прежние времена соболь на Алтае хищнически истреблялся, теперь же приняты меры для увеличения его поголовья: регулируется отлов, а в 1953 году для улучшения качества алтайского соболя в леса Южного Алтая выпущен и баргузинский соболь, мех которого ценится еще дороже. Теперь соболя сравнительно много и он расселяется даже вблизи обжитых мест.

По горным рекам хорошо акклиматизировалась американская норка. Красивый прочный мех ее в пять-семь раз дороже шкурки ондатры. Хвойные леса — естественная область распространения белки. «Белкование» — старинный алтайский промысел. Водится на Алтае и крупная хищная кошка — рысь, которая уничтожает много зайцев, косуль, кабарги и даже маралов; однако и сам хищник нередко становится добычей охотников. В тайге живет и медведь. Он находит здесь не только обильный корм, но и любимые лакомства: мед, кедровые орехи, малину.

Многочисленные мелкие грызуны и боровая дичь составляют обильную пищу для лисицы, шкурки которой занимают не последнее место в охотничьем промысле. Добывают здесь мелких хищников: хорь, колонка, солонгоя и горностая. Из его гладкого, сверкающего белизной меха с темной отметинкой на кончике хвоста шили когда-то царские и королевские мантии.

Об алтайской тайге, особенно в зимнюю пору, когда стоит она, заколдованная, в глубоком сне, можно сказать словами поэта:

...Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей.

Только по едва заметным приметам: сбитуому снегу на кончиках пихтовых лап, обглоданной рябине или по рассыпанной на склоне

Пятнистые олени в горах Алтая.

по плотному насту красной ягоде брусники и угадывает опытный охотник неясный след сторожкого зверя. Особенно хитер соболь. Он гуляет под глубоким снегом так же свободно, как мы по улицам знакомого города. Попробуй поймай его там! Нужны тут и охотничья сноровка, и большая выносливость, и, конечно, выдержка и терпение.

Каждую зиму, лишь только ляжет снег, сотни охотников уходят далеко в тайгу на промысел. Но это не значит, что бить соболя или колонка можно сколько душе угодно. Ценный зверь охраняется за-

коном, он на строгом учете государства. Соболя, например, разрешается добывать ежегодно не больше 25 процентов.

Но что это? Зимнюю тишину тайги нарушил шум вертолета. Вот на заснеженные сосны легла его большая темная тень. Вертолет идет на посадку. Увязая в сугробах, бегут к машине трое охотников. Они уже подготовили для отправки в город ценный груз — несколько живых алтайских соболей. Институт зоологии Академии наук Казахской ССР уже не первый год способствует искусственной миграции соболя из Восточного Казахстана в предгорья Северного Тянь-Шаня. Сотни этих красавцев-новоселов прижились в Зайлийском Алатау, в близком соседстве со столицей республики.

Проводив вертолет, звероловы снова уходят в тайгу. Теперь надолго, до самой весны. На многие тысячи рублей сверх плана получит от них страна «мягкого золота». Ни один пушной аукцион мира не обходится без даров алтайской тайги.

Настоящий охотник по своей натуре человек добрый. Он любит свой край и в меру своих возможностей заботится о его лесных обитателях. Нелегко, например, пережить снежную зиму тонконогим косякам. Человек знает это. Он оставляет в тайге стожки сена, создает подкормочные площадки-столовые для редких животных: угощайтесь на здоровье!

В глубоких долинах, окруженных со всех сторон скалистыми горами, лежат удивительно живописные озера — Рахмановское и Маркаколь. И хотя путь к ним не близок и труден, каждое лето по едва приметным в лесной чаще тропинкам сюда устремляются сотни туристов и отдыхающих.

Озеро Рахмановское издавна славится радиоактивными источниками, близкими по составу водам Цхалтубо и Белокурихи. Узнали же впервые о целебных свойствах горячих ключей совершенно случайно. Двести лет назад охотник Рахманов ранил в горах марала. Два дня шел он по следу, отмеченному капельками крови, и наконец увидел могучего зверя, стоявшего в облаках пара. Убив его, охотник с удивлением обнаружил, что рана на ноге марала от первой пули уже затянулась тонкой кожицей. Тогда охотник решил испытать на себе чудодейственную силу горячего источника. Купаясь три раза в день, он за неделю вылечился от мучившего его долгие годы ревматизма.

От высокогорного села Берель до Рахмановского озера всего каких-нибудь 25 километров. Но чтобы преодолеть их пешком или на верховой лошади, нужно затратить целый день. Не каждый отважится пуститься в рискованное, хотя и увлекательное путешествие по головокружительным кручам берега бешено летящие и грохочущие

ледяные потоки. Это, разумеется, сдерживало даже бывалых туристов. Теперь к берегам целебного озера можно попасть по воздуху — вертолетом. Немного больше займет путь на автомашине по новой дороге, проложенной высоко в горах, но зато вы увидите Южный Алтай во всем его диком, первозданном великолепии.

Маркаколь — самое большое озеро Алтая (около 465 квадратных километров). Его питают множество студенистых ключей и пять горных рек. Потому-то вода в Маркаколе кажется зеленой. Только когда с гор спускаются тяжелые тучи, она становится свинцово-серой. Но и тогда можно разглядеть на глубине в шесть-семь метров желтое дно, покрытое редкими водорослями. Отбрасывая на песок длинные тени, медленно проплывают серебристые хариусы и ускухи. Уха, приготовленная здесь же на берегу, необыкновенно вкусна. А солнечные полянки, освежающий шум листвы, неумолчный говор хрустально чистых ручьев, бодрящая прохлада снежных вершин остаются в памяти на всю жизнь.

Из Маркаколя вытекает лишь одна река Кальджир, ее зовут алтайской Ангарой. Воды Кальджира впадают в Черный Иртыш. Разница в уровнях озера Маркаколь и реки Черный Иртыш — около тысячи метров. Падение реки равно здесь в среднем десяти метрам на каждый километр русла. Почти стокилометровый водопад. Заставить бы его работать! Над этой важной народнохозяйственной проблемой и трудятся специалисты-энергетики. Они считают, что надо пробить в скалах 28-километровый туннель и пустить в него весь Кальджир. А у выхода поставить высокогорные гидроэнергетические агрегаты, на турбины которых вода будет падать с высоты почти в тысячу метров. Гидроэлектростанции с таким колоссальным напором в нашей стране пока еще нет.

Что же это даст? Во-первых, огромный район, расположенный вдали от государственной Алтайской энергосистемы, получит мощный поток дешевой электрической энергии. Во-вторых, кальджирскую воду, после того как она поработает на турбинах ГЭС, можно будет направить на орошение многих десятков тысяч гектаров плодородных земель, изнывающих сейчас от жажды.

Горные системы Алтая и Саур-Тарбагатай («Сурчинные горы») разделяет обширная Зайсанская котловина. Большая часть ее — безводная полупустыня. Здесь солнечное, жаркое лето, теплая, короткая зима. Но на тех, пока еще немногих, клочках земли, где есть вода, прекрасно растут яблони, груши, сливы, дыни, арбузы, вызревает около семидесяти сортов винограда. А что будет, если напоить живительной влагой всю Зайсанскую котловину? Первый шаг в этом направлении уже сделан. На порожиистой речке Уйдене, беру-

щей начало в скалах Саура, построена высотная плотина и гидростанция. Уйдене побежала по трубам в долину, опаленную солнцем. Наступит скоро и черед непокорного Кальджира потрудиться для орошения Зайсанской котловины.

В центральной низменной части котловины лежит озеро Зайсан — единственное проточное озеро Казахстана. С востока, образуя обширную дельту, изрезанную старицами и протоками, в него впадает Черный Иртыш, а из озера вытекает Белый Иртыш, или просто Иртыш. Существует предание о том, что монгольские племена, гонимые голодом и нуждой из Китая, нашли в этом озере много рыбы, спасшей их от смерти. Поэтому и называли его Зайсан-Нор — Благородное озеро. Но есть у Зайсана и другое имя — Хун-хуто-нор — Озеро тысячи колоколов. Откуда оно? Вот как поэтически объяснил это писатель Всеволод Иванов в своей книге «По родным местам»: «Волны бьют в борта с легким шелковым шумом. Когда я наклонюсь к воде, в лицо мне дышит свежесть и чудесный запах водорослей. Вода прозрачна так, что, кажется, сквозь одну волну вы видите другую. Волны какие-то округлые, словно небесные сферы меняются перед вами. И вам становится понятным название озера — старинное и далекое. Озером тысячи колоколов называлось оно когда-то. Но только не тысячью, а миллионами колоколов играет оно среди выжженной степи, напоминая о красоте и прелести жизни».

В шелковистом шуме прозрачных волн Озера тысячи колоколов угадываются и новые песни о его недалеком будущем, о его сегодняшних днях, которые стоят самых прекрасных легенд. Озеро Зайсан в 1950 году и озеро Зайсан пятнадцать лет спустя — почти несравнимы. Как изменилась за эти годы береговая линия, вся конфигурация озера! Зайсан как бы «пополнел», шагнул далеко вниз по Иртышу. Совершенно исчезли открытые и широкие заливы полулунной формы. А там, где из озера вытекает Иртыш, образовался залив, поглотивший отроги Курчумского хребта. Да и сам Иртыш, раздвинув могучие плечи, уже не петляет в каменных коридорах, а спокойно и величаво течет на север. Его «ворота» на восточной и западной оконечностях Зайсана — пристани Тополев Мыс и Каракас — ушли под воду. С географической карты исчезли многие населенные пункты, лежавшие по берегам Иртыша, и появились новые. Рыбачьи сейнеры упруго покачиваются на округлых волнах там, где еще совсем недавно тянулись бугристые пески и солончаки.

Что же, спрашивается, произошло?

Колоссальные запасы гидроэнергии Восточного Казахстана составляют более половины всех гидроэнергоресурсов республики.

Это значит, что здесь можно соорудить на реках и озерах 70 крупных гидростанций.

На Иртыше — этом гигантском аккумуляторе дешевой энергии — создается целый каскад таких станций. Две первые его ступени — Усть-Каменогорская и Бухтарминская — уже действуют. Верхняя регулирует подачу воды, сбрасывает, пропускает ее побольше в маловодные годы, как бы «впрыскивая» добавочную порцию энергии соседке постарше.

Остальные ступени каскада тоже будут строиться парами. Они протянутся цепочкой почти на две тысячи километров — от Бухтарминского водохранилища до Омска. Дешевая энергия «золотого» каскада откроет новые горизонты не только перед промышленностью республики, но и сельским хозяйством. Она вернет жизнь оскудевшей пойме в Павлодарском Прииртышье, обводнит сухие пастбища, где травы выгорают уже в мае. Иртышские воды напоят довольные поля, страдающие от засухи в целинных областях Казахстана и на Алтае. В хозяйственный оборот будет введено свыше миллиона гектаров ныне бесцельно пустующих земель. Наконец, возникнет сквозной глубоководный путь от верховьев Иртыша до Омска. Комфортабельные суда с глубокой «морской» осадкой пойдут, не страшась уже мелей и перекатов, по цепочке живописных озер-водохранилищ. Самое верхнее из них — Бухтарминское море — уже живет, набирает силу и медленню, но верно, пядь за пядью, поглощает озеро Зайсан. Тихими всплесками прозрачных волн словно допевает старый Зайсан сокровенную песню тысячи своих незримых колоколов. Быть ему скоро рукотворным морем, широким, раздольным и щедрым.

Бассейн Иртыша дает ценную красную рыбу — стерлядь и сибирского осетра. Много, особенно на Зайсане и в верхнем течении реки, нельмы. Но, пожалуй, больше всего здесь щуки, язя, налима, окуня и превосходного крупного сазана.

Создание Бухтарминского водохранилища уже повлекло за собой резкое изменение ихтиофауны. На его побережье создаются нерестилищные хозяйства и специальные заводы. Одной только молодежи осетровых и нельмовых, ставших давно уже редкостью в других водоемах страны, они будут выпускать ежегодно до шести миллионов штук.

Водохранилище будет очищено от малоценных, так называемых «сорных» пород. Роль санитара в данном случае сыграет щука, уничтожая плотву, ельца, ерша и другую мелочь. А потом наступит черед и самой щуки. На постоянное жительство в Иртыше будут

«прописаны» байкальский омуль и ускуч из высокогорного озера Маркаколь, аральский судак и амурский толстолобик.

В недалеком будущем Бухтарминское море станет давать ежегодно с каждого гектара своей поверхности до шестидесяти килограммов прекрасной рыбы.

У серебристых от рыбьей чешуи причалов порта Приозерного на восточном побережье Зайсана стоят рефрижераторы. Молодые казашки в клеенчатых фартуках и брезентовых сапогах укладывают на лед огромных щук. Только что выловленные рыбыны бешено бьют хвостами, пружинисто изгибаясь всем телом. Интересно, что и механизированные причалы и благоустроенный городок с рыбо-заводом загода соорудились «на суше» в открытой степи, когда молодое «море» было еще далеко отсюда.

ПУТЬ К ИСТОКАМ ЧЕРНОГО ИРТЫША

От Приозерного немногим больше часа езды до Зайсана — пограничного городка с просторными улицами, густо заросшими зеленью. Когда-то отсюда в загадочные просторы еще не изученной Центральной Азии начинались маршруты многих путешествий Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского, В. В. Сапожникова и других русских исследователей.

Первым человеком, детально изучившим весь горный Алтай, стал профессор Томского университета, ученик К. А. Тимирязева В. В. Сапожников. Четыре его путешествия, совершенные в 1895, 1897, 1898 и 1899 годах, ознаменованы крупными географическими открытиями на Русском Алтае.

Во время своего путешествия по Монгольскому Алтаю летом 1908 года Сапожников подробно исследует обширный район истоков Иртыша, расположенный в высокой котловине Кийтын-Арча («Холодный можжевельник»), отгороженный со всех сторон скалистыми краями с остроконечными вершинами. Он убеждается, что современных ледников в истоках Черного Иртыша нет, но что вся котловина Кийтын-Арча с разбросанными по ней моренами была когда-то ложем большого ледника. «Желая проследить главный (западный) исток,— пишет Сапожников в книге «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо»,— я спустился к нему и потом шел по его берегу вверх по течению около полутора часов. В верхней части он под прямым углом загибается на запад в боковую долину; в тылу его видны две вершины с небольшими скоплениями снега, где в

верстах восьми от поворота берутся первые капельки Черного Иртыша».

О своих путешествиях В. В. Сапожников увлекательно, с большой научной достоверностью рассказал в книгах «По Алтаю» и «Катунь и ее истоки». Каждая страница книги зовет не только исследователей-ученых, но и туристов побывать на Алтае — одном из самых живописных мест нашей Родины. «Дни, полные напряженной работы, сопровождаемые новыми открытиями, чувствуются недаром прожитыми, — записывает в походном дневнике В. В. Сапожников. — Несмотря на крайнее физическое утомление, где-то глубоко внутри живет и радуется существованию другой, бодрый и не уставший человек. Эту здоровую радость бытия в исследовании завещаю моим молодым друзьям и ученикам».

Иртыш, истоки которого впервые были описаны Сапожниковым, — одна из крупнейших водных артерий СССР. Река никогда не отличалась спокойным характером. Почти от самого озера Зайсан до Усть-Каменогорска Иртыш мчал свои воды в узких живописных долинах или в скалистых ущельях и каньонах, вбирая бурные потоки, стекающие со склонов гор. Не потому ли и звали его в древности Ир-Тыс, что означает Роющий землю?

Русский поэт Павел Васильев, кстати сказать, родившийся в городе Зайсане, посвятил Иртышу такие строки:

Река просторной родины моей,
Просторная,
Иди под непогодой,
Теки, Иртыш, выплескивай язей —
Князь рыб и птиц, беглец зеленоводий.

О самом озере Зайсан русские люди знали давно, и не раз к его берегам снаряжались небольшие экспедиции. Наиболее значительной из них была экспедиция майора Ивана Лихарева, посланная Петром I.

В именном указе Лихареву предписывалось: «...дойти до озера Зайсан и, если туда можно дойти и если там есть такие берега, что есть леса и прочие потребности для жилья, построить у Зайсана крепость и посадить людей, когда же туда поедешь, построив город, узнай по пути от Зайсана к Иркуту далеко ли и возможно ли туда дойти, а также нет ли верховьев рек, которые, не впадая в Зайсан, идя туда, а впадали бы в Дарью или Аральское море, все это нужно узнать, но в азарт не входить, чтобы даром людей не потерять и не иметь убытка».

О какой же Иркуту идет речь в петровском указе?

В старинных летописях указывается, что Ермак выходил навстречу торговым караванам «бухарцев», продвигавшимся в Сибирь из Верховьев Иртыша. Но эти «бухарцы» с жителями Средней Азии ничего общего не имели, а скорее всего были «кашгарцами», так как обитали в Кашгарии. Приходя в Сибирь, мнимые «бухарцы» говорили о Яркен-Дарье, текущей в их стране и якобы сказочно богатой золотом. Но наши предки смутно слышали, что в «Бухарии» есть еще реки с подобным названием — Сыр-Дарья и Аму-Дарья. Даже исполинский разум царя Петра I не мог решить крайне запутанной и сложной задачи: что же это за таинственная река Дарья, о существовании которой слышится и от сибирских «бухарцев», и от хивинцев, и от туркмен!

Сибирский губернатор Матвей Гагарин доносил Петру I, что Иркутск охраняет тридцатитысячная орда джунгарского контайши. Гагарин предлагал завладеть золотом и просил разрешения ставить по пути укрепленные фортеции.

Но вместо поисков золотой Иркутки Гагарин вскоре попал на виселицу. Еще в 1711 году до Петра I стали доходить слухи, что сибирский губернатор вольно обращается с государственной казной. Отправляя на Иртыш майора Лихарева с целью завладеть истоками реки, Петр I поручает ему расследовать и дело Гагарина. Преступления подтвердились. Губернатор-мздоимец был срочно вызван в Петербург, затем осужден и повешен перед зданием двенадцати коллегий.

А Лихарев в мае 1720 года отплыл из Тобольска с 440 солдатами и матросами на 34 дощаниках — карбузах — к берегам неведомой Иркутки. Медленно продвигаясь против течения, где под парусами, где на веслах, а где и просто бечевой, экспедиция благополучно достигла озера и вошла в устье Черного Иртыша. Из тростниковых джунглей на русских обрушился град стрел. Джунгарский военачальник Галдан-Церен, решив, что Лихарев идет на помощь китайцам, напал на экспедицию с двадцатитысячной ордой. Силы были слишком не равны, но бывалые петровские солдаты, разгромившие шведов, и на этот раз показали, что воюют не числом, а умением. В двухдневном бою они нанесли жестокий урон джунгарам. Путь на юг был открыт, но вода спала, тяжелые дощаники оказались на мели. Неожиданно нагрянула еще одна лихая беда. Выждав, когда ветер повернет в сторону русских, коварные джунгары запалили сухие травы. Спасаясь от огненного смерча, охватившего весь берег, люди бросались в Иртыш, поспешно укрывая головы и оружие мокрыми шубами...

Лихарев, памятуя строгий наказ Петра «в азарт не входить, что-

бы даром людей не потерять», решает повернуть обратно. Тем более, что джунгары обещают не препятствовать возвращению экспедиции.

В середине того же года Лихарев закладывает при впадении Ульбы в Иртыш крепость. Заканчивая свой рапорт на имя царя, майор писал: «...и быть сей крепостце Усть-Каменной».

Постройка ее открывала России путь долинами Убы, Ульбы и Бухтармы к самому сердцу Каменных гор — рудному Алтаю, богатства которого превосходили легенды о золотой Иркети.

СЕРДЦЕ КАМЕННЫХ ГОР

Каких только людей не забрасывала изменчивая судьба в сердце Каменных гор! Раскольники-старообрядцы пытались отыскать в таежной глуши сказочное Беловодье, где нет насилия и где можно сохранить в чистоте свою веру и старинные обряды.

Бежали на Южный Алтай целыми семьями от постылой рекрутчины, от горнозаводских работ, что были страшнее каторги. За «Камнем», в глубине гор распахивали долины, охотничали, вели меновую торговлю с казаками и китайцами.

Борьба с суровой природой была не под силу одиночке. Переселенцы сообща захватывали земли в плодородных долинах, сообща, всем миром, расчищали их для посевов. Устраивались общие выгоны для скота. Так же сообща защищали свои жилища от нападения кочевников и хищных зверей.

Но если для одних благодатные долины Алтая были олицетворением воли и свободной жизни, то для других — каменной тюрьмой. Таких везли сюда на бешеных тройках за многие тысячи верст молчаливые жандармы...

В Омском архиве хранится старая фотография. На ней изображен совершенно седой человек, одетый в некое подобие арестантского халата. Вдоль рта залегли скорбные складки. Печальный взгляд из-под густых бровей. И усы тоже белые, опущены пошевченковски. Матвей Муравьев-Апостол едва не разделил трагической участи своего брата Сергея, повешенного вместе с другими декабристами туманным петербургским утром. Блестящий, высокообразованный офицер, он был приговорен к смертной казни через отсечение головы. Перед самой казнью пришло помилование. Царь великодушно даровал мятежному офицеру жизнь и вечную каторгу.

Страшный Вилуйский острог подорвал здоровье Муравьева-Апостола. Ходатайство сестры, томительные месяцы ожидания — и но-

вое высочайшее повеление: сослать под строжайший надзор в Бухтарминскую крепость. Узнику даже запрещено выходить за ограду. За ним неотступно следует солдат, которому приказано «наблюдать за образом мыслей государственного преступника» и, конечно, доносить обо всем начальству.

Муравьев-Апостол много читает, разводит на подоконнике цветы, ведет метеорологические наблюдения и с тайной тоской думает о друзьях и близких, оставленных в дорогой его сердцу России.

Шестнадцатый век стал на Алтае веком открытий. Царской казне, изрядно отощавшей после частых и длительных походов войск, требовалось прежде всего золото. Много золота! В поисках его наши предки открывали богатые медные, оловянные и другие полиметаллические руды. По рекам, случалось, находили и россыпное золото. Один из найденных тогда самородков весил 24,57 килограмма! В народе появилась даже такая крылатая поговорка: «На Алтае реки золотые, только мох сдери и золото бери».

Существует предание, будто из кержацких скитов, основанных в далекой глухой Колывани, на Урал пришли старцы, чтобы попросить Демидова отлить для них медный колокол, звонкий и певучий. Хитрый и предприимчивый заводчик сумел выведавать от старцев известные им тайны о рудных богатствах Колывани и немедленно послал с ними своего рудознатца. А вскоре, в 1725 году, в тех местах был построен первый завод по переработке алтайских руд — Локтевский, переименованный позже в Колывано-Вознесенский. Затем возникли Барнаульский и Шульбинский заводы.

Вместе с горнозаводской промышленностью на Алтай пришло крепостничество, которого раньше здесь не знали. На первый случай Демидов прислал собственных мастеровых людей с уральских заводов; а затем по просьбе Демидова Сенат «приписывал» к заводам целые деревни «государственных крестьян». Демидов нашел на Алтае «золотое дно»: владел богатыми рудами, а его заводы и рудники были обеспечены рабочей силой. Однако богатство руд, наличие в них серебра, имевшего тогда валютное значение, привлекло внимание и царского двора. В 1747 году все заводы и рудники у Демидова были «взяты по оценке» на царское имя. Вместе с заводами и рудниками в личную собственность царя перешли и все земли, леса и все люди Алтая. Закрепощение крестьян приняло еще более широкие размеры, и с 1755 года было закрепощено почти все оказавшееся там население. На заводах был установлен военно-крепостнический режим. Рекрутским наборам, как на военную службу, приписанных крестьян брали в горнорабочие, которые должны были 35 лет

проработать на заводах и рудниках в каторжных условиях труда, живя в казармах под охраной военных команд.

В штольнях Змеиногорского рудника сохранились выработки, где жили каторжане-горняки. Им не разрешалось выходить на дневной свет дышать чистым воздухом. На втором горизонте при входе в шахту, ведущую в нижние штреки, был выложен проход из гранита. Сюда загоняли работать шахтеров. Проход закрывали монолитной чугунной плитой, чтобы предотвратить вторичный побег.

Еще ниже находился каземат, куда бросали провинившегося, заковав его в кандалы. Такой каземат был найден в 1932 году в одной из старых выработок Лениногорского рудника. В каземате лежал скелет заживо замурованного шахтера, прикованного цепью к стене забоя.

Под землей на Змеиногорском руднике была часовня. В эту мрачную каменную мышеловку стогнали горняков молиться. Но молитвы не доходили до бога. Смерть косила шахтеров. Даже после смерти их не выносили на поверхность земли, а отпевали в специально устроенной мертвецкой, куда по винтовой лестнице спускался поп. Их место занимали новые проштрафившиеся, пригнанные из разных мест. В подземный карцер попадал лишь тот, кто выживал после наказания за побег.

Первые месторождения свинца и цинка известны на Алтае с 1717 года, если не считать доисторических разработок, проводимых загадочным племенем «чудь». В одной из штолен Змеиногорска были найдены останки древнего рудокопа, задавленного обвалом. Рядом с его окаменевшими костями лежал кожаный мешок, набитый тяжелыми слитками.

Еще в бронзовом веке Алтай являлся одним из основных металлургических районов. Изделия из бронзы доходили отсюда до Западной Европы. Археологи находят их в степных курганах на юге Украины.

В 1786 году в ста верстах от Усть-Каменогорска, у северного подножия Ивановского хребта, обер-гиттен-фервальтер, а попросту горный инженер Филипп Риддер, открыл рудное месторождение с исключительно высоким содержанием золота, сурьмы, серебра и свинца.

«По моему мнению,— доносил Риддер начальнику Колывано-Воскресенских заводов,— прииск заслуживает быть в даль разведанным...»

Риддер был очень деятельным и умным человеком. Он не только открыл богатейшее месторождение, но и положил начало добыче и выплавке руды. Он намного облегчил каторжный труд рудокопов,

заменяв носилки тачкой, а кайло и лом — шпуровым ручным бурением. Он, наконец, подал идею механического насоса для откачки воды и механизированного подъема руды из шахты.

А награда за открытие? За весь труд, направленный на процветание России? Грошевое единовременное пособие, прозябание в нищете и смерть в безвестности.

Не очень-то ласково обошлась судьба и с другим русским рудознанием Георгием Зыряновым. По высочайшему повелению он возглавил небольшую, плохо оснащенную экспедицию на Алтай для отыскания горного хрусталя и серебра. Экспедиция долго и безрезультатно блуждала в горах, чем навлекла на себя гнев Екатерины II. В наказание за нерадивость Зырянов был оставлен на Алтае на вечное поселение.

Казалось, изгнанник был доволен своим новым положением. Он мог теперь целиком посвятить себя любимому делу. Никто не знает, сколько верст исходил Зырянов по Алтайским горам, каким опасностям подвергался... Найденное им в 1791 году месторождение полиметаллических руд оказалось уникальным по своим запасам и содержанию.

Голодная, полная лишений жизнь подкосила здоровье Зырянова, который и в сорок пять лет числился по формулярному списку «слесарным учеником второй статьи». Он умирает, когда с нового месторождения вниз по Бухтарме уходит первый дощик, груженный рудой, найденной им такой дорогой ценой.

Жена Зырянова, оставшаяся с шестью детьми, много лет обивала пороги различных канцелярий. Наконец из Петербурга последовал ответ: семью покойного рудознатца наградить нельзя. так как открыл он рудник не «казенным коштом», а сам по себе...

За столетие (с 1730 по 1832 год) были открыты почти все крупные месторождения современной казахстанской части Рудного Алтая: Березовское (1730), Николаевское (1761), Риддерское и Бухтарминское (1786), Зыряновское (1791), Белоусовское (1797), Крюковское (1811), Заводинское (1818), Сокольное (1832). На этих месторождениях выбирали лишь поверхностные окисленные руды, легко доступные и богатые серебром, свинцом и медью. Потом месторождения забрасывались. Рудники служили основной сырьевой базой сереброплавильной промышленности Алтая — главного поставщика серебра в России. Только руды Зыряновского месторождения в XIX веке давали до трех четвертей выплавки серебра на Алтае. Расстояние до заводов, на которых плавилась концентраты, составляло многие сотни километров. Так, от Зыряновских рудников до ближайшего Змеевского завода было 337 верст, до Локтевского — 336,

до Павловского — 1235, до Барнаульского — 1526 верст, из них 120 верст по Иртышу на карбасах, а дальше — на телегах по грунтовым дорогам.

С далекого Алтая шли в Петербург слитки драгоценных металлов, дорогие поделки из твердых алтайских камней — разноцветных порфировых яшм, кварцитов и мрамора, начиная от красивых безделушек до огромных колонн и канделябров, украшавших царские дворцы. Ежегодная добыча серебра на алтайских рудниках исчислялась многими сотнями пудов. Количество золота, извлекаемого попутно с алтайским серебром, на Петербургском монетном дворе измерялось не золотниками и фунтами, а десятками пудов.

И все это добывалось и создавалось руками крепостных. Недалом отмена крепостного права здесь «запоздала» на три года: не хотелось царю терять дешевую рабочую силу.

После отмены крепостного права горнозаводская промышленность на Алтае пришла в упадок. Лишившись дарового труда, заменявшего механизацию, русские цари не захотели «тратиться» ни на наем рабочих, ни на обновление стародавней техники. С упадком мировых цен на серебро был утрачен и прежний интерес к алтайским рудникам, которые эксплуатировались тогда в основном из-за серебра. Наступил период хищнической эксплуатации лесов и земель Алтая. Крестьяне, как известно, были «освобождены» без земли; за пользование же «кабинетскими землями», то есть землями, принадлежавшими царской фамилии, взималась арендная плата. А чтобы не было недостатка в «арендаторах», в 1865 году было разрешено свободное заселение «кабинетских земель».

С 80-х годов «кабинет» стал сдавать в аренду и рудники. Русские, французские, австрийские и английские концессионеры сменяли друг друга, и каждый старался как можно меньше расходовать на развитие промышленности Рудного Алтая, но как можно больше получить прибылей. Они не столько разрабатывали недра Алтая, сколько спекулировали месторождениями полезных ископаемых, с большой выгодой для себя передавая один другому права на концессии.

Так продолжалось вплоть до Октября 1917 года.

Время, когда открытие нового месторождения было уделом одиозных, подчас случайным, кончилось после совершенной в России революции. Сейчас недра раскрывают свои богатства перед коллективами, вознаграждая целеустремленный труд геологов. Ныне геологи ищут подземные клады не в надежде на счастливый случай, а используя сложный комплекс новейших достижений науки и тех-

ники. Приборы позволяют им «видеть» рудные пласты, скрытые мощным, почти стометровым слоем наносов.

В горах и лесах Алтай неустанно трудится целая армия геологов. Они установили, что месторождения полезных ископаемых располагаются в определенном, закономерном порядке, по «поясам».

Есть полиметаллический пояс, куда входят около семисот месторождений и рудопроявлений, в том числе Зыряновское, Лениногорское и Тишинское.

Есть вольфрамо-оловянно-медный пояс, занимающий огромную территорию.

Есть Золотой пояс Чингиза, пока еще мало изученный... Сейчас, пожалуй, геологов можно поздравить с новым «поясом» — железным, хотя тут еще предстоит немало поработать.

По запасам цветных металлов Рудный Алтай стоит впереди многих стран мира. А по числу и необычному разнообразию полезных компонентов в рудах он первый в стране. Ковшами многотонных экскаваторов в открытых разработках можно зачерпнуть чуть ли не всю таблицу Менделеева.

Алтайский металл есть и в искусственных спутниках, и в космических ракетах. Корпус современного сверхзвукового реактивного самолета целиком выполнен из титана. Вдвое легче железа, он по прочности превосходит многие стали. Даже такой «крылатый» металл, как алюминий, и тот не выдерживает конкуренции с ним. Титан лишь в полтора раза тяжелее своего собрата, но зато в шесть раз прочнее.

Важно, что прочность титан сохраняет при очень высоких температурах (до 500°, а при добавке легирующих элементов — до 650°). Алюминий же — тот «характером» помягче, он сдает уже при 300°.

Поэтому, когда перед конструкторами встал вопрос, какому металлу доверить преодоление звукового барьера, они остановились на титане.

Высоко и стремительно поднялась в московское небо серебристая ракета величественного обелиска, воздвигнутого в честь запуска первого искусственного спутника земли. Он будет стоять века. И не случайно почетное право пронести через столетие память о первом космическом взлете советский человек тоже доверил титану — металлу с завидным будущим.

Алтай славится не только уникальными полиметаллическими месторождениями, содержащими цветные металлы и целую гамму редких и рассеянных элементов. Изумителен по своей неувядающей окраске и нетускнеющему блеску облицовочный и декоративный

Усть-Каменогорский завод приборов.
В цехе сборки.

камень, залежи которого выходят прямо на поверхность. Пожалуй, не все почитатели талантливого советского писателя П. П. Вазова знают, что среди собранных в его «Малахитовой шкатулке» произведений есть чудесные сказы, написанные на алтайском материале, что речь идет именно об Алтае, а не об Урале. В молодом и талантливом Даниле-камнерезе, в Евлахе Железко, познавшем тайны малахита — «радостного камня и широкой силы», не так уж трудно распознать черты работы алтайских умельцев, их большое мастерство, благодаря которому узор на камне играет, как «вешняя трава под солнышком».

Всестороннее и подробное изучение недр Алтая в более крупных масштабах началось по существу только при Советской власти. Результаты титанического труда геологов, особенно за последние четверть века, превзошли многие смелые ожидания. Подземные сокровища оказались настолько богатыми, что появилась реальная возможность создать на их основе мощную горную и металлургическую промышленность.

В стране еще были разруха и голод, еще шла гражданская война, а В. И. Ленин уже думал о том, как полнее использовать минеральные ресурсы Алтая. Сейчас на месте заброшенных рудников созданы крупнейшие в мире комбинаты, оснащенные первоклассной техникой.

Алтаю сегодня принадлежит одно из первых мест по разведанным запасам свинца и цинка, благородных и редких металлов. А по меди он идет рядом с Уралом, уступая лишь Центральному Казахстану (Джезказганское и Коунрадское месторождения).

Долгое время кое-кто из исследователей ошибочно считал, что цветными и редкими металлами богат тот юго-западный район Алтая, который принято называть Рудным. Геологи успешно опровергли это неправильное представление. Они открыли на северо-востоке, в Горном Алтае, ранее не известные и очень перспективные месторождения. Некоторые из них уже успешно эксплуатируются. Другие ждут своей очереди.

Полиметаллические руды основных месторождений — Лениногорской, Зыряновской и других групп — обладают одной, весьма важной особенностью. Наряду с основными металлами — цинком, свинцом и медью — они содержат золото и серебро, кадмий и сурьму, железо и серу, молибден и висмут, индий и таллий, селен и теллур, ртуть и целый ряд других пока еще не полностью изученных редких элементов.

Практически неисчерпаемые гидроэнергетические ресурсы, непосредственная близость угольного Кузбасса, наконец, удобные транспортные связи ставят Восточный Казахстан в один ряд с важнейшими экономическими районами Советского Союза. По пятилетнему плану предусмотрено, в частности, ускорить развитие цветной металлургии. И здесь далеко не последнее слово принадлежит Алтаю — этой уникальной жемчужине в сокровищнице нашей Родины.

ПО ИРТЫШСКОЙ ВОЛНЕ

Еще совсем недавно путь этот был не только долог, но и опасен. Лишь первую сотню километров от Зайсана Иртыш спокойно и неторопливо течет по плоской равнине. Но чем дальше, тем ближе подступают к нему справа отроги Курчумских гор, а слева — Калбы, и все убыстрятся бег реки. Клокочут, сжатые острыми ребрами каменных глыб, волны. Звучное эхо еще больше усиливает стоголосый рев реки. У впадения в Иртыш Бухтармы поднимались, обглоданные ветрами, близнецы-скалы Непопадиха и Упадиха. Предание рассказывает, что, преследуя как-то раненого зверя, поднялся смелый охотник на вершину, глянул было вниз и скатился в кипящую бездну. С тех пор и стали звать неприступную скалу Упадихой.

Иртыш, напрягая богатырские силы, все время углубляет каменное дно. Крутой излучиной, похожей на гигантскую дугу, огибает он Калбинские горы. С их волнистой (сыртовой) поверхности и расчлененных склонов стекает в Иртыш множество рек. Это та часть Южного Алтая, которая шагнула по левобережью далеко на запад, где она сливается с казахским мелкосопочником. Ковыльно-типчакковая растительность, редкие леса и кустарники покрывают пологие склоны. И лишь сравнительно небольшую площадь занимают сосновые боры. Самый красивый из них — Каиндинский. На желто-красных стволах мачтовых сосен дрожат янтарные капельки смолы. Ветер с Иртыша замирает в их зеленых кронах. Отчетливо слышно, как журчат среди каменных плит горные ручьи. Где-то запела и сразу умолкла иволга...

В глубине Каиндинского бора Алтай встречается с казахстанской степью. Голубой ленточный бор выходит к ней, как посланец тайги, как ее передовой форпост.

Все шире раздвигаются берега Иртыша. Он затопил межгорные долины и округлые сопки; их плоские вершины вот-вот скроются под водой. Раскидистая черемуха шагнула на метр от берега, да так и остановилась, словно испугавшись чего-то.

Подпор, созданный плотиной Бухтарминской ГЭС, поднимет естественный уровень Зайсана на шесть метров. Площадь его зеркала увеличится почти в четыре раза. Новое искусственное море вберет 53 миллиарда кубических метров воды. На участке, равном расстоянию от Москвы до Ленинграда, сток Иртыша будет выравнен и суда с глубокой осадкой получат «зеленую улицу» до самого Усть-Каменогорска.

Таким образом регулирование стока Иртыша, помимо его

энергетического использования, позволит решить в комплексе многие важные для народного хозяйства проблемы и, прежде всего, оросить пойменные дуга в среднем течении реки, улучшить условия судоходства и рыболовства. Все дальше в неярком блеске иртышских волн бежит наша «Ракета» мимо крутых и обрывистых берегов, где на самом краю, крепко упершись стальными лапами в бетонное основание, поднимаются ажурные мачты.

Каких-нибудь семьдесят лет назад газета «Восточное обозрение» писала: «Наши реки внушают священный ужас. Здесь нет еще населения, засеянные поля не спускаются к берегам, часто утесы преграждают путь. Не только тоннели, но даже тропинки не прорезали гор. Закипит ли здесь жизнь?.. Зазвучит ли веселая и счастливая песня вместо предсмертного крика пловцов?»

Иностранные концессионеры хорошо знали, какие неиссякаемые запасы гидроэнергии таят в себе стремительные реки Алтая, но обуздать их не могли. И сейчас еще на горной речке Тургусун, несущей в Иртыш белые от седой пены воды, можно увидеть ржавый железный лом, остатки каменной плотины.

Шестьдесят лет назад французы, владевшие Зырянским рудником, решили построить здесь свою гидростанцию. Руками алтайских бергалов они воздвигли на порожищем Тургусуне плотину, поставили турбину на тысячу киловатт, протянули линию электропередачи до Зырянска.

Торжественное открытие станции решено было отметить званым банкетом. В назначенное время в Зырянск съехались гости. Ждали восьми часов вечера, когда в квартире директора вспыхнет хрустальная люстра, специально выписанная из Петербурга; ждали, когда появится сам виновник торжества — инженер, по проекту которого строилась гидростанция.

Хозяева и гости не знали еще, что разъяренный Тургусун на чисто смыл плотину, а инженер пустил себе пулю в лоб.

Гидростанции, построенные нами в первые годы Советской власти на притоках Иртыша — Быструхе и Хариузовке, работают безотказно и сейчас. Скоро отметит свое тридцатилетие и Ульбинская ГЭС, о которой В. И. Ленин, работая над планом ГОЭЛРО, сделал такую запись:

*«Англичане залили рудники
— — — и увезли нек[оторые] важные части
— — — мы частью откачали
— — — построили плотину и можем достроить эл[ектри-
ческую] станцию (100 000 л[ошадиных] сил)
2 сильные реки, Ульба(?) и Граматуха?»*

В строительстве целой сети электростанций на далеком Алтае В. И. Ленин видел ключи к несметным богатствам этого края. С именем Ленина неразрывно связана и борьба за Советскую власть на Алтае. Загруженный до предела неотложными государственными делами, Владимир Ильич никогда не забывал о нем, о его будущем.

Широко раскинулось молодое море, созданное руками советского человека. Под толщей воды лежат развалины Бухтарминской крепости. Затоплена пристань Гусиная и Первороссийск — места, памятные и дорогие нашему сердцу. В марте 1918 года двести рабочих Обуховского сталелитейного и Семяниковского судостроительного заводов Невской заставы основали здесь, в Усть-Бухтарме, по совету Ленина первую в стране коммуну — «Первое Российское общество землеробов-коммунистов». Это был ответ рабочего Питера на ленинский призыв о помощи крестьянской бедноте в ее борьбе за новую деревню.

«В январе 1918 года пошла к Ильичу группа рабочих, — вспоминает Н. К. Крупская, — обуховцев и семяниковцев в Смольный поговорить о своем плане организовать коммуну. Ильич внимательно слушал. Решил поддержать эту инициативу передовых рабочих. Спрашивал их — почему они не устроятся где-либо поблизости Петрограда, около Луги, например, но рабочие говорили, что время голодное, сейчас надо устроиться там, где земля плодородна, хлеб хорошо родится. Не стал спорить Ленин. Обещал помочь...»

После беседы Владимир Ильич пишет работнику Совета Народных Комиссаров А. Л. Коллегаеву: «т. Коллегаев! Помогите, пожалуйста, подателям советом и указаниями (1-е Росс. общество землеробов-коммунистов) насчет того, как и где достать земли. Почин прекрасный, поддержите его всячески».

В тот же день Владимир Ильич Ленин написал еще одну записку:

«Пожалуйста, пошлите от Петроградского Совета подходящего человека в воскресенье, в 2 часа дня, на собрание обуховских рабочих, образовавших 1-е Российское общество землеробов-коммунистов — для указаний, совета, помощи.

Хорошо бы выбрать опытного практика-организатора».

По распоряжению Ленина коммунарам было выдано 200 военных палаток, 6 военных кухонь, хлебопекарня и другое оборудование, оружие. В марте 1918 года члены общества вместе с семьями выехали в Восточный Казахстан. Они ехали с песней, рожденной еще в Петрограде:

В Петрограде за Невской заставой,
От аптеки версты полторы,
Собирались в Обуховской школе
Коммунары Российской земли.
Собирались они не случайно,
И объаты идеей одной —
Чтобы жить трудовой коммуной,
Вместе жить пролетарской семьей.

В Усть-Бухтарме коммунары провели первый волостной съезд Советов. Избрали Бухтарминский Совет Народных Комиссаров. Спели «Интернационал» и сразу отправились поднимать вековую целину. Лошадей не хватало. Работали до кровавых мозолей. Сами по три-четыре человека впрягались в плуг и пахали до седьмого пота. В палаточном городке мечтали о лучшей доле: о дворце из белого мрамора, о садах и школах, где будут учиться и свои, и местные ребятишки, о молочных фермах...

Но в стране еще лилась кровь. Гибли люди в боях гражданской войны. Летом 1919 года, когда колчаковцы захватили власть в Семипалатинске и Усть-Каменогорске, коммуна была разгромлена. Лишь немногим первороссиянам удалось спастись от жестокой расправы. Они ушли в горы к партизанам, чтобы с оружием в руках бороться за Советскую власть. Память об этом героическом отряде «Горных орлов» живет в народе и поныне. Не забыты и первые коммунары.

Есть в Восточном Казахстане и Обуховский совхоз, и Первороссийский. Работающие там люди воплощают в дела мечты питерских рабочих — посланцев Ленина — о новой жизни, за которую они пролили свою кровь. Из зеленоватой воды поднимается громада плотины Бухтарминской ГЭС. После плотины Братска она наиболее грандиозная в стране. Но зато многокамерный шлюз Бухтарминской ГЭС пока единственный. Этот шлюз-уникум — самый высокий из всех. Поднимаются стальные створки, и откуда-то сверху звучит «электронный» голос:

— Внимание, наполняется первая камера...

Мы на высоте двадцатидвухэтажного дома. Нигде в мире корабли не берут еще такой высоты!

Пассажиры «Ракеты», в которой мы путешествуем по Иртышу, читают газеты, пьют лимонад, курят. Словом, ведут себя так, как будто ничего особенного не происходит. Это значит, что многие «шлюзуются» не впервые. Для них такой подъем — обычная, предвиденная расписанием остановка. Так быстро величественное входит в наши будни, вращается в жизнь, занимает в ней свое положенное место.

— Внимание, капитаны судов, наполняется вторая камера! — снова гремит радио.

Вспоминается март 1963 года. Последние предпусковые дни. Горячие дни и такие же горячие трудовые ночи. На головокружительной высоте монтажники из бригады Арынгазы Адрышева разбирают металлические леса, режут арматуру, ставят уплотнители на ворота.

Совсем еще юная черноглазая девушка монтирует сложные приборы на пульте управления. Здесь сконцентрированы мозг и нервы огромного гидротехнического сооружения.

Пассажиры «Ракеты», возможно, и не подозревают, что рядом с зеленой иртышской волной, за бетонными стенками, стоят чуткие приборы, что глубоко, под самым дном, тянутся длинные штольни галерей заполнения, откуда сейчас поступает вода.

Под самым «дном морским» мы побывали за несколько дней до прихода туда иртышской воды. В длинном темном штреке, словно в сказочной пещере, поблескивали далекие голубые огоньки. Это работали электросварщики. Работали самозабвенно, забыв про сон и усталость: приближался срок заполнения первой камеры. Пожалуй, вся стройка в это время была охвачена одним порывом вдохновенного труда.

Бухтарминская гидроэлектростанция очень экономична. Себестоимость киловатт-часа тут ниже, чем на любой другой станции, кроме Братской. Объясняется это, прежде всего, удачным выбором створа плотины, позволившим сберечь десятки тысяч кубометров железобетона и многие миллионы рублей народных денег.

Бухтарминская ГЭС — предприятие высокой автоматики. Она оснащена совершеннейшим оборудованием. Управляет же всей сложной техникой вахта из четырех человек. Когда будет пущен последний, девятый агрегат, ГЭС станет вырабатывать ежегодно два с половиной миллиарда киловатт-часов. Уже сейчас дешевая энергия идет на большие расстояния в Северный Казахстан и соседний Алтайский край. Это звенья гигантского энергокольца, которое свяжет со временем воедино Восточный Казахстан, Сибирь, Урал и центральную часть нашей страны.

Яростно ревет и клокочет укрощенный Иртыш в створах гигантской плотины, в миллиардах радужных брызг преломляет солнечные лучи.

Строители гидроэлектростанции оставили после себя на берегах могучей реки красивый, нарядный городок с названием, звенящим, как горный ручей, — Серебрянск. Стоит он на месте небольшой, в двадцать дворов казачьей деревушки Старо-Александровки. Жили в ней

ни бедно, ни богато: копались понемногу в земле, разводили пчел, промышляли зверя. Зимой глубокие снега начисто отрезали деревушку от остального мира.

Начало строительства Бухтарминской ГЭС было концом Александровки и всего старого, медлительного уклада жизни, связанного с ней. Вряд ли кто сейчас знает в Серебрянске, что здесь, на месте городка гидростроителей, совсем недавно была крохотная алтайская деревушка.

А в Серебрянск из областного центра ведут сейчас все пути: два часа хорошей езды на автомашине по прекрасной дороге, примерно столько же времени по Иртышу на катере и совсем немного по воздуху на вертолете.

Вывавшись из створов Бухтарминской ГЭС, Иртыш прокладывает себе путь в нешироком и живописном ущелье. Почти отвесными стенами в 200—300 метров высотой сжимают его скалистые горы. В узких расщелинах цепко держатся мохнатые ели, пестрят кустарники. В 1953 году ниже ущелья была построена Усть-Каменогорская ГЭС — первая станция в Иртышском каскаде, выдающееся гидротехническое сооружение. Ее 65-метровая плотина была самой высокой в нашей стране, агрегаты — самыми мощными, а шлюз с перепадом в 40 метров до сих пор остается самым высоким в мире однокамерным судоходным шлюзом.

Строители Усть-Каменогорской ГЭС впервые доказали, что в условиях сурового климата можно сооружать крупные гидроузлы и зимой. А их метод перекрытия реки с помощью плавучего крана оригинальной конструкции нашел широкое применение на Волге и Ангаре, на Свири и в других местах.

Окончания строительства Усть-Каменогорской ГЭС, затянувшегося на долгие годы из-за войны, с особым нетерпением ждали металлурги и горняки. Важнейшая отрасль промышленности Алтая — цветная металлургия жила на голодном пайке: не хватало электроэнергии. В Восточном Казахстане выплавлялись свинец и медь, а цинковые концентраты приходилось вывозить в другие районы страны.

Первая гидростанция Иртышского каскада стала и первым серьезным источником энергии для быстро растущей горнорудной и металлургической промышленности Восточного Казахстана. Образно говоря, цветная металлургия, базирующаяся на разработке богатейших месторождений полиметаллических руд, и колоссальные гидротехнические ресурсы Иртыша и его притоков — вот те два главных кита, на которых держится здесь вся экономика. А «над ними» или «для них» сложились машиностроение, химическая про-

мышленность, мощная строительная индустрия. На дешевой электрической энергии, которую иртышские гидростанции дают в избытке, ныне ускоренными темпами развиваются прежде всего энергоемкие отрасли химической промышленности и цветной металлургии.

Электричество добывает сегодня руду, выплавляет свинец и цинк, оно стало добрым помощником хлебороба и животновода в колхозах и совхозах Прииртышья. И не только их: с пуском последнего агрегата Бухтарминской ГЭС значительно увеличится количество электроэнергии, которое будут получать жители Восточного Казахстана.

ФЛАГМАН ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Когда подъезжаешь поздним вечером к Усть-Каменогорску со стороны Серебрянска, то справа от дороги видишь яркие в несколько рядов огни титано-магниевого комбината. Он похож на гигантский корабль, бесшумно плывущий в темноте. Лишь тускло поблескивает сложное сплетение конструкций, да чуть слышно дыхание нагревательных печей. Это возникает одно из крупнейших предприятий Восточного Казахстана, где рождаются сегодня космические металлы — титан и магний.

По старой памяти усть-каменогорцы называют этот район Согрой. Согра — болотистая местность, поросшая редким кустарником. От нее и получила имя пригородная деревня, каких еще немало на Алтае. Многоэтажные громады жилых и производственных корпусов зажали со всех сторон потемневшие от времени домишки под тесовыми крышами, со скрипучими колодезными журавлями и тяжелыми шапками подсолнухов в тесных двориках.

Еще каких-нибудь тридцать лет назад и Усть-Каменогорск мало чем отличался от Согры: те же неказистые домишки, тонувшие зимой в сугробах, и запах кизячного дыма на пустынных улицах. Типичный уездный городишко, в котором жизнь просыпалась лишь тогда, когда к пристани приходил пароход. Где-то далеко, у Семипалатинска, обрывалась железная дорога, построенная в 1916 году. Справочник того времени говорит: «Из больших зданий можно назвать городское трехклассное училище». В городе было два мыловаренных заводика да шесть кожевенных. «Недавно, — сообщает в том же справочнике, — усилиями местной интеллигенции открыт народный дом с читальней». А вся интеллигенция Усть-Каменогорска состояла из нескольких учителей, двух медицинских врачей и одного ветеринарного.

Не без злой иронии, конечно, обыватели называли свой сонный и пыльный город Грусть-Каменогорском. Рос он медленно, не отступая далеко от крепости с невысокими земляными валами, заложенной петровским майором Лихаревым.

В книге американского журналиста Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка», которая вышла в России в начале XX столетия, находим также строки об Усть-Каменогорске: «Это небольшой городок, всего с 5000 населения, состоящий из 600—800 домов, по большей части деревянных, расположенный на безлесной равнине на правом берегу Иртыша, как раз при впадении в него притока его, Ульбы. В городе есть две-три русских церкви с ярко-цветными куполами, две-три татарских мечети, острог, с четырех сторон обнесенный высоким земляным валом и высохшим рвом, церковь и несколько казенных зданий. Мечети, муллы в белых тюрбанах, конные киргизы в остроконечных шапках, утром и вечером заунывный крик муэдзинов, вереницы верблюдов, медленно и торжественно шагающих по улицам с грузом, принесенным из киргизских степей. Все это придает городу тот же восточный вид, как и в Семипалатинске: кажется, будто находишься в Северной Африке или Средней Азии, а не в Сибири».

К началу XX века Усть-Каменогорск становится центром золотой промышленности Рудного Алтая. Не призрачное Беловодье, а уже вполне реальный звон золота влечет сюда охотников до легкого, угарного счастья. Город ликорадит. Поспешно открываются новые магазины, строятся Верхняя пристань и специальная рудовозная дорога. За низкими крепостными валами вырастает слобода, густо населенная пришлым людом. И ныне еще в старой части города можно увидеть бревенчатые дома, рубленные в «лапу», с маленькими оконцами и глухими ставнями. Но не они определяют облик современного Усть-Каменогорска — города металлургов, машиностроителей, энергетиков и химиков. О нем не скажешь — провинция. Берите выше — крупный промышленный центр, где ощущаешь биение пульса многотрудной и сложной жизни.

С моста, переброшенного через Ульбу, по которому звеня бегут трамваи и сплошным потоком текут машины, видны широкие, светлые кварталы жилых домов, набережные, одетые в цветы и зелень. Дворцу культуры из стекла и бетона может позавидовать даже столица.

Усть-Каменогорск — крупный центр технической и научной мысли. Здесь в лабораториях Всесоюзного научно-исследовательского института цветных металлов (ВНИИЦветмет) и в цехах свинцово-цинкового комбината имени В. И. Ленина разрабатывают

ся, проверяются жизнью технологические схемы и процессы, способствующие значительному увеличению производства цветных и редких металлов.

Железнодорожный выход на Казахскую магистраль через станцию Локоть связал город со всей страной; кроме дороги на Лениногорск, от Усть-Каменогорска проложена линия на Зыряновск. К нему сходятся лучи автодорог, он является крупнейшей пристанью на Верхнем Иртыше и центром воздушных трасс, связывающих этот областной город не только с районами Восточного Казахстана, но и с Москвой, Алма-Атой и многими другими городами страны.

В послевоенные годы внешний облик Усть-Каменогорска изменился до неузнаваемости. Город разросся, поглотил бывшие деревни Заульбинку, Защиту, Долгую, размашисто шагнул на левый берег Иртыша. Лишь развалины старой крепости напоминают о прошлом. Да еще в названиях улиц бережно увековечена память о тех, кто боролся на Алтае за Советскую власть, за его будущее.

Улица Якова Ушанова... Первый председатель Усть-Каменогорского совдепа, он был заживо сожжен анненковцами в топке парохода «Монгол».

Улица Павла Бажова... В 1919 году в город, занятый белыми, приехал некто Павел Бахеев — «агент по страхованию скота». Но главным его делом было партийное поручение: сплачивать, организовывать для борьбы в тылу врага разрозненные партизанские отряды Алтая.

После разгрома колчаковцев Бахеев стал одним из организаторов местной газеты. Грамотные люди были тогда в уездном городишке наперечет, поэтому ему приходилось не только редактировать «Известия Усть-Каменогорского Совдепа», но и писать многие статьи, корректировать и верстать номер. Иногда номер газеты задерживался или не выходил совсем. Это означало, что редактор удерживает где-то в боях с белыми бандами...

Только много лет спустя удалось установить, что Бахеев и автор знаменитых «Уральских сказов» Павел Бажов — одно и то же лицо. Именем писателя-большевика названа теперь одна из главных улиц Усть-Каменогорска.

И, конечно же, самая лучшая и самая красивая улица города носит имя Владимира Ильича Ленина. Ее пятиэтажные, сверкающие стеклом громады выросли уже после войны на месте бывших пустырей и приземистых домишек, огороженных кое-где высокими плетнями.

По вечерам высоко над городом, над его улицами и проспектами, площадями и набережными, заводами и фабриками зажигается в

звездном небе профиль Ильича. Он приведет нас на первое в республике предприятие коммунистического труда — Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат имени В. И. Ленина. Это город в городе, где соседствуют рядом металл и цветы. Слева, у самой проходной, пламенеют канны. Чуть подалее, у металлургических цехов, раскрыли нежные лепестки розы, тянутся к солнцу флоксы, весело пестрят анютины глазки и львиный зев.

Неожиданной и радостной кажется тут и встреча с милой нашему сердцу березкой. Чувствует она себя в этом необычном для нее месте, среди пышущих огненным жаром корпусов, превосходно.

Люди, стоящие у плавильных печей, имеющие каждодневное дело со свинцом, цинком, серной кислотой, бережно заботятся о зеленом наряде своего комбината. Их стараниями миллионы однолетних и многолетних цветов неузнаваемо преобразили обширную территорию предприятия, ими создан свой ботанический сад.

Да, ботанический сад на свинцово-цинковом комбинате, в котором собраны «уроженцы» четырех континентов, где можно встретить и европейскую липу и манчжурский орех. И все это не только высокая культура производства, как принято у нас говорить. Это нечто большее, возвышенное — это любовь к прекрасному. Это то, без чего мы не мыслим человека будущего — нашего завтра. Впрочем, почему «завтра»? Многотысячный коллектив комбината, носящего имя великого Ленина, уже работает на коммунизм, живет им. Его характерные черты зримо проявляются на предприятии в борьбе за высокую производительность труда, за технический прогресс.

И тут вполне уместным будет рассказ о лауреате Ленинской премии, талантливом рабочем-изобретателе Иване Ивановиче Котове. В содружестве с коллективом своего цеха он создал автоматическую машину разлива цинка. Тот, кто хотя бы мало-мальски знаком с производством, знает, какой это нелегкий труд. Расплавленный цинк разливался вручную чугунную ложку. Веса же эта «ложка» со всем хозяйством триста килограммов. Надо быть Геркулесом, чтобы запросто управляться с ней.

После долгих исканий, изведав горечь многих неудач и поражений, Котов предложил оригинальную конструкцию автоматической разливочной машины. В день ее успешного испытания электролитики торжественно, под веселые возгласы, разбили тяжелой кувал-

Свинцово-цинковый гигант на
Иртыше.
В пролете плавильного цеха.

дой во дворе комбината чугунную ложку. Теперь она была не нужна. Машина стала сама разливать цинк. Скрупулезно, с аптекарской точностью...

Котовская машина побывала на многих промышленных выставках в Париже, Брюсселе, Лейпциге и Турине... В Москве ее с интересом осматривал министр вооруженных сил революционной Кубы Рауль Кастро.

— Рабочий-изобретатель, — восхищенно заметил он, — одно из чудес вашей замечательной страны. У себя на Кубе я обязательно расскажу об этом.

Машина Котова стала лишь первым, хотя и очень важным, звеном в работе над созданием на комбинате единой поточной линии плавки и розлива цинка. Сейчас тут действуют несколько таких линий; листы катодного цинка автоматически загружаются в печь, также автоматически расплавленный металл поступает в изложницы, а специальный штабелеукладчик подхватывает готовые чушки и нагружает их в автокар.

Все бесшумно, быстро, удивительно точно.

Степень механизации в цехах комбината уже превысила девяносто процентов.

Усть-каменогорские металлурги могут гордиться тем, что по таким важным в цветной металлургии процессам, как обжиг цинковых концентратов в кипящем слое, как применение кислорода в шахтной плавке свинца и ряду других, не менее важных, они давно уже опередили Америку. Некоторые технологические процессы в цехах управляются через телевизионные установки.

Над каждым новым изобретением или усовершенствованием, облегчающем труд, на комбинате работают не один, не два человека, а несколько инициативных групп: инженеры, рабочие, ученые. Так направляется поиск и мысль, эти поистине неиссякаемые, вечно живые и беспокойные родники, где слились воедино труд и творчество!

Почти на год раньше усть-каменогорские металлурги выполнили задание семилетки по выпуску валовой продукции. Только за один год они сэкономили одиннадцать миллионов киловатт-часов электроэнергии, а прибыли комбината за шесть лет работы составили почти астрономическую цифру. Это значит, что только за семилетку полностью оправдано строительство и оснащение «флагмана цветной металлургии страны», как называют свинцово-цинковый комбинат имени В. И. Ленина. По комплексности производства он не имеет себе равных на всем Евразийском континенте. Из сложного полиметаллического сырья здесь извлекается шестнадцать метал-

лов: свинец и цинк, медь и золото, серебро и кадмий, таллий и теллур.

Сколько же, спрашивается, нужно добыть руды, чтобы выплавить тонну металла? Очень много. В рудах Восточного Казахстана содержатся и такие важные для народного хозяйства химические элементы, для получения всего лишь одного килограмма которых приходится перерабатывать чуть ли не целый эшелон руды. Поэтому важно, что на комбинате научились извлекать металл не только в основных металлургических агрегатах, но из пылей и газов, а также из шлаков, образующихся при переработке сырья.

В новом пятилетии предприятию предоставлено особое право ставить на своей продукции знак качества. Это значит, что по чистоте она соответствует лучшим отечественным и зарубежным стандартам. Более двадцати стран мира покупают сегодня серебристые слитки металла с маркой УКСЦК.

Один из первых рабочих комбината Герой Социалистического Труда Василий Дмитриевич Дегтярев рассказывает:

— Двадцать лет назад пришел я в солдатской шинели строить цинковый завод. Мать не отпускала меня, говорила, что лучше бы занимался привычным делом, пахал землю. Я до сих пор люблю землю, но всем, что есть у меня дорогого в жизни, обязан комбинату, рабочему коллективу. Он открыл мне глаза на многое, научил искать и видеть в обыденном большое и уважать людей.

Каждый год в наши цехи приходит новое пополнение. Сейчас это в основном юноши и девушки со средним и высшим образованием. Им многое дано, они многое знают. И я считаю своим долгом коммуниста и старого рабочего, обязанностью всех моих товарищей научить молодых уважать наши традиции. Поиск нового, чувство личной ответственности за общее дело — вот те главные качества, которые мы должны воспитывать в нашей смене.

Каждый день рано утром, уходя на работу, Дегтярев видит высоко над землей сияющий огнями силуэт Ильича. И тысячи людей большого города, отправляясь в цехи, на стройки, тоже видят его. Ленин стал для них символом веры в будущее, которое советские люди создают своим трудом.

ИМЕНЕМ ЖИЗНИ

Горы и лес... Лес и горы.

Поезд то гулко постукивает в узком каменном коридоре (из окна вагона не видно даже клочка неба), то неторопливо, словно доволь-

ный, что наконец-то вырвался на простор, бежит берегом Ульбы. И вот он, Лениногорск. Младший брат Ленинграда — великого города на далекой Неве... Вся судьба города на Рудном Алтае тесно связана с Лениным.

Когда агенты Лесли Уркварта затопили шахты, вывезли или уничтожили все ценное оборудование, когда, казалось, старому Риддеру уже не подняться, рабочие обратились с письмом в Москву, к В. И. Ленину.

«...Клянемся своими рабочими жизнями, — писали они, — что мы отдадим все, что есть, наши жизни для борьбы с хозяйственной разрухой. Мы клянемся, что мы, рабочие, восстановим все Риддерские рудники, фабрики и заводы.

Именем жизни, существования рабочих (зовем) всю трудящуюся Россию на борьбу с нашей экономической разрухой».

В старом Риддере все еще существовали Кабацкая и Палочная улицы, названия которых несли в себе унижение и горькую долю простого народа в недавнем прошлом. На каждый вложенный в риддерское дело рубль Уркварт получал двести пятьдесят рублей чистой прибыли. А горняки?

Перед нами документ, помеченный 1920 годом. Это заявка на одежду, направленная в Сибсовнархоз из Риддера. В ней запрашивалось по 12 аршин мануфактуры в год на человека, чтобы дать возможность рабочим шить себе хотя бы по одному верхнему платью (рубашку и штаны) и по одной паре белья.

«Все рабочее население, — говорилось в заявке, — и их семьи совершенно оборвались и обносились...»

Примерно в это же время Уркварт прислал из Лондона щедрые подарки, деньги и одежду тем, кто еще пытался саботировать восстановление Риддера, старался задушить голодом истинных хозяев рудников. Бывший их владелец не оставлял еще надежды вернуться на Рудный Алтай, чтобы снова беспрепятственно расхищать чужое богатство.

«Пролетариату Риддера, — писал Уркварт Ленину, — и за 50 лет не освоить уникального месторождения цветных металлов».

Уркварт почти не сомневался, что молодая Советская власть, которая вела трудную борьбу с контрреволюцией, голодом и разрухой, вынуждена будет пойти на сделку с ним.

После смены.
Лениногорский свинцово-цинковый комбинат.

Владимир Ильич пристально следил за положением на Рудном Алтае. Неоднократно он беседовал по этому вопросу с работниками ВСНХ и Госплана, внимательно изучал проект договора с Урквартом, лично занимался подбором дельных и знающих людей в комиссию по обследованию Риддера.

Комиссия выехала с мандатом, написанным ленинской рукой. Всем партийным товарищам Сибири, Урала и Казахстана предлагалось оказывать ей всяческое содействие. «Дело имеет громадную государственную и общесоюзную важность», — подчеркивал Ленин.

Только в феврале 1922 года после тщательного изучения положений дел на месте комиссия сумела представить Ленину свой доклад. Узнав, что комиссия уже возвратилась, Владимир Ильич в тот же день написал управляющему делами СНК:

«Доставьте от председателя ездившей комиссии отчет к завтрашнему дню размером ни в коем случае не более двух страниц. Боюсь, что у нас, как водится, отчет представляет из себя целый том, которого никто читать не будет».

Через четыре дня после того, как были представлены выводы, он снова пишет управляющему делами СНК:

«Оба итога составлены скверно. Не умеют отделить технику от экономики, выводы от условий».

И дальше следуют предложения. По-ленински предельно четкие и деловые.

Борьба за Риддер обостряется. Вопреки тщетным усилиям Троцкого Владимир Ильич решительно выступает против сдачи рудников в концессию. В кремлевском кабинете на письменном столе рядом с проектом договора лежит послание горняков: «Именем жизни...»

Два документа — два мира: мир хищного стяжательства, где все продается, покупается, и новый мир, идущий ему на смену, где нет угнетения, эксплуатации человека человеком.

Новый мир побеждает. 7 октября 1922 года по инициативе В. И. Ленина Совет Народных Комиссаров категорически отклонил наглую просьбу Уркварта.

В речи на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 года (мы знаем — это было последнее выступление Ленина) Владимир Ильич, касаясь переговоров с Урквартом, сказал, что отклонение кабального договора выразило не только общепартийное, но и общенародное настроение, настроение всей рабочей и крестьянской массы.

Во имя новой жизни, во имя будущего поднялся, расправив плечи, социалистический город на Рудном Алтае — Лениногорск.

Президиум Верховного Совета СССР выразил волю народа, пошел навстречу единодушному пожеланию горняков и металлургов, переименовав 6 февраля 1941 года старый Риддер в город Лениногорск. Город стоит как памятник великому вождю революции в самом сердце Каменных гор. И в имени своем, и в трудовых делах увековечил он память о родном Ильиче.

Многое из того прогрессивного и нового, что внедрено или внедряется на горнорудных предприятиях страны, рождалось, получило боевое крещение, путевку в жизнь здесь, в Лениногорске. Большой группе новаторов и ученых присвоено почетное звание лауреатов Ленинской премии за разработку и внедрение системы принудительного блокового обрушения на рудниках комбината. Представьте себе глыбу руды — блок весом в сотни тысяч тонн. Разработка ее обычным способом (по старой технологии) требует больших затрат на выемку и закладку камер, на уборку и доставку руды, на крепление.

По новой системе блок руды на всю высоту разбуривают вертикальными скважинами, куда закладывают взрывчатые вещества. Легкий нажим кнопки — и блок обрушивается, дробясь на мелкие куски. Через заранее подготовленные выпускные воронки руда выдается прямо к железнодорожным вагонам.

Блоковое обрушение позволило довести степень механизации до 97—98 процентов, а производительность труда лениногорских горняков возросла в четыре раза.

Лицо нынешнего Лениногорска — это проспект Ленина, улица Кирова. Многоэтажные дома не дают, а своими светлорадостными тонами придают улице праздничный вид. На месте, где прежде стоял кабак, теперь фабрика-кухня. Дом, где жил управляющий Уркварта, занят под детский сад.

Весна... Тысячи маленьких солнц дробятся в еще не просохших лужицах. Молодые березы в сквере уже выбросили клейкие листики, они трепещут на свежем ветру, как маленькие зеленые флажки. По проспекту, то затихая, то нарастая с новой силой, звучит неумирающая Патетическая соната Бетховена.

— Валентина Николаевна музицирует, — говорит кто-то из прохожих.

Инженер Валентина Николаевна Вулис вместе с группой новаторов и ученых была удостоена Ленинской премии за новый эффективный способ отбойки руды. Творческие поиски начались еще в дни войны. Все взрывники ушли на фронт, и Валентине Николаевне вместе с другими инженерами приходилось вставать к перфоратору,

бурить забои, рвать руду, а для этого надо было перетаскать на своих плечах десятки килограммов взрывчатки.

...Гремит, торжествует, тревожит Патетическая соната.

По проспекту промчалась голубая «Волга». Это проехал на смену Плотников — бригадир проходчиков, Герой Социалистического Труда. В Лениногорске Бориса Плотникова знают хорошо. О нем говорят: «Этот берет не числом, а умением».

Каких-нибудь четыре года назад в бригаде Плотникова было 20 человек, сейчас только 11, но выполняют они за счет взаимозаменяемости (каждый владеет несколькими горняцкими профессиями) тот же объем работ, что и раньше. Одной из первых в Лениногорске эта бригада завоевала право называться коммунистической.

С развернутым знаменем, с первыми весенними цветами шагает по проспекту пионерский отряд. Словно языки пламени, горят на солнце красные галстуки.

— Куда?

— К Ленину!

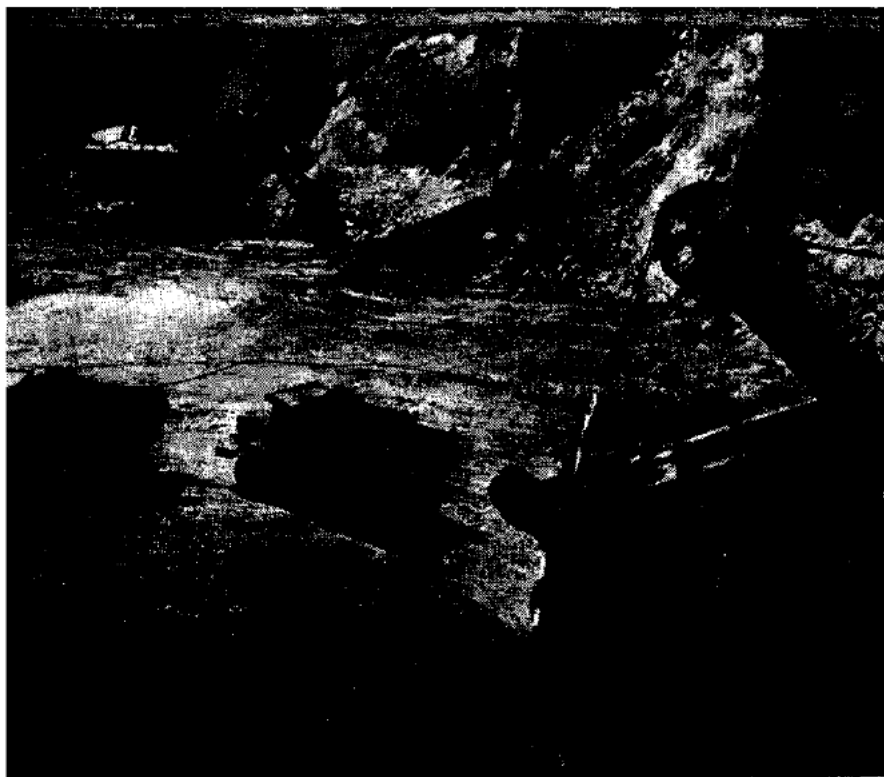
В самом центре проспекта, как раз напротив Дворца культуры, стоит памятник В. И. Ленину. Каждый год в ленинские дни здесь происходит торжественная церемония приема в пионеры, и старые коммунисты рассказывают притихшей детворе, как надо жить, бороться и побеждать по Ильичу.

А прямо над памятником, на пологом склоне, разбит молодой парк. Зеленеют крохотные сосенки, шумят листвою упругие тополя, тянется к солнцу малахитовая трава.

В наши дни Лениногорский рудник уже принадлежит к разряду почтенных, хорошо поработавших на своем веку «старичков». В Восточном Казахстане есть немало полиметаллических предприятий моложе, а главное — богаче и своими запасами и содержанием металлов в рудах. Недавно Лениногорский полиметаллический комбинат получил новую, исключительно перспективную сырьевую базу. Неподалеку от старого рудника, на опушке соснового бора, разведано богатейшее Тишинское месторождение.

Удивительно точные, сразу запоминающиеся названия носят в этих таежных краях немногие населенные пункты: Громотуха, Черемшанка, Хариузовка, Тишинка... Слышится в них задумчивый шум соснового бора, торопливый говор студеных рек и речушек, чувствуешь всем своим существом медовые запахи богатого алтайского разнотравья.

Ну а Тишинка, конечно, от слов «тишина», «тишь». Испокон веков звали так и речку в отлогих берегах, и деревушку в десятке-другой бревенчатых домов, рубленных на совесть. Казалось бы,

Вскрышные работы на Ново-Николаевском
меднорудном месторождении.

стоять им и стоять так целый век, смотреть на мир, на все это великолепие равнодушно-спокойными глазницами окон. Да только вышло иначе, по-другому, как не снилось и дедам и прадедам, искавшим в незапамятные времена по таежным кручам дивно сказочную страну Беловодье.

День и ночь звенят окна в бревенчатых избах от басовитого рева, от гулких взрывов, сотрясающих до основания безымянную сопку. Именно в ней и были надежно запрятаны от человеческого глаза несметные богатства, позволившие заявить геологам, что Тишинка — это жемчужина Восточного Казахстана.

Горняки и металлурги говорят по этому поводу более определенно: Тишинка — завтрашний день Лениногорского полиметаллического комбината, его блестящее будущее. Причем будущее не столь уж отдаленное. По содержанию металлов руды нового месторождения куда богаче тех, что перерабатываются сейчас на комбинате.

Лето 1962 года стало годом рождения Тишинского рудника. Больше четырех лет снимали горняки с Тишинки тяжелую каменную «шапку» — толстый слой пустой породы, под которым укрывалась богатейшая руда, содержащая свинец, цинк и другие цветные и редкие металлы.

Несколько миллионов тонн весила «шапка». Теперь она снята. Тишинская руда пошла на заводы. Первую «порцию» ее получил в дни работы XXIII съезда КПСС Лениногорский цинковый завод. В директивах по пятилетнему плану, там, где речь идет о вводе в строй действующих предприятий, он стоит рядом, строка в строку с Тишинкой.

К северу от Лениногорска, в предгорьях Алтая, строится Николаевский рудник. Это то зерно, из которого разовьется впоследствии медно-химический комбинат — новый индустриальный центр Восточного Казахстана. Со временем он будет одним из самых высокорентабельных предприятий. Ежегодно он будет давать десятки миллионов рублей чистой прибыли. Все затраты на его сооружение возвратятся государству меньше чем за три года. Стержнем комбината станет медеплавильный и медеелектролитный завод, начало сооружения которого также предусмотрено Директивами XXIII съезда партии на пятилетку. И первый росток всему — Николаевский открытый рудник.

Редкая гора в здешних местах не связана с легендой. У Николаевки сама история рудника — ожившая полуполюгенда.

Как-то на одном из уступов экскаватор стал неожиданно проседать. Оказывается, под ним обрушились старые выработки. Так и произошла встреча двух веков: в ковш, вынувший в 1965 году миллион «кубиков» породы, попали ручные носилки, нехитрый горняцкий инструмент.

В конце XVIII века Николаевское месторождение было брошено из-за частых подземных пожаров. Виной всему необыкновенно высокое содержание серы. В этом смысле николаевская руда — своеобразный рекордсмен. Но настоящая ее слава — медь, цинк, свинец, благородные и редкие металлы. Только в наше время геологами открыт глубоко под наносными породами главный клад Николаевки, лежавший нетронутым веками. Он будет добыт открытым

способом. А вчерашний враг — сера — обернется дешевым сырьем для производства серной кислоты.

Так в блистательном созвездии цветной металлургии Восточного Казахстана появится еще одна жемчужина, краше прежних.

ЗЫРЯНОВСКАЯ МАРКА

Соедините на карте прямыми линиями Усть-Каменогорск, Зыряновск, Лениногорск и вы получите правильный треугольник. Большую часть его занимает лесистый Ивановский хребт и порожистые горные реки Вухтарма, Малая Ульба, Громотуха, прорезавшие голубыми артериями этот зеленый треугольник. Здесь и находится старейший горнорудный район Южного Алтая, вокруг которого на протяжении почти двух столетий складывалась промышленность Восточного Казахстана с ее важнейшей отраслью — цветной металлургией.

Напомним некоторые даты и связанные с ними события. Весной 1786 года «приисканием разного рода камней, а также описанием мест по рекам Убе и Ульбе и впадающим в оные речкам» занимался молодой горный инженер Филипп Риддер. Результаты его поисков, как мы уже знаем, превзошли все ожидания. В том же счастливым году у подножия Ивановского хребта был основан рудник, а в начале прошлого столетия уже несколько алтайских заводов плавляли свинец, золото и серебро Риддерского месторождения. С превеликим трудом руда доставлялась через крутые перевалы, глубокие ущелья и быстрые реки. Бездорожье серьезно сдерживало развитие рудного промысла на Алтае. Один из первых исследователей этих мест поручик Гейзер докладывал Екатерине II:

«Воочию предвидится оный край богатствами весьма довольный: зверем, лесом, реками, пашнями, горами, в коих рудам надлежит быть. Без дорожнего же квалитету, тележного и трахтового, пользоваться сей край сил не имеется... Оным же квалитетом край не похвален».

Да какой там «квалитет», если двести дней в году некоторые глубинные районы Южного Алтая были совершенно отрезаны от внешнего мира! Вот тогда, наверное, и родилась здесь тоскливая, как сама жизнь, песня:

Мы, бывало, ехать на день собирались,
А бывало, хлебом на год запасались,
А бывало, бабы плакали у хаты:

Что в дорогу собирать их, что в солдаты —
Либо волки загрызут,
Либо бури заметут,
Либо ветры-круговерты
На медведя наметут,
Либо бесы-душеморы
На болота занесут...

Но бездорожье и опасность не могли остановить рудознатцев. Спустя всего лишь пять лет после открытия Риддера слесарный ученик Герасим Зырянов, оставленный Екатериной II на вечное поселение в Алтайских горах, находит на левом берегу Бухтармы, в 65 километрах от Иртыша, еще одно богатейшее месторождение полиметаллических руд. На Алтае еще не было месторождений с таким содержанием серебра! Образованный начальник Колывано-Воскресенских заводов поспешно доносит в Петербург: «Сего 1791 года в мае месяце из находящихся при Бухтарминском руднике служителей слесарный ученик Герасим Зырянов, упражняясь в тамошних окрестностях для пропитания служителей стрельбою зверей по речке Березовке, в расстоянии от Бухтарминского рудника в тридцати трех верстах нашел рудное место, из которого рудные куски мая 28 числа в Локтевский завод доставлены, которые при пробе оказались, что содержат золотистое серебро и свинец».

Осенью 1791 года у подножия «Золотой горки» возник небольшой, всего в несколько бревенчатых домишек, поселок рудокопов. Не пройдет еще и полвека, как известный геолог Лихачев сделает в своем дневнике такую, весьма знаменательную, запись: «Зыряновский рудник становится прекрасным цветком в блестящем венце Алтая. Это восходящее светило, которое готовится затмить угасающую звезду Змеева рудника, сияние которой, когда-то такое живое, не сверкает более сегодня так, как в прошлом столетии».

Истинная же трудовая слава пришла к руднику, открытому Зыряновым, лишь в наше время. Вряд ли думал он, страдая от беспросветной нужды и чахотки, что в таежной глухомани поднимется большой город, нареченный его именем — именем слесарного ученика! Сегодня его имя и дату открытия месторождения можно прочесть у входа на рудник, а чуть подалее, в глубине, горят красные буквы: «Рудник коммунистического труда».

Надписи эти символичны — между ними легла целая эпоха, вместившая чуть ли не всю историю развития горнорудной промышленности Восточного Казахстана.

У Зыряновского рудника много общего со старым Риддером. И здесь и там безраздельно хозяйничали иностранные концессионе-

ры, снимавшие с богатейших руд только «пенки». Все остальное шло в отвалы. Между прочим, их переработка продолжается до сих пор.

Риддеру, правда, повезло в том отношении, что незадолго до Октябрьской революции узкая колея связала рудник с Усть-Каме-ногорском, тогда как его младший брат все еще жил, задыхаясь от бездорожья. Цинковые и свинцовые концентраты, запакованные в мешки, отправлялись за сто с лишним верст в Риддер и на соседние алтайские заводы.

На сотни километров протянулись подземные выработки современного Зыряновска. По бесконечным ярко освещенным улицам-штрекам бесшумно мчатся составы, груженные рудой.

По узким уступам гигантской чаши-карьера лепятся мощные экскаваторы. Они черпают руду прямо с открытой поверхности. Каждая «ложка» — пятьдесят кубов горной массы. По спирали вверх и вниз непрерывно снуют автомашины.

С каждым годом в Зыряновске осваивается все больше и больше рудоносных площадей. Горняки и обогатители смело, с широким размахом применяют автоматику, механизмируют производственные процессы. По темпам роста производительности труда на горнорудных работах зыряновцы занимают первое место в стране.

В формулярном списке Герасима Зырянова указано: «Российской грамоте не разумеет». Первооткрыватель рудника так и умер, не зная ни одной буквы. Ему даже начальное образование было не по карману.

Горняки и обогатители Зыряновска — это прежде всего образованные, совершенствующие и свои знания и свое профессиональное мастерство люди. Помимо учебного комбината, здесь действуют конструкторские бюро и группы экономического анализа, советы новаторов и университеты технического прогресса. Все — на общественных началах. Неустанно работает, прокладывает путь в неизвестное, ищет беспокойная творческая мысль. Каждый пятый человек на свинцовом комбинате, объединяющем целый комплекс горнорудных предприятий, — рационализатор.

Зыряновцы одними из первых возглавили в Восточном Казахстане движение за совмещение профессий. Теперь здесь не редкость горняк, имеющий три, а то и четыре специальности! Это позволило создать на рудниках сквозные комплексные бригады.

Как было раньше?

В одной смене, допустим, работало звено бурильщиков, в другой — откатчиков, убравших горную массу, в третьей — крепильщиков, они крепили горные выработки и готовили новые забои

и бурению. При такой организации труда без вспомогательных рабочих не обойтись. Слесари и электрики устанавливали и демонтировали машины. Специальные рабочие настилали и убрали откаточные пути. Были даже сумконосы, доставлявшие в забой взрывчатку. Все они оплачивались повременно и, конечно же, мало интересовались работой проходчиков. Каждый владел лишь одной профессией. Случись пустяковая неполадка в машине, они должны были ждать слесарей и электриков: придут — исправят.

Теперь же не так. Члены сквозных комплексных бригад, овладевшие несколькими смежными профессиями, выполняют работы всего технологического цикла, включая взрывные и электрослесарные. Упразднены профессии сумконосов, мотористов-вентиляционных, машинистов водоотлива, сцепщиков, бункеровщиков, приемщиков-сигналистов... И сразу в два с половиной раза повысилась производительность труда рабочих, значительно лучше стали использоваться горные машины и оборудование, а следовательно, и кривая добычи руды энергично пошла вверх.

Зыряновские обогатители дают стране самый доброкачественный концентрат при самой низкой его себестоимости. Решающее значение в этом принадлежало научной организации труда. Полностью автоматизировано обогащение руд. Без вмешательства человека электронно-числительные машины управляют сложным технологическим процессом. Высокая культура производства, автоматизация и механизация позволили комбинату на десять месяцев раньше срока выполнить семилетний план и дать государству больше десяти миллионов рублей чистой прибыли.

Вот что значит зыряновская марка!

Город русского рудознатца Зырянова, горняков и обогатителей из таежной глухомани шагнул прямо в наш день. Зыряновск теперь «приморский» город. Почти рядом с ним широко разлилось водохранилище, поглотившее устье своенравной Вухтармы. Говорят, что в городе ныне рыбаков не меньше, чем, например, рационализаторов.

Железная дорога связала Зыряновск с областным центром. Поездка по ней запоминается надолго. Рельсы протянуты над такими головокружительными кручами, что только диву даешься, как сумели забраться сюда строители. Поезд медленно, словно наощупь, идет вдоль Иртыша. Слева угрожающе нависают серые и желтые и коричневых подтеках скалы. Справа, у самой насыпи, плещутся прозрачные, обливающие изумрудом воды Иртыша. Волны мягко бьют в просмоленные бока рыбацкой лодки, приткнувшейся к обрывистому берегу.

Поезд подолгу стоит на крошечных, в два-три домика станциях. У них какие-то ласковые названия: Черемшанка, Смоленка... Кажется, что жизнь здесь идет также неторопливо, как и поезд, но только глянешь в окно и сразу убедишься, что это далеко не так. Из почтового вагона выгружают тюки газет и жестяные коробки с кинолентой, а по обе стороны полотна протянулись штабеля леса и оранжевого кирпича. Здесь теперь за каждой горой рудник. Недаром и места эти зовутся Рудным Алтаем.

ВНИЗ ПО ИРТЫШУ

И снова нас встречает крутой волной Иртыш — «беглец зеленоводый». Простившись с Усть-Каменогорском, мы поплывем теперь по реке в Семипалатинск.

Усть-Каменогорск вполне оправдывает свое название. Именно здесь лежит устье Каменных гор. Дальше на запад Иртыш течет уже по более широкой долине, с правой стороны его лежат невысокие округлые горы, покрытые лесом, с левой, более низменной, сияет на горизонте узкая гряда казахского мелкосопочника. Но берега еще довольно высоки и обрывисты, а местами в воду опускаются острые, как лезвия ножей, скалы. Кипящие стремнины, бомы и шивера требуют особого внимания от капитанов и лоцманов.

Первая остановка на нашем пути — пристань Глубокое. С палубы теплохода еще издалека видны кирпичные трубы, поднимающиеся над зелеными сопками. Это своеобразные ориентиры. Они указывают — близко старейший в Казахстане Иртышский медеплавильный завод. Действует он со времен английских концессий, претерпев на своем долгом веку целый ряд усовершенствований и реконструкций. Вряд ли бывшие хозяева узнали бы сейчас в современном предприятии, оснащенном новой техникой, свой кустарный завод-карлик. Здесь в тесном содружестве с учеными ВНИИ Цветмета создана чудо-печь, которую с нетерпением ждали металлурги страны.

Темно-серые дымящиеся отвалы шлака — неотъемлемая часть пейзажа рабочего поселка, подобного Глубокому. Чем старше завод и поселок, тем выше отвалы. В Глубоком они достигли исполинских размеров, подступают, отравляя воздух, к жилым кварталам. Приходится вывозить шлак далеко за поселок, но это все равно что вычерпывать ложкой Иртыш.

Между тем горы-исполины в полном смысле этого слова — «волотые горы». Шлаки одного лишь Иртышского завода — это сотни и

щей начало в скалах Саура, постро-
станция. Уйдене побежала по труба-
Наступит скоро и черед непокорного
орошения Зайсанской котловины.

В центральной низменной части
сан — единственное проточное озеро
обширную дельту, изрезанную стар-
дает Черный Иртыш, а из озера выте-
Иртыш. Существует предание о том
нимые голодом и нуждой из Китая, и
спасшей их от смерти. Поэтому и
городное озеро. Но есть у Зайсана
нор — Озеро тысячи колоколов. От-
объяснил это писатель Всеволод Ива-
местам»: «Волны бьют в борта с ле-
я наклонюсь к воде, в лицо мне ды-
водорослей. Вода прозрачна так, что
вы видите другую. Волны какие-то
ры меняются перед вами. И вам
озера — старинное и далекое. Озером
оно когда-то. Но только не тысячью,
ет оно среди выжженной степи, на
жизни».

В шелковистом шуме прозрачных
угадываются и новые песни о его не-
няших днях, которые стоят самых
сан в 1950 году и озеро Зайсан пяти-
сравнимы. Как изменилась за эти го-
гурация озера! Зайсан как бы «поп-
Иртышу. Совершенно исчезли откры-
лунной формы. А там, где из озера
залив, поглотивший отроги Курчум-
раздвинув могучие плечи, уже не пе-
а спокойно и величаво течет на северо-
западной оконечностях Зайсана — п-
кас — ушли под воду. С географичес-
селенные пункты, лежавшие по бере-
вые. Рыбачьи сейнеры упрото пока-
там, где еще совсем недавно танулис-

Что же, спрашивается, произошл

Колоссальные запасы гидроэнерг-
ставляют более половины всех гид

Поезд подолгу стоит на крошечных, в два-три домика станциях. У них какие-то ласковые названия: Черемшанка, Смолянка... Кажется, что жизнь здесь идет также неторопливо, как и поезд, но только глянешь в окно и сразу убедишься, что это далеко не так. Из почтового вагона выгружают тюки газет и жестяные коробки с кинолентой, а по обе стороны полотна протянулись штабеля леса и оранжевого кирпича. Здесь теперь за каждой горой рудник. Недаром и места эти зовутся Рудным Алтаем.

ВНИЗ ПО ИРТЫШУ

И снова нас встречает крутой волной Иртыш — «беглец зеленоводый». Простившись с Усть-Каменогорском, мы поплывем теперь по реке в Семипалатинск.

Усть-Каменогорск вполне оправдывает свое название. Именно здесь лежит устье Каменных гор. Дальше на запад Иртыш течет уже по более широкой долине, с правой стороны его лежат невысокие округлые горы, покрытые лесом, с левой, более низменной, сияет на горизонте узкая гряда казахского мелкосопочника. Но берега еще довольно высоки и обрывисты, а местами в воду опускаются острые, как лезвия ножей, скалы. Кипящие стремнины, бомы и шивера требуют особого внимания от капитанов и лоцманов.

Первая остановка на нашем пути — пристань Глубокое. С палубы теплохода еще издалека видны кирпичные трубы, поднимающиеся над зелеными сопками. Это своеобразные ориентиры. Они указывают — близко старейший в Казахстане Иртышский медеплавильный завод. Действует он со времен английских концессий, претерпев на своем долгом веку целый ряд усовершенствований и реконструкций. Вряд ли бывшие хозяева узнали бы сейчас в современном предприятии, оснащенном новой техникой, свой кустарный завод-карлик. Здесь в тесном содружестве с учеными ВНИИ Цветмета создана чудо-печь, которую с нетерпением ждали металлурги страны.

Темно-серые дымящиеся отвалы шлака — неотъемлемая часть пейзажа рабочего поселка, подобного Глубокому. Чем старше завод и поселок, тем выше отвалы. В Глубоком они достигли исполинских размеров, подступают, отравляя воздух, к жилым кварталам. Приходится вывозить шлак далеко за поселок, но это все равно что вычерпывать ложкой Иртыш.

Между тем горы-исполины в полном смысле этого слова — «волотые горы». Шлаки одного лишь Иртышского завода — это сотни и

сотни тысяч тонн цинка, свинца, меди, многих редких и благородных металлов. По наличию полезных компонентов они богаче некоторых полиметаллических руд Алтая.

Так зачем же бросать клады на ветер?

Издавна цветные металлы плавилась в ватержакетных или, попросту говоря, шахтных печах. При такой плавке свинец составлял одну технологическую цепочку, медь — другую. Что касается цинка (в концентратах он занимает солидное место), то тот вообще «оставался не у дел» из-за несовершенства технологии и обычно уходил в шлак. Получался какой-то парадокс: чтобы взять один металл, надо было пожертвовать другим, может быть, не менее ценным.

Электротермия — совсем еще молодая ветвь, по существу побег на мощном дереве цветной металлургии — родилась в трудных муках. Смысл ее, конечная цель состоит в том, чтобы, широко применяя кислород и электротермические процессы, получать металл из шлаков.

Первыми электротермическую переработку шлаков освоили усть-каменогорские металлурги. Экономический эффект составил до полутора миллионов рублей в год. Иртышский завод за опыты в области электротермии был удостоен диплома ВДНХ. Тут создана самая мощная и наиболее современная установка по комплексной переработке сырья и отходов производства. Это близкий прообраз целой семьи промышленных установок, которых ждут с таким нетерпением металлурги страны.

Глубокое останется в памяти не только исполинскими отвалами шлака, грохочущими корпусами медеплавильного завода, но и широкими кварталами многоэтажных домов и золотистыми шапками подсолнухов, растущих в близком соседстве с ТЭЦ.

Иртышский завод — крайний форпост Рудного Алтая, выдвинутый к предалтайским степям. Теперь до самого Семипалатинска по обоим берегам Иртыша картина будет почти одна и та же. Холмистые берега и уходящие вдаль колхозные и совхозные поля.

Вот и Старая Шульба — неприметное село, спрятавшееся в гуще топелей. Оно действительно очень старое, едва ли не ровесник Усть-Каменогорску. На высоком яру когда-то давным-давно стояли здесь сторожевая вышка, с которой просматривалась степь, и караульная изба, обнесенная земляным валом. Сегодня Старая Шульба живет будущим. Оно уже шагнуло в тихое село вместе с партиями геологов и гидрологов, топографов и геодезистов. На крутом яру застучали буровые станки. Через несколько лет Старая Шульба уйдет под воду. На ее месте поднимется плотина гидроэлектростанции —

третьей ступени в Иртышском каскаде. Строить ее намечено именно тут потому, что Иртыш с богатырской силой взламывает в районе Старой Шульбы западные отроги Алтая и, напрягаясь, стремительно мчится дальше, сжатый отвесными берегами. Вырвавшись из каменного коридора, он, наконец, смиряет свой бешеный бег, образуя плоские острова — широкие плесы и спокойные заводи.

Через реку будет перекинута земляная плотина высотой в пятьдесят метров и длиной в два километра. Потребуется вынуть, переместить и намыть двадцать пять миллионов кубических метров грунта. За плотиной разольется вытянутое в длину (свыше ста двадцати пяти километров) озеро, которое вместит почти тридцать миллиардов кубических метров воды.

Когда завершится строительство, суда, достигнув Шульбинского гидроузла, войдут в шлюз оригинальной конструкции. Шлюз-лифт. Он будет поднимать и опускать грузовые и пассажирские суда.

Представим, что судно медленно вошло во вместительную чашу и аккуратно закрепились рядом с другим. Бесшумно захлопнулись ворота. Заработали мощные двигатели, и шлюз вместе с судами и водой поехал по рельсам вверх (или вниз). За считанные минуты, а не часы, как на обычном шлюзе, суда перебросят в тот или иной бьеф. Сотни тысяч тонн грузов сразу поднимет или опустит лифт приблизительно на высоту двадцатипятиэтажного дома.

Шульбинская ГЭС не только даст дешевую электроэнергию, улучшит судоходство на реке, но и поможет восстановить продуктивность полей и лугов Прииртышья.

Ниже Семипалатинска Иртыш, пробежав почти половину пути к Оби, выходит на степные просторы, распадаясь на ряд параллельных русел. Они соединены поперечными протоками и образуют тысячи больших и малых островов, заросших кустарниками и луговыми травами. Это и есть Павлодарская пойма — гигантский природный оазис среди соленых степей левого берега и летучих песков правого. Здесь на протяжении более тысячи километров в Иртыш не впадает ни один приток.

Каждую весну по пойме прокатывались мощные паводки. В отдельные годы все острова на несколько месяцев — от апреля до конца июня — скрывались под воду. На лугах ходили метровые жуки. А травы поднимались в рост человека. Пойма давала хозяйствам Павлодарской области до 70 процентов всех грубых кормов. Но в засушливые годы солнце выжигало травы. Приходилось снижать поголовье, а для дойного стада везти корма с юга республики, что обходилось государству и многочисленным хозяйствам в золотую копейку.

Увеличивалась год от года и угроза пыльных бурь, страшных своей разрушительной силой. Вместе с песком и верхним слоем земли улетучиваются азот, фосфор, калий, необходимые для питания культурных растений. В одной только Павлодарской области насчитывается около трех миллионов гектаров почв, подверженных ветровой эрозии, из них один миллион 800 тысяч — пашни.

Цифры, согласитесь, весьма неутешительные. И ведь это не просто цифры, а хлеб, миллионы пудов хлеба, которые павлодарцы недодают стране почти ежегодно.

Бухтарминская ГЭС уже вызвала коренные перемены в облике поймы. Иртыш стал более тихим, послушным, освоенным. Но часть поймы по-прежнему покрыта изрядно поредевшими дикорастущими травами несмотря на то, что тысячи гектаров плодородных земель находятся рядом с водой, пересечены множеством протоков и вполне доступны для орошения. Эти земли можно и нужно распахивать, чтобы получать высокие и устойчивые урожаи кормов, овощей и других сельскохозяйственных культур.

Сейчас каждую весну для затопления части поймы сбрасывается вхолостую четыре миллиарда кубометров воды — миллиард киловатт-часов электроэнергии. Чтобы выработать такое количество энергии на тепловой станции, сжигающей нефть, потребовалось бы 250 тысяч тонн жидкого топлива.

Дорого? Да, очень. Кроме того, «попуски» не могут решить всей проблемы восстановления плодородия поймы. Часть ее не заливается вообще, бывшие луга превращаются в сухую степь, урожаи сена резко падают. Где же выход? Шульбинская гидростанция. Она значительно поднимет уровень Иртыша, адосталь напоят Павлодарскую пойму.

Вода и зеленые насаждения преобразят засушливые степи Прииртышья. Только лес может надежно, как зеленым щитом, прикрыть поля и сады от пыльных бурь, накопить влагу, спасти реки от обмеления и степные озера от полного высыхания. Сглаживая резкие колебания температур, он создает в «зеленых квадратах» свой микроклимат, необходимый для нормального развития культурных растений.

Неподалеку от Старой Шульбы село Жерновка. До революции Жерновка была самым богатым селом в округе с пятью или шестью мельницами, с церковью под железной крышей и пожарной каланчой с медным колоколом. На вагорье, там, где земли были похуже, селились выходцы с Украины. Потому-то это место и называлось «Таврия». Отсюда и начали свою разрушительную опустошающую работу пески.

Постепенно, год от года, они превращали плодородные поля в безжизненную пустыню. «Таврия» нищала.

Возможно, горький опыт и научил кое-чему жерновцев. Но до революции в одиночку им было не под силу бороться с природой, а тем более переделывать ее. Только тогда, когда в селе из разрозненных, маломощных хозяйств был создан крупный колхоз имени Ленина, когда у его руководства встали смекалистые люди с хозяйственной хваткой, дело пошло.

Лес, говорят в народе, начинается с дерева, а полезащитная полоса — с борозды, прорезанной плугом. И еще говорится: лиха беда — начало. За первой полосой на колхозном поле легла вторая, третья... Через несколько лет жерновские земли опоясали зеленые ленты молодых насаждений. В глубоких бороздах, проложенных плугом, весело зашумели свежей листвой азиатский карагач и северная березка, ясень и широколистный клен... Колхозные ребяташки повадились в лесополосы за ягодами и грибами.

Пыльные бури теперь обходят жерновцев стороной. Прекратилась эрозия почвы. Возросли урожаи. В 1961 году на участках, защищенных лесными полосами, колхоз получил в среднем с гектара по 19,7 центнера пшеницы «милитурум», а на открытых полях — по 11,5. Даже в неблагоприятные в погодном отношении годы урожай у жерновцев на семь-восемь центнеров выше, чем у соседей, где по полям еще свободно разгуливает суховей. Но и здесь скоро пыльным бурям будет создан зеленый заслон.

ГОРОД СЕМИ ПАЛАТ

По правому берегу Иртыша тянутся ленточные боры. Красноватые стволы сосен, кажется, горят на солнце. В темной зелени белеют корпуса домов отдыха и пионерских лагерей. К запаху речного ила примешивается смолистый аромат хвои.

Ленточные боры — излюбленное место отдыха семипалатинцев. Тут настоящее раздолье и для грибников, и для любителей ягод, и для рыболовов. Лесные массивы вытягиваются лентами к северу и раскиданы широкой полосой по песчаным грядкам правобережья. Полчаса езды на автомашине по прекрасному асфальтированному шоссе — и вы уже в глубине бора. Автобусная остановка «Лесной кордон» вписана в городскую черту. Еще каких-нибудь полсотни метров — и вас охватывает тишина и покой. Только слышно, как шелестит под ногами сухая хвоя да шумит в вершинах ветер.

На опушке бора видны развалины крепостной стены, полузасыпанные песком. Первый раз Семипалатинск был основан в 1718 году у развалин буддийского монастыря, от которого к тому времени сохранились лишь руины семи каменных зданий. Место было выбрано неудачно: каждую весну Иртыш затоплял низкий берег. В 1778 году пришлось передвинуть крепость на 18 километров вверх по реке, где сходились караванные пути из Монголии в Россию и из Сибири в Среднюю Азию.

От этого Семипалатинска хорошо сохранились крепостные ворота. Рядом с пятиэтажным домом из силикатного кирпича и асфальтом, накатанном до маслянистого блеска, они выглядят неуклюжим анахронизмом. Городская окраина давно уже шагнула от этого места на запад, в сторону Павлодара.

Много перевидали на своем веку каменные крепостные ворота. Позванивая бубенцами, медленно проходили через них караваны, груженные тяжелыми тюками с двухпудовыми плитами чая, со златоткаными, яркими, как перья жар-птицы, платками, кашгарскими шальями и шелками, закупленными в Яркенде.

Золотой верблюд на лазоревом фоне долго украшал герб Семипалатинска, подчеркивая значение города как крупного центра торговли на Иртыше.

Образно говоря, старый, страдавший от натиска песков Семипалатинск, который русские офицеры метко окрестили «чертовой песочницей», был воротами, открывавшими путь к сердцу малонаселенной еще тогда Азии. Поэтому-то и привлекал он к себе внимание выдающихся исследователей и путешественников: Карелина, Семенова-Тян-Шанского, Потанина, Чокана Валиханова и многих других.

В середине прошлого столетия неподалеку от крепостных ворот стояли приземистые казармы Седьмого линейного батальона. Там в помещении первой роты можно было встретить сутулого солдата с землистым, нездоровым лицом. Серая шинель со сборками на спине и красными погонами сидела на нем мешковато. Это был Достоевский. В феврале 1854 года он навсегда оставил ненавистные стены Мертвого дома — Омского каторжного острога — и выехал по этапу в Семипалатинск.

Пять с половиной лет провел Ф. М. Достоевский в Семипалатинске. Здесь зародилась и окрепла дружба великого русского писателя с первым казахским ученым Чоканом Валихановым.

Более столетия прошло с того времени. На берегах Иртыша, на месте древних Семи Палат раскинулся новый Семипалатинск — большой современный город.

Есть в новом Семипалатинске улица Достоевского. Есть библиотека его имени. Помещается она в доме, где в 1854—1855 годах жил писатель. В тесных комнатах на втором этаже, там, где он создавал свои повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково», вынашивал кровью сердца свои каторжные мемуары, всегда многолюдно. Кого только ни встретишь тут: швея фабрики «Большевичка», студент медицинского института, технолог одного из заводов, экскаваторщик. Крут их читательских интересов широк: произведения русской и иностранной литературы, книги по многим отраслям знаний. И конечно же, не залеживаются на полках библиотеки книги Достоевского.

В 1888 году фонд единственной в Семипалатинске гоголевской библиотеки составлял около трехсот томов. Городская дума решила было субсидировать библиотеку, но потом отказалась от дорогостоящей, по мнению гласных, затеи. Сделали проще: увеличили абонентную плату за пользование книгами.

Сейчас только одна областная библиотека имени Гоголя насчитывает свыше двухсот тысяч книг. У нее около двенадцати тысяч читателей. В течение года в библиотеке побывало около 150 тысяч человек — почти все население города! А ведь кроме нее в Семипалатинске еще сорок библиотек. В любой из них хорошая, умная книга нарасхват, на нее записываются в очередь. Тут нет ничего удивительного. Семипалатинск — город студенческой и рабочей молодежи, жадной до знаний. Шесть институтов и четырнадцать техникумов определяют сегодня его интеллектуальное лицо, ставят в ряд крупных культурных и научных центров республики.

В Семипалатинске подолгу жил великий казахский поэт и мыслитель Абай Кунанбаев. На улице Мухтара Ауэзова, которая в те времена была частью Татарской слободы, и сейчас стоит двухэтажный особнячок: несколько довольно тесных комнат, низкие потолки, темные коридорчики. В этом доме часто, особенно зимой, останавливался Абай, приезжавший по своим делам в Семипалатинск из родного аула Жидебай у Чингизских гор. Сейчас тут литературно-мемориальный музей великого казахского поэта.

Вещей, принадлежавших собственно Абаю, в музее мало: седло, широкий ремень, деревянная чаша для кумыса, тегене, две-три фотографии, документ, относящийся к 1878 году с личной надписью поэта на русском языке.

Далеко не совершенные выцветшие фотографии сохранили до наших дней внешний облик Абая. На одной из них, сделанной в 1897 году, он изображен в кругу семьи. На снимке нет лишь старшего и самого любимого сына Абая — Абдрахмана (Абиша), пода-

вавшего большие надежды. Он умер в Верном от чахотки ранней весной 1895 года. Может быть, поэтому так печален и задумчив взгляд великого писателя.

Хранится в музее и единственный прижизненный небольшой портрет Абая. Скромный рисунок лишен той монументальности, с какой изображают Абая некоторые казахстанские художники. Чапак из верблюжьей шерсти, крохотная тибетейка-такля, не скрывающая крупный лоб, делают образ поэта удивительно близким и дорогим. Но глаза из-под широкого полукружья бровей смотрят устало и мудро.

В душу взглядишь глубже, сам с собой побудь:
Я для тебя загадка, а и мой путь.
Знай, потомок, дорогу я для тебя отдал,
Против тысяч сражался — не обессудь.

Портрет написан в 1887 году Петром Лобановским — одним из русских друзей Абая, сосланным за свои политические убеждения. Вокруг казахского поэта объединялся большой кружок прогрессивно настроенной интеллигенции, загнанной в песчаный Семипалатинск хранителями устоев самодержавия. Среди них особенно выделялся незаурядными способностями, ораторским дарованием и силой характера Евгений Петрович Михаэлис. Он был последователем Чернышевского. Его хорошо знал Герцен. Встречи с ним искал Добролюбов. Младшая сестра Михаэлиса Маша — мужественная девушка — не побоялась бросить букет цветов Чернышевскому во время гражданской казни на Мытинской площади хмурым петербургским утром 19 мая 1864 года. Это был прощальный привет учителю от нее и от брата, сосланного в глушь Тобольской губернии. Шесть лет вдали от родного Петербурга, от семьи и друзей. И еще тринадцать. На этот раз в захолустном степном Семипалатинске.

Но ссыльный изгнанник не сломлен духом. Он целиком отдается изучению края и просветительской деятельности. Один перечень того, что сделал Михаэлис за годы, проведенные в Семипалатинске, занял бы немало страниц. Знания этого человека были глубоки и разносторонни. Как геолог Михаэлис хорошо изучил золотоносный Калбинский хребет и высказал предположение о мощных залежах каменного угля в Зайсанской котловине. Как гляциолог он изучает алтайские ледники и открывает в 1871—1872 годах следы оледенения. Как почвовед его тревожит эрозия почвы в Семипалатинском Прииртышье, он предлагает эффективные меры борьбы с летучими песками.

Им же составлена подробная навигационная карта, собраны значительные материалы экономического и географического характера для окончательного решения вопроса о регулярном судоходстве по Верхнему Иртышу. Благодаря стараниям Михаэлиса в Семипалатинске, по-обыкновению скучном и сером, насчитывавшем немногим больше двух тысяч жителей, были открыты краеведческий музей и библиотека, которые стали культурными центрами города.

В библиотеке Михаэлис познакомился с Абаем. Они расстаются после этой памятной встречи друзьями. «Человек, который познакомил меня с произведениями известных русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Салтыкова, Достоевского, Белинского, Добролюбова и Писарева — был Михаэлис, именно он сделал для меня больше, чем родной отец, открыв мне глаза на мир», — признавался Абай.

В одном из героев романа-эпопеи «Абай», в ссыльном Михайлове, легко угадывается образ Михаэлиса. «Каким сильным и смелым должно быть нынешнее поколение народа, — восторженно думает поэт, — в котором так много таких людей, как Михайлов! Какая накоплена в нем сила!»

Лет тридцать назад в Семипалатинске побывал Михаил Иванович Калинин. После осмотра города он сказал, выступая на митинге: «Мне бы хотелось, чтобы вы начали беспощадную борьбу с песками, с пустыней и не только бы приостановили движение песка, но и окружили Семипалатинск зелеными оазисами».

Сейчас Семипалатинск — один из самых зеленых городов республики. Ему, конечно, еще далеко до Алма-Аты, но каждый год на улицах города высаживается около тридцати пяти тысяч деревьев и свыше двухсот тысяч кустарников. Даже в жаркие дни, когда термометр показывает под сорок градусов выше нуля, они отбрасывают прохладную тень. Утром на росных клумбах сверкают, переливаясь всеми цветами радуги, крошечные капельки. Пахнет свежей листвой.

Семипалатинск по праву называют городом легкой и пищевой промышленности. Его удельный вес в общем объеме выпуска товаров народного потребления республики довольно велик — 35 процентов. Здесь самая крупная в Казахстане и полностью механизированная обувная фабрика, швейная фирма «Большевичка» со специализированными производственными потолками, суконый, валяльно-войлочный и трикотажно-прядильный комбинаты.

Полстолетия назад это был дремотный торговый городишко. Ныне это город-труженик. Только за одну рабочую минуту выпускает он теперь около 60 метров ткани, 20 пар обуви, 140 метров

кабельного провода, более 2 тонн цемента, 214 банок мясных консервов и много другой продукции.

Крупный промышленный район сложился на левобережье. Его так и зовут Жана-Семей — Новый Семипалатинск. От Заречной слободы в этой части города остались еще кое-где приземистые, вросшие в землю домишки с торчащими на плоских крышах печными трубами.

Беспросветная нужда была уделом жителей слободы — казахских жетаков и русских рабочих, ютившихся бок о бок. Сейчас же только мясокомбинат имеет свои вечерние школы и ночной санаторий, детские сады и ясли, дом культуры с концертным и лекционным залами, училище профессионально-технического образования и филиал политехнического института, свой спортивный комплекс с лодочной станцией и стадионом. Высоко над другими зданиями города поднимается светло-серая кубическая громадина мясоконсервного комбината — сложное переплетение трубопроводов и электрических сетей, вместилище конвейерных линий и бесчисленного множества машин, подчиненных строгому технологическому процессу.

По переработке мелкого скота и по производству консервов он крупнейший в стране, мощнее родственных предприятий Москвы и Ленинграда.

Жана-Семей связан с центром города широким железобетонным мостом. В его опоры бьется, взметая седые буруны, Иртыш. Полвека назад через реку ходили так называемые паромы-самолеты. Подгоняемые боковым течением, они медленно двигались вдоль стального троса от берега к берегу. У переправы всегда скапливались очереди подвод, крипло кричали верблюды. «Нужда в устройстве моста через Иртыш, — писала местная газета, — не будет парадоксом, если мы скажем, что экономическое процветание Семипалатинска и благоустройство Заречной слободы в значительной мере будет зависеть от устойчивой и удобной мостовой переправы».

Своей добротной прочностью новый мост внушает уважение. Рядом взметнул ажурные полукружия железнодорожный мост. Зеленый тепловоз тащит по нему в сторону Сибири нескончаемый состав. Что он везет? Может быть, семипалатинские деликатесы или изящную обувь, цемент или шифер для строек.

О МЕДОВЫХ РЕКАХ И СОЛНЕЧНОМ ЦВЕТКЕ

...И бегут там в зеленых берегах медовые реки.

Нет, это не сказка. Так можно было бы начать рассказ об одном из крупнейших в мире хозяйств по производству меда — Путинцевском совхозе близ Зырянска. 25 тысяч пчело-семей — почти четверть всего пчелиного хозяйства области. Свыше двухсот пасек. Некоторые из них удалены от центральной усадьбы за добрые двести километров. До поздней осени бушует пестрое разнотравье в этом пчелином царстве, а запахи липы и кипрея кружат голову.

По своему аромату, вкусовым и лечебным качествам горный мед, как утверждают знатоки, не имеет конкурентов. На международном конгрессе пчеловодов он был признан лучшим. Путинцевский совхоз дает половину всего алтайского меда.

Своеобразие природных условий, экономические особенности — все это сказалось и на сельском хозяйстве Восточного Казахстана. Искатели Беловодья — раскольники-старообрядцы — ставили в глухих ущельях Южного Алтая бревенчатые скиты, приручали маралов, разводили пчел. Скоро дорогу в кержацкие скиты узнали китайские купцы. Они ехали сюда за пантами, таившими целебную силу. Платили не торгуясь по двести рублей за пару отростков — деньги по тем временам баснословные.

Зимой по первопутку, чтобы доказать свою верность царскому престолу, староверы снаряжали обозы в Петербург с душистым алтайским медом. Пчелиный домик с золотистым роем стал на долгое время официальным гербом Усть-Каменогорска.

Мало кто сейчас знает, что пионером пчеловодства в обширнейшем Усть-Каменогорском уезде был ссыльный народоволец, сподвижник Веры Фигнер и Степана Халтурина Александр Николаевич Федоров. Вместо непроизводительных колод он впервые предложил рамочные улья. Эти улья, которые стали называться алтайскими, произвели целую революцию в пчеловодном деле на Алтае. За годы, прошедшие с тех пор, они не претерпели особых изменений, а вот размах и масштабы пчеловодства в Восточном Казахстане таковы, что и вовек не снились его зачинателям.

До наших дней в Зайсанской котловине, на склонах Тарбагатай сохранились следы древних горных разработок, развалины крепостей и селений, оросительных каналов. Первые русские рудокопы были одновременно и земледельцами, и животноводцами, и охотниками. Они сеяли пшеницу, просо и ячмень, разводили овец, лошадей и крупный рогатый скот, добывали цветные металлы.

Казахи, обитавшие главным образом в пределах мелкосопочника, занимались кочевым скотоводством. Овцы, крупный рогатый скот и лошади круглый год выпасались на подножном корму.

«Край этот более пастушеский, чем земледельческий,— писал Дж. Кеннан в конце прошлого столетия о Семипалатинской области, включавшей тогда весь Восточный Казахстан и Павлодарское Прииртышье,— из 547 000 его населения 497 000 кочевники, владеющие 111 000 кибиток».

В скитаниях по степи и склонам горных хребтов проходила жизнь казаха. Кочевое хозяйство целиком зависело от стихийных сил природы, особенно зимой, когда после внезапной оттепели снова наступало резкое похолодание и пастбища покрывались ледяной коркой. Ее не могли пробить даже крепкие копыта лошадей. Джут нес гибель не только кочевым стадам, но и людям, для которых скот был единственной опорой жизни.

В той же книге «Сибирь и ссылка» Кеннан рассказывает о встрече в степях Прииртышья с кочевым аулом. Поодаль от дороги в море желтой травы стояли три-четыре юрты из старого войлока. «Они казались такими же заброшенными и далекими от всего, чем живет цивилизованный мир, как если бы это были утлые кожаные рыбацьи челны, носимые волнами по пустыне вод Тихого океана».

Почти 70 процентов земельных угодий Восточного Казахстана и сейчас занимают пастбища. Особенно богато ими степное левобережье, где содержится свыше трех миллионов голов овец, крупного рогатого скота и лошадей. Как и прежде, овцы, а они составляют 75 процентов общего поголовья, выпасаются круглый год. Попробуй заготовить впрок корм для такого стада!

Совхоз «Аркалдинский» в Семипалатинской области имел весной 1966 года почти 76 тысяч овец. Лучшие чабаны вроде Куватай Курмбаевой получают здесь от каждой ста маток по 140—160 агнят.

Повышение продуктивности животноводства находится в прямой зависимости от кормодобывания. Чем прочнее кормовая база, чем меньше угрожает ей степная стихия, тем больше можно получить мяса, молока и шерсти. Ясно, что выпасать скот по старинке, как делалось это сто и двести лет назад в степях Прииртышья, нельзя. И здесь возникли комплексные чабанские бригады, специализированные животноводческие отделения. Чабан стал одновременно и механизатором. Он не только пасет теперь свою отару, но и заготавливает корма, и сеет травы.

Живут чабаны уже не в юртах, а в благоустроенных домах. Радио и электричество вошли в его быт. Как и любой рабочий че-

ловек, чабан имеет выходной день. Он предоставляется всем членам бригады по скользящему графику. У каждого есть время и для отдыха, и для самообразования. В «Аркадинском» работает школа передового опыта. Почти сорок человек — заочники высших и средних учебных заведений. Десяти своим студентам вузов и техникумов совхоз выплачивает стипендию. Только учитесь!

Животноводство мясо-шерстного и мясо-молочного направления — ведущая отрасль сельского хозяйства Восточного Казахстана. С одной стороны, оно «работает» на местную промышленность, поставляя сырье, с другой — дает сельскохозяйственные продукты населению индустриальных центров. Большинство мясо-молочных и свиноводческих хозяйств, как правило, располагается вокруг промышленных городов. Это крупные фабрики по производству молока и мяса.

Значительную долю животноводческой продукции дает Семипалатинская область, но и здесь животноводство удачно сочетается, дополняя друг друга, с зерновым хозяйством.

Взяв хотя бы колхоз «Красные горные орлы», названный так по имени партизанского отряда, боровшегося в горах Тарбагатай за Советскую власть. Из небольших разрозненных и плохо вооруженных групп отряд превратился в грозную силу. В нем было более трех с половиной тысяч бойцов. Рядом с русскими крестьянами самоотверженно сражались и казахская беднота.

Как только гражданская война окончилась и Советская власть укрепилась, партизаны легендарного отряда стали первыми организаторами колхозного строительства в этом районе. В 1930 году мелкие сельскохозяйственные артели и коммуны объединились в колхоз «Красные горные орлы». Ныне он — одно из крупнейших в Казахстане многоотраслевых хозяйств. Высокая культура земледелия позволяет колхозу ежегодно получать и высокие устойчивые урожаи. Особенно хороша тут кукуруза, занявшая прочное место в кормовом балансе.

Оплата труда колхозников находится в прямой зависимости от количества полученной продукции и затрат на ее производство. Регулярно раз в месяц им выплачивается заработная плата, выдаются премии по итогам социалистического соревнования, а в конце хозяйственного года не только начисляется дополнительная оплата, но и производится (пропорционально заработку) распределение прибылей.

Крепкая экономическая основа (в январе 1966 года колхоз имел на счету более миллиона рублей свободных средств) дает возможность вкладывать значительные суммы в капитальное строитель-

во, и в первую очередь культурно-бытовое. Колхоз стал инициатором соревнования за повышение культуры сел своего района. Он взял на себя все расходы по строительству школ, клубов, библиотек, родильных домов и медицинских пунктов в колхозных бригадах.

Еще дальше шагнули соседи семипалатинцев — колхоз имени Калинина Большенарымского района Восточно-Казахстанской области, которым свыше десяти лет руководит бывший метростроевец Н. И. Лозовой. За семилетку калининцы продали государству зерна почти вдвое, молока и мяса — втрое, а шерсти — почти в четыре раза больше, чем за семь (1952—1958) предшествующих лет.

Вот что рассказывает Н. И. Лозовой, которому в 1966 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда:

«Колхоз имеет более тридцати тракторов, свыше двадцати комбайнов, восемнадцать автомашин. Такая техническая оснащенность позволяет нам на всей площади поднимать глубокую раннюю зябь, в лучшие сроки проводить сев.

Мы теперь можем позволить себе «роскошь» — взять на все лето вертолет и использовать его для внесения минеральных удобрений, химической прополки посевов и обработки полей против вредителей растений.

На это расходуются большие средства. Но они окупятся сторицей. В среднем на один гектар колхоз затрачивает ежегодно по 70 рублей, получает от продукции, выращенной на каждом гектаре, по 180—200 рублей дохода».

За последние пять лет основные производственные средства колхоза увеличились в 4,7 раза, а неделимые фонды — в 3,4 раза. Но не только этим примечателен колхоз в селе Солдатово.

С 1955 года здесь введены восьмичасовой рабочий день и шестидневная рабочая неделя. В предвыходные и в предпраздничные дни колхозники работают по шесть часов. Выполнившие установленную норму выработки ежегодно получают оплачиваемый месячный отпуск. Оплачиваются и больничные листы временно утратившим трудоспособность, декретные отпуска женщинам. Престарелым обеспечена пенсия.

В колхозе упразднена должность заведующих фермами, учетчиков, сторожей. Склады не охраняются и не запираются: общественную собственность берегут сами колхозники. С 1959 года калининцы перешли на денежную оплату, а с 1960 года — отказались от получения зерна натурой. Все члены колхоза бесплатно пользуются электроэнергией, радио, кино. За общественное питание в поле, пребывание детей в яслях и детском саду плата вообще не берется».

Так, наверное, и надо агитировать за коммунизм.

Но вернемся к началу нашего рассказа, к медовым рекам Восточного Казахстана. Без подсолнечника — этого солнечного цветка — невозможен нектарно-цветочный конвейер алтайской пчелы. Хорошо потрудившись, десять пчело-семей могут опылить восемь гектаров подсолнечника, да еще собрать с них хороший взятки меда.

Но важно не только это. Подсолнечник — ценная масличная культура. Ежегодно в Казахстане им засевают сто тысяч гектаров, из них львиная доля — 90 тысяч гектаров — падает на Восточный Казахстан и Павлодарское Прииртышье. Передовые хозяйства собирают тут с гектара больше семян, чем на Украине и Кубани, где солнечный цветок давно обжил по-хозяйски обширные поля.

Щедро вознаграждает земля Восточного Казахстана человека за его труд. Не только цветными и редкими металлами, но и пшеничным караваем, и алтайским медом, и зайсанским виноградом, и знаменитыми семипалатинскими арбузами, такими сочными, что, отведав их однажды, вы снова захотите приехать на берега Иртыша. Но если бы нам предложили найти герб или эмблему для тружеников сельского хозяйства Восточного Казахстана, то мы, как и встарь усть-каменогорцы, избрали бы пчелу на фоне солнечного цветка...

ПАВЛОДАР СИТЦЕВЫЙ! ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ!

Чем ближе к Павлодару, тем шире и спокойнее Иртыш. Он неторопливо петляет сейчас в тихих протоках.

Павлодар стал городом раньше, чем его соседи на «Иртышской укрепленной линии» — Семипалатинск и Усть-Каменогорск. В 1861 году станица Коряковская была возведена в ранг уездного города, названного в честь одного из отпрысков Александра II Павлодаром. Несмотря на это «новорожденный» долго почти не рос. Вдоль правого берега стояли вразброс невзрачные бревенчатые дома, питейные заведения, салотопни, лазарет и казачья церковь Фрола и Лавра. Летом из-за мелей паромы до Павлодара не доходили. Огромные склады павлодарской соли, славившейся по всей Сибири, находились в соседней станице Черноярской. Соль высокими светлыми курганами лежала в ожидании погрузки вдоль всего берега. Ее добывали неподалеку от города — на Коряковском озере. Полуголые казахи с разъеденными от едкой рапы ногами рушили

деревянными лопатами твердые слои, отливающие нежно-розовым цветом, и везли соль на верблюдах в Черноярскую.

Ноги бели, юрты круглы.
Черна вода Кара-Коль.
Степь от соли бела.
Соль крутит на губах,
Соль на щеках
Румяны зажгла.
Соль горит на губах,
Вела соль, страшна соль.
Прилипчива, как тоска...

Это строки из поэмы «Соляной бунт» земляка павлодарцев, певца Прииртышского края Павла Васильева, чьи детские и юношеские годы прошли в этом бревенчатом тогда городе. Пригороды, населенные беднотой, носили тут довольно выразительные, говорящие сами за себя прозвища вроде Собачий остров или Гусиный перелет. Чуть ли не каждый год случались пожары. В один из таких пожаров Павлодар выгорел дотла. Остались лишь церковь Фрола и Лавра да купеческие лабазы. Целые улицы отстроились заново. Но жизнь, как и прежде, потекла уныло, однообразно. В «Полном географическом описании нашего отечества», изданном в 1907 году, о Павлодаре сказано коротко: «Общественной жизни, поскольку она выражается в различного рода общественных учреждениях (просветительных, благотворительных, ученых) пока почти нет».

С Павлодаром связано не только имя Павла Васильева, но и начало творческой деятельности другого видного советского писателя — Всеволода Иванова. В его автобиографических романах «Похожения факира» и «Мы идем в Индию» немало страниц посвящено родному городу.

«...Нельзя сказать, что я в течение этих сорока лет так уж и не собрался в Павлодар. Я предчувствовал, что город колоссально изменился, потому что изменилась и выросла вся наша страна. Я несколько раз выезжал в Павлодар и не попадал туда из-за странного психологического миража. Как только я пересекал границу Казахстана, картины родных мест столь отчетливо вставали перед моим воображением, что мне казалось, будто я уже брожу по Павлодару и стоит мне свернуть в переулок, как я выйду к типографии, где работал наборщиком, или упрусь в сельскохозяйственную школу, где вместо катехизиса и церковно-славянского языка я «глотал» Чехова, Горького, Льва Толстого, разбавляя их Фламарионом или Жюлем Верном...»

Поэт видел Павлодар не «старым горбатым городом», а городом в лесах новостроек, в море электрических огней. И он не ошибся. Незадолго до войны здесь построили первый шестнадцатиквартирный дом. Он стал предметом особой гордости павлодарцев. Этот дом упоминался в числе важнейшихстроек Прииртышья на третьем съезде Компартии Казахстана. Появилась тогда и автобусная остановка «Шестнадцатиквартирный». И надо было слышать, как молоденькая кондукторша объявляла ее! С таким пафосом не вещает о запуске в космос очередной ракеты и сам радиобог Левитан!

А несколько лет назад в Павлодаре открылся новый автобусный маршрут с остановкой «Пятиэтажный». И это был уже не один дом, не два, а несколько кварталов! Рядом с первенцем нового Павлодара за эти годы поднялось больше ста многоэтажных домов. Город, имевший какие-нибудь десять лет назад немногим более двухсот тысяч квадратных метров жилья, в 1964 году отметил своеобразный юбилей. Ныне миллион квадратных метров жилой площади сдано в эксплуатацию. Это значит, что на месте старого города Павлодара за десять лет построено четыре таких новых. Каждые два с половиной года — новый город! Население его постепенно увеличится до 500—600 тысяч человек. Это чуть поменьше столицы республики. У павлодарских строителей солидные заказчики: тракторный и алюминиевый заводы, химический комбинат, нефтезавод...

Надо сказать, что павлодарцам вообще повезло. До недавнего времени их город стоял в стороне от железных дорог и был едва заметной точкой на экономической карте страны. В силу своего географического положения он, казалось, не имел обнадеживающих перспектив для быстрого роста.

Но как только Павлодар пересекла трасса Южсиба, его положение резко изменилось. Он стал городом завидного будущего, центром притяжения крупной промышленности. Завтрашний день Павлодара связан с машиностроением, металлургией, химией и энергетикой. Благодаря неиссякаемому источнику воды — Иртышу — в городе размещаются глиноземный и алюминиевый заводы, которые должны бы находиться в Тургае, где есть для этого сырье, топливо, потребители (Урал, Поволжье), но не хватает воды.

Вода, близкое соседство большого угольного бассейна, удобное транспортное положение позволили смело планировать размещение в Павлодаре и химической промышленности.

Павлодар.
На строительстве алюминиевого завода.

1965 года институт выпустил первую группу дипломированных инженеров-машиностроителей и энергетиков по специальностям: автоматизация производственных процессов в машиностроении, двигатели внутреннего сгорания и электрические станции. Ни один из вузов в Казахстане не готовит таких специалистов. Еще одна интересная деталь: первенец тракторостроения Казахстана только рождается, а на базе его уже создан научно-исследовательский институт, который станет крупнейшим научным центром тракторной промышленности Казахстана, Сибири и Алтая.

Когда думаешь о завтрашнем дне Павлодара, невольно вспоминаются стихи Павла Васильева о родном городе, в которых звучит мягкая, плохо скрытая грусть: «Как будто все по-прежнему осталось...» Строки эти написаны давно, когда строился Днепрогэс, прокладывались первые рельсы Турксиба, а сам Павлодар был тихим бревенчатым городком с улицами, густо поросшими черемухой.

С тех пор Павлодар неузнаваемо изменился. Он стал не только индустриальным центром всего Прииртышья, но и театральным, литературным и музыкальным городом. Здесь открыта своя Малая Третьяковка — картинная галерея. Здешний театр, надо сказать, единственный в республике областной театр, который с успехом выступил на самой большой и ответственной сцене страны — Кремлевской. Здесь создан народный хор и даже симфонический оркестр. Тоже первый во всем Прииртышье...

Собственно говоря, на этом можно и закончить наш рассказ о том, как Павлодар бревенчатый, ситцевый стал Павлодаром промышленным, индустриальным.

**ЗЕМЛЯ,
С КОТОРОЙ
СТАРТОВАЛ
«ВОСТОК»**

На расстоянии сорока километров от Павлодара река делает большую излучину, посреди которой раскинулся остров, покрытый густой, сочной зеленью. Он открывается взору неожиданно, когда «Ракета» на быстром ходу вырывается из-за крутого глинистого яра на широкий, спокойный плес. Внезапно раздвинувшиеся берега, мощное, неторопливое течение реки, веселый, озаренный предзакатным солнцем остров создают впечатление необычайной полноводности и силы Иртыша.

Чуть сбавив ход, «Ракета» огибает остров и начинает медленно приближаться к левому берегу, на котором раскинулся город. Это Ермак, город строителей и энергетиков, химиков и металлургов. В предзакатных лучах солнца он весь пронизан сказочными розоватыми отсветами, и высоко вскинутые в предвечернем небе ажурные руки башенных кранов, очертания строящихся зданий необычайных циклопических размеров кажутся вышедшими из древней легенды.

Почти четыре века прошло с тех пор, когда темной августовской ночью в неравном бою с отрядами сибирского хана Кучума «пала грозная в боях» дружина Ермака Тимофеевича, первого землепро-

ходца Сибири, и бурные волны Иртыша навеки сомкнулись над ним. Как рассказывает старинная летопись, о гибели Ермака горевал весь народ, «плакахуся по нем плачем великим зело на много время», ибо был Ермак Тимофеевич «вельми мужествен и разумен, и человекен».

Множество мест на Иртыше связано с жизнью и подвигами Ермака и названо его именем, и трудно определить, где историческая правда уступает место вымыслу, народной мечте и фантазии. Есть в Прииртышье Ермаков курган, под которым будто бы дружина Ермака зарыла несметные сокровища, добытые в боях и походах. Есть Ермаков лог, Ермакова протока, а селений, названных его именем, пожалуй, не менее двадцати.

Близ древнего сибирского города Тары река Вагай впадает в Иртыш двумя рукавами. Здесь-то, как утверждает легенда, и погиб темной августовской ночью 1584 года Ермак Тимофеевич, богатырь земли русской. С тех пор и зовется устье Вагай Ермаковой заводью. В бушующих волнах Иртыша, гласит предание, потонул Ермак, а его тяжелая кольчуга не пошла ко дну. Она поплыла против течения и доплыла до того места, где ныне из зеленоватых вод могучей реки поднимается город юности Ермак, в котором пока еще очень многочисленное население представлено сорока национальностями, а средний возраст жителей не превышает двадцати пяти лет.

Ермаку совсем недавно исполнилось от рождения пять лет, а глянешь на его могучие плечи и невольно скажешь: весь в своего легендарного деда!

Сегодня у города юности как бы два облика, два фасада. Рядом с громадами корпусов строящихся промышленных предприятий и вполне современных многоэтажных домов жмутся друг к другу бревенчатые хатенки с потемневшими от времени стенами, поросшими зелеными кочками мха. Это — молчаливые свидетели прошлого, когда иностранные концессионеры, пытавшиеся хозяйничать в Прииртышье, протянули от Экибастузских копей узкоколейку к Иртышу, а на берегу заложили пристань Воскресенскую, чтобы вниз по реке к Омску для Сибирской железнодорожной магистрали отправлять на баркасах уголь. Пустой оказалась затея! И замшелые бревенчатые хатки на иртышском берегу будто самой историей предназначены для того, чтобы еще ярче подчеркивать величие и размах сегодняшних свершений. Город юности строится, растет в высоту, раздается вширь. Железнодорожная линия уже подошла к станции Ермак. Бетонная автотрасса, рассчитанная на предельно интенсивное движение, связала город с областным центром. Неподалеку от нее поднимаются корпуса самой крупной в Казахстане

тепловой электростанции, которая будет работать на дешевом экибастузском угле. Мощность Ермаковской ГРЭС — 2,4 миллиона киловатт. Тепловых электростанций подобной мощности не так уж много на земном шаре.

С палуб теплоходов, бегущих вниз и вверх по Иртышу, за десятки километров видны трубы-великаны, поднявшиеся над городом. Они оборудованы светофорными площадками для того, чтобы ночью, в туман или непогоду капитаны воздушных кораблей видели: впереди — Ермак, город-богатырь, город крупнейших строек и заводов.

Неподалеку от электростанции — ажурные сплетения пролетов железобетонного завода. Отсюда сборный железобетон идет на строительные площадки ферросплавного, трансформаторного, кабельного, ремонтно-механического заводов. Одни из них уже строятся полным ходом, контуры других едва лишь проступают в кажущейся неразберихе подъездных путей, наполовину открытых котлованов и только что заложенных фундаментов будущих корпусов, третьи существуют пока на листах кальки и ватмана. Ведь город Ермак — это одно из важнейших звеньев крупнейшего на востоке страны Павлодарско-Экибастузского промышленного района.

Ермаковский завод ферросплавов — ударная стройка пятилетки. Его первые производственные мощности войдут в строй в ближайшее время, и задолго до конца пятилетки мартеновские и конверторные цехи многих предприятий черной металлургии начнут получать ферросплавы с маркой Ермаковского завода. Они надежно будут служить советским сталеварам, которые дадут своей стране металл лучших, прославленных на весь мир марок.

Ермак — город самых неожиданных контрастов. Здесь зеркальная, полная света и изобилия витрина «Гастронома» смотрится в мутное озерцо дождевой воды, скопившейся между рыжими отвалами земли. На фоне громоздких стальных опор, составляющих основание будущего гигантского корпуса, беспомощной и затерянной кажется детская колясочка с розовощеким бутузом. Но почему малыши здесь один? Где его мама?

Не надо волноваться. По пути в детские ясли мама забежала в продовольственный магазин. А вот и она, мама...

В городе юности много детей. Правда, большинство их еще так малы, что не могут пока посещать даже детские садики, но для них уже построены и школы, и Дом пионеров, и клуб юных моряков, и музыкальная школа. С большим, хорошим взглядом вперед живет и строится юный город на Иртыше. И в этом одна из самых радостных примет нашего времени.

ТЛЕГЕН-СУ, ЖЕЛАННАЯ ВОДА

Когда горячий ветер, дующий из Кулундинской степи, вырывается на прииртышскую равнину, небо темнеет, в красноватой мгле исчезает солнце и невидимыми становятся разбросанные по степи белые блюдца соленых озер, уходящие к горизонту мачты высоковольтных передач.

Пыльная буря!

Когда начинается ее неистовая, гудящая и воющая круговерть, трудно представить себе, что где-то совсем рядом несет свои прохладные воды могучая река.

Левобережье Иртыша в его среднем течении отличается жарким и сухим климатом, ярко выраженным пустынным характером растительности, обилием солончаков и большим количеством горько-соленых озер. Здесь явственно ощущается суровое дыхание Центрального Казахстана — одного из наиболее обездоленных водой районов республики, и пыльные бури, часто поднимающиеся в Павлодарском Прииртышье, словно предупреждают путника о близости пустыни.

Иртыш пересекает Казахстан в его северо-восточной части, и на огромной территории, измеряемой сотнями тысяч квадратных километров, проблема водоснабжения является проблемой номер один. На этой гигантской территории немало районов, совершенно лишенных поверхностного стока, а годовая сумма атмосферных осадков едва достигает ста миллиметров.

Жители этих мест свою заветную мечту выражали краткими словами, в которых заключался величайший смысл:

— Тлеген-су, желанная вода...

С незапамятных времен мечтали люди о повороте многоводных сибирских рек, бесполезно сбрасывающих громадные массы воды в Северный Ледовитый океан, на юг, в пустыню. Почти сто лет назад — в 1871 году — украинский ученый Демченко написал о дерзкой этой мечте и привел инженерные расчеты, доказывающие... техническую неосуществимость и полнейшую беспочвенность подобных предложений. Реализация их потребовала бы колоссальных затрат, а эти расходы были явно не по карману царскому правительству. Приступать к осуществлению вековой народной мечты с помощью грабарки и тачки, пилы и топора было безумием. К тому же необходимость осуществления этого фантастического проекта представлялась царским чиновникам весьма относительной: мол, жили кочевники-скотоводы без воды, проживут и впредь, а коль не проживут, урона большого не будет.

Строительство 500-километрового
канала Иртыш — Караганда.

В предвоенные годы этой крупнейшей проблемой вплотную занялся советский инженер М. Давыдов. Его смелые мысли, подкрепленные квалифицированными техническими расчетами и обоснованиями, получили горячую поддержку всего народа, но начавшаяся война с фашистскими захватчиками заставила отложить работу над проектом.

В послевоенные годы проблема водоснабжения Центрального Казахстана приобрела особую остроту. Уместно привести только два факта: в городе Темиртау строится и частично вступил в действие металлургический завод, названный советским народом Казахской Магниткой. Когда будут полностью введены в строй все

мощности завода, его огнедышащие цехи за один год «выпьют» до дна все запасы воды в Нуринском водохранилище, снабжающем водой и Караганду, и Темиртау. В 1965 году в городе угольщиков Экибастузе на одного жителя в среднем за сутки расходовалось... два литра воды, или в сто раз меньше нормы, принятой в большинстве городов страны.

Группа инженеров — последователей М. Давыдова — в послевоенные годы с увлечением работала над захватившей многих ученых и инженеров проблемой использования сибирских рек и прежде всего Иртыша для водоснабжения Центрального Казахстана. Один за другим были предложены и после детального обсуждения отклонены восемь вариантов решения этой очень сложной технической проблемы. Восемь вариантов!

Результатом многолетнего труда большой группы ученых Академии наук Казахской ССР явился проект сооружения уникального, почти 500-километрового канала Иртыш — Караганда (с последующим возможным продолжением до Джезказгана и далее), по которому иртышская вода пойдет в города, промышленные центры, на стройки Центрального Казахстана, обводнив на своем пути десятки, сотни тысяч гектаров прекрасных плодородных земель, способных давать богатые урожаи всех сельскохозяйственных культур.

Вот она, тлеги-су, желанная вода!

Проект казахстанских ученых после всестороннего обсуждения в авторитетнейших инстанциях был утвержден правительством СССР, и в 1963 году на трассе канала начались строительные работы. Осенью 1965 года получил иртышскую воду город угольщиков Экибастуз, в котором проблема водоснабжения достигала предельной остроты.

По замыслу авторов проекта в степи и пустыне, где на протяжении пятисот километров каким-то чудом выросло единственное деревцо, будет проложено русло искусственной реки. В это русло Иртыш направит почти одну треть своей воды. Авторы проекта учли, что Бухтарминское море надежно зарегулировало сток в верхнем течении Иртыша и на значительном расстоянии обеспечивает постоянный уровень воды в реке.

Строителям канала предстоит выполнить грандиозный объем работ: выбрать и переместить 140 миллионов кубометров грунта, в том числе более ста миллионов кубометров крепчайших скальных пород, уложить 510 тысяч кубометров монолитного и сборного бетона и железобетона, построить 25 мощных насосных станций, которые, как по гигантским ступеням, поднимут иртышскую воду на высоту более 400 метров.

В степном поселке Беловка, будущем городе-спутнике Ермака, мощная насосная станция поднимает чистую иртышскую воду на первую ступень и гонит ее по руслу рукотворной реки.

Вторая ступень... Третья... Четвертая...

Двадцать пять насосных станций, двадцать пять гигантских ступеней... В этом и состоит частичное решение грандиознейшей проблемы использования могучих жизнетворных сил сибирских рек для коренного преобразования природы на большей части Казахстана.

Сооружение уникального канала было поручено опытному, закаленному в схватках со стихией коллективу гидростроителей, который в то время возглавлял Герой Социалистического Труда Михаил Васильевич Инюшин — один из крупнейших в стране специалистов по строительству гидроэлектростанций. Он руководил строительством Усть-Каменогорской гидроэлектростанции на Иртыше, был начальником строительства Бухтарминской. А теперь коллективу «Иртышгэстроя» и ему, Михаилу Инюшину, вести нелегкий бой за большую воду и завтрашний день Центрального Казахстана.

Задолго до настоящего разворота работ на трассе канала из уютного, хорошо обжитого Серебрянска, расположенного на берегу Бухтарминского моря, в безводную и безлюдную, открытую всем ветрам степь, в глухой и пыльный поселок Калкаман, где обосновался штаб огромной стройки, одним из первых приехал М. В. Инюшин. А через несколько дней, расположившись в дощатом полевом вагончике, он уже принимал строителей, устремившихся в Калкаман со всех концов страны. И в тесном, душном вагончике то и дело слышалось веселое, бодрое:

— Виктор Московских, бригадир шагающего. Экипаж в полном составе прибыл из Братска.

— Вячеслав Мартыненко, начальник шагающего. Прибыл из Красноярска.

— Рахимбек Саботаев, энергетик. Приехал из Темиртау.

Чуть забегаая вперед, скажем, что, когда работы на строительстве канала развернулись широким фронтом и неожиданно выявились серьезные просчеты проектировщиков, по предложению Рахимбека Саботаева было осуществлено очень важное и с точки зрения организации строительных работ принципиально новое мероприятие. Проекты предусматривали производить выемку грунта только так называемыми автономными механизмами — экскаваторами, скреперами, бульдозерами с дизельными двигателями.

Это требовало подвоза огромного количества горючего, создания специального, весьма громоздкого хозяйства. Саботаев предложил

перевести все землеройные механизмы на электрическую тягу и представил расчеты, подтверждающие экономию в сотни тысяч рублей, сокращающие сроки строительства канала. И вот уже прошла над трассой канала линия высоковольтной передачи, смонтированы подстанции и гирляндами электрических огней расцветает по ночам степь, где круглые сутки и круглый год не стихает битва за тлегу-су, желанную воду.

Вместе с Михаилом Васильевичем Инюшиным приехал на трассу канала его ученик, инженер Тельман Аспандьяров, уроженец аула, расположившегося у хребтов Тарбагатай, выпускник Московского политехнического института. Под руководством Инюшина молодой инженер работал на строительстве Бухтарминской ГЭС и многому у него научился. Аспандьярова утвердили главным инженером участка, где проходит русло степной речки Шидерты. Летом эта речушка почти пересыхает, а весной, когда тают снега, несет миллионы кубометров воды, сбрасывая ее в песчаную, щебенистую низину.

Напряженно работает мысль молодого инженера:

— Если перехватить русло насыпной дамбой, задержать весенний паводок? Нарастить дамбу и задержать еще один? Тогда образуется водохранилище по объему, пожалуй, больше Нуринского... По готовому руслу канала его можно года на два раньше установленного срока перепустить в Нуринское водохранилище, и проблема водоснабжения Караганды и Темиртау будет решена вплоть до полного завершения строительства канала Иртыш — Караганда!

Проект Тельмана Аспандьярова получил единодушную поддержку, и его начали претворять в жизнь.

Строители Бухтарминской ГЭС не без тайной грусти покидали милый сердцу Серебрянск, у стен которого плещутся волны созданного их руками Бухтарминского моря. Но и в степи, на голом месте, где нет ни деревца, ни травинки — лишь знойный ветер да раскаленный песок, они почувствовали себя хозяевами жизни. И вот уже поднялись над затерянным в бескрайней степи Калкаманом громады пятиэтажных домов, гостеприимно распахнул двери широкоэкранный кинотеатр, зазеленел молодой сквер.

Далеко в степи, за мглистым горизонтом, маячат стрелы шагающих экскаваторов и разносятся окрест, глухие взрывы: то дробят взрывники крепчайший скалистый грунт, готова фронт землеройным машинам. Идет яростный штурм трассы будущего канала. А навстречу им, с противоположного конца проложенного геодезистами пятисоткилометрового маршрута, движутся другие отряды строителей, чтобы встретиться в заранее намеченной точке, обнять

Академик Уфа Ахметсафин,
первооткрыватель подземных морей
Центрального Казахстана.

ся крепко, по-братски, смахнуть с опаленных знойными степными ветрами лиц тяжелые капли соленого пота.

Почти на 500 километров протянется по пустынной равнине канал — многоводная степная река шириной в сорок и глубиной в шесть-семь метров. Она принесет иртышскую воду в огненные цехи крупнейших промышленных предприятий, в квартиры шахтеров и химиков, строителей и металлургов, артистов и ученых. Она заполнит прозрачной зеленоватой водой плавательные бассейны спортивных залов и лечебные ванны поликлиник. Она щедро напоит поля и сады многих совхозов. Она принесет с собою жизнь.

В дальнейшем грандиозный канал пересечет всю территорию Центрального Казахстана, понесет светлую воду Иртыша к Джезказгану, а может быть, и еще дальше — в самую глубь сыпучих песков, где в огненные годы гражданской войны, терпя неимоверные лишения, умирая от жажды, пробивались груженные оружием и боеприпасами караваны Чрезвычайного Комиссара Степного края Алибия Джангильдина, посланца Ленина.

ЭКИБАСТУЗ

Безбрежная, местами поросшая солянкой степь — ни взгорка, ни холмика, бурые пятна солонцов да круглые, сверкающие и искрящиеся на солнце блюдца горько-соленых озер. Да ветер — неистовый, обжигающий, порой переходящий в пыльную бурю.

Таков пейзаж Экибастуза. Но при чем здесь Экибастуз — «две соленые головы»?

В Экибастузе живут друзья-ровесники Касым Кошаганов и Раимбек Булекбаев, великолепные знатоки здешних мест, первые углекопы, живые свидетели истории, хранители древних преданий, которые они готовы поведать каждому, кто интересуется историей этого сурового края. Спросите их — и вот что они вам расскажут.

Давно это было, лет сто тому назад, а может быть, и двести. Перегоняя свой скот на летние пастбища, казахи-кочевники остановили отары на ночь у двух соленых озер. Дул холодный ветер, и чабаны, чтобы согреться, выкопали яму для казана, развели костер. На рассвете подняли отары и ушли, не потушив костра. Через некоторое время они вернулись на это место, и — о чудо! — оставленный ими огонь не только не потух, но разгорелся еще сильнее. Очаг стал шире, глубже. Казалось, что жарким пламенем горит сама земля. Это тлея, временами ярко вспыхивая, пласт угля, выходивший на поверхность. Пораженные увиденным, кочевники закололи двух жирных барашков, сварили их, мясо съели, а две круто посоленные головы — лучшее кушанье, которое по казахским обычаям предназначается самому уважаемому из всех сидящих за достарханом, бросили в очаг, обогревший и накормивший их. В дар, в знак уважения и благодарности...

Теперь вам понятно, в чем дело? Эки — по-казахски два, бас — голова, туз — соль. Отсюда и пошло — Экибастуз.

Трудно сказать — вымысел эта история, рассказанная аксакалами, или действительность. Ведь никто не станет отрицать наличия

элемента случайности в геологических открытиях даже и в наши дни. Но вот другое, тоже не лишенное интереса и достоверности свидетельство о прошлом Экибастуза и некоторых других районов прииртышского края. Не так давно в личном архиве павлодарского краеведа Д. П. Багаева, до Октябрьской революции служившего в конторе купца Арсения Дерова, найдена неопубликованная рукопись, в которой, между прочим, есть и такие строки о роли известного казахского рудознатца Касыма Пшембаева в изучении природных богатств левобережного Прииртышья:

«Я лично знал Касыма и, пожалуй, без преувеличения могу сказать, что мы с ним были большими приятелями. В 1899 году я поступил в главную контору купца Дерова в Павлодаре, у которого в то время Касым состоял на службе. Было ему тогда лет 35—40. Это был человек невысокого роста, худощавый, с небольшой бородкой «клином», весьма уважаемый всеми сослуживцами и самим хозяином. Обязанностью Касыма было ездить по степи в поисках месторождений угля, меди, железа и делать на них заявки в пользу Дерова. За это он получал 30 рублей в месяц. Когда Касым приезжал в город и являлся в контору, мне было вменено в обязанность делать с его слов предварительное описание сделанных заявок. После детальной обработки горным техником Деменевым, при дополнительных пояснениях Касыма, эти заявки опять мне приходилось переписывать для отправки в Томское горное училище. Надо сказать, что машинок тогда еще не было, а я писал довольно красиво.

В короткий срок по заявкам Касыма Пшембаева и Акбаса Курманова вся степь Баян-Аульского и Каркаралинского районов вплоть до Балхаша стала находиться в аренде у Дерова, за что он ежегодно платил в казну большие суммы.

Мне не раз пришлось слышать от Касыма об обстоятельствах, при которых было открыто месторождение. Однажды, это было летом 1886 года, он ехал по территории современного Экибастуза и заметил, что из норки какой-то зверек выгреб совершенно черную землю. Железной лопатой Касым попробовал вырыть яму. Для него стало ясно, что это уголь. Чтобы сделать заявку, закрепить участок, нужно было оставить вещественные доказательства и приметы. Касым выкопал шурф и положил туда поднятые им в степи два конских черепа и лежавший у него в сумке кусок калкаманской соли. Отсюда и произошло название «Экибастуз».

Возможно, что и в этом варианте вымысел довлеет над достоверными фактами. Как бы то ни было, ясно одно: даже в те времена, когда в степях Казахстана владычествовали недоброй памяти

Арсений Деров и ему подобные, в среде казахского народа рождались люди живой, пылкой мысли, для которых целью жизни было познание родного края, изучение его природных богатств. Возможно, что Касым Пшембаев по природе своей был величайшим следопытом, и только темная деровская сила не дала расцвести его таланту так, как в советское время раскрылся и засверкал всеми своими гранями могучий талант Каныша Сатпаева — одного из крупнейших геологов современности.

Прошло много лет, прежде чем в Экибастузе, где угольные пласты выходят прямо на поверхность земли, начали добывать топливо. Кому был нужен уголь в этом глухом, пустынном краю? Первые каменноугольная копь Попова была помечена на топографической карте, составленной Омским военно-топографическим отделом в самом конце минувшего века.

О подземных богатствах Экибастуза прослышали иностранные капиталисты. В 1898 году на угольном месторождении побывал французский горный инженер Шателен, крупный специалист по добыче каменного угля. Он сделал вывод: «Наиболее рациональным способом разработки месторождения следует признать не подземную, как предлагала Западно-Сибирская горная партия, а открытую, то есть разносом». Французский инженер уехал, а созданные по составленному им проекту два угольных разреза вскрыли лишь выветренные выходы пластов, дающие низкосортный угольный мусор.

Накануне первой мировой войны владельцем экибастузских богатств стал английский концессионер Лесли Уркварт.

Ни русским промышленникам, ни иностранным акционерам не удалось установить действительных запасов залегающего здесь угля и открыть ему выход. Это было сделано лишь в советское время, в Годы Великого Созидания. История сохранила документы, свидетельствующие о том, с каким вниманием В. И. Ленин в первые годы Советской власти относился к удаленным за тысячи километров от Москвы районам, как заботился об их будущем. Вот что писал Сибирский ревком Семипалатинскому губисполкому в конце лета 1922 года.

«Согласно постановления Совета Труда и Обороны Экибастузские копи признаны сверхударными. Им необходимо продовольствия и фуража на ноябрь, декабрь и январь следующее количество: муки 7708 пудов, масла 205 пудов, соли 307 пудов, сахару 102 пуда 8 фунтов, мыла 205 пудов, кофе 47 пудов, овса 2808 пудов, сена 12 484 пуда. Экибастузские копи выделены в самостоятельную единицу с подчинением Кирпромбюро...

Сообщаем вам, что судьбой риддерских предприятий, в том числе Экибастуза, чрезвычайно заинтересована Москва, особенно товарищ Ленин».

Так разоренная войной голодная страна заботилась о том, чтоб не погасла чуть тлевшая искорка жизни в далеком Экибастузе.

Что же представляет собой Экибастуз сегодня?

«Экибастуз — месторождение каменного угля в северо-восточном Казахстане. Находится в степи между реками Шидерты и Иртышом, в 143 километрах к юго-западу от города Павлодара. Вероятные запасы угля — около 600 миллионов тонн», — сказано в Большой Советской Энциклопедии издания 1935 года. Как устарели эти данные! Не миллионами, а многими миллиардами тонн исчисляются здесь запасы топлива. Специалисты подсчитали, что на Экибастузском месторождении запасы угля на один квадратный километр поверхности земли составляют в среднем 139 миллионов тонн. Ведь мощность угольного пласта местами достигает 200 метров! Во всем мире нет месторождения угля, столь доступного и удобного для добычи топлива открытым способом. Открытая добыча топлива применяется во многих районах страны, в частности на Урале. Но для того чтобы добыть тонну угля на Урале, нужно вынуть 8—9 кубометров грунта. В Экибастузе соотношение иное: на кубометр вскрышных работ — тонна угля. Экибастузский уголь — самый дешевый в стране. Его себестоимость в 6—7 раз ниже Карагандинского, который добывается подземным способом при очень высоком уровне механизации горных работ.

В конце 1954 года вступил в строй первый угольный разрез Экибастуза, а в следующем году здесь было добыто два миллиона тонн угля — в пять раз больше, чем дали Экибастузские копи за все дореволюционные годы.

Через десять лет мощность угольных разрезов Экибастуза достигнет 16 миллионов тонн в год, а в последнем году пятилетки она удвоится.

Уголь Экибастуза горит в топках многих электростанций Урала, Сибири, Казахстана и республик Средней Азии. Спрос на него непрерывно растет: экибастузский уголь очень дешев, а по калорийности не уступает лучшим энергетическим углям страны.

Но специалисты подсчитали, что перевоз большого количества энергетического угля на дальние расстояния невыгоден. Гораздо выгоднее сжигать экибастузский уголь на месте, в топках мощных электростанций, и по линиям сверхвысокого напряжения передавать электроэнергию за тысячи километров. И вот уже разворачивается строительство мощнейших тепловых электростанций в райо-

не Экибастуза, и создается грандиозный «электрический мост» Прииртышье — Центр. Пройдет немного времени, и могучая электрическая река понесет колоссальное количество жизнеспособной энергии туда, где в ней ощущается нужда. А здесь, на берегу созданной руками человека степной реки, будет расти и хорошеть город угольщиков Экибастуз, будут шуметь листвою тенистые дубравы и зреть в садах чудесные плоды.

Драгоценным ожерельем опоясывают Экибастуз свинцовые, никелевые, медные и другие полиметаллические месторождения, открытые советскими геологами. Когда рейсовый самолет идет из Павлодара в Караганду, под крылом видны желтые, розовые, красные, голубые отвалы. Это раскрывает свои недра древняя земля, веками таившая от человека несметные богатства. Вот под крылом Майкаин с его золотыми рудниками. Немного дальше на северо-запад — Возшакуль, богатейшее месторождение медных руд. Запасы меди, как утверждают геологи, недавно завершившие промышленную разведку месторождения, здесь не меньше, а может быть, и больше, чем в Джезказгане. Медная руда залегает на небольшой глубине и доступна для разработки открытым способом. Строительство канала Иртыш — Караганда полностью решит проблему водоснабжения этого богатейшего района, и медные руды Возшакуля скоро пойдут на медеплавильные заводы.

Жосалы, Шоптыкуль проплывают под крылом самолета. Здесь добывается золото и редкие металлы.

«В этих местах, среди киргизских степей, возникнет крупный промышленный центр». Более шестидесяти лет назад сказаны были эти пророческие слова. Принадлежат они знаменитому русскому ученому Д. И. Менделееву. Пришел срок — они сбываются.

КРАЙ НЕСМЕТНЫХ БОГАТСТВ

Следуя путем, по которому скоро пойдет белопенная тлегу-су, желанная вода, мы миновали Экибастуз и вступили в пределы Центрального Казахстана — края поразительных контрастов, чудесных своей неожиданностью открытий и величайших свершений, восхищающих весь мир. Мы вступили на землю, с которой стартовал «Восток».

Древние караванные тропы из оазисов Средней Азии и Южного Казахстана к городам-крепостям Западной Сибири, редкие колодцы, занесенные сыпучим песком, развалины караван-сарая да по-

луразрушенные мазары, на которых порой отдыхают орлы. И космические корабли, стремительно взмывающие в неведомые выси, полные нераскрытых тайн Вселенной. Возможен ли контраст, разительнее этого?

С этой древней земли поднимался звездолет Юрия Гагарина, первого человека, ступившего в неведомый мир; отсюда умчалась ракета, доставившая на окололунную орбиту первый спутник нашей ближайшей космической соседки.

Но это лишь аккорды в чудесной симфонии обновления древней земли.

Центральный Казахстан, Казахский мелкосопочник. Казахская складчатая страна. Сары-Арка...

Так называем мы площадь, занимающую примерно шестую часть всей территории Казахской ССР и расположенную в самом центре Евразийского материка.

Тысяча километров с запада на восток. Шестьсот километров с севера на юг. Четыреста две тысячи квадратных километров. На этой территории могли бы свободно разместиться несколько европейских государств, таких, например, как Бельгия или Дания.

Полвека назад единственными «магистралями» в этом обширном крае были караванные тропы, что вели с севера на юг и имели значение главных торговых путей. Ныне территория Центрального Казахстана по всем направлениям прорезана железнодорожными линиями и автомобильными магистралями. Что касается воздушных трасс, то они связывают едва ли не все населенные пункты с Карагандой и основными промышленными центрами области.

Мы совершенно свободны в выборе маршрута, но, отдавая дань древним традициям, давайте совершим путешествие с севера на юг, по маршруту, проложенному, возможно, торговыми людьми, искавшими кратчайший путь из Сибири в цветущие оазисы Древнего Хорезма.

Двигаясь с севера на юг, мы попадем из зоны злаковых степей в обширный район невысоких холмов, гряд, сопков и увалов с пологими межгорными впадинами и обширными равнинами. Это и есть Казахский мелкосопочник, основную часть которого занимает Центральный Казахстан. Слева на горизонте мы увидим невысокие горные хребты. Это Каркаралинские горы, массив Кызылрай и другие остатки сильно разрушенной временем древней горной страны.

С каждым километром нашего продвижения на юг все отчетливее становятся признаки полупустыни. В растительном покрове полностью преобладают полынь и солянка, и лишь по склонам сопков и увалов и долинам стекающих с них ручейков и рек встречаются

ся заросли кустарников да небольшие рощицы тонкоствольных берез. Порой мелькнет небольшая гряда невысоких сосенок, разбегавшихся по пологому склону сопки. И чем дальше к югу, тем беднее растительность. В самой южной части Центрального Казахстана, в пределах глинистой пустыни Бетпак-Дала, часто называемой северной Голодной степью, растительности почти нет.

Тысячи километров отделяют Центральный Казахстан от океанов и морей, и этим определяется крайняя континентальность климата, сухость и устрашающее безводье. Здесь суровая и долгая зима с сорокаградусными морозами и неистовыми буранами, короткое, но жаркое лето, в течение которого температура нередко поднимается до 35—40 градусов в тени.

Суровым и неприятным был этот край для человека во все времена. В глубокой древности здесь обитали кочевые племена, бродившие в поисках пастбищ для скота по необозримым просторам от зеленых холмов Сары-Арки до унылых барханов Муюнкумских песков. Неласковой к людям была древняя земля, но все шире разносил узун-кулак по казахской степи вести о привольной жизни в Сары-Арке: в кибитке последнего джатака там потолки белые, как соль, а стены выкрашены золотой краской, и оружие у джигитов Сары-Арки самое дорогое, а в богатстве украшений ни одна девушка не сравнится с красавицами Сары-Арки.

В этих известиях, приносимых узун-кулаком, была большая доля преувеличения, но верно было также и то, что с незапамятных времен обитатели Сары-Арки для отделки своих жилищ применяли гипс и охру, залежи которых во многих местах выходили на поверхность земли, а добывавшееся сравнительно легко серебро широко использовалось для изготовления украшений.

Так в народных преданиях и легендах получала правильное в основном отражение очень важная особенность этого района земного шара, уникального во многих отношениях.

Центральный Казахстан имеет сложную геологическую историю с многочисленными орогеническими и вулканическими циклами. Основные тектонические процессы, происходившие в этом районе земного шара, ученые относят к концу палеозоя, связывая с этим интрузии магмы и образование месторождений руд цветных и редких металлов. Позднее, в карбонский период, в условиях теплого и влажного климата, здесь возникла пышная растительность и начался интенсивный процесс накопления каменного угля. Начавшееся в более поздний геологический период постепенное разрушение и выветривание древней горной страны обусловило почти повсеместное, очень близкое к поверхности земли залегание многих полезных

ископаемых, что в ряде случаев позволяет вести их разработку открытым способом.

Слухи о подземных кладах Центрального Казахстана выходили за пределы степного края, и, начиная с половины прошлого века, от русских купцов-предпринимателей, а затем от иностранных капиталистов стали поступать заявки на разработку полезных ископаемых. Один за другим возникали мелкие рудники и небольшие медеплавильные заводики с тем, чтобы, просуществовав недолгий срок, закрыться из-за разорительной своей убыточности.

Шло время, а несметные богатства недр такой неприятной с виду земли оставались нетронутыми.

Новая история древней земли началась с появления в этом пустынном краю первых представителей советской геологической науки. Долгие месяцы провели геологи А. А. Гапеев и Н. Г. Кассин в Карагандинских угольных копях, прежде чем смогли уверенно сказать: «Да, здесь громадные запасы отличных коксующихся углей!» И в короткий срок, менее чем за десять лет, была создана третья каменноугольная база страны с широчайшими перспективами дальнейшего развития.

В первом году нынешнего столетия на пустынный северный берег Балхаша с верблюжьим караваном пришел горный инженер Иванов, впоследствии назначенный управляющим всеми предприятиями акционерной компании английского капиталиста Уркварта в России. Горный инженер выдавал себя за страстного любителя охоты на сайгаков, многотысячные стада которых мирно бродили по Прибалхашской пустыне. На деле же он имел от своего хозяина поручение — проверить достоверность слухов о том, что в урочище Коунрад еще во времена Чингис-хана копали медную руду и плавили медь. Полпред английского концессионера так ничего толком и не узнал. Лишь в советский период геологу Н. П. Русакову удалось разведать в Северном Прибалхашье крупное Коунрадское месторождение медной руды, на базе которого на берегу Бертысской бухты и был построен Балхашский медеплавильный завод, равного которому по мощности нет ни в одной из европейских развитых стран.

Сорок лет назад в прокаленных солнцем песках, почти у кромки пустыни Бетпак-Дала, начал свой путь в науку молодой инженер-геолог Каныш Имантаевич Сатпаев, ставший впоследствии академиком, президентом Академии наук Казахской ССР, ученым с мировым именем. Ему принадлежит заслуга геологического изучения и промышленной оценки Дзезказганского месторождения медных руд. Под руководством академика К. И. Сатпаева и при его непо-

Первооткрыватель Джезказгана
академик Каныш Сатпаев.

средственным участию в Центральном Казахстане позднее были открыты месторождения меди, марганца, железа, редких металлов.

Немногим более трех десятилетий прошло с того дня, когда орлы, парившие в бездонной синеве неба, тревожно взмахнули крыльями, услышав первый вскрик паровозного гудка, да стадо пустынных антилоп — сайгаков испуганно метнулось к дальним сопкам, оставляя за собой белесоватый пыльный шлейф. И в пустынном этом краю, где на два квадратных километра земли приходился в среднем один человек, свершилось чудо.

За первое десятилетие новой истории края численность городского населения Центрального Казахстана увеличилась в сорок

пять раз! А ведь это важнейший показатель промышленного развития любого района. В 1926 году на территории нынешней Карагандинской области был один небольшой городок Каркаралинск с населением около трех тысяч человек. Сейчас на территории области шесть больших городов и более двадцати крупных промышленных центров. По удельному весу городских жителей в общем количестве населения Карагандинская область занимает первое место в республике и второе в Советском Союзе, уступая лишь Мурманской области.

Законы степного гостеприимства повелевают, войдя в юрту, занять приготовленное для гостя место и повести с хозяином душевную беседу, сообщив для начала приятную новость. Так пусть же гостеприимной юртой для нас будет чудесный этот край, а самым почетным местом — шахтерская столица Караганда, с которой в свое время начиналась индустриальная слава республики.

ЗВЕЗДЫ НАД КОПРАМИ

В 1926 году, сорок лет назад, в урочище Караганды близ заброшенных угольных копей стояло три-четыре десятка полуразвалившихся глинобитных кибиток, а численность всего населения этого пришахтного поселка не превышала ста человек.

В городской черте современной Караганды свыше шестидесяти отдельных жилых и производственных массивов, занимающих площадь семьсот квадратных километров, а население главного города казахстанских угольщиков давно перевалило за полмиллиона (не считая жителей городов-спутников, которые еще совсем недавно были пригородными районами Караганды).

Раскинувшийся в открытой степи главный город казахстанских шахтеров имеет свой неповторимый облик. С какой стороны ни подъедешь к Караганде — за десятки километров в туманной дымке видны гигантские силуэты терриконов. Они высятся над городом, закрывают горизонт, и кажется, что кроме этих черных пирамид, курящихся пылью и сизым дымком, в степи ничего нет.

Когда воздушный лайнер «ИЛ-18», возвращающийся в Карагандинский аэропорт из Москвы или Ленинграда, Адлера или Симферополя, завершает свой ночной рейс, взору его пассажиров огни большого шахтерского города открываются за добрую сотню километров. Море огней! Их заревом охвачено полнеба. Самолет заходит на посадку, и внизу, во тьме ночной, явственно различимы огнен-

ные квадраты городских кварталов. И в этом необозримом огненном разливе, среди множества мерцающих желтых точек, отчетливо видны рубиновые звезды. Это светят своим ровным багровым светом огни над копрами шахт — знак того, что шахта выполнила суточный план добычи топлива.

Десятки рубиновых звезд пылают в ночи. В Карагандинском бассейне более сорока крупных механизированных шахт и большинство из них работает ритмично, перевыполняя суточные, месячные и годовые планы.

До Великой Октябрьской социалистической революции в Карагандинских коях за тридцать лет было добыто триста тысяч тонн каменного угля, и никто, в сущности, не знал, каковы действительные запасы в Карагандинском бассейне. Детальными разведками послевоенного периода запасы превосходных коксующихся углей в подземных кладовых Караганды определены в девять миллиардов тонн. В 1965 году карагандинские шахтеры выдали на-гора более тридцати миллионов тонн угля. Получается, таким образом, что, если добыча угля в Карагандинском бассейне сохранится на достигнутом уровне, только выявленных его запасов хватит на триста лет непрерывной работы. Три века жить третьей кочегарке нашей страны!

Привольно раскинул свои улицы, расцвел и хорошеет главный город казахстанских угольщиков. В пределах городской черты еще сохранилось несколько пришахтных поселков, возникших два-три десятилетия назад, но и здесь все явственнее проступают черты большого современного города с прямыми, широкими улицами, застроенными многоэтажными домами. Широкие, залитые асфальтом магистрали, просторные, полные света площади. Обилие зелени и цветов. Многим районам Караганды может позавидовать любой современный благоустроенный город.

Все дальше на восток вдоль линии железной дороги Караганда — Балхаш уходят кварталы новых многоэтажных зданий. Быстрыми темпами строится шахтерская столица, и скоро из памяти людской исчезнут дни и годы, прожитые в приземистых, тесных мазанках пришахтных поселков. Старый город будет сметен с лица земли, и все население Караганды разместится в жилых массивах огромного современного города. Шахтеров, строителей, химиков, обувщиков, машиностроителей, кондитеров к месту работы будут доставлять удобные скоростные транспортные средства.

Город в степи... Представление о нем связано с душной, знойной мглой, обжигающим ветром, клубами пыли. Но уже сегодня нас приветливо встречают тенистые аллеи-улицы, городские парки и

Караганда. Проспект Советский.

скверы, Ботанический сад Академии наук Казахской ССР и большой лесопарк с обширным водоемом, вытянувшимся в долине реки Букпы.

У города угольщиков своя, особая, трудная и вместе с тем красивая необычной, суровой красотой жизнь. Жизнь под землей, где добывается уголь.

В шахтах Караганды можно встретить горняков-ветеранов, чьи руки держали «обушок» и кому довелось, лежа в тесном забое, до предела напрягая силы, «рубать уголек», время от времени опасливо прислушиваясь к тому, как зловеще поскрипывает под тяжестью оседающей кровли ветхая деревянная крепь. И недоверчиво улыбаются молодые шахтеры, слушая рассказы тех, кто на своих плечах вынес все трудности первых советских пятилеток. Не верится

им. Ведь сегодня, спустившись в подземное шахтерское царство, трудно разобраться — людей здесь больше или машин?

Один из представителей старой шахтерской гвардии машинист узкозахватного комбайна — Кидралы Омаров уже второе десятилетие работает на тридцать первой шахте. Четверть века прошло с тех пор, как крепкий коренастый паренек получил в окошечке нарядной свою первую шахтерскую зарплату. Здесь, на тридцать первой, стал Кидралы почетным шахтером, сюда приезжали к нему шахтеры из Польши и Чехословакии, чтобы перенять опыт управления горным комбайном: ведь в бригаде Кидралы Омарова был установлен мировой рекорд производительности шахтерского труда, когда комбайном «Донбасс» бригада за месяц выдала на-гора почти пятьдесят тысяч тонн угля.

Почетный шахтер Кидралы Омаров был свидетелем и активной-шим участником технического перевооружения шахтерского труда. Он в совершенстве овладел новой техникой, пришедшей в шахту. Став депутатом Верховного Совета СССР, почетный шахтер Кидралы Омаров терпеливо и настойчиво учит молодых нелегкому горняцкому мастерству. И добивается в этом радостных успехов: на тридцать первой уже давно стало обычным делом добывать за месяц на комбайне «Донбасс» по 25—30 тысяч тонн угля.

Эстафету старшего поколения принимает молодежь, чтобы множить гордую трудовую славу своих отцов и старших братьев.

Хорошо поработали угольщики Карагандинского бассейна в минувшей семилетке: суточная производительность одной шахты в среднем увеличилась на тысячу тонн, темпы проходки возросли вдвое. За годы семилетки наилучших производственных и экономических показателей достигли шахты передового в бассейне треста «Ленинуголь». Эти успехи отмечены высшей наградой Родины: тресту вручен орден Ленина.

Десять тысяч тонн угля в год добывалось в Карагандинских коях в дооктябрьский период. Тридцать миллионов тонн угля выдали на-гора карагандинские шахтеры в завершающем году семилетки. В три тысячи раз больше!

Добыча топлива — главная отрасль, определяющая весь жизненный уклад шахтерской столицы, и с нею тесно связано возникновение многих предприятий и учреждений Караганды, вся их деятельность. Но не только углем, первоклассными шахтами и мировыми шахтерскими рекордами славится ныне Караганда. Здесь несколько крупных машиностроительных заводов, в том числе заводы горношахтного оборудования и угольного машиностроения, предприятия легкой и пищевой промышленности. Созданы проект-

Шахта № 112 в Караганде. Бригада
Л. Данзберга, установившая мировой рекорд
добычи угля горным комбайном «Донбасс».

ные и научно-исследовательские институты, обслуживающие нужды угольной промышленности.

На месте грязного поселка, где тесно лепились друг к другу землянки, глинобитные кибитки и полуразрушенные бараки, вырос современный благоустроенный город, крупный культурный центр. Карагандинский политехнический институт выпускает специалистов для многих отраслей народного хозяйства, а медицинский и педагогический институты стоят в ряду крупнейших вузов страны. Спектакли Карагандинского драматического театра имени Станиславского не раз с успехом шли на сцене Кремлевского театра в Москве. Во Дворец культуры шахтеров с просторным зрительным

залом почти невозможно достать билеты, когда там выступают артисты народного ансамбля танца или детской оперной студии. Областная филармония, десятки рабочих клубов и кинотеатров каждый вечер широко распахивают свои двери.

Столица казахстанских шахтеров славится гостеприимством, и ее охотно посещают лучшие артистические коллективы Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Тбилиси, Ваку, многих зарубежных стран.

...Горят над копрами шахт рубиновые звезды. Над затихшим вечерним городом плывут звуки «Шахтерского вальса».

БЫЛЬ ЖЕЛЕЗНОЙ ГОРЫ

От Караганды до Темиртау немногим более тридцати километров. Еще недавно каждого, кто приезжал в этот город, собирающийся скоро отмечать свое двадцатилетие, поражали не совсем обычные для этих мест детали: множество белых парусов, похожих на крылья чаек над спокойной гладью озера, и обилие свежей, даже живой, рыбы в магазинах и на городском рынке. А над городом дымили трубы передельного металлургического завода, гигантской теплоэлектроцентрали, завода синтетического каучука, и гости Темиртау говорили:

— Трубы мы видали и повыше, а вот чтоб озеро в такой местности, да еще рыбное — это извините...

Гости Темиртау и не подозревали, что никакого озера у невысокой сопки, полого поднимающейся над степью, нет, а есть большое водохранилище, сооруженное на степной речке Нуре незадолго до начала второй мировой войны и имеющее сразу три названия: Самаркандское (по имени небольшого поселка, стоявшего на берегу Нуры), Нуринское и Темиртауское. Водоохранилище создавалось с определенной целью: обеспечить надежное водоснабжение Караганды и дать воду на поля пригородных колхозов и совхозов. Но жизнь внесла серьезные поправки в эти расчеты.

Темиртау в переводе на русский язык означает Железная гора. Так в глубокой древности кочевавшие по просторам Сары-Арки казахи называли гряду невысоких сопки, протянувшихся по течению

Строители Карагандинской ГРЭС-2.

реки Нуры. Жиренши рассказывали, что у подножия одной из этих сопкок зарыт клад — лошадиная голова, отлитая из булатной стали. Кто отыщет этот клад, получит столько счастья, что его на многие века хватит для всего народа.

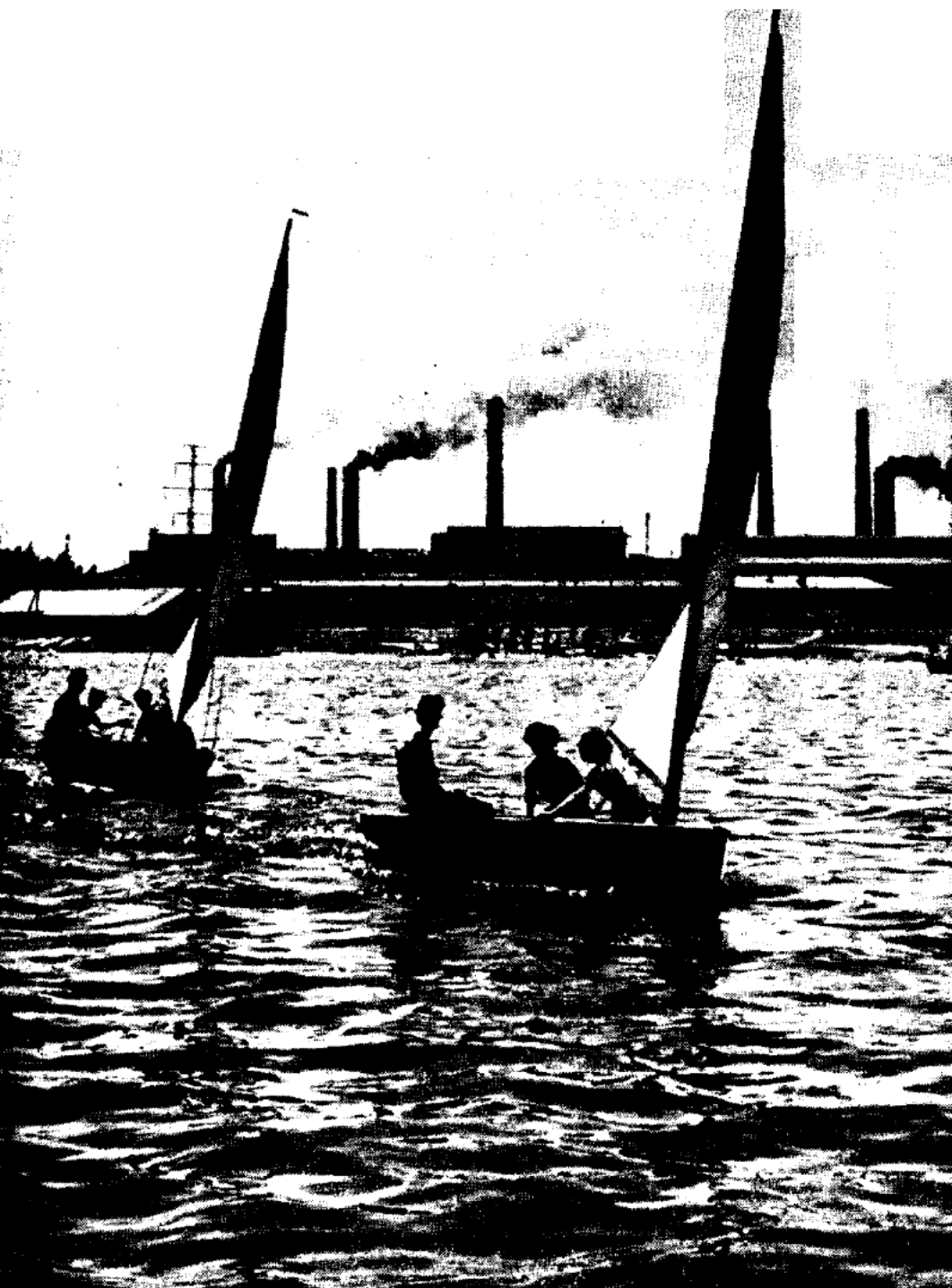
В годы Великой Отечественной войны на берегу Самаркандского водохранилища, где уже высилось огромное здание мощной тепловой электростанции, питавшей электроэнергией Караганду, был построен первенец черной металлургии Казахстана — Казахский металлургический завод. Поселок, возникший здесь, так и называли: Заводской. У нового завода не было рудной базы, да, собственно, она ему и не требовалась. Завод переделный, и в годы войны сырьем ему служили главным образом фашистские танки и пушки, отвоеванные у гитлеровцев на полях сражений.

Теперь на месте Заводского поселка на берегу водохранилища, которое продолжают называть озером, раскинулся большой город с прямыми, широкими, асфальтированными улицами, обилием зелени, кварталами многоэтажных жилых домов, Дворцом культуры и клубами, библиотеками, гостиницами, кинотеатрами, магазинками — словом, со всеми приметами современного благоустроенного крупного города.

Над Темиртау день и ночь полыхает пламя металлургических печей. Казахстанской Магниткой называли в народе Карагандинский металлургический завод полного цикла в Темиртау еще тогда, когда стройка только начиналась. Теперь Казахская Магнитка в строю действующих предприятий черной металлургии страны. Шесть лет прошло с тех пор, как первая доменная печь выдала первый казахстанский чугун. На Казахской Магнитке две крупные доменные печи, и счет годовой выплавки чугуна ведется на миллионы тонн. Доменный цех Карагандинского металлургического завода оснащен по последнему слову отечественной и зарубежной техники.

Накануне XXIII съезда КПСС вступил в строй слябинг «1150». Страна получила первый казахстанский прокат. Темиртауский слябинг — уникальный прокатный стан. Сто одиннадцать бригад восемнадцати строительных управлений соорудили корпус гигантского цеха и вели монтаж оборудования. Очень характерная деталь: в этих бригадах трудились люди тридцати трех национальностей. При сооружении слябинга «1150» выполнено около одного миллио-

Темиртау. Нуринское водохранилище.

на кубометров земляных работ, уложено 95 тысяч кубометров бетона и 15 тысяч кубометров сборного железобетона, смонтировано 13 тысяч тонн металлоконструкций, проложено 14 километров железной дороги, 16 километров подземных коммуникаций, более 300 километров кабеля и проводов.

А ведь это только один цех Казахстанской Магнитки, только один прокатный стан! Рядом форсированными темпами строится прокатный стан «1700», который будет являть собой воплощение новейших достижений металлургической техники, автоматики и телемеханики.

Но если такие масштабы имеют отдельные объекты Казахстанской Магнитки, то что же представляет собой весь завод?

Это будет одно из крупнейших предприятий черной металлургии страны. Оснащенный совершенной техникой, завод в Темиртау будет выпускать самый дешевый в стране металл, качество которого превзойдет лучшие мировые стандарты. Казахстанская Магнитка будет выплавлять чугуна и стали значительно больше, чем выплавлялось во всех домнах и мартенах дореволюционной России.

Полвека назад на том месте, где раскинулись солнечные проспекты и площади Темиртау — города металлургов и строителей, энергетиков и химиков, — мерно плескались желтые волны степной речки Нуры да горячий ветер гнал по степи тугие шары перекаати-поля. Здесь, в этом пустынном краю, не было людей. Лишь изредка забредет сюда со своей отарой скиталец-чабан, разобьет на скло-не сопки ветхую юрту, чтобы вскоре продолжить путь в поисках лучших мест и лучшей жизни. И самой чудесной явью, в которую воплотились легенды Железной горы, стали замечательные люди, выросшие здесь.

Кто не знает в Темиртау Алтынбека Дарибаева, первого казаха-сталевара, воспитавшего целое поколение замечательных мастеров огненной профессии?

О сложностях профессии сталевара очень хорошо сказал известный русский металлург академик М. А. Павлов в своих «Воспоминаниях металлурга». Крупнейший ученый, постигший все тонкости металлургического производства, он прямо говорил, что «хотя в мартеновской печи и все видно, но не все ясно». И действительно, нередко бывает, что при самом строгом соблюдении всех технологических правил одна плавка проходит удачно, а другая идет с браком и иногда даже кончается аварией. Это хорошо знают старые сталевары, и у каждого из них есть свои особые методы, свои приемы изучения режима мартеновской печи, явившиеся результатом большого опыта, того профессионального чутья, которое приходит

к мастеру с годами. Немало есть на свете династических профессий, тонкости и тайны которых передаются от отца к сыну, от деда к внуку, и, несомненно, первой такой профессией стала профессия сталевара.

На одном из старейших металлургических заводов нашей страны — Ревдинском — до недавнего времени работал знаменитый русский сталевар Алексей Михайлович Решетников, прадед которого работал еще при Петре I на демидовских заводах на Урале. Пятьдесят три года провел Решетников у мартеновской печи, и знаменитые ученые не раз приезжали в Ревду, чтоб приобщиться к мудрости старого мастера, глубже постигнуть святая святых сложнейшей и благороднейшей огненной профессии. «Автоматика и электроника, кибернетика и телемеханика, — говорил частенько знаменитый сталевар, — это, конечно, великое дело. Большая это польза нам, сталеварам... Однако ежели не слышишь ты, как дышит мартен, хорошей плавки не выдашь. Наша огненная профессия особого таланту требует...»

Вот у этого-то чародея огненных дел и учился Алтынбек Дарибаев, тогда еще молодой парень из степного казахского аула. А потом он сам стал учить других мастерству сталевара. С дипломом инженера-металлурга приезжал, бывало, из Москвы или Днепропетровска парень на Казахский металлургический завод, и становился подручным Дарибаева, и считал, что здорово ему повезло. Пройдет немного времени — и новичок уже самостоятельно управляет у мартена, да такие скоростные тяжеловесные плавки выдает, что Алтынбек-ага только языком прищелкивает:

— Коп жаксы, жигит!

А сам думает: «Главное, что голова светлая у человека и диплом инженера. А мое дело вроде окончательной доводки уже по готовому...»

Сдается, правильно судит маман-темир, мастер металла Алтынбек Дарибаев.

Когда начали строить первую домну Казахстанской Магнитки, на передельном заводе в цеху у Дарибаева настоящий факультет завода-вуза открылся. Здесь проходили свою первую науку будущие сталевары. Ведь это он, Алтынбек Дарибаев, был первым наставником мастера Брижмана Актаева и сталевара Станислава Михайловича Казанского с Карагандинского металлургического завода, недавно награжденных орденами Ленина.

В Темиртау — городе стали — уже создается своя гвардия металлургов, нарождаются династии мастеров огненной профессии. У Алтынбека сын учится в Москве, в Институте стали, а у Федора

Вашенко сын — подручный сталевара у мартена. Не успеет батька глазом моргнуть — сынок уже мастер, да такой, что тягаться с ним не каждый рискнет.

Казахстанская Магнитка — одно из самых молодых предприятий черной металлургии страны. Конечно, стремительный культурно-технический подъем рабочего класса — это общая и притом чрезвычайно важная закономерность нашего развития, но на Карагандинском металлургическом заводе это особенно бросается в глаза. Заглянем в доменный цех, посмотрим, как трудятся Ахат Набиулин, которому довелось открывать летку при плавке первого казахстанского чугуна, горновые Геннадий Лебедев и Тулеген Юсупов, газовщики Вадим Камендов и Владимир Колбаса, побеседуем с ними. И мы увидим, что это не только рабочие высшей квалификации, настоящие мастера своего дела, но и культурные, образованные люди.

Один из представителей нарождающейся темиртауской династии металлургов — Тлеубек Хамзин работал на строительстве Казахстанской Магнитки, а когда задули первую домну, пришел в доменный цех. Был вначале подсобным рабочим, потом поставили подручным к горновому. Шло время, и Тлеубек закончил заочное отделение Московского института стали и сплавов, стал старшим газовщиком доменного цеха. Недавно он поступил в заочную аспирантуру. И кто знает, может быть, именно ему удастся сказать новое слово в науке о плавке металла.

Отцы и деды тех, кто сегодня работает в огненных цехах Казахстанской Магнитки, кочевали в безбрежных степях, жили в глухих, далеких аулах, страшась рассказов о том, что где-то, на краю света, мчится по земле «шайтан-арба», сотрясая степь грохотом металла, обжигая все вокруг своим огненным дыханием. Сегодня сыновья и дочери кочевников сами творят историю и сами пишут ее. Это они предложили написать историю строительства большого первоклассного завода у подножия Железной горы. Можно быть уверенным, что эта книга станет одним из самых взволнованных документов наших дней. Вот строки из будущей книги, посвященные труду большой группы болгарской молодежи на строительстве Казахстанской Магнитки.

«...Работы на строительстве плотины имени Александра Стамбулицкого подходили к концу. Еще немного — и до самого горизонта раскинется зеркальная гладь искусственного моря, созданного руками человека, хлынут на поля потоки воды, ярким заревом вспыхнут огни электростанции. Владимир Конев с первого дня на этой народной стройке. Не сосчитаешь, наверное, сколько он выбросил

Знатный металлург Казахской
Магнитки Тулеген Адам-Юсупов.

грунта своим «Ковровцем», присланным из Советского Союза. Сюда принесли ему телеграмму из ЦК Коммунистической партии Болгарии, тепло поздравившего машиниста экскаватора с выполнением годовой нормы за шесть месяцев. Сюда, радостный и взволнованный, вернулся он из Софии после получения ордена Георгия Димитрова. А двумя годами позднее случилось то, чего, конечно, никто не ожидал.

Экскаватор только что прошел капитальный ремонт. Всегда послушная Владимиру машина вдруг закапризничала. Но это не страшно. Ведь не напрасно же пять лет назад Владимира, только что ставшего членом Коммунистической партии Болгарии, посылали учиться на курсы машинистов экскаваторов! Ведь недаром его называют первым экскаваторщиком республики! Вот он сейчас выключит мотор, проверит каждый узел, подтянет болты, смажет детали — и все будет в порядке. И все, конечно, было бы в порядке, если бы не оплошность помощника, нечаянно включившего электромотор.

...Владимир очнулся в больнице. Пахло эфиром и мучительно хотелось пить. Заботливое участие светилось в грустных и внимательных глазах врача, склонившегося над ним. Владимир попытался привстать и вдруг понял все. Первая мысль была: «А как же теперь с работой? Кому я нужен, калека, без ноги?»

Через три месяца Владимира выписали из больницы. Осторожными, неверными были его первые шаги. Тяжело опираясь на костыли, Владимир добрался до плотины. Экскаваторщика окружили друзья, участливо расспрашивали о здоровье, делились новостями. Подошел начальник строительства инженер Атанасов, поздоровался, предложил:

— Если думаешь работать, могу назначить в инструментальный склад.

Владимир невесело усмехнулся и ничего не сказал в ответ.

...Почти каждое утро Владимир, опираясь на костыли, приходил на стройку, внимательно вслушивался в ее шум, смотрел, как уверенно и четко работает на «Ковровце» сменивший его экскаваторщик. Потом его стали видеть опиравшимся на толстую, вырезанную из молодого ясеня палку. Однажды Владимир пришел на плотину раньше обычного. «Ковровец» размеренно долбил землю. Конев поднялся в кабину, осторожно тронул за плечо машиниста:

— Ну-ка позволь, друг, я попробую.

Тот удивленно посмотрел на Владимира и, отвернувшись, глухо проговорил:

— Где тебе! Да разве теперь сможешь?

Владимир поставил плохо слушающиеся ноги на педали и сильным движением выжал сцепление. Все тело прорезала острая боль. Перед глазами качнулась и поплыла куда-то в сторону плотина. Резким толчком Владимир передвинул рычаг, и ковш со скрежетом зачерпнул каменную крошку, плавно поплыл вверх, одновременно разворачиваясь вправо. Водитель самосвала высунулся из кабины: и удивленно свистнул.

Владимир проработал всю смену, выполнив задание, предназначенное для двух таких экскаваторов. Через несколько дней он принял машину и все пошло по-прежнему, будто и не было несчастья. Но не прошло и четырех месяцев, как Владимиру пришлось снова лечь в больницу.

— Я вас теперь не выпущу отсюда! — бушевал всегда такой спокойный и внимательный врач. — Хотите получить гангрену? Неужели вы не понимаете, что рискуете жизнью?! Я вам запрещаю работать на этой чертовой машине...

Но через некоторое время Владимира вновь увидели на стройке плотины в кабине экскаватора. С каким-то ожесточенным упорством старался он победить то, что мешало ему чувствовать себя так же уверенно и легко, как прежде. Бывали дни, когда он работал за двоих и даже за троих. И когда машинист экскаватора после смены, едва заметно прихрамывая, шел к своему дому, молодые рабочие провожали его восхищенными взглядами, а старики снимали перед ним шапки.

Когда закончилось сооружение плотины и гидростанции, Владимиру вручили второй орден Димитрова — высшую награду Болгарской республики.

На строительство Казахской Магнитки, куда вместе со своими друзьями по путевке Тырновского окружного комитета Коммунистической партии Болгарии приехал Владимир Конев, долгое время никто не знал, какое несчастье постигло его несколько лет назад: работая на рытье котлована первой доменной печи, экскаваторщик из Болгарии давал до пяти норм за смену. Когда по стройке поползла слухи, что экскаваторщик-то ходит на протезе, потому, мол, и прихрамывает чуть-чуть, если повнимательнее присмотреться, их принимали за неумную шутку.

Давно уехал Владимир в родную Болгарию, а в Темиртау до сих пор можно слышать:

— Был у нас на стройке своей Мересьев. Не наш, правда, болгарский, но какое это имеет значение?

Так претворялась в явь легенда Железной горы.

ОГНИ БАЛХАША

На юго-восток от Темиртау в обширной Балхаш-Алакульской впадине раскинулось озеро Балхаш — одно из самых больших на земном шаре. Гигантской изумрудно-голубой подковой изогнулось

оно на безбрежной равнине, к северу постепенно переходящей в мелкосопочник. Более чем на шестьсот километров в длину вытянулось озеро с юго-запада на северо-восток, а ширина его колеблется от одиннадцати до восьмидесяти четырех километров.

В Центральном Казахстане, в краю жесточайшего безводья, студеных и знойных ветров озеро Балхаш с водной поверхностью, превышающей девятнадцать тысяч квадратных километров, кажется необъяснимым чудом, и это нашло отражение в многочисленных легендах об Ак-Тенгизе, неожиданно появившемся в пустыне. В давние времена, повествует одна из этих легенд, жил у подножия Пестрых гор могущественный чародей, по имени Балхаш, и была у него любимая дочь, луноликая красавица Или. Она полюбила бедного пастуха Каратала, и в темную летнюю ночь полюбившие друг друга молодые люди бежали из аула, чтобы навеки соединить свои судьбы. Джигиты, снаряженные в погоню на крылатых тулпарах, не смогли настигнуть беглецов. Тогда жестокий чародей превратил влюбленных в две реки — Или и Каратал, а сам стал большим озером и лег на их пути. Так и текут по песчаной пустыне две реки, не будучи в силах соединиться, и впадают в Балхаш.

Это древняя легенда. А вот предание наших дней.

Шла первая советская пятилетка...

На верблюде, уставшем от долгого пути, в сопровождении бывалых степняков в кочевой аул на берегу бухты Бертыс приехал незнакомый человек. Следуя степному обычаю, он учтиво поприветствовал стариков, затем молодых и, шатаясь от усталости, вошел в юрту. Немного передохнув, незнакомец обратился к самому уважаемому в ауле аксакалу с просьбой собрать как можно больше людей: ему нужно поговорить с ними об одном очень важном деле.

Дружный народ жил в ауле, и возле юрты аксакала вскоре собралось почти все население. Приезжий обратился к собравшимся с такими словами:

— Друзья! Советская власть решила построить на берегу Балхаша большой завод для выплавки меди. Рядом с заводом будет город. Вы сами понимаете, какое нелегкое это дело — построить город и завод в пустыне, и Советская власть приглашает всех, кто пожелает, пойти работать на эту очень важную для Казахстана и для всей нашей страны стройку.

Старый Куруш, сидевший в ряду почтенных аксакалов, изумленно воскликнул:

— Ой-пормой! Город и завод на этом берегу? Клянусь аллахом, я ладонями вычерпаю озеро до самого дна скорее, чем сбудутся твои слова.

Было это в 1930 году. А сейчас старый Куруш, которого можно считать первым строителем Балхаша, живет в одном из самых лучших домов города на улице Ленина. Из окон его просторной, светлой квартиры виден весь город и голубой залив, по которому скользят парусные яхты. Уложив любимого внука спать, рассказав ему сказку о жестоком волшебнике, по имени Балхаш, старый Куруш выходит на балкон и, вдыхая свежий ветерок, доносящийся со сверкающего, словно серебро, озера, долго любитесь огнями родного города.

О кладах, тающихся в недрах Прибалхашской пустыни, русские купцы-промышленники и иностранные капиталисты впервые услышали более ста лет назад. Прослышав от степных кочевников о том, что неподалеку от бухты Бертыс на Балхаше много раз в прошлом находили следы древних разработок медной руды и выплавки меди, энергичный и деятельный уральский промышленник А. Дерев в 1901 году подал заявку на разведку Коунрадского меднорудного месторождения. Почти в то же время в Северном Прибалхашье можно было встретить доверенных людей английского капиталиста Уркварта. Выдавая себя за охотников или влюбленных в пустыню путешественников, они бродили меж пологих сопок и песчаных барханов, ко всему приглядывались, что-то искали.

Интерес иностранного капитала к прибалхашским недрам был настолько велик, что почти двадцать лет спустя, в 1920 году, Лесли Уркварт писал в Главный концессионный комитет при Совете Труда и Оборона: «Не дадите ли Вы мне в таком случае возможности поковыряться в киргизской степи около Балхаша и дальше. Раньше чем через 50, а может быть, и 100 лет вы этими местами все равно не займетесь. А я поищу и, может быть, что-нибудь найду».

Советское правительство не предоставило английскому предпринимателю такой возможности. Не через сто лет, а всего через два года в Прибалхашские пески пришли советские геологи во главе с М. П. Русаковым. Недалеко от Бертысской бухты, в семнадцати километрах от того места, где теперь раскинул свои зеленые кварталы город Балхаш, они разведали крупнейшее из всех известных тогда месторождений медной руды. И уже тогда стало ясно: быть на берегу Балхаша большому благоустроенному городу, медной столице страны!

Коммунистическая партия взяла курс на индустриализацию страны, и теперь медь была нужна больше, чем хлеб. Сотни километров полнейшего бездорожья, сыпучих песков, безводной пустыни отделяли урочище Коунрад, где лежали медные клады, от ближайшей железнодорожной станции. Но в 1930 году на берегу Бертыс-

ской бухты началось строительство медеплавильного завода, а в конце 1938 года его отражательные печи дали первый металл. В строй действующих предприятий страны вступил медеплавильный завод, равного которому по мощности до сих пор нет ни в одной из стран Европы.

Медеплавильный завод на Балхаше был первым предприятием цветной металлургии, которое строили советские инженеры, и вполне закономерно, что им пришлось равняться на опыт зарубежных стран и прежде всего США. Это стоило Советскому государству огромных средств, но стране необходима медь, и она была вынуждена идти на любые затраты. Пока завод проектировался и строился, технология и оборудование цехов успели пережить губительный процесс моральной амортизации, и их пришлось сразу же обновлять. Но и в этих сложных условиях балхашские металлурги показали высокие образцы трудовой доблести. К 1958 году они перекрыли проектную мощность по производству черновой меди почти в три раза. Во все концы страны и на мировой рынок идет сегодня балхашская медь и цветной прокат. В 1966 году за достижение высоких технико-экономических показателей и успешное внедрение новой техники Балхашский горно-металлургический комбинат — флагман медеплавильной промышленности страны — награжден орденом Ленина.

В конце прошлого века в Северном Прибалхашье побывал профессор Никольский, хранитель музея зоологии Санкт-Петербургского университета. В своей книге, посвященной этому путешествию, профессор писал: «Места здесь гиблые, вся растительная жизнь обречена на полное вымирание...»

Гиблые места... Когда самолет, совершающий рейс Караганда — Алма-Ата, приближается к Балхашскому аэропорту, восхищенные взоры пассажиров из общей панорамы выхватывают детали: розовато-зеленые отвалы Коунрадского карьера, чем-то напоминающие гигантские пирамиды Древнего Египта, серые султаны дыма, уносимые от города тянущим с озера бризом, зеркальную голубизну бухты и многочисленные зеленые острова, вкрапленные в квадраты жилых кварталов города.

В Балхаше много зелени и еще больше цветов, придающих городу веселый, праздничный вид. Нет, не гиблые эти места...

Балхашский горно-металлургический
комбинат.

Балхаш сегодня — это город с семидесятитысячным населением, с Дворцами культуры и рабочими клубами, светлыми зданиями техникумов и школ, кинотеатров и библиотек, больниц и детских садов. Город раскинулся на берегу чудесного озера, которое многие называют морем, и убеждены, что Балхаш — город приморский, приводя в доказательство своей правоты такие слова: «Посмотрите перед закатом солнца на взморье — парусов-то сколько! Не меньше, наверное, чем в Риге...»

Сравнение с латвийской столицей здесь, пожалуй, преждевременно: Рига с незапамятных времен считается одним из крупнейших международных центров парусного спорта. Что касается балхашских яхтсменов, то многие из них являются уже несколько лет кряду участниками международных парусных регат, а нормировщик горно-металлургического комбината С. Мальцев, токарь П. Черненко и конструктор Г. Гривизирский занимали даже призовые места.

Поскольку зашла речь о культурном кругозоре балхашцев, их духовных запросах, уместно заметить, что во Дворце культуры металлургов уже несколько лет работает Народный театр, коллектив которого с успехом выступал на сцене Кремлевского театра в Москве. Здесь, в городе, выросшем на берегу Бертысской бухты, родился и жил талантливый композитор Еркегали Рахмадиев, чей «Вечер на Балхаше» с большим успехом исполняет Казахская государственная хоровая капелла.

Тридцать лет назад, когда завод только строился и вместо строгих городских кварталов, сбегающих к водной глади озера по пологому взгорку, на берегу бухты теснились глинобитные домики небольшого рабочего поселка, на ударную стройку страны приехали пятьсот коммунистов и полторы тысячи комсомольцев. Они строили город и завод, и многие до сих пор работают в цехах горно-металлургического комбината и других предприятий и учреждений города.

На берегу лазурного озера поднимались цехи-гиганты «Магнитки цветной металлургии» и стены будущего города мастеров меди. У строителей на вооружении были тачка да носилки, топор да лопата-грабарка. О механизации строительных работ, по крайней мере, в начальный период, можно было только мечтать: первый поезд пришел к берегу Бертысской бухты в 1936 году, а до этого путешествие на Балхаш представлялось делом почти фантастическим. В биографии Балхаша и тех, кто строил его и работал на медеплавильном заводе, есть поистине героические эпизоды. В 1933 году, когда строительство в Прибалхашской пустыне шло полным ходом,

в Москве заканчивал Институт цветных металлов молодой джигит из далекого казахского аула Камал Кадыржанов.

— Куда поедешь, Камал, после защиты диплома? — спрашивали товарищи, и он, не задумываясь, отвечал:

— Конечно, на Балхаш! Знаете, какой там строится завод...

Полтора месяца добирался Камал Кадыржанов до места своей первой работы. От Караганды через безводные пески две недели шел пешком и едва не погиб от голода и жажды.

С улыбкой рассказывал об этом на встрече комсомольцев трех поколений невысокий, плотный человек с густой сединой в волосах. Встреча эта проходила в начале нынешней пятилетки во Дворце культуры металлургов, и со всех концов страны приехали в Балхаш те, которые были первыми строителями в Прибалхашье.

Балхашский медеплавильный завод был первенцем социалистической индустриализации Казахстана, к которой республика приступала, испытывая острую нехватку квалифицированных рабочих, при почти полном отсутствии инженерно-технических работников, командиров производства.

До Великой Октябрьской социалистической революции на территории обширнейшего края не было ни одного высшего или специального среднего учебного заведения, и проблему создания кадров национальной производственно-технической да и вообще национальной интеллигенции приходилось решать, если говорить языком современных строителей, с «нулевого цикла». Начинать решение этой задачи надо было с создания крупных учебных заведений для подготовки квалифицированных национальных педагогических кадров.

Создание кадров советской интеллигенции, и в частности национальной, стало центральной задачей партийных и советских организаций. И эта задача решалась в неразрывной связи с хозяйственным строительством в республике. Огромную помощь в решении этой задачи Казахстан получал от крупнейших городов и промышленных центров страны, куда по путевкам партийных и комсомольских организаций казахская молодежь направлялась в высшие и специальные средние учебные заведения. В институтах и техникумах Москвы, Ленинграда, Омска, Саратова, Казани, Ташкента в 1924/25 учебном году обучалось более 1300 студентов из Казахстана, в том числе около 400 казахских юношей. В Оренбурге был открыт рабфак для подготовки казахской молодежи к поступлению в высшие учебные заведения. На рабфаках, созданных во многих крупных городах страны, большое число мест предоставлялось казахской молодежи.

Потребности Казахстана в квалифицированных кадрах для народного хозяйства и культуры были очень велики и росли с каждым годом: в намечавшихся уже тогда партией грандиозных планах индустриализации страны Казахстану отводилось важное место, определявшееся богатейшими природными ресурсами республики, ее громадным экономическим потенциалом. Эти потребности можно было удовлетворить только за счет создания в республике национальных кадров интеллигенции, командиров производства, партийных, советских и хозяйственных работников. Это было одно из важнейших требований осуществления на практике ленинской национальной политики.

В Казахстане начала создаваться широкая сеть специальных средних, а позднее и высших учебных заведений. В 1924/25 учебном году действовало 11 техникумов, в том числе 6 сельскохозяйственных и промышленно-экономических. В 1928 году на территории республики было 24 техникума, а в 1932 количество их увеличилось до 89 (в том числе 15 индустриальных и 23 сельскохозяйственных). Тогда же около двух тысяч человек казахской молодежи готовились к поступлению в высшие учебные заведения. В годы первой пятилетки резко возросло количество молодежи республики, обучавшейся в вузах страны. Ежегодно сотни выпускников высших учебных заведений центральных районов страны приезжали на постоянную работу в Казахстан.

— Мы были первыми здесь, — говорил седой крепкий человек, — и мы гордимся этим. Но нам было очень нелегко. Трудно было тогда на Балхаше...

Должно быть, эти трудности оказали решающее влияние на всю дальнейшую судьбу покорителей сурового Прибалхашья. Присмотримся же к этой судьбе.

В числе тех, кто был первым на Балхаше, мы встречаем нынешнего начальника смены обогатительной фабрики Героя Социалистического Труда Жалкибая Беисова и механика электролитного цеха Петра Михайловича Шапошникова, талантливого рационализатора Хамзу Файзутдинова и теперешнего директора комбината Петра Петровича Матюшина, депутата Верховного Совета СССР.

Камал Кадыржанов, возглавлявший на Балхаше первую опытно-обогатительную фабрику, стал начальником главного управления медной промышленности Министерства цветной металлургии Казахской ССР. Его организаторские способности и глубокие знания давно снискали добрую славу у его земляков. Многие связаны с Балхашом и у кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаева. Был он на

Балхашском медеплавильном рядовым рабочим, а после окончания института — сменным, и затем главным инженером и директором Коунрадского рудника.

Балхаш — крупнейший центр медной промышленности страны, и за три десятилетия существования медеплавильного гиганта здесь прошли хорошую школу люди, ставшие крупными специалистами и организаторами важнейшей отрасли советской индустрии. Первый заместитель министра цветной металлургии СССР И. А. Стригин, например, так и говорит:

— Довелось мне пускать первую обогатительную фабрику на Балхашском горно-металлургическом комбинате, тогда еще медеплавильном заводе, и порядком поработать на ней. Трудно было тогда всем нам, ой как лихо! В пустыне поднялся завод. Но это была настоящая школа, можно сказать, школа жизни для многих.

Из огненных цехов Балхашского металлургического комбината в бессмертие шагнула Вера Хоружая, бесстрашная разведчица Витебского подполья в годы Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза.

Балхашский горно-металлургический комбинат дает наибольшее количество меди, производимой в СССР, и эта медь — самая дешевая в стране. Что касается качества балхашской рафинированной меди и цветного проката, то об этом лучше всего судить по непрерывно растущему спросу на нее на мировом рынке.

К концу минувшей семилетки балхашцы по производству черновой меди перекрыли проектную мощность своего предприятия почти в четыре раза. Образно говоря, на берегу Вертысской бухты теперь действует не одно построенное с помощью американских специалистов предприятие, а четыре медных гиганта. Это практические результаты технического прогресса, ставшего отличительной чертой балхашского гиганта с первых дней его жизни. Здесь была получена первая медь, выплавленная в конверторах с помощью кислородного дутья. В тесном содружестве ученых Академии наук Казахской ССР и металлургов Балхаша здесь родилась и получила практическое осуществление идея циклонной плавки, означающая технический переворот в металлургических процессах.

Славен город, построенный в пустыне, своим металлом, получающим широкое применение почти во всех отраслях машиностроения и приборостроения, без которого не было бы ни кибернетических, ни электронных машин, ни космических кораблей, ни лунных спутников.

Но Балхаш — это не только медь и цветной прокат самых высоких марок. Озеро с впадающими в него многочисленными река-

ми — это значительный рыбопромысловый район. Добрую славу завоевал у населения многих городов и рабочих поселков знаменитый балхашский сазан. С ним успешно соперничает акклиматизированный здесь сравнительно недавно судак, достигающий диковинных размеров. Многие гастрономы деликатесом считают филе маринки и османа, а искусственно разведенный здесь шип может смело конкурировать с лучшими представителями осетровых Каспия и Урала.

...Почти три десятилетия дымят трубы Балхашского медеплавильного, а неподалеку от голубого озера, у подножия невысокой сопки, похожей на спящего верблюда, гремят глухие взрывы. Долго еще греметь здесь мирным взрывам, но уже сегодня Коунрад основательно подкрепляют Гульшадский и Саякский рудники, где в последние годы открыты богатейшие запасы медных и полиметаллических руд.

Размеренной трудовой жизнью живет Балхаш, город металлургов и рыбаков.

«МЕСТО, ГДЕ КОПАЛИ МЕДЬ»

Поезд отходит от перрона станции Балхаш и круто поворачивает на запад. Перед взором только два цвета: справа за горизонт уходит желтая бескрайняя песчаная равнина, слева — безбрежная синь озера.

Близ станции Моинты на горизонте вырисовываются фиолетовые силуэты сопки. Скоро Каражал и Атасу, откуда идет руда на Казахстанскую Магнитку. Вправо уходит ветка на Акчатау.

Вот и станция Жарык, ставшая узловой, когда лет пятнадцать назад железная дорога соединила со всей страной Джезказган — уникальный комплекс месторождений полезных ископаемых.

«Джезказган» в переводе с казахского означает: «Место, где копали медь».

Что это — еще одна легенда, которыми так богата степь? Кто и когда копал здесь медь?

В глубокую древность уходят истоки первых сведений об этом уголке земного шара. Греческий историк Геродот свидетельствовал, что еще в V веке до нашей эры (около двух с половиной тысячелетий назад) к северу и востоку от Аральского моря жившие здесь саки и массагеты добывали медную руду и плавили металл, из которого изготовляли копья, стрелы, посуду и другую утварь.

Итак, это было на северо-востоке от Аральского моря. Там, где ныне текут маловодные реки Жаман-Сарысу и Жаксы-Сарысу и, слившись воедино, образуют одну из самых больших рек Центрального Казахстана Сарысу, что значит «желтая вода». Неподалеку от северной кромки глинистой пустыни Бетпак-Дала... Так это же и есть Джезказган!

Бассейном реки Джезды, местом, где копали медь, почти одновременно заинтересовались археологи, историки и геологи. Удалось установить, что именно здесь более двух тысячелетий назад добывали древние рудокопы медную руду, и отсюда шла бронза в государства Средней Азии. В 1771 году в этих местах побывал член первой географической экспедиции Российской Академии наук капитан Рычков. В своем отчете он писал: «В окрестностях Улутауских гор, по течению рек Джезды и Кенгир, обнаружено великое множество медных руд, копанных древними обитателями...»

Иностранцы, и прежде всего английские, капиталисты, начавшие проникать в казахскую степь в конце минувшего века, не могли не приметить этого богатейшего района. Первая же попытка разведать этот меденосный район показала, что недра земли здесь богаты не только медной рудой, которую можно было добывать путем сортировки отвалов, оставшихся после древних рудокопов. Место, где копали медь, было богато и железом, и свинцом, и марганцем, и золотом, и огнеупорными глинами, и гипсом. Когда-то русский купец-промышленник Ушаков купил у неграмотного бая Джезказган за 400 рублей, а в 1909 году английские капиталисты предложили наследникам Ушакова за этот кусок земли 260 тысяч рублей — неслыханную по тем временам сумму, и «Акционерное общество Атбасарских медных руд» стало владельцем несметных богатств Джезказгана.

В урочище Карсакпай акционеры решили строить медеплавильный завод. До ближайшей железнодорожной станции Джусалы на Оренбургско-Ташкентской железной дороге от Карсакпая почти четыреста километров через пустынные пески, и англичане не рискнули прокладывать железную дорогу, чтобы доставлять для строительства завода необходимые материалы и оборудование. Прокладка железнодорожной линии предполагала капитальную организацию разработки богатейшего месторождения и требовала больших затрат. Акционеры же рассчитывали капиталов затратить поменьше, а барыша получить побольше. И решили доставлять в Карсакпай строительные материалы и заводское оборудование с помощью «перекидной» узкоколейки. На проложенные по песку рельсы поставят паровоз-«кукушку» и несколько нагруженных вагончиков,

продвинут состав на несколько сотен метров вперед и — стоп, машина! Там, где прошел состав, разбирают временный путь и снова укладывают рельсы перед паровозом. Три года добирался этот «поезд» до Карсакпая и пришел на «станцию назначения» осенью 1917 года, за несколько дней до Великой Октябрьской социалистической революции, когда английским и всем иным капиталистам нужно было не о барышах думать, а прикидывать, как бы ноги унести. Так и остался недостроенным медеплавильный завод в Карсакпае. Лишь в 1928 году, после решения Советского правительства о создании Джезказганского промышленного района, он выдал первую плавку меди.

Не одно десятилетие Джезказганское месторождение медных руд привлекает к себе пристальное внимание геологов. Первые палатки разведчиков подземных кладов появились здесь, у северной кромки Ветпак-Далы, в середине двадцатых годов, когда из низовий затерянной в песках реки Чу непуганные тысячные стада сайги медленно передвигались по направлению к Сары-Арке. Одним из первооткрывателей Джезказгана был молодой инженер-геолог Каныш Сатпаев. Он первым высказал и подробно обосновал мысль о необычайных природных богатствах Джезказгана. Позднейшие исследования подтвердили правоту Сатпаева. Они доказали, что Джезказганское месторождение по запасам меди занимает первое место в Советском Союзе и одно из первых мест в мире. Этой поистине чудесной кладовой природы могла бы гордиться любая страна. Джезказган, кроме Карсакпайского медеплавильного, снабжает медным концентратом Балхашский и Уральский медеплавильные заводы. Сейчас на базе уникального месторождения строится крупнейший комбинат, высококачественная медь которого будет далеко не единственной продукцией.

Большой Джезказган, поднимающийся на берегах Кенгирского водохранилища, — это целый гигантский комплекс первоклассных механизированных шахт и карьеров, обогатительных фабрик, цехов металлургического передела. В конце семилетки здесь вступила в строй шахта № 55, представляющая собой прообраз всех новых шахт меднорудных бассейнов страны. В забоях шахты-гиганта работают мощные экскаваторы и самоходные буровые каретки. Все процессы добычи руды механизированы, а управляют машинами приборы-автоматы. Это, по сути дела, гигантский подземный конвейер, где труд шахтера сведен к наблюдению за работой сложных машин. Производительность труда рабочих на этой шахте в два-три раза выше, чем на других.

В течение пятилетки в Джезказгане будет построена еще одна

Джезказган. В новой механизированной шахте № 55.

комплексно-механизированная шахта такой же мощности. В 1969 году вступит в строй медеплавильный завод, оснащенный новейшим оборудованием. Производство рафинированной меди в Казахстане за пятилетие увеличится в 1,9 раза, и в значительной степени это будет достигнуто за счет ввода новых мощностей Большого Джезказгана.

Джезказганские обогатители уже сейчас извлекают из руды до 93 процентов металла и дают концентрат, содержащий 35 процентов меди. Таких показателей достигли лишь немногие обогати-

тельные фабрики в США, Чили, Перу. Это уровень лучших мировых стандартов.

За успехи в добыче и переработке руды и внедрение новой техники Джезказганский горно-металлургический комбинат награжден орденом Ленина.

В самом центре Казахстана, на границе Казахского мелкосопочника и пустыни Бетпак-Дала, в краю знойных ветров и лютых морозов, поднял в небо громады производственных корпусов и раскинул строго расчерченные жилые кварталы город меди, благородных и редких металлов, один из крупнейших промышленных центров, созданных на древней казахской земле.

КОСМИЧЕСКИЕ РЕЙСЫ

О многом поведают любознательному путнику безмолвные свидетели глубокой древности, с которыми мы встречаемся во всех уголках этого обширного края. Стертые временем с лица земли караванные тропы и развалины древних мазаров. Разрушенные стены караван-сараев и следы деятельности рудокопов, трудившихся здесь тысячелетия назад... Неподалеку от Джезказгана, на одной из вершин Улутауских гор, сегодня можно видеть развалины сооружения, относящегося, по данным археологов, ко времени Тамерлана, проходившего здесь со своими войсками в последнем десятилетии XIV века.

Многие годы в исторической науке велись споры о том, где именно проходили войска Тимура, направлявшиеся в Золотую орду для того, чтобы разбить непокорного татарского хана Тохтамыш. В отрогах Улутауских гор Тимур остановил свои войска на отдых и на вершине Алтыншоки заложил памятную плиту. Надпись на ней, расшифрованная тридцать лет назад, гласит:

«В год овец 793 (по нашему летосчислению в 1391 году) Тимур прибыл в страну Токмак в поход на Тохтамыш-хана. В этом месте воздвиг обо, да помнят все люди обо мне с молитвой».

Новую жизнь вдохнули советские люди в эту древнюю землю. Шли годы созидания, и внимание жителей всей планеты снова и снова обращалось к событиям, происходившим на территории Центрального Казахстана.

12 апреля 1961 года радиостанции Советского Союза передали сообщение, приковавшее к этой древней земле внимание всего мира:

— В космосе гражданин СССР Юрий Гагарин!

Первый в истории человечества космический корабль поднялся в звездные выси с космодрома Байконур, затерянного в безбрежных просторах Центрального Казахстана.

В иллюминаторы своего корабля Космонавт-1 видел материки нашей планеты и омывающие их моря и океаны. На светлом лике родной страны он мог отчетливо различить и ту землю, с которой стартовал «Восток».

Шло время, полнилась семья советских космонавтов.

С древней казахской земли стартовали космические корабли и, космонавты, исполнив высокий долг перед своей Родиной, благополучно возвращались. Суровая, не приветливая с виду, то поросшая серо-голубыми кустиками полыни, то укрытая слоем сыпучего песка, то расчерченная на гигантские квадраты пшеничных полей, эта земля ласково, как любящая мать, встречала отважных разведчиков Вселенной, прокладывающих пути в завтрашний день человечества.

ВТОРАЯ ЖИТНИЦА СТРАНЫ

НА ПРОСТОРАХ ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛИ

Земельные просторы Казахстана исчисляются цифрой, поражающей воображение: 276 миллионов гектаров! Территория Казахской ССР простирается от горных хребтов Алтая и Джунгарского Алатау на востоке до Каспийского моря и низовий Волги на западе, от заоблачных вершин Тянь-Шаня и пустынь Средней Азии на юге до южной части Западно-Сибирской низменности на севере. Земельная площадь Казахстана превосходит территорию всех остальных тринадцати союзных республик (за исключением РСФСР), взятых вместе.

Огромная территориальная разбросанность сочетается с большим разнообразием почвенно-климатических зон, и это получило яркое выражение в направлении и организации сельскохозяйственного производства.

Поезд, следующий, например, из Ташкента в Свердловск, проделывает тысячекилометровый путь по трансказахстанской магистрали, и перед взорами его пассажиров разворачиваются величественные картины. По крайнему югу республики широкой каймой тянется зона бугристых, грядовых и барханных песков, перемежающихся с лишенными растительности такырами и зарослями саксаула.

Остается позади песчаная страна желтого безмолвия, и за окнами вагона плывут и плывут уходящие за горизонт бурые пятна солончаков.

Кончилась зона солончаков с бесчисленными сорами, и взору открывается пустыня, покрытая эфемерной растительностью — пламенеющая самыми неожиданными красками ранней весной, серая и безжизненная в остальные времена года.

Дальше на север идет зона полынно-солончаковых пустынь, еще дальше раскинулись неоглядные просторы степей.

Земледелие без искусственного орошения здесь практически невозможно, расширение поливных земель лимитирует крайняя ограниченность водных источников. Стало быть, это вконец гиблые места, бросовые земли?

Такой вывод был бы преждевременным и ошибочным. Эти земли — величайшее богатство республики, ее природные кормовые угодья. Площади естественных пастбищ Казахстана составляют 175 миллионов гектаров. Это 83 процента всех сельскохозяйственных угодий республики и более половины общей площади пастбищ, имеющих в Советском Союзе. В Карагандинской области, например, занимающей большую часть Центрального Казахстана, более 25 миллионов гектаров пастбищ, в том числе свыше 13 миллионов гектаров летних. И вполне закономерно, что сельское хозяйство здесь представлено, прежде всего, высокоразвитым животноводством, в частности овцеводством.

С завершением строительства канала Иртыш — Караганда осуществляется частичный поворот одной из великих рек Сибири на юг, в безводные просторы Казахстана. В будущем, когда удастся преградить многим сибирским рекам их извечный путь в Северный Ледовитый океан и направить гигантские массы воды на юг, в Каспийское и Аральское моря, пустыни Центрального Казахстана превратятся в зеленые оазисы, в плодороднейшие районы земного шара. Над решением этой грандиозной проблемы не прекращают работать советские ученые, и можно верить, что она будет осуществлена.

На протяжении многих лет внимание ученых привлекает проблема использования подземных вод, особенно важная для Центрального Казахстана. Исследованиями последних лет здесь выявлены огромные запасы подземных пресных вод, залегающие (в зависимости от физико-географических и геологических условий того или иного района) на глубине от пяти метров до одного километра. Подземные, а также грунтовые воды играют все большую роль в снабжении промышленности, сельскохозяйственных предприятий и населенных пунктов. Но в этом направлении делаются только первые

шаги, и предстоит очень упорная работа для того, чтобы в полной мере использовать эти дары природы.

...Трансказахстанская магистраль уходит все дальше на север, и с каждым километром меняется ландшафт. Все более мягкие, словно размытые, очертания приобретают виднеющиеся по горизонту сопки, и все чаще расстилаются по равнине гигантские квадраты пшеничных полей. Вот справа промелькнула и вновь исчезла меж пологих холмов голубая лента реки. Это верховья Ишима — главной реки обширного хлебородного края, начинающегося у северной границы Казахского мелкосопочника. Тысячу четыреста километров по безбрежным североказахстанским степям будет спокойно и величаво нести свои воды эта река, чтобы далеко на севере, за Петропавловском, в Западной Сибири, отдать их Иртышу, умножив его богатырскую силу.

Поезд с грохотом проносится по ажурному мосту через Ишим — и мы в пределах Целиноградской области, площадь которой превосходит территорию пяти вместе взятых европейских стран — Нидерландов, Дании, Бельгии, Швейцарии и Люксембурга.

КОНЕЦ «БЕЛОЙ МОГИЛЫ»

В Целиноградской области (бывшей Акмолинской), краю неогладных степных просторов, счет, чего бы дело ни коснулось, идет на семизначные, а нередко и еще более солидные цифры: так велика здесь приверженность ко всему масштабному, величественному.

Очень интересна «биография» этой области. Образованная почти сто лет назад (в 1868 году), она занимала до Октябрьской революции почти всю территорию Северного и Центрального Казахстана. Административным центром Акмолинской области был город Омск — резиденция генерал-губернатора Степного края. Один из уездов этой области-великана — Акмолинский — занимал территорию, на которой ныне размещены Карагандинская и Целиноградская области. И на всей этой громаднейшей территории — ни одного километра железнодорожных путей!

Патриархальщина и дикость царили полвека назад на приишимских просторах, и славился этот обширный край лишь своими знаменитыми ярмарками. Более века стоит на реке Жабай, притоке Ишима, степной городок, в прошлом казачья станица Атбасар. Видимо, от шумных ярмарок, на которые пригоняли скот со всех кон-

цов казахской степи и Средней Азии, а для обмена на скот везли хлеб из Сибири, Поволжья и Урала, и пошло его название: «Ат-басар» — конский базар. На территории, способной вместить пять европейских государств, в 1914 году было всего семьдесят школ, главным образом начальных, для детей русских переселенцев, и несколько крошечных библиотек с двумя-тремя сотнями затрепанных книжек на полках. В русских селах, раскинувшихся по берегам Ишима, не говоря уже о затерянных в степи казахских аулах, трудно было сыскать грамотного человека.

Наш поезд останавливается у перрона станции Целиноград, расположенной примерно в том месте, где еще совсем недавно можно было видеть развалины Белой могилы, возникшей много веков назад на перекрестке древних караванных путей, давшей впоследствии название городу: Акмола — Акмолинск.

Сегодня от станции Целиноград уходят грузовые и пассажирские поезда и пассажирам не нужно делать пересадку, чтобы попасть в Москву, Алма-Ату, Караганду, Днепрпетровск, Барнаул, Киев, Минск.

На месте степного пыльного Акмолинска вырос большой современный город Целиноград с широкими проспектами и улицами, застроенными многоэтажными зданиями. Целиноградский Дворец целинников украсил бы любую из главных улиц современного благоустроенного города.

В Целинограде находится крупнейший в республике сельскохозяйственный институт, несколько техникумов, десятки школ. По вечерам областной драматический театр, рабочие клубы и кинотеатры гостеприимно встречают целиноградцев.

«Казахсельмаш» — эту марку можно видеть на многих сельскохозяйственных машинах почти в каждом совхозе и колхозе Казахстана. Построенный в предвоенные годы на окраине Акмолинска, небольшой завод долгое время выпускал главным образом железные бороны. Теперь это крупное современное предприятие сельскохозяйственного машиностроения, специализирующееся по выпуску сельскохозяйственной техники прежде всего для совхозов, созданных на целинных землях. В конструкторских бюро и цехах «Казахсельмаша» создано немало образцов навесных орудий, которыми по праву гордятся не только целиноградцы.

Свое новое имя город на Ишиме получил совсем недавно, в первые годы освоения целинных земель. Акмолинску надлежало стать

Целиноград. Проспект Мира.

столицей огромного пшеничного царства, и как-то не к лицу ей было называться Белой могилой. Было решено городу на Ишме дать новое имя — Целиноград.

И теперь в памяти народной постепенно стирается даже само это слово «Акмол», и лишь замечательные сорта яровой пшеницы, выведенные советским селекционером В. П. Кузьминым, в частности его непревзойденная «акмолинка-5», напоминают о прошлом. А городу Целинограду вечно стоять на берегу степной реки, напоминая поколениям о великом подвиге покорения целины...

— Станция Шортанды, — объявляет поездной радиоузел, и мы расстаемся с обжитым купе вагона, чтобы войти в новый день безбрежной акмолинской степи, шумевшей когда-то седым ковылем и славившейся на всю округу богатыми ярмарками.

Близ станции Шортанды, в степи, напоенной ароматом цветущих в эту пору трав, раскинулся опрятный и необычайно уютный городок, окруженный молодыми рощами, цветущими яблоневыми садами. Это Всесоюзный научно-исследовательский институт зернового хозяйства, средоточие передовой агрономической мысли, помогающий целинникам на правильной научной основе поставить хозяйство на обживаемых землях. Институт возглавляет член-корреспондент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина Александр Иванович Бараев. Здесь трудится один из видных советских селекционеров, Герой Социалистического Труда Валентин Петрович Кузьмин. В институте сложился дружный коллектив научных работников, который, постоянно укрепляя свои связи с передовиками целинного земледелия, добился первых серьезных успехов в разработке стройной системы ведения хозяйства в сложных условиях засушливой степи.

Строго говоря, шортандинские энтузиасты никаких «америк» не открывали. Они по-новому осмыслили вековой народный опыт, сопоставили его с достижениями передовой агрономической науки и обратили особенно пристальное внимание на успехи отечественной и зарубежной селекции, достигнутые в последние годы.

Вот три кита, на которых держится система целинного земледелия, предложенная шортандинцами и многократно проверенная в экспериментальном хозяйстве института, имеющем 40 тысяч гектаров пашни: чистые пары, плюс безотвальная вспашка, плюс сорта, наиболее приспособленные к местным условиям.

Герой Социалистического Труда
академик В. П. Кузьмин.

Более полувека назад хлеборобы, переселившиеся в привольную акмолинскую степь, подметили одну, странную на их взгляд, особенность здешних мест: поля, вспаханные на хорошую глубину отвальным плугом, в иные годы, когда за лето выпадало мало дождей, не возвращали даже семян, тогда как соседние десятины, засеянные кое-как, под борону, по не убранной с осени стерне давали хлеб. Некоторые наиболее расчетливые и хозяйственные мужички, не обращая внимания на насмешки односельчан, так и стали сеять хлеб — по стерне, под борону, и в засушливые годы не оставались в накладе. Позднее в акмолинской степи у зажиточных хозяев стали появляться так называемые плуги-сеялки, которые, не оборачивая пласта, заделывали семена в землю. Результаты получались отменные. Неубранная стерня предохраняла почву от выдувания, за зиму на полях накапливалось больше снега, что в условиях казахстанского засушливого климата имело очень большое значение.

Примечательно, что такие приемы обработки почвы, рожденные житейским опытом акмолинских хлеборобов, тогда же получили широкое распространение во многих земледельческих районах земного шара, в частности в Канаде, где почвенно-климатические условия во многом схожи с североказахстанскими.

К этому бесценному опыту, который начал применять известный колхозный ученый из Курганской области Терентий Мальцев, обратились ученые Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства в поисках агротехнических приемов, которые гарантировали бы получение высоких, устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур даже в условиях жесточайшей засухи.

Безотвальная пахота плоскорезами, которые рыхлят почву на необходимую глубину, не оборачивая пласта, оставляя нетронутой стерню, стала составной и едва ли не самой важной частью предложенной ими системы земледелия, получившей ныне широкое распространение в Северном Казахстане.

Чистые пары тоже не были открытием шортандинских агрономов: издавна в акмолинской степи применялась знаменитая русская трехполка, при которой каждый год «отдыхает» третья часть земель. Беда акмолинских хлеборобов состояла лишь в том, что они не умели, а вернее, не считали нужным хорошо обрабатывать паровой клин, полагая, что земля, как следует «отдохнув», вернет себе былую силу. Шортандинцы предложили принципиально новый подход к проблеме пара. Они обосновали дифференцированное, в зави-

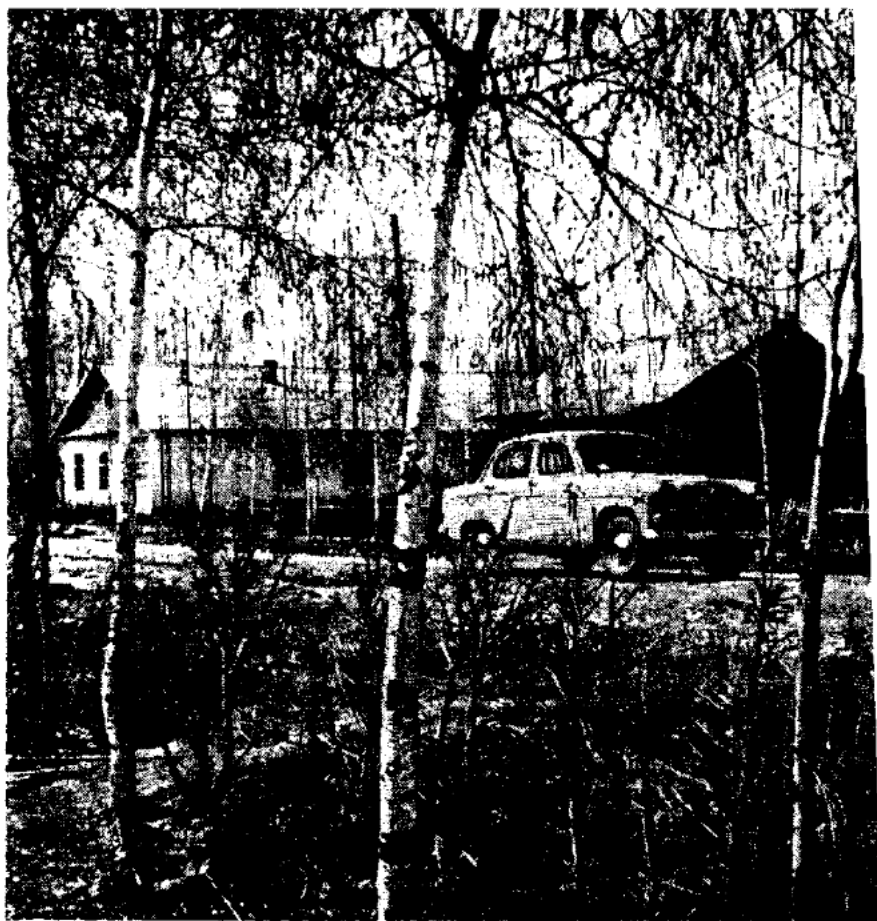
симости от особенностей почвы и среднегодового количества атмосферных осадков, соотношение общей площади пашни и парового клена, доказали необходимость высокой агротехнической культуры обработки паровых полей.

Что касается высева сортов, наиболее приспособленных к местным условиям засушливой степи, то этому требованию отводится первостепенное место. Несколько десятилетий работает в акмолинской степи ее горячий патриот ученый-селекционер Валентин Петрович Кузьмин. Результатом его долголетнего труда явился замечательный сорт твердой яровой пшеницы «акмолинка-1». Высокоурожайная, устойчивая против полегания в изобилующие влагой годы, неполегающая в самые ветреные дни, обладающая отличными хлебопекарными качествами, эта пшеница полюбилась хлеборобам, привлекла к себе внимание селекционеров всего мира. Продолжая работу с этим сортом, Валентин Петрович создал великолепную яровую пшеницу «акмолинка-5», обладающую еще лучшими сортовыми качествами. Этот сорт высевается теперь на десятках миллионов гектаров целинных земель, но с ним уже начинает конкурировать «шортандинка» селекции того же неутомимого труженика Валентина Петровича Кузьмина.

Десятилетний опыт многих совхозов Казахстана доказал, что в условиях целинного земледелия зерновое хозяйство можно вести рентабельно даже при средней урожайности в 5—6 центнеров с гектара. Агротехника возделывания яровой пшеницы, разработанная Всесоюзным научно-исследовательским институтом зернового хозяйства в Шортандах, гарантирует получение 8—10 центнеров с гектара даже в самые засушливые годы.

В хлебодородном краю — Приишимье — все связано с великим походом за освоение новых земель. Ранней весной 1954 года, сразу же после февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС, здесь было создано двадцать семь крупных зерновых совхозов, и их рождение было началом героической целинной эпопеи. За первые три года покорения целины в Целиноградской области было распаханно более трех с половиной миллионов гектаров новых земель, на которых созданы крупные совхозы — мощные предприятия по производству сельскохозяйственных продуктов. Область, не игравшая ранее сколько-нибудь заметной роли в хлебном балансе страны, в 1958 году дала более 220 миллионов пудов товарного зерна и была удостоена высшей награды Родины — ордена Ленина.

В Целиноградской области есть районы, производящие больше хлеба, чем собирают его за год иные развитые страны.

На запад от Целинограда, вдоль железной дороги Целиноград—Карталы, на сотни километров тянулась ковыльная степь. По этой степи без дорог, прямо целиной можно было ехать на автомашине целый день и не встретить ни распаханной полоски земли, ни человеческого жилья.

В связи с началом освоения целинных земель район-великан был разделен на три самостоятельных района — Баранкульский,

На центральной усадьбе целинного совхоза.

Кийминский и Есильский. Территория Есильского района в его новых границах превышает 8 тысяч квадратных километров. Такому простору впору позавидовать некоторым европейским государствам.

В Есильском районе до его разделения на три самостоятельных района была небольшая машинно-тракторная станция и пять колхозов, у которых не насчитывалось в общей сложности и тридцати

тысяч гектаров пашни. Эти хозяйства поставляли государству незначительное количество баранины и шерсти, и в иные годы покупали хлеб на атбасарском рынке.

Во вновь организованном Есильском районе создано 18 крупных совхозов, за которыми закреплено более шестисот тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий. Только за первые три года новые совхозы получили 1700 мощных гусеничных тракторов, 2 тысячи комбайнов, сотни грузовых автомашин, несколько тысяч почвообрабатывающих орудий.

В урожайные годы совхозы Есильского района производят до 30 миллионов пудов товарного зерна, а среднегодовая продажа государству хлеба за десять лет составила 16 миллионов пудов — больше, чем продала государству хлеба в 1953 году вся Акмолинская область.

Совхозные поселки, возникшие здесь, всем своим видом — широкими, опрятными улицами, утопающими в зелени, парками и скверами, небольшими, но аккуратными домиками, в которых есть и электричество, и радио, и водопровод, и газ, — напоминают современные благоустроенные города. Вот одна в высшей степени характерная деталь: во Дворце культуры Красивинского совхоза, как правило, проводятся районные собрания партийного актива, смотры художественной самодеятельности и торжественные собрания, посвященные знаменательным датам и событиям.

...Оставив позади тысячи километров новой Южно-Сибирской магистрали, миновав Целиноград, поезд мчится на запад, к Уральскому хребту. Небольшая железнодорожная станция, минутная остановка. Жаль, что так мало стоит на этой станции поезд и пассажиры не подозревают, как много интересного мог бы рассказать любознательным заведующий книжным киоском, примостившимся в конце асфальтированной платформы, пенсионер Колыванов, которого все ласково зовут дядей Мишей. Общительный и словоохотливый, он так бы начал свой рассказ:

— Позволю себе обратить ваше внимание на название нашей станции — Ирченко. А село — Мариновка. Старое село, лет сто скоро будет ему. Когда прошла здесь железная дорога (было это за год до того, как началась Великая Отечественная война), очень по душе нам, мариновцам, это пришлось: хочешь — в Акмолу езжай, хочешь — в Магнитогорск. Прямым сообщением. Но почему станция — Ирченко? Слово-то какое — будто украинская фамилия! Да это и есть фамилия.

И дядя Миша, словно переворачивая страницу за страницей одной из книг, в окружении которых он живет, расскажет историю

этого большого приишимского села и маленькой железнодорожной станции на Южно-Сибирской магистрали.

Отцы и деды тех, кто живет сейчас в Красносельском совхозе, центральная усадьба которого расположена в Мариновке, в давние времена переселились на Ишим в поисках лучшей доли. Ехали за тысячи верст, из-под самого Воронежа. От безземелья и нужды уходила деревенская голытьба. Тысячи верст прошагали воронежские мужики за телегами, нагруженными жалким домашним скарбом да орущими голодными ребятишками. Пришли в акмолинскую степь, ахнули от удивления и радости: «Земли-то немеряной сколько!» — и осели здесь. Мариновкой село назвали.

Но от нужды переселенцы не ушли. Так до самой революции и оставалась Мариновка самым бедным селом в Приишимье. Должно быть, поэтому и суждено было ему стать центром событий, о которых и сегодня с гордостью рассказывают мариновцы.

Было это в 1919 году, когда на громадной территории, лежащей к востоку от Урала, зверствовал Колчак. Белогвардейцы и интервенты грабили и жгли степные села и аулы, расстреливали и вешали непокорных. А в тылу белогвардейских войск ширилось партизанское движение. Одним из центров партизанской войны стало село Мариновка. Сюда со всего Приишимья стягивались отряды вооруженных крестьян. Из аула Степного прискакал большой конный отряд хорошо вооруженных джигитов. Партизаны избрали своим командиром Никифора Михайловича Ирченко — заместителя председателя Атбасарского уездного совдепа.

В Мариновке была восстановлена Советская власть. Восстание ширилось, охватывая все новые и новые степные села и аулы. Вскоре оно распространилось на Акмолинский, Кокчетавский и Петропавловский уезды. Все ярче разгоралось пламя партизанской войны. И тогда Колчак поручил подавить Мариновское восстание командиру сводного казачьего корпуса генералу Волкову. Три конных дивизиона и много пехоты бросил генерал-каратель против мариновских партизан. Силы были неравны, и партизанская Мариновка подверглась страшному разгрому. В бою с белобандитами пал командир партизанского отряда Никифор Ирченко. Захватив село после жесточайшего боя, каратели учинили в нем чудовищную расправу. Жителей выгоняли за околицу и расстреливали из пулеметов. Детей бросали в пламя горящих домов...

Прошли десятилетия. Поднялась из пепла партизанская Мариновка. Когда проложили железную дорогу Акмолинск — Карталы и построили возле села небольшую станцию, мариновцы предложи-

ли назвать ее именем бесстрашного партизанского командира Никифора Ирченко.

Полвека назад в большом селе Мариновка, как рассказывают старожилы, было много безлошадных хозяйств и земельные наделы нередко оставались необработанными, а их хозяева, бросив дома, уходили на заработки в Акмолинск, Петропавловск, Челябину.

Сейчас в Мариновке более шести тысяч жителей. Здесь расположена центральная усадьба Красносельского совхоза — одного из наиболее крепких хозяйств на целинных землях. На улицах Мариновки более трехсот новых домов под железной или шиферной крышей, с электричеством и газовыми плитами. У совхоза 33 тысячи гектаров пашни, и он каждый год продает государству до полутора миллионов пудов хлеба. Хозяйство имеет 272 трактора, 134 комбайна, 162 автомашины. Здесь работает 500 механизаторов и более тридцати специалистов сельского хозяйства.

В совхозной школе-десятилетке двадцать четыре класса, в которых учится более восьмисот ребят. А учат и воспитывают их шестьдесят педагогов.

Вот он новый день партизанской Мариновки! Не напрасно, видно, сложили свои головы в боях за новую светлую жизнь партизанский командир Никифор Ирченко и его боевые товарищи.

Без малого сто педагогов, агрономов и инженеров в селе, где прежде было только два грамотея: поп да сельский писарь. Очень убедительное сравнение. И уж если зашла речь о великих экономических и культурных преобразованиях, происшедших в безбрежной степи, хотелось бы привести такой пример из жизни нынешних степняков. Несколько лет назад на путях станции Целиноград остановился не совсем обычный железнодорожный состав. Это был строительно-монтажный поезд № 209, направленный в Приишимье с тем, чтобы помогать местным организациям застраивать и лучше обживать новые земли. С ним приехала в этот далекий край семья инженера Ивана Васильевича Петрова. Не в обиду будь сказано товарищу Петрову, никакой он не инженер, только должность ему инженерную дали, благо незанятой была. За плечами у Ивана Васильевича девять классов. Но с работой тем не менее, он справлялся: выручал опыт.

Прошло совсем немного времени, и сегодня вся семья Петровых — студенты. Сам Иван Васильевич, несмотря на то, что ему уже под шестьдесят, учится на третьем курсе заочного отделения Целиноградского сельскохозяйственного института. Сын Владислав заканчивает Киевский институт инженеров гражданского воздушного флота, средний сын Юрий — на третьем курсе факультета

Два плюс два.

электроники и телемеханики политехнического института, младший — Евгений, закончив среднюю школу, поступил в университет.

На шестьдесят километров с запада на восток и на четыреста с юга на север раскинулось Приишимье — хлебный край. Еще совсем недавно краем непуганых птиц была Целиноградская область с безбрежными разливами серебристого ковыля в южной своей части и непролазными лесными чащобами на севере, где на огромной площади раскинулись знаменитые Балкашинские леса. Удивитель-

ные контрасты природы встречали здесь путника на каждом шагу. На юге, у самой границы древней казахской складчатой страны, бродили бесчисленные стада пустынной антилопы — сайги, а на севере области, в густых сосновых и смешанных лесах, в изобилии водились тетерева, лесные косули и белки-телеутки. В степных озерах множество водоплавающей птицы. На Тенгизе (Тентиз в переводе на русский язык означает «море») и по сей день гнездятся лебеди, прекрасно чувствует себя шумная колония розовых фламинго, в незапамятные времена залетевших сюда из Индии. Бережно охраняют в неприкосновенном виде эту первозданную красоту природы советские люди, развернувшие кипучую деятельность в пустынной когда-то степи. Но главное богатство и красота степного Приишимья сегодня — это хлеб. И день, и два, и три, не останавливаясь ни на минуту, можно ехать, точнее, плыть по безбрежному зеленому океану хлебов, и перед взором будут медленно перекатываться тяжелые зеленовато-серебристые волны.

Во все стороны от Целинограда расходятся по степи железные дороги, асфальтированные шоссе, бесчисленные проселки. И сколько встреч с замечательными советскими людьми ждет впереди каждого, кто решит совершить путешествие по любой из этих дорог.

Одна из дорог приведет в знаменитый на всю страну Чулаксандыкский совхоз, где много лет живет и трудится Мырзали Билаканов, бывший солдат, тяжело искалеченный на войне. Мырзали в переводе с казахского означает «щедрый человек». Какую же щедрую душу нужно иметь, чтобы трудиться так, как это делает инвалид Великой Отечественной войны Билаканов, которому давно пора на почетный трижды заслуженный отдых. Мырзали — старший гуртоправ в Чулаксандыкском совхозе, добившемся рекордных привесов при нагуле крупного рогатого скота. Стар Мырзали годами и не так, как раньше, крепок здоровьем. Но как весело и шумно всегда бывает там, где Мырзали-ага! Разноголосой стайкой выются вокруг него энергичные, деятельные парнишки, вчерашние школьники. Это помощники дедушки Мырзали в его многотрудных делах. Закончив школу, ребята всем классом решили остаться в родном совхозе и попросились работать на совхозные фермы под началом Мырзали Билаканова пасти нагульные гурты.

Конечно, оставаться всю жизнь пастухом никто из них не собирается, каждый хранит в глубине сердца мечту стать или зоотехником, или ветеринарным врачом: ведь они — сыновья и внуки животноводов, о какой же другой профессии им мечтать? А уж если выбрал кто-либо из молодых чулаксандыкцев эту нелегкую, но очень нужную профессию, у того одна дорога — иди учиться уму-

разуму к дедушке Мырзали. Вот тогда ты будешь настоящим специалистом и двери института сами откроются перед тобой.

Среди помощников старшего гуртоправа Вилаканова уже сегодня несколько студентов-заочников зооветеринарных техникумов и института. А о том, как у них идут дела, можно судить по такому, например, факту: в нагульных гуртах Мырзали самые высокие в Целиноградской области привесы, скот Чулаксандыкского совхоза мясокомбинат, как правило, принимает с отметкой: «Упитанность высшая», а себестоимость мяса не превышает 66 рублей за центнер, что вдвое дешевле плановой.

На проселках Приишимья можно встретить громоздкие автобусы с большими зеркальными окнами, плотно закрытыми и тщательно зашторенными даже в самые знойные летние дни. Это автобусы здоровья, как их зовут на далеких участках отгонного животноводства и на бригадных полевых станах. По сути дела, это поликлиники на колесах, оборудованные современной медицинской аппаратурой самого различного назначения. Врачи лечебных учреждений Целинограда по строгому расписанию и в зной и в стужу объезжают самые отдаленные районы, останавливают свои передвижные поликлиники в любом населенном пункте, чтобы провести самое тщательное профилактическое обследование или оказать нуждающимся квалифицированную медицинскую помощь.

В СТРАНЕ ГОЛУБЫХ ОЗЕР

Вторые сутки с юга на север мчится по трансказахстанской магистрали скорый поезд, а впереди еще добрая половина пути. За окнами вагона те же безбрежные разливы зреющих хлебов, только все чаще набегают откуда-то издалека, из-за горизонта веселые березовые перелески да подступают вплотную к железнодорожной насыпи беспорядочные нагромождения скалистых обломков. Чувствуется по всему: близятся Кокшетауские горы, первозданная красота которых овеяна легендами.

Этому уголку обширнейшей казахской земли посвящено много литературных произведений, в которых Кокшетау, что в переводе с казахского означает Зеленоватые горы, называют и Казахстанской Швейцарией, и Кокшетауским Кавказом, и Страной голубых глаз (очевидно, имея в виду множество светлых, кристальной чистоты озер, разбросанных в межгорных и межсопочных понижениях). Можно согласиться с авторами громких эпитетов, ибо не-

много на нашей планете мест, которые по своей природной красоте могли бы соперничать с чудесными видами Борового, Серенды, Айртава, Арыкбалыка.

Поезд вырывается из глубокой выемки, и на горизонте неожиданно вырисовывается синяя пирамида почти правильной формы. Это знаменитая Синюха, гигантская гранитная глыба, поднимающаяся в небо почти на километр.

Кокшетауские горы — северная окраина древней казахской складчатой страны. Они являются как бы последней ступенькой, ведущей в необозримые просторы Западно-Сибирской низменности. Высокие сопки и горные края самых неожиданных и фантастических очертаний поднимаются над зеркальной гладью озер. Их склоны покрыты сосновыми и лиственными лесами, а в глубоких расщелинах гранитных вершин свободно гуляет ветер.

На территории Кокчетавской области насчитывается более 150 озер, среди которых особенно выделяется так называемая Боровская группа. Слава о дивной красе Борового, целебной силе воздуха, настоенного на запахах хвои и цветущих горных трав, об удивительно прозрачной воде голубых озер и лечебных грязях, избавляющих человека от многих недугов, родилась еще в прошлом столетии и разнеслась далеко за пределы казахской степи. Целебными свойствами Боровских озер заинтересовались врачи, и в самом начале двадцатого века на берегу озера Боровое под кронами сосен были поставлены бараки для легочных больных.

В 1920 году, едва на казахстанских фронтах гражданской войны отгремели последние бои, по решению Советского правительства был создан курорт «Боровое» — ныне одна из крупных здравниц страны. Санатории Борового отлично оборудованы, оснащены новейшей медицинской аппаратурой, а чудесные природные условия оказывают благотворное влияние на больных. Многим тысячам людей курорт «Боровое» и расположенные поблизости «Щучинский» и «Вармашинский» санатории ежегодно возвращают здоровье. У Казахстанской Швейцарии замечательные перспективы. Пройдет немного времени и в горах Кокшетау поднимутся полные солнца и света величественные корпуса крупнейшей здравницы страны.

Следуя за солнцем на северо-запад, мы вскоре должны оказаться в областном центре — городе Кокчетаве, но слишком велико искушение заглянуть в небольшой городок Степняк, благо до него

Утро в Боровом.

от железнодорожной станции Курорт «Боровое», как говорится, рукой подать. «Мал золотник, да дорог» — эта старая русская пословица как нельзя более подходит к Степняку, исконному центру золотодобывающей промышленности Казахстана. Геологи давно установили, что юго-восточная часть Кокчетавской области является значительным золотоносным районом, и жизнь подтвердила их прогнозы. Потом выяснилось, что в окрестностях небольшого городка, затерянного меж пологих холмов, разбросаны месторождения никеля, олова и других металлов. Основываясь на предварительных и, разумеется, далеко не полных данных, разведчики земных недр все увереннее высказывают мысль о том, что в самом недалеком будущем здесь возникнет новый значительный полиметаллический район. Как бы там ни было, а к большой возвышенности в междуречьи Иртыша и Ишима сейчас приковано внимание геологов и, надо полагать, они не обманутся в своих ожиданиях.

Расставшись с гостеприимным Степняком, мы снова изменим маршрут и, миновав лесные дубравы в окрестностях города Щучинска, где черные дятлы — желны — звонко стучат по сосновым стволам да звенят сбегаящие с гранитных порогов прозрачные горные ключи, возьмем направление в западную часть Страны голубых озер, где по широкой долине протекает многоводный Ишим, где раскинулись земли хлеботородных районов. На этом пути нам никак не миновать Айртавского района, где у подножия горы Срымбет в глухом, заброшенном ауле родился выдающийся казахский ученый Чокан Валиханов, современник и близкий друг великого русского писателя Ф. М. Достоевского и крупнейшего ученого своего времени П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Вьющаяся вдоль Ишима автомобильная дорога (кстати, по ней можно проехать от станции Джусалы до Петропавловска) приведет нас в большое село Рузаевку — центр Рузаевского района, у хлеборобов которого давний спор с целинниками Есильского района. Дело в том, что на территории этих районов-гигантов разместилось примерно одинаковое количество созданных на новых землях совхозов и каждый из районов располагает полумиллионом гектаров посевных площадей. Но у рузаевцев есть явные преимущества: район почти целиком расположен на сильных черноземах и здесь (вот что значит близость лесов и озер!) выпадает больше дождей. В хозяйствах Есильского района почвы куда беднее, а доброго летнего дождичка здесь почти каждый год ждут не дождутся. И несмотря на это, десять лет, прожитых на вновь освоенных целинных землях, показали, что эти районы-богатыри могут давать по 15—16 миллионов пудов товарного хлеба в год.

За время, прошедшее с начала освоения целинных земель на востоке СССР, посевные площади в Кокчетавской области увеличились более чем в три раза, что же касается валовых сборов зерна, то можно привести две очень красноречивые цифры: в 1953 году, за год до начала освоения целины, на полях кокчетавских колхозов и совхозов было собрано 13 миллионов пудов зерна, а в 1956 году валовый сбор зерна превысил 223 миллиона пудов.

Мощный подъем зернового хозяйства сразу же сказался и на положении дел в животноводстве: быстро выросло поголовье крупного рогатого скота, овец и свиней. Овец, например, в хозяйствах области сейчас значительно больше, чем в Нидерландах, Дании и Швеции, вместе взятых.

Выходит, таким образом, что Страна голубых озер славна не только красотой своей природы, но и плодородными нивами, тучными стадами и отарами. Здесь на службу советским людям поставлены и неиссякающая сила земли, и ее первозданная краса.

Широкое асфальтированное шоссе, что ведет из Рузаевского района в областной центр — Кокчетав, подходит к городу с юго-запада, огибая каменистые горные края. Неподалеку от городской черты высится хаотическое нагромождение каменных глыб, изрезанных глубокими расщелинами. Здесь юный Валериан Куйбышев — уроженец Кокчетава, впоследствии выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства — более полувека тому назад прятал от жандармских ищек прокламации, призывавшие трудовой народ к борьбе за свою свободу и счастье. А на одной из тихих улиц Кокчетава стоит дом, в котором провел детские годы В. В. Куйбышев. Теперь здесь помещается мемориальный музей В. В. Куйбышева. Кокчетавцы свято чтут память своего земляка и отдают должное его огромной роли в разгроме контрреволюции и победе Советской власти на древней казахской земле.

ТАКОГО ЕЩЕ НЕ ЗНАЛ МИР...

Мы приближаемся к Великой Сибирской железнодорожной магистрали, проходящей по северной окраине Казахстана. Уже осталась позади засушливая разнотравно-злаковая степь с ее малогумусными южными черноземами, и перед взором расстилается типичная для Западной Сибири черноземная лесостепь с густым травостоем из узколистных злаков, яркими пятнами донника, белого и красного клевера.

Привольный, щедрый край!

Среднегодовое количество атмосферных осадков здесь колеблется от 300 до 400 миллиметров, что вполне достаточно для бесполовного, обеспеченного естественной влагой земледелия, а почвы с их мощным гумусным слоем отличаются высоким плодородием.

Чем дальше на север, тем чаще встречаются прозрачные березовые рощицы — колки, местами переходящие в широкие лесные полосы, тянущиеся на десятки километров. В задумчивых и тихих перелесках своя особая, таинственная, не заметная для постороннего взгляда жизнь. Стоит затаиться на опушке березового колка или прилечь за невысоким увалом, разделяющим два поросших тростником неглубоких озерца, и можно увидеть, как пугливой тенью мелькнет меж стволов берез лесная косуля, или неторопливо, гордо неся украшенную массивными рогами голову, выйдет на солнечную поляну лось — древнейший обитатель сибирской тайги. Или, вспугнутый чьим-то неосторожным движением, тяжело захлопав крыльями, поднимется лесной красавец — лирохвостый косач, чтоб тут же исчезнуть в чаще деревьев, а вершина потревоженной крупной птицы беззвучно долго будет раскачиваться, словно на свежем осеннем ветру.

А вот и Петропавловск, бывшая крепость, заложенная более ста лет назад на берегу Ишима, в том месте, где его пересекал Великий Сибирский тракт. Возникшая возле военного укрепления казачья станица с торговой слободкой и меновым договором начала быстро расти и через несколько десятилетий была переименована в город Петропавловск, быстро превратившийся в силу своего выгодного географического положения на перекрестке Сибирского и Туркестанского трактов в крупный центр торговли России с казахской степью и среднеазиатскими ханствами. В конце прошлого столетия, когда через Петропавловск прошла Сибирская железнодорожная магистраль, в городе, ставшем к тому времени уездным центром Акмолинской губернии, появились первые промышленные предприятия, начал зарождаться рабочий класс.

Железнодорожные ремонтные мастерские, ветряные мельницы, салотопенные заводы, шерстомойки представляли «индустрию» дореволюционного Петропавловска. Но здесь было уже почти полторы тысячи рабочих, и совершенно закономерно, что именно в Петропавловске в 1907 году были созданы первые в Казахстане подпольные большевистские организации.

Современный Петропавловск — это крупный железнодорожный узел на Великой Сибирской магистрали с интенсивнейшим движением. С промежутками, исчисляемыми минутами, мощные электро-

возы ведут через эту оживленную станцию грузовые и пассажирские составы с Дальнего Востока и из Сибири в европейскую часть СССР, с Украины, из Прибалтики и Белоруссии, из Поволжья и с Урала в Сибирь и на Дальний Восток. Здесь берет свое начало трансказахстанская железнодорожная магистраль, соединившая север республики с ее южными районами, Урал и Западную Сибирь — с городами и промышленными центрами среднеазиатских республик.

Петропавловск сегодня — это город энергетиков и машиностроителей, крупный центр пищевой и легкой промышленности. В первой довоенной пятилетке здесь на месте примитивной бойни был построен один из самых крупных в стране мясоконсервных комбинатов, по мощности уступающий лишь таким гигантам пищевой индустрии, как Семипалатинский, Московский и Ленинградский мясокомбинаты. Продукция Петропавловского мясокомбината, особенно мясные консервы и некоторые сорта копченостей, пользуются большим спросом не только во многих городах страны, но и на мировом рынке.

Северо-Казахстанская область — наиболее обжитой сельскохозяйственный район Казахстана. Со второй половины XVIII века поблизости от крепостей и редутов, образовавших укрепленную линию, так называемую Горькую, стали возникать казачьи станицы, превращавшиеся затем в крупные села с добротными домами и надоворными постройками. Позднее, с прокладкой Великого Сибирского железнодорожного пути, сюда хлынул мощный поток переселенцев из России: из малоземельных и густонаселенных губерний стремились в привольные здешние места крестьяне в поисках лучшей доли. Особенно много переселенцев осело здесь в годы столыпинской земельной реформы. Большие земельные наделы, получаемые переселенцами, достаточное количество строительного материала, обилие зверя и птицы в лесах и рыбы в озерах — все это привлекало людей, и они надежно обживали новые места.

В 20-х годах, когда в стране начали создаваться первые государственные сельскохозяйственные предприятия — совхозы, на северо-казахстанскую лесостепь было обращено самое пристальное внимание. Ведь здесь исключительно благоприятные условия не только для земледелия, но и для создания высокопродуктивного животноводства, разведения молочного скота. И в Северном Казахстане, где было еще много свободных земель, один за другим стали создаваться крупные совхозы. Возвышенский, Чистовский, Булаевский, Мамлютский, Пресновский... Это названия старейших в СССР

совхозов, расположенных на территории Северо-Казахстанской области. Созданные почти сорок лет назад, они сыграли важную роль в приобщении крестьян к коллективному труду на земле.

Почти все совхозы, созданные в 20-х годах, стали образцовыми хозяйствами. На всю страну славится высокой культурой земледелия Мамлютский совхоз, где на протяжении нескольких десятилетий из года в год в любых погодных условиях получают высокие урожаи зерна. Высокопродуктивное молочное стадо сформировано в Чистовском совхозе, опыт которого учит правильным методам организации молочного скотоводства в условиях северо-казахстанской лесостепи. Устойчивой рентабельности Возвышенского совхоза завидуют многие хозяйства, и сюда, для изучения на практике экономики совхозного производства приезжают видные экономисты.

Когда в нашей стране началось массовое освоение целинных и залежных земель, Коммунистическая партия и Советское правительство избрали совхозы основной формой организации сельскохозяйственного производства на новых землях. При этом учитывался практический опыт старейших государственных хозяйств страны. И жизнь показала, что это был единственно правильный путь. Рас-

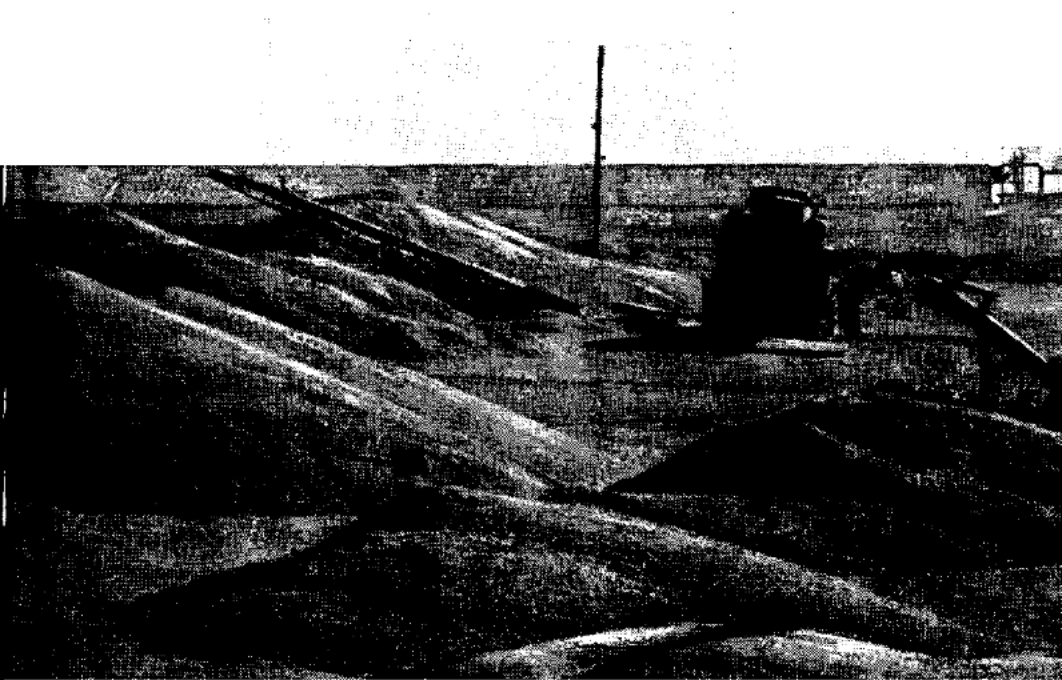

полагающие огромными площадями пахотной земли, отлично оснащенные техникой, укомплектованные кадрами специалистов и механизаторов совхозы способны давать наибольшее количество товарного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, обеспечивать высокий уровень рентабельности производства.

В короткий срок на целинных землях Казахстана было создано более пятисот крупных совхозов, многие из которых стали образцовыми сельскохозяйственными предприятиями.

Совхозы, созданные на целинных землях Северо-Казахстанской области, за редкими исключениями не испытывают недостатка в воде. Но южнее неширокой лесостепной полосы начинается обширнейшая зона засушливых степей, где сосредоточены основные массивы целинных земель. При организации целинных хозяйств не всегда учитывалась степень обеспеченности их водой. В результате этого многие совхозы, созданные на целинных землях, с первых же дней своего существования начали испытывать нехватку воды и проблема водоснабжения приобрела здесь предельную остроту. За многие десятки километров хозяйствам приходилось доставлять воду автоцистернами, затрачивая на это огромные средства.

Механизированный ток в совхозе им. В. И. Ленина Кустанайской области.

Руководители совхозов, специалисты, новоселы-целинники тщетно бились в поисках выхода из создавшегося бедственного положения. Днем и ночью гремели над степью глухие взрывы и не смолкал гул моторов: это совхозные гидромелиораторы рыли копани и котлованы, сооружали в сухих балках и западинах насыпные плотины и дамбы. В некоторых хозяйствах удавалось задержать весенние талые воды, но наступали знойные летние дни, набегали из пустыни обжигающие суховеи и на глазах исчезали небольшие запасы воды, а та, что оставалась в копанях и перехваченных плотинами глубоких логах, засолялась и становилась не пригодной к употреблению.

Было ясно: целинные хозяйства, оказавшиеся в труднейших условиях, своими силами не могут решить проблему водоснабжения, которая приобрела большое государственное значение. И на помощь целинникам пришли ученые, инженеры, гидростроители. Государство отпустило огромные средства, выделило необходимые материальные ресурсы.

И в целинной степи, где уже не стелился на ветру серебристый ковыль, а шумели колосом спелые хлеба, развернулось строительство Ишимского и Булаевского групповых водопроводов. Их общая протяженность превысит три с половиной тысячи километров. Таких грандиозных сооружений еще не знал мир. Специалисты подсчитали, что сток реки Ишим надежно обеспечивает нужды целинных хозяйств, нужно лишь зарегулировать его. И вот уже сверкает под лучами солнца голубое зеркало Сергиевского водохранилища, площадь которого после заполнения до проектной отметки достигнет трехсот квадратных километров. И строится на Ишиме еще одно — Вячеславское водохранилище — с запасом воды в 400 миллионов кубометров. На сотни километров пролегли по степи водонесные артерии, и десятки целинных совхозов уже получили ишимскую воду. Два магистральных водопровода после полного завершения строительных работ каждые сутки будут давать целинным хозяйствам 120 тысяч кубических метров воды.

Значительную часть Павлодарской области и северные районы Карагандинской, где также созданы десятки целинных совхозов, прорезает строящийся канал Иртыш — Караганда. Каскад из четырнадцати искусственных водохранилищ на трассе этого канала будет иметь суммарную емкость в один миллиард кубических метров воды. С завершением строительства этих грандиозных ирригационных сооружений проблема водоснабжения целинных хозяйств будет решена на долгие годы.

ЗАРНИЦЫ НАД НИВАМИ

Сотни километров безбрежного хлебного океана остались за кормой, а до окончания путешествия по главной житнице республики еще далеко: впереди обширнейшая Кустанайская область, на долю которой приходится примерно четвертая часть всех распаханых в Казахстане целинных земель. На семьсот километров простирается территория области, и для того чтобы яснее представить события, происшедшие здесь за минувшие полвека, лучше пересечь ее с юга на север.

На юге Кустанайской области, где обширная Тургайская столовая страна, постепенно понижаясь, вплотную подходит к пескам Приаральских Каракумов и где явственно ощущается знойное дыхание среднеазиатских пустынь, раскинулись два обширнейших района — Джангильдинский и Амангельдинский. Они названы так в честь первых казахов-коммунистов, героев гражданской войны Алибия Джангильдина и Амангельды Иманова, которые пламенем своих сердец зажгли алые зарницы, пылающие сегодня над нивами, над всей обновленной казахской землей.

...Шел боевой восемнадцатый год. Молодая советская республика напрягала все силы в борьбе с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией. В далеком Зауралье, в тылу армий Колчака, рвавшихся к жизненно важным центрам Советской России, все шире разворачивалось партизанское движение, одно за другим вспыхивали восстания трудящихся, которые оказывали неоценимую помощь главным силам Красной Армии.

В мае 1918 года в Москву к Ленину прибыла делегация Тургайского облисполкома во главе с большевиком Алибием Джангильдиным. Она обратилась к Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину с просьбой о выдаче для формирования казахских национальных частей Красной Армии оружия, боеприпасов и денежных средств. По указанию Ленина казахстанцам было выдано 68 миллионов рублей, оружие и 3 миллиона патронов. Все это нужно было доставить в Тургай, и руководство операцией Владимир Ильич Ленин возложил на Чрезвычайного Комиссара Степного Края А. Джангильдина. Однако после контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса и захвата Дутовым Оренбурга проехать в Тургайскую область было невозможно и экспедиции Джангильдина оставался один путь — через Астрахань и Каспийское море.

Выйдя из Астрахани на двух шхунах, отряд Джангильдина высадился на полуострове Бузачи. Здесь в отряд вступило много казахских джигитов, и караван из шестисот верблюдов и такого же

количества лошадей, нагруженный оружием и боеприпасами, продовольствием и фуражом, тронулся в путь. Два с половиной месяца по безводной пустыне двигался караван. Люди и животные падали от зноя и жажды. Не раз приходилось отбиваться от белоказацких банд, рыскавших в прифронтовой полосе. Но караван дошел до места назначения и доставил оружие и боеприпасы в штаб Актюбинского фронта.

В большом степном ауле — центре Амангельдинского района — на площади возле светлого здания средней школы стоит памятник народному герою Амангельды Иманову. У подножия памятника никогда не увядающие живые цветы. Это свидетельство безграничного уважения, которым пользуется в памяти народной имя руководителя национально-освободительного восстания 1916 года, впоследствии уездного военного комиссара большевика Амангельды Иманова, предательски схваченного и зверски убитого алаш-ордынскими палачами.

Эти южные районы Кустанайской степи, покрытые зарослями полыни, изеня, житняка, кокпека, издавна служили выпасами для овец, лошадей и верблюдов. Ныне здесь шумит на ветру спелым колосом пшеница и созданные на степных просторах совхозы ежегодно дают миллионы пудов товарного зерна. В долинах рек Тургай, Улькаяк, Улькемдамды, Улыжиляншик строятся ирригационные системы, создаются крупные очаги поливного земледелия. Традиционная отрасль экономики казахских аулов — пастбищное животноводство — развивается на новой основе, обеспечивающей его высокую продуктивность.

От приморского города Аральска до станции Лебяжье на Великой Сибирской магистрали можно проехать автомобильной дорогой, пересекающей Казахстан с юга на север. Большая часть этой дороги протекает по просторам кустанайской степи. Сотню за сотней отсчитывает спидометр километры, и по обе стороны дороги до самого горизонта расстилаются пшеничные поля.

За годы, прошедшие с начала освоения целинных земель на востоке страны, в Кустанайской области распаханно более четырех миллионов гектаров и посевные площади превышают пять миллионов гектаров. Кустанайская область, и ранее считавшаяся крупным земледельческим районом, — основной производитель товарного хлеба в Казахстане; и в том, что республика теперь стала второй житницей страны (после РСФСР), большая заслуга кустанайских хлеборобов.

До освоения целинных земель весь Казахстан в наиболее урожайные годы продавал и сдавал государству 100—110 миллионов

пудов хлеба. В прошедшей семилетке государство получило от совхозов и колхозов Кустанайской области 730 миллионов пудов зерна, главным образом пшеницы. В Кустанайской степи сейчас ежегодно производится в среднем 104—105 миллионов пудов товарного хлеба — столько, сколько десять лет назад производилось в лучшие годы во всем Казахстане.

Казахская ССР — основной район освоения новых земель. Из общей площади целинных и залежных земель, включенных в нашей стране в сельскохозяйственный оборот, более половины — свыше 28 миллионов гектаров — приходится на долю Казахстана. За двадцать лет — с 1933 по 1953 год — колхозы и совхозы республики дали стране 1680 миллионов пудов хлеба, а за последующие пять лет государство получило от Казахстана 2645 миллионов пудов товарного зерна. Сейчас республика ежегодно дает стране хлеба в шесть раз больше, чем давала до освоения целинных земель.

В край пшеничного изобилия превратилась казахская земля — в далеком прошлом обширнейший район кочевого скотоводства. Посевные площади республики превышают тридцать миллионов гектаров. Посевы пшеницы в структуре посевных площадей занимают главное место: каждый год эта ценнейшая продовольственная культура высевается на площади превышающей 18 миллионов гектаров.

В 1956 году, когда в основном была завершена распахка крупных массивов целинных земель, республика засыпала в закрома Родины свой первый миллиард пудов хлеба. За выдающиеся успехи в освоении целинных земель и увеличении производства хлеба Казахстан тогда был награжден орденом Ленина. Более 950 миллионов пудов товарного хлеба произвела республика в 1958 году. Высшей наградой страны — орденом Ленина — были отмечены также успехи хлеборобов Западно-Казахстанской, Павлодарской, Карагандинской, Целиноградской и Кокчетавской областей. В 1964 году казахстанская целина вновь продемонстрировала свою богатырскую силу: государство получило от совхозов и колхозов республики 941 миллион пудов хлеба, причем северные области — ее главная житница — дали основную массу товарного зерна.

Первая половина текущего десятилетия во многих районах нашей страны, как и на значительной части всего земного шара, характеризовалась очень своеобразными метеорологическими условиями, крайне неблагоприятными для сельского хозяйства. В 1963 и 1965 годах основные земледельческие районы Советского Союза были поражены жесточайшей засухой, какой не наблюдалось здесь в течение многих десятилетий.

Расположенные в зоне недостаточного увлажнения целинные районы Казахстана особенно болезненно реагировали на стихийное бедствие. В Кустанайской, Целиноградской и других северных областях республики на сотнях тысяч гектаров хлеба выгорели, еще не успев выколотиться, и, когда пришла пора уборки, многим совхозам не пришлось выводить на поля уборочную технику. Большинство хозяйств Казахстана закончило год с огромными убытками, и многим казалось тогда, что потребуются долгие годы для того, чтобы молодые, еще не вставшие по-настоящему на ноги совхозы, созданные на бывших целинных землях, оправились от этого потрясения.

Однако было бы неверно неудачи этих трудных лет объяснять только неблагоприятными метеорологическими условиями. На казахстанской целине с особой остротой сказались допускаявшиеся в ту пору серьезные ошибки в руководстве экономическим развитием страны, субъективистская оценка складывавшейся обстановки, шаблонные, порою недостаточно продуманные рекомендации. Все это нанесло серьезный ущерб целинному земледелию.

Не могло не повлиять на положение дел в целинных хозяйствах и то обстоятельство, что на земли, впервые вводившиеся в хозяйственный оборот, в обширные районы, отличающиеся особыми почвенно-климатическими условиями, механически были перенесены агротехнические приемы, оправдавшие себя в старых земледельческих районах страны, но совершенно не пригодные для целинного земледелия. Сказалось на процессе становления созданных на целинных землях хозяйств и забвение ленинского принципа материальной заинтересованности тружеников колхозных и совхозных полей в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов.

Все это, вместе взятое, и предопределило обстановку, создавшуюся на бывших целинных землях к концу минувшей семилетки.

Трудности, временно создавшиеся в районах освоения новых земель, послужили поводом для развертывания в печати и радиопередачах ряда капиталистических стран новой клеветнической кампании, имеющей целью опорочить всю нашу экономическую систему, социалистические принципы организации производства. Вновь со страниц многих буржуазных газет и журналов, в радиопередачах начали раздаваться вопли о «кризисе советского сельского хозяйства», о «провале большевиков на целине».

Пленум Центрального Комитета КПСС, состоявшийся в марте 1965 года, привлекал внимание всей партии, всей страны к вопросам сельского хозяйства. Пленум выработал целую систему крупных государственных мер по дальнейшему подъему сельского хозяйства.

основанную на глубоком знании и целеустремленном применении экономических законов в сельскохозяйственном производстве.

Решения мартовского Пленума, получившие свое дальнейшее развитие в Директивах XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза, вызвали к жизни гигантские созидательные силы.

Весной 1966 года в разгар полевых работ в Казахстане ежедневно засеивалось до двух миллионов гектаров. Таких высоких темпов и такой отличной организованности на севе республика еще не знала. Особенно дружно и организованно работали труженики бывших целинных земель.

Более 80 процентов зерновых на целине и в других районах республики в первом году пятилетки было засеяно сортовыми семенами, а в Уральской области сортовые посевы заняли 98 процентов всей засеянной площади. Сильными и твердыми пшеницами на целинных землях в 1966 году было занято более 9 миллионов гектаров. Впервые широкое применение получила новая система земледелия, разработанная для целинных районов Всесоюзным институтом зернового хозяйства в Шортандах близ Целинограда.

В больших размерах проводились работы по химической борьбе с сорной растительностью на полях: в северных областях Казахстана гербицидами было обработано почти 6,5 миллиона гектаров. В таких масштабах химия в сельском хозяйстве республики не применялась еще никогда.

И когда пришла пора уборки урожая, земледельцы Казахстана показали новые образцы высокой организованности и самоотверженного труда. На всей посевной площади, превышающей 30 миллионов гектаров, урожай зерновых культур был убран задолго до наступления осенней непогоды, что позволило свести к минимуму, почти на нет, обычные для многих хозяйств потери зерна.

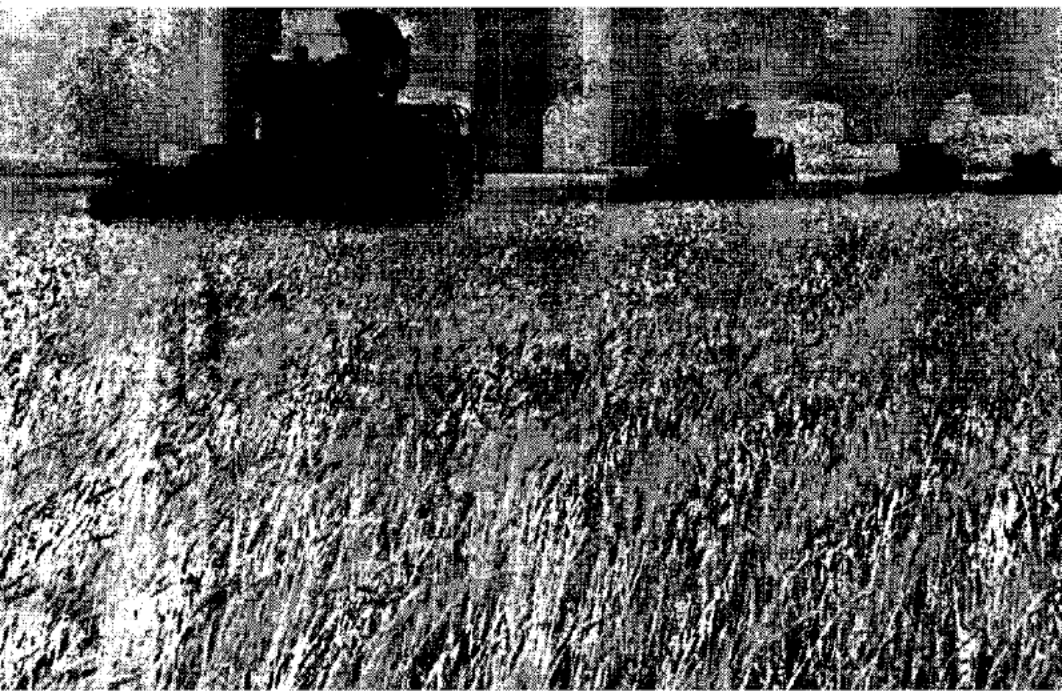
По твердому плану-заказу, установленному на каждый год до конца пятилетки, республика должна была в 1966 году ссыпать в закрома государства 598,2 миллиона пудов хлеба. Фактически уже к 29 сентября на элеваторы и хлебоприемные пункты поступило 900 миллионов пудов, и потом на протяжении почти целого месяца, засыпав семена для будущего года, убрав под крышу зерно, выделенное для нужд животноводства, многие хозяйства продолжали доставлять на государственные сыпные пункты излишки товарного зерна. Весь хлеб, проданный государству сверх плана, оплачивался по льготной, в полтора раза повышенной цене, а вся полученная прибыль теперь находится в распоряжении хозяйств.

Продав государству свыше одного миллиарда пудов хлеба, в том числе более 900 миллионов пудов основной продовольственной куль-

туры — пшеницы, республика почти вдвое перевыполнила план-заказ, а хозяйства от сверхплановой продажи хлеба получили огромные прибыли.

В первом году новой пятилетки в наиболее полной мере показала свою могучую силу покоренная целина, чудесная земля, на которой люди решительно взялись за наведение порядка.

Есть на целинных землях Казахстана хозяйства, каждое из которых только в 1966 году произвело столько товарного хлеба, сколько достаточно для того, чтобы прокормить в течение года население большого города. В совхозе «Буревестник» было произведено 3,3 миллиона пудов товарного зерна. Совхоз «Железнодорожный» той же Кустанайской области продал государству 2,9 миллиона пудов зерна, оставив для своих нужд достаточное количество пшеницы, ячменя и других сельскохозяйственных культур. Сотни хозяйств, созданных на бывших целинных землях республики, произвели в первом году пятилетки от полутора до двух с половиной миллионов пудов товарного зерна каждое.

На целинных землях Казахстана создано более пятисот совхозов. Каждый совхоз — это крупное многоотраслевое хозяйство, имеющее в среднем 65 тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, 3 тысячи голов крупного рогатого скота, более 6 тысяч овец и свыше 2 тысяч свиней.

На просторах бывших целинных земель возникли сотни благоустроенных совхозных поселков с электричеством, водопроводом, газом. На смену небольшим сборно-щитовым домчкам, определявшим облик совхозных поселков в первые годы целинной эпопеи, приходят многоэтажные жилые дома со всеми удобствами. Уже сегодня почти невозможно подметить различие между кварталами четырехэтажных домов, поднявшихся на центральной усадьбе Мичулинского совхоза Целиноградской области, и лучшими жилыми районами города Целинограда.

Второй житницей страны стал ныне Казахстан с его безбрежными просторами, сотнями совхозов и колхозов, в достатке оснащенных высокопроизводительной техникой, «хлебовозными» же-

Уборка на целине. 1966 год.

лезными и автомобильными дорогами, прорезавшими во всех направлениях безмолвную степь, взметнувшимися в небо башнями крупнейших элеваторов. Усилиями всей страны создана надежная материально-техническая база сельского хозяйства Казахстана, обеспечивающая его дальнейшее ускоренное развитие.

В минувшей семилетке ежегодный валовой сбор зерна на казахстанской земле составил в среднем 14,5 миллиона тонн. В наступившей пятилетке главная задача земледельцев республики состоит в том, чтобы не менее чем на одну треть повысить урожайность зерновых культур и довести ее до десяти центнеров в среднем на гектар. На десятках миллионов гектаров за пять лет необходимо повысить урожайность зерновых культур не менее чем на три центнера на каждом гектаре.

В сельскохозяйственном производстве издавна сложилась определенная закономерность: резкое увеличение посевной площади, по крайней мере в первые годы, сопровождается значительным снижением урожайности на гектар. Колхозы и совхозы Казахстана, увеличив посевные площади более чем в шесть раз, добились повышения урожайности зерновых культур на 1,3 центнера в среднем на гектар. При этом следует иметь в виду, что во многих хозяйствах еще очень низка культура земледелия, крайне запущено семеноводство, почти повсеместно механически, без учета местных особенностей, выполнялись не всегда достаточно продуманные и обоснованные рекомендации. Некоторое повышение урожайности, большой рост валовых сборов и увеличение производства товарного зерна достигались, главным образом за счет естественного плодородия вводимых в сельскохозяйственный оборот новых земель и высокой технической оснащенности хозяйств.

Богатейшие резервы, которыми располагает сельское хозяйство республики, до последнего времени использовались в незначительной мере. Опыт десятков и сотен хозяйств, расположенных в различных почвенно-климатических зонах республики, убеждает, что средняя урожайность зерновых культур в десять центнеров с гектара — это минимальная урожайность, которая может быть достигнута за счет наведения элементарного порядка на земле.

Ежегодно производить не менее 21—22 миллионов тонн хлеба и продавать государству 9 миллионов 800 тысяч тонн зерна, главным образом пшеницы, — вот рубежи, которых должны достигнуть в текущей пятилетке хлеборобы Казахстана. Эти рубежи будут взяты!

рождение исполинов

НА ПОРОГЕ ЧУДЕСНОЙ КЛАДОВОЙ

Автомагистраль, ведущая от города Аральска до станции Лебяжье на Великой Сибирской железной дороге, пересекает линию Целиноград — Каргалы, по которой днем и ночью мчатся составы, груженные углем, коксом, рудой, хлебом, скотом и иными дарами щедрой казахской земли. А навстречу им движутся эшелоны с грузами, необходимыми народному хозяйству Казахстана, среднеазиатских республик, Сибири, Дальнего Востока. Этот участок Южно-Сибирской магистрали — один из самых оживленных, и не случайно именно здесь была начата прокладка вторых путей на новом транссибирском железнодорожном пути.

Большое богатое село Семиозерное и станция на железной дороге, названная тем же именем. Это ворота в северную часть Кустанайской области с ее бесчисленными озерами — гигантскими голубыми блюдцами, разбросанными на бескрайних степных просторах. Более двух тысяч озер насчитывается в области, и большая часть их приходится на северную окраину зауральской равнины.

Недалеко от Семиозерки знаменитый Наурзумский сосновый бор — один из многочисленных заповедников Казахстана. Шумят на ветру вечно-

зеленые кроны могучих сосен, стеной поднявшихся у края торфяного болота, покрытого мягкими кочками. По торфянику — редколесье чахлах, низкорослых сосенок, а меж ними, по мшистым кочкам — россыпи багрово-сизой клюквы, классической северной ягоды, словно где-то под Ленинградом, Новгородом, Псковом. И бесчисленные стаи перелетной птицы в тихие и ласковые апрельские вечера, на чистых и звонких осенних зорях.

В одну сторону от Семиозерки — большое озеро Кушмурун возле железнодорожной станции того же названия, в другую — Джетыгара, поселок Октябрьский, а чуть дальше — город юности Рудный. Мы находимся в чудесном краю, неисчислимые богатства которого только в послевоенные годы были открыты советскими геологами.

На протяжении долгих лет обширная Зауральская равнина считалась чисто сельскохозяйственным районом, а высказанное кем-то мнение, что в Зауралье нет даже признаков наличия полезных ископаемых, принималось за бесспорную истину. Жизнь опровергла эти ошибочные предположения.

СОЛНЦА И ВЕТРА БРАТ

Первыми, кто развеял неверные представления о природных богатствах Кустанайской степи, были геологи. Стоило серьезно заняться организацией поисковых работ, придать им нужное направление, и в короткий срок здесь были открыты грандиозные запасы высококачественных железных руд.

Советский геолог... Человек неукротимой энергии и железного упорства. Человек беспокойного сердца, одержимый страстью непрестанного поиска. Брат солнца и ветра, как называли его авторы чудесной песни о геологах.

Сотни геологоразведочных партий на протяжении всего года находятся в горах, степях, пустынях, в самых отдаленных уголках и труднодоступных районах республики. Вооруженные новейшими методами и самой совершенной техникой, они раскрывают тайны земных недр, отыскивают кратчайшие и наиболее удобные пути к подземным кладам.

Есть ли на земле профессия более почетная и благородная, нежели профессия геолога? Нельзя увеличивать производство чугуна и стали, добычу и переработку руд цветных и редких металлов, развивать топливную и химическую промышленность, строить новые крупные предприятия, не обеспечив их надежной сырьевой базой.

Шахты и рудники, комбинаты и заводы, которые построены, строятся и будут строиться впредь в различных уголках нашей страны, должны работать многие десятилетия, непрерывно увеличивая выпуск продукции. И главнейшая задача советских геологов — разведчиков недр земных, всей геологической науки состоит в том, чтобы постоянно открывать, всесторонне изучать и увеличивать промышленные запасы полезных ископаемых, готовя широкий фронт великому коммунистическому наступлению.

Советский геолог, брат солнца и ветра, — правофланговый нашего похода в завтрашний день.

В послевоенные годы геологоразведочные работы развернулись в Казахстане с небывалым размахом. Они охватили самые отдаленные и труднодоступные районы республики. И тогда-то геологи, занятые поисками железорудного сырья, впервые начали внимательно присматриваться к ковыльным просторам, раскинувшимся на восток от Южного Урала, где земные недра разрабатываются уже сотни лет и даже самые богатые железорудные месторождения постепенно сходят на нет.

Появились первые, тогда еще довольно робкие теоретические обоснования возможности залегания рудных тел в Зауралье. Авторы подобных гипотез связывали свои предположения с близостью кустанайской равнины к Уральскому хребту, столетия назад впервые открывшему людям несметные свои сокровища, с геологической историей древней Казахской складчатой страны и сложными процессами, происходившими в земной коре на протяжении миллионов лет. Теория теорией, а практика поисковиков пока что не давала обнадеживающих результатов.

...Было это так. Летчик гражданской авиации Михаил Сургутанов, чей легкий самолет обслуживал одну из геологоразведочных партий, работавших в Кустанайской области, возвращался на аэродром. Отыскивая неприметные в открытой степи ориентиры, он то всматривался в проплывающую под крылом самолета равнину, то по давней летной привычке бросал взгляд на приборную доску. Полет проходил нормально. И вдруг пилот вздрогнул, начал протирать глаза: уж не задремал ли нечаянно?

Стрелка магнитного компаса неистово металась по кругу, готовая вот-вот соскочить с игольчатой оси. Потом начала успокаиваться и наконец замерла, точно указывая направление.

— В чем дело? Непонятно!

Сургутанов засек первый попавшийся на глаза ориентир и решил вновь пролететь над этим местом. И снова бешено заплясала, закрутилась магнитная стрелка. Летчик сделал пометки на план-

пете и продолжал путь на аэродром. Доложил в геологическое управление о странном поведении магнитной стрелки, и когда группа геологов прибыла в урочище Сарбай, она без особого труда установила явные признаки залегания здесь железных руд, доступных для разработки наиболее экономичным — открытым способом. Форсированная промышленная разведка месторождений определила его богатейшие запасы.

Первооткрывателям Соколовско-Сарбайских сокровищ, в том числе и летчику Михаилу Сургутанову, присуждена Ленинская премия. Это был поистине крупнейший вклад в создание нового района черной металлургии на востоке нашей страны.

В организации поисковых работ было взято верное направление, и последовали все новые и новые открытия геологоразведчиков: Лисаковское, Качарское, Аятское и другие месторождения высококачественных железных руд. Амангельдинские, Краснооктябрьские и Таукумские бокситы. Джетыгаринский «горный лен» — асбест, титановые россыпи на берегах Тургая... Все это, разумеется, не исчерпывает перечня уникальных богатств Большого Тургая. Ведь еще совсем недавно обширная территория Тургайской впадины считалась белым пятном на геологической карте нашей страны, и геологи, в сущности, еще только берутся за основательное ее изучение. Долго еще странствовать следопытам по безбрежной степи в поисках все новых и все более богатых подземных кладов.

Так пусть же им всегда и во всем сопутствует удача!

РУДНЫЙ — ГОРОД ЮНОСТИ

Геологические открытия послевоенных лет превратили исконный хлеботородный край в новый крупнейший район горнорудной промышленности страны. В этом можно убедиться, посетив один из самых молодых советских городов — Рудный, с непостижимой быстротой поднявший свои светлые этажи в открытой всем ветрам степи, по соседству с Соколовско-Сарбайским горно-обогатительным комбинатом.

Еще недавно, лет десять-двенадцать тому назад, на юго-запад от Кустаная можно было проехать десятки, а может быть, и сотни километров и почти не встретить человеческого жилья. Седой ковыль, стелющийся по ветру, да парящие в бездонной синеве неба орлы... Это летом. А зимой неистовая круговерть метели, в которой так легко затеряться и сгинуть человеку.

...В далекие времена в казахской степи родились и из поколения в поколение передавались разные варианты легенды о кладе, зарытом в землю. Одна из этих легенд повествовала о том, как молодой джигит нашел в степи золотой самородок величиной с лошадиную голову и, спасаясь от жадных баев, задумавших овладеть этим сокровищем, спрятал золото в сундук, закрыл его на замок и, закопав сундук в землю, забросил ключ на небо. Где зарыт бесценный клад — никто не знает. Известно лишь одно: кто его найдет, тот принесет людям радость и счастье.

Века живут древние легенды и предания. Наивный рассказ о золотом самородке и сегодня можно услышать в молодежном кафе на одной из многочисленных улиц Рудного, в котором нередко устраиваются своеобразные айтысы состоящих в сочинении красивых, увлекательных историй. Молодой рудничанин преподнесет слушателям свой, рудненский, вариант древней легенды и закончит ее так:

— И что вы думаете? Ведь нашли место, где джигит зарыл свой клад. На берегу Тобола, где строится сейчас новый микрорайон, был закопан тот сундук. А что из этого получилось, смекайте сами...

Вьюжной зимой 1955 года пришли на берега Тобола люди. Это были строители Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината. Из Кустаная, тогда тупиковой железнодорожной станции, прямо по заснеженной целине на тракторных санях везли детали и узлы небольших трехкубовых экскаваторов. На открытой площадке, под неистовыми порывами ветра, под вой и свист разбушевавшейся метели собирали их и тут же пускали в работу. По ночам в степи полыхали гигантские костры, и при их неверном, колеблющемся свете ковши со звоном долбили мерзлый грунт. Где-то в глубине земли, как установили геологи с помощью хитроумных приборов, затаилось рудное тело, и нужно было вынуть десятки и сотни миллионов кубометров грунта для того, чтобы открыть путь к подземному кладу. Небольшим экскаваторам с дизельными моторами работы хватило бы на долгие десятилетия.

К этому времени в нашей стране было освоено производство исполинских землеройных машин — шагающих экскаваторов с емкостью ковша в четырнадцать кубических метров, каждый из которых заменяет труд многих тысяч землекопов. Два таких исполина и были доставлены (разумеется, в разобранном виде) на берег Тобола. Много времени прошло, прежде чем циклопические машины были смонтированы, опробованы и летом 1957 года стальной богатырь, которому строители Сарбая дали выразительное имя Горняк, вынул первый ковш породы.

Советский шагающий... Представьте себе двухэтажный, сделанный целиком из металла дом с прикрепленной к нему семидесятиметровой стрелой, с гигантскими плоскими лапами, на которых держится вся эта машина, с ковшом размером с пульмановский вагон, висающим на стальных тросах в руку толщиной. Внутри стального корпуса десятки электрических моторов, лебедок, рычагов. На главном пульте управления — множество переключателей и кнопок. Сорок два электрических двигателя мощностью от полутора до двух тысяч киловатт приводят в движение эту громадину. А обслуживают ее всего четыре человека.

В Зауральской степи создавалась новая железорудная база черной металлургии, и страна не жалела средств на оснащение важнейшей стройки самой совершенной техникой. От Рудного до Магнитогорска не так уж и далеко, но на «Магнитке» — важнейшей стройке первых пятилеток — господствовали тачка, носилки и лопата-грабарка, а «энергетику» олицетворяла неказистая на вид, но терпеливая и выносливая крестьянская кляча. И все-таки построили советские люди знаменитую «Магнитку», ставшую прообразом новых великих свершений.

В иных условиях начиналось строительство нового гиганта черной металлургии страны. Вслед за шагающими экскаваторами на стройку поступили узлы и детали, и начался монтаж еще более совершенной и производительной машины — гигантского роторного экскаватора, выбирающего в час до трех тысяч кубометров породы. Ушли на новые строительные площадки страны энергопоезда с берегов Волги, шагнули в Кустанайское Зауралье ажурные фермы высоковольтных линий передач. По склонам гигантской чаши все явственнее обозначавшегося карьера пролегли рельсы, и электровазы тянули по ним вереницы думпкаров повышенной грузоподъемности. А рядом трудились работники «МАЗы», двадцатитонные стальные кони, оглашая окрестности не звонким ржанием, а своими неожиданным мелодичными sireнами.

Год за годом продолжался штурм земной тверди. На пути к рудному телу вставали мощные пласты скальных пород, и тогда в бой вступали взрывники и степь содрогалась от взрывов, поднимавших в воздух десятки тысяч тонн земли. Препраждали путь насыщенные водой пески, и экипажи экскаваторов, словно артиллеристы в наступлении, гнали дорогу перед собой тяжелыми бревнами, но не прекращали работу.

Во второй половине пятидесятых годов в Кустанайскую степь на строительство горно-обогатительного комбината, откликаясь на

Соколовско-Сарбайский
горно-обогатительный комбинат. Диспетчерский
пульт управления.

призыв Центрального Комитета КПСС, со всех концов страны ехали и бывалые строители, и юноши, только вступающие в жизнь.

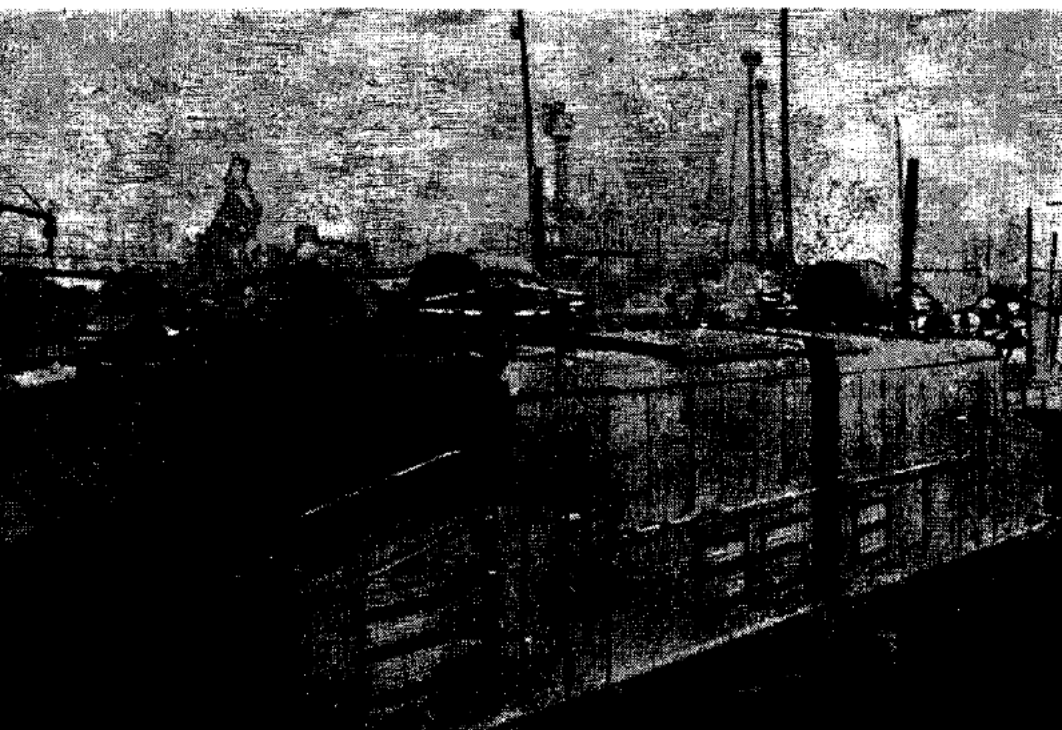
Много лет назад на строительстве Магнитки работал коногоном Дима Кожин. Когда на стройку пришел первый трактор отечественного производства, управление им поручили ему, крестьянскому пареньку, наскоро объяснив разницу между стальным и живым коном. Славно пошли дела у сметливого парнишки, неожиданно для него самого приобщившегося к технике. А на строительство Сар-

бая Дмитрий Иванович Кожин приехал опытным машинистом мощного электрического экскаватора. Любо было смотреть, как, повинаясь его точным, рассчитанным движениям, то поднимается, то опускается ковш, вгрызаясь в грунт мощными стальными челюстями. Две с половиной минуты — и 25-тонный самосвал, взревев мотором, трогается с места. Не на минуты — на секунды идет у Дмитрия Ивановича счет, и знатоки землеройного дела замечают иногда:

— Ювелирная работа, что и говорить...

У Михаила Коржаева за плечами Волго-Дон и Куйбышевская гидроэлектростанция, и на строительстве Сарбайского рудника он с первого же дня почувствовал себя в родной стихии. С только что полученным, «еще тепленьким» дипломом Алма-Атинского горно-металлургического института приехал сюда Сагын Усенов, отлично зарекомендовал себя на должности сменного мастера и вскоре стал старшим инженером производственно-технического отдела. Росла стройка в степи, и вместе с нею росли люди.

С большим опытом, полученным на крупнейших новостройках Урала, приехал в Рудный начальник комбината Николай Фаддее-

вич Сандригайло, но только здесь, в Сарбае, в полной мере раскрылся недюжинный организаторский талант этого сильного, волевого человека. Недавно за большие заслуги в развитии черной металлургии страны ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Вместе с директором Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината этого высокого звания был удостоен вожак бригады коммунистического труда, машинист экскаватора Анатолий Андреевич Шпак. В прошлом году его экипаж отгрузил из забоя 2 290 тысяч кубометров породы и взял обязательство к 50-летию Октября довести годовую выработку на своем экскаваторе до трех миллионов кубических метров.

С каждым днем ширился фронт строительных работ на берегу Тобола. Горно-обогатительный комбинат строился и давал руду металлургическим заводам Южного Урала. Тысячи тонн железяка... Десятки, сотни тысяч... Миллион тонн! Четыре миллиона... Шесть миллионов тонн! Немного раньше установленного срока строители и горняки Соколовско-Сарбайского комбината ввели его в строй на полную проектную мощность — 26,5 миллиона тонн. Такое коли-

В карьере Сарбайского рудника.

чество руды отгрузили горняки Соколовско-Сарбайского комбината металлургическим заводам в завершающем году семилетки, а всего за семилетку здесь добыто около 70 миллионов тонн сырой руды. За это же время более 300 миллионов кубометров породы перемещено в отвалы.

Одно за другим вступали в строй предприятия крупнейшего в стране железорудного комбината. Нарастает мощности сданная в эксплуатацию в последнем году семилетки фабрика по выпуску офлюсованных окатышей — самого высококачественного сырья для доменных печей. В последнем году пятилетки комбинат отправит металлургическим заводам Урала и Казахстана 10,8 миллиона тонн железорудных окатышей.

За досрочное освоение проектной мощности и увеличение добычи и переработки руды Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат награжден орденом Трудового Красного знамени. Коллектив горняков ответил на это обязательством к концу пятилетки довести мощность комбината до 30 миллионов тонн сырой руды в год.

В нескольких километрах от горных кручей, образованных вынудой из гигантского карьера и перемещенной в отвалы породой, высятся кварталы Рудного — города юности, только недавно отметившего первое десятилетие своего существования. Здесь живут строители и горняки, и все здесь молодо, свежо, прекрасно. В городе юности ведется в огромных размерах жилищное строительство: за последние несколько лет введено в строй полмиллиона квадратных метров жилья. Примечательно, что при таком объеме строительства проявляется большая забота о том, чтобы дома, кварталы и улицы, весь город выглядели красиво. Бросается в глаза обилие зелени на улицах юного города, тенистые деревья в его скверах и парках. За сотни километров привозили рудничане молодые деревца, бережно ухаживали за ними. Пройдитесь по улице Ленина и улице Мира, по проспекту Горняков, и вы увидите тенистые аллеи уже повзрослевших берез, прозрачных кленов, стройных тополей. Вы услышите тихий шепот их листьев, и в сердце вашем поднимется чувство гордости за советских людей, украшающих своим трудом землю.

Года полтора назад в Рудном побывала делегация финской молодежи. В беседе с горняками ее руководитель сказал:

— Я живу в Ланеланда. Городу 350 лет, а вашему в тридцать пять раз меньше. Но мы за сотни лет не смогли достичь того, что вам удалось сделать за десять...

Растет город юности Рудный. А вместе с городом растут люди.

Юный город в степи стал своеобразной кузницей кадров. В политехническом институте, горно-металлургическом техникуме и в школе мастеров коммунистического труда учатся тысячи горняков и строителей. Состоялся первый выпуск политехнического института — 99 молодых рудничан получили дипломы инженеров. Учится каждый второй житель Рудного.

ДВОЙНИКИ САРБАЯ

В первые послевоенные годы появились в Кустанайской степи искатели подземных кладов. За какие-нибудь десять-пятнадцать лет они сделали здесь столько удивительных открытий, сколько не было сделано за 250 лет горнопромышленной истории Урала.

Будто самой природой созданы здесь все условия для того, чтобы на безбрежных степных просторах возник и стремительно набрал силу новый индустриальный район страны.

Недра Тургая оказались богаты прежде всего железной рудой. По далеко еще не полным данным, общие запасы железной руды, сосредоточенные в разведанных месторождениях, определяются десятками миллиардов тонн. Они намного превышают все разведанные железорудные месторождения США, содержащие, по заключению специалистов, около семи с половиной миллиардов тонн железной руды.

Соколовско-Сарбайский железный богатырь только делает первые шаги, а в кустанайской степи уже разворачиваются работы по сооружению еще двух исполинов черной металлургии.

К югу от города Рудного вдоль линии железной дороги Целиноград — Карталы геологи открыли новые месторождения бурых железняков — Лисаковское и Аятское. Почти на сто километров протянулся непрерывный рудный пласт, ширина которого местами достигает десяти километров. Общие запасы бурых железняков здесь, по предварительным данным, превышают десять миллиардов тонн.

В этом районе предполагается построить два крупнейших горно-обогатительных комбината. Строительство первого идет полным ходом и завершится в нынешней пятилетке. Это уникальное предприятие даст ежегодно десятки миллионов тонн сырья для доменных печей. А вскоре неподалеку поднимутся гигантские корпуса крупнейшего в мире комбината для выпуска концентратов, которые будут перерабатываться в конверторах с кислородным дутьем. Металл, выплавленный из лисаковских железняков, баснословно де-

шев: ведь для всех производственных процессов будет использоваться природный газ, поступающий по ответвлению газопровода Бухара — Урал.

Современный благоустроенный город раскинет кварталы многоэтажных домов и общественных зданий на берегу Верхне-Тобольского водохранилища, которое вместит более миллиарда кубических метров воды. Зеркало нового рукотворного моря составит 102 квадратных километра, а глубина достигнет сорока метров. Чайки закружатся над простором Кустанайской степи, соперничая с орлами в красоте полета, и яхтсмены Лисаковска на зеркальной глади своего моря будут готовиться к международным парусным регатам.

Лисаковские и аятские руды, как и соколовско-сарбайские, залегают очень близко к поверхности земли. В Сарбайском руднике, например, мощный экскаватор зачерпнул первый ковш руды на глубине в тридцать четыре метра, и на протяжении ряда лет добыча руды здесь шла параллельно со строительством гигантского карьера. Это обусловило очень высокую экономичность разработки месторождения. В Лисаковском железорудном бассейне на обширной площади железяки залегают прямо на поверхности, и для добычи руды не нужно проводить даже вскрышных работ.

Но подлинной жемчужиной Большого Тургая можно считать Качарское месторождение магнетитовых железных руд, на базе которого сооружается второй двойник Сарбая — Качарский горно-обогатительный комбинат. В отличие от Лисаковского месторождения, где руда лежит на поверхности земли, качарские магнетиты «зарылись» вглубь и добывать их не так-то просто. Но зато качарская руда очень легко поддается обогащению и ее можно плавить не только в домнах, но и мартеновских печах, минуя доменный процесс. Можно представить, какой это даст экономический эффект!

Качар и Лисаковка — предприятия будущего, где найдут широкое применение новейшие образцы горной техники. Выбирать породу и руду здесь будут роторные экскаваторы производительностью в три тысячи кубометров в час, а доставят породу в отвалы и руду на обогатительные фабрики электровозы, работающие на переменном токе, и самодвижущиеся большегрузные думпкары.

Полвека назад все тропы и проселки обширной Тургайской области вели к небольшому городку на левом берегу Тобола. Собственно, трудно было назвать городом беспорядочное скопление приземистых деревянных домов и глинобитных мазанок, разбросанных вдоль глубокого оврага. Большая часть жителей Кустаная — крестьяне, переселившиеся в Зауральскую степь из малоземельных районов России, занимались земледелием, и лишь просторная тор-

говая площадь в центре Кустаная да каменные ряды лабазов напоминали город, крупный торговый центр. Дважды в год в Кустаная проходили шумные ярмарки, на которые со скобяным, хозяйственным и «красным» товаром ехали купцы из самых дальних губернских городов: на кустанайских ярмарках все это можно было очень выгодно обменивать на скот и мясо, кожевенное сырье и шерсть у казахов-кочевников и русских крестьян-земледельцев, съезжавшихся на многолюдные кустанайские ярмарки не только со всей Тургайской области, но из отдаленных уездов обширного Степного края.

Незадолго до Октябрьской революции этот захолустный степной городок получил, наконец, более или менее надежную связь со всей страной: к Кустаная была проложена железнодорожная ветка, и городок на Тоболе превратился в тупиковую станцию, для которой прибытие пассажирского поезда было редким событием.

Кустанай второй половины шестидесятых годов — это организуемый центр крупнейшего экономического района, в котором гармонично сочетаются важнейшие отрасли народного хозяйства. Достопримечательностью старого Кустаная были просторные кирпичные лабазы да двухэтажный бакалейный магазин на Центральной улице, принадлежавший местному тузу. А если говорить о важнейших приметах сегодняшнего Кустаная, то, по-видимому, прежде всего нужно назвать Северо-Казахстанское геологическое управление, коллективу которого, возглавляемому лауреатом Ленинской премии В. К. Пятуниным, принадлежит заглавная роль в изучении природных богатств обширной Кустанайской степи. С открытиями геологов связаны и сегодняшний день, и замечательные перспективы этого богатейшего края, а следовательно, и города Кустаная.

Город шумных ярмарок с пьяным купецким разгулом в прошлом ныне превратился в крупный промышленный и культурный центр. Завод искусственного волокна и строящийся неподалеку комбинат костюмных тканей, швейная и обувная фабрики, предприятия строительной индустрии и металлообрабатывающей промышленности, комбинаты пищевой промышленности определяют сегодня облик города. Педагогический институт имени Амангельды Иманова готовит педагогические кадры для всего казахстанского Севера, а во многих целинных хозяйствах успешно работают выпускники Кустанайского сельскохозяйственного техникума. Областной драматический театр и филармония обслуживают не только горожан: их коллективы — частые гости горняков и строителей, хлеборобов и животноводов. Кустанайцы издавна гордятся своим краеведческим музеем, одним из старейших в республике. А теперь, при случае, они как бы вскользь замечают, что недавно открытый гео-

логический музей в Кустанае будет, пожалуй, побогаче Карагандинского, насчитывающего несколько десятилетий.

О многом рассказывают вдумчивому посетителю экспонаты краеведческого музея, и прежде всего, о проникавших в казахскую степь прогрессивных идеях и рождавшихся здесь героических традициях.

На южной окраине Кустанайской степи, в небольшом селении Тургай в шестидесятых годах прошлого столетия жил выдающийся общественный деятель и просветитель казахского народа Ибрай Алтынсарин, страстный поборник дружбы между русским и казахским народами, основатель первых школ для детей казахов.

Здесь, в степном Тургае, поднял знамя национально-освободительного восстания против царизма народный батыр Амангельды Иманов — герой гражданской войны.

Раньше, чем в других районах обширнейшей казахской степи, в конце 1917 года здесь была установлена Советская власть, и когда белогвардейские банды с помощью контрреволюционной алаш-орды вновь установили в Кустанайской степи свое временное господство, большевики подняли на борьбу с Колчаком весь трудовой народ. Массовое вооруженное восстание против Колчака, охватившее весной 1919 года весь Кустанайский уезд, явилось одним из крупнейших в истории гражданской войны. Недаром незадолго до восстания белогвардейский атаман сообщил в Омск Колчаку: «Местное население г. Кустаная, а также население окрестных поселков сильно заражено большевизмом. В настоящее время весь Кустанайский уезд наводнен агитаторами, свободно проникшими из Актюбинска, Тургай и Иргиза».

С новой силой героические традиции, рожденные в Зауральской степи, проявились в грозные годы Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков. Лучшим свидетельством этого являются бронзовые бюсты дважды Героев Советского Союза воинов-кустанайцев И. Ф. Павлова и Л. И. Веды, установленные на одной из площадей Кустаная.

Город юности Рудный и орденосный Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат, поднимающиеся в степи Лисаковский и Качарский комбинаты, как и сотни совхозных поселков, раскинувшихся в безбрежном разливе хлебов, рассказывают о великом обновлении Тургай. Но представление о величайших переменах, происшедших здесь за полвека созидательного труда, будет неполным, если не побывать в Аркалыке и Джетыгаре — новых городах, возникших в степи, где добывают бокситы и асбест. Возникшие на месте небольших степных аулов, они свидетельствуют об огромных

изменениях в судьбе казахского народа, приобщенного Коммунистической партией и Советской властью к активной творческой жизни.

КОЛОКОЛ ИБРАЯ

На одной из улиц Тургая, административного центра обширного Джангильдинского района, стоит здание школы-десятилетки. У входа — старый, позеленевший от времени и непогоды колокол. Он звонит каждое утро, возвещая о начале уроков, и призывный звон его слышит вся окрестная пробуждающаяся к новому трудовому дню степь.

Колокол Ибрая... Можно ли лучше и душевнее, чем это делается в Тургае, чтить память человека, сделавшего безмерно много для счастья и процветания родного народа?

Невежество, нищета и бесправие, как плотный туман, окутывали казахскую степь. На темном горизонте — ни проблеска зари, ни светлого луча солнца... Именно в эту тяжелую пору великий казахский поэт и мыслитель Абай с тоской и болью восклицал: «Много у нас пословиц, но не говорится в них о науке, о знании, о справедливой и спокойной жизни... Нет у нас ни городов, ни людей, видящих мир».

Долгие годы проводил многострадальный народ в бесконечных скитаниях. Глухо позвякивали бубенцы. По ковылям и сыпучим барханам брели кочевники. Меж верблюжьих горбов вместе с нехитрым домашним скарбом примостились полуголые грязные ребята. Их мир — дырявая юрта да безлюдная неласковая степь.

В просвещении и культуре видел Абай золотые ключи к счастью для родного народа. Но где они?

В казахской степи на образование на душу населения в последние предреволюционные годы приходилось по... 14 копеек, в год и число грамотных в обширном степном краю не достигало двух процентов. Далеко не каждый ребенок-казах, особенно девочка, мог учиться. Лишь дети богатых и крупных степных владык могли учиться в медресе — духовной школе. Дни и ночи проводили они в заучивании, в бессмысленном зазубривании сур — глав корана, в молитве и бесплодных спорах над мертвой буквой шариата. Правда, в Оренбурге и Омске были две школы, готовившие толмачей-переводчиков, которые, за очень редкими исключениями, становились верными слугами самодержавия.

И вот таким счастливым исключением оказался уроженец Тургайской степи Ибрай Алтынсарин — выдающийся казахский просветитель и педагог.

Подобно Абая, Алтынсарин видел, что черная ночь, нависшая над степью, не вечна, что наступит когда-то рассвет. Ибрай не был лично знаком с великим поэтом — на всю жизнь их разделили тысячеверстные пространства, но от всего сердца он мог бы повторить вещице слова Абая: «Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза».

А русские — это Герцен и Чернышевский, Добролюбов и Белинский, Пушкин и Лермонтов, Потанин и Семенов-Тянь-Шанский...

Русские — это те, кого царьсылал в казахские степи и мрачные горы Акатуя, гноил в тюрьмах и убивал на виселицах. У них, этих замечательных русских людей, и были золотые ключи к народному счастью.

Нет, думалось юному Ибраю, никогда он не станет слугой русского царя!

С большим трудом удалось, наконец, стать ему аульным мугалимом. Но ведь на родине Алтынсарина — в Тургайской степи — не было ни одной казахской школы. С помощью друзей Алтынсарин добивается разрешения открыть несколько начальных школ для детей казахов. Но ведь для этого нужны средства! И молодой мугалим объезжает аул за аулом всю обширную степь, доказывает необходимость образования, по копейкам собирает средства на строительство первой школы. И настойчивый человек, одержимый благородной идеей, добивается своего. Восьмого января 1864 года в Тургае открылась начальная школа для казахских детей. Взволнованный Ибрай пишет своему русскому другу:

«Свершилось давно ожидаемое мною открытие школы и поступило в нее 14 киргизских (казахских — ред.) мальчиков, славных, мыслящих».

Неважно, что школа помещается в глинобитном домишке с плоской крышей и крошечными окнами. Неважно, что нет программы и учебников. Все это будет! Главное сделано, начало положено. Днем Алтынсарин занимается со своими учениками, а ночью пишет учебники, составляет руководство для обучения казахских детей русскому языку, хрестоматию, сочиняет стихи, зовущие к свету, к знаниям. Среди первых воспитанников Ибрая Алтынсарина был и Испандиар Кубеев, будущий заслуженный учитель Казахской ССР и автор первого казахского романа «Калым», направленного против диких степных обычаев, невежества и темноты.

Урок в сельской школе.

Ревностным последователем Алтынсарина стал юный Испандиар. По совету своего учителя, закончив русско-казахскую школу, он поступил в педагогический класс, готовивший аульных мугалимов. Большой и трудный путь открывался перед ним. Более полувека прошел Испандиар Кубеев этим путем, ни разу не пожалев о том, что избрал его.

...Седина давно посеребрила голову старого учителя. Грудь его украсили два ордена Ленина. Четыре тысячи воспитанников Испандиара Кубеева трудятся в разных уголках нашей Родины. Есть среди них инженеры, врачи, геологи, строители, агрономы, артисты, ученые. Бережно хранят они в сердцах образ своего первого заботливого и строгого, ласкового и требовательного наставника.

Ибрай Алтынсарин и Испандиар Кубеев были первыми среди тех, кто нес своему народу свет и знания, помогал ему приобщиться к русской и мировой культуре. До Великой Октябрьской социалистической революции им приходилось бороться в одиночку с темнотой и бесправием, с фанатизмом ходжей и мулл, с произволом царских чиновников. И вполне закономерно, что с первых же дней установления в казахской степи Советской власти аульные мугалимы стали самыми активными ее помощниками.

В годы гражданской войны аульный мугалим не только учит детей, но и сам с винтовкой отстаивает от врага молодую республику Советов. Вместе с беднотой, проводя в жизнь политику Советской власти, он конфискует байский скот, делит земли степных богатеев. А по вечерам в наскоро оборудованной юрте или землянке обучает своих сверстников и стариков грамоте. И вот вчерашние бедняки, или, как их презрительно звали власть имущие, «бишара», уже читают по складам бесконечно дорогое всем людям на земле имя: Ленин.

Дело, начатое когда-то в глухой Тургайской степи Ибраем Алтынсариним, после победы Октября стало общегосударственным делом: просвещение полудикого, поголовно неграмотного кочевого народа Советская власть считала первоочередной задачей. С помощью всей страны полвека назад юная Казахская Советская республика поднималась в великий поход за грамотность, за социалистическую культуру.

В степных аулах открываются десятки, сотни школ. Для них не хватает учителей, и сотни юношей и девушек командируются в высшие учебные заведения страны из далеких степных аулов. Возвратившись в родные места, они несут свет и знания народу. В Алма-Ате открывается один из крупнейших тогда высших учебных заведений страны — Казахский женский педагогический институт. По указанию В. И. Ленина в Ташкенте создается Туркестанский государственный университет, и сотни молодых казахов направляются туда на учебу. Во многих городах открываются рабфаки и курсы, готовящие учителей для казахских школ. Не было учебников для казахских школ, и их печатают крупнейшие типографии Москвы, Ленинграда, Казани, Оренбурга.

Это был великий поход за культуру. За парту садились не только дети, но и взрослые, и даже у аксакала, пользующегося всеобщим уважением в ауле, можно было в те дни увидеть в руках букварь.

Важным этапом культурной революции в республике явилось введение с 1930 года всеобщего обязательного обучения, которым

было охвачено более полумиллиона детей — в семьдесят раз больше, чем до революции!

Казахстан — республика сплошной грамотности. Два процента грамотных до революции и сто процентов умеющих читать и писать сегодня, не представляющих себе жизни без газеты, книги, журнала...

Каждый день распахиваются двери почти десяти тысяч школ республики и за парты садится более двух с половиной миллионов детей: казахов и русских, уйгур и украинцев, белорусов и татар, корейцев и многих других представителей братских народов, живущих в многонациональной нашей республике братской сплоченной семьей. Русые, черные, белокурые головы склоняются над учебниками...

Сбылась мечта Ибрая Алтынсарина и о школе-интернате для казахских детей, где они не только получают необходимые знания, но и воспитываются в труде, в общении с природой.

Многое изменилось в жизни казахского аула, но и сейчас еще долгие месяцы чабаны вынуждены проводить вдали от культурных центров: такова уж специфика этой нелегкой, но такой важной и необходимой профессии. Зиму чабан проводит в пустынной степи, где пасутся колхозные и совхозные отары. С наступлением весны, вслед за тающим снегом, он поднимается в горы, покрытые сочной шелковистой травой, и остается здесь до глубокой осени. А как же дети? За них чабан спокоен: о них заботится государство. В республике создана широкая сеть школ-интернатов, где на полном государственном обеспечении живут и учатся десятки тысяч детей. И количество таких школ-интернатов увеличивается с каждым годом.

Буквально по пальцам можно было пересчитать в дореволюционном Казахстане людей, имевших специальное образование, которое они получили, разумеется, не у себя на родине: ведь в Степном краю не было ни одного высшего учебного заведения, да и сама мысль об этом казалась несбыточной мечтой.

Еще бушевало над казахской степью и над всей страной пламя гражданской войны, еще гремели выстрелы в далеких аулах, а Советская власть отправила учиться в Московский, Саратовский, Томский и Самарский университеты первую большую группу казахской молодежи. Из казахской степи, над которой занималась заря новой жизни, в старые русские города ехали молодые, энергичные, талантливые люди, чтобы стать писателями и учеными, артистами и врачами — гордостью своей республики, своей страны.

В первые годы Советской власти в крошечном глинобитном городке Урде, затерянном в сыпучих песках, открылось первое в Казахстане высшее учебное заведение — Институт народного образования. В конце тридцатых годов прошлого столетия здесь, в степи между Уралом и Волгой, бушевало пламя народного восстания против колонизаторов, казахских ханов и султанов, и одним из руководителей его был акын Махамбет Утемисов. Символично, что в песках, обгаренных кровью мужественных воинов, слышавших пламенные песни Махамбета, открылся первый казахский институт. В числе студентов этого института было всего девять казахских юношей — вчерашних байских пастухов.

Когда-то великий поэт и мыслитель Абай, как о несбыточном счастье, мечтал о просвещении своего отсталого, невежественного и бесправного народа. Тридцать девять высших учебных заведений республики сейчас готовят квалифицированные кадры для различных отраслей народного хозяйства и культуры более чем по восьмидесяти специальностям.

Трудолюбивый, талантливый казахский народ, словно наверстывая упущенное за долгие годы, с величайшим вдохновением строит и учится, достигая все новых вершин в своем духовном развитии...

Вот какие мысли навевают звон старого колокола, раздающийся по утрам над обновленной тургайской землей.

ЯИК- Светлая река

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Следуя за солнцем, мы вплотную приблизились к западной границе Казахстана. Ведь

Тургайская степь теперь лежит на перепутьи больших дорог, и от Аркалыка, где добывают сырье для выплавки металла века — алюминия — совсем недалеко до станции Карталы, находящейся в Челябинской области, на пересечении Южно-Сибирской магистрали с железной дорогой, ведущей кратчайшим путем с Урала на Волгу. Здесь-то и пролегла высоковольтная линия, питающая электроэнергией Куйбышевской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина предприятия нового, крупнейшего в стране железорудного бассейна.

Карталы... Магнитогорск — город трудовой славы советского народа, в строительстве которого принимали участие и многие жители тогда еще глухой казахской степи.

Здесь протекает Урал — древний Яик — река неповторимой судьбы. Подобно тому как Уральский хребет является извечной естественной границей двух материков — Европы и Азии, река Яик, берущая свое начало в горных распадах Южного Урала, вырвавшись на равнину, на всем своем протяжении служила рубежом между Европой и Азией.

Многое в жизни и исторической судьбе казахского народа связано с событиями, происходившими в разные времена и эпохи на берегах Яика — Урала. Многое из того, чем живет сегодня Казахстан и что видится в завтрашнем дне республики, берет свое начало на берегах Урала, ставшего рекой нерушимой дружбы двух народов-братьев.

На станции Магнитогорск, где в гигантском водохранилище у горы Магнитной, созданной руками и разумом человека, плещутся светлые воды Урала, мы расстанемся с обжитым купе железнодорожного вагона и удобно разместимся в салоне быстроходного катера, который помчит нас вниз по реке, чтобы далеко на юго-западе, за тысячу с лишним километров вырваться на безбрежные просторы Каспия и горделивой птицей взметнуться к синему небу на крутой каспийской волне.

Живописны Южно-Уральские горы в верхнем течении реки. Далеко, у самых истоков, остались поросшие орешником распадки, где даже в самые знойные летние дни таится ласковая прохлада. Проплыли перед взором тенистые дубравы на горных кручах, и все спокойнее становится течение выходящей на равнину горной реки.

А вот и первая цель нашего путешествия по этому не совсем обычному, пока еще не разведанному даже смельчаками-туристами, маршруту...

РУССКИЙ ГОРОД ОРЕНБУРГ

Оренбург, или, как его называли казахи, Орынбор — город, расположенный на пересечении реки Урал железнодорожной магистралью Самара — Ташкент, занимал особое место в колонизаторских устремлениях России. Это был опорный пункт русской колонизации. И вполне закономерно, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции Оренбург стал центром особенно ожесточенной борьбы нарождавшегося нового со старым, отжившим, умирающим.

К концу 1917 года в Оренбурге сложилась сильная большевистская организация, но здесь же сконцентрировались и крупные силы контрреволюционного казачества, вдохновителем и организатором которого был атаман Дутов. У Дутова и сгруппировавшихся вокруг него меньшевиков, эсеров, алаш-ордынцев были далеко идущие планы: отрезать районы Южного Урала, Казахстана и Среднюю Азию от Центральной России, начать вооруженную борьбу против Совет-

ской власти и с помощью иностранных интервентов задушить молодую республику Советов. Эти планы как нельзя лучше совпадали с устремлениями иностранных и, в первую очередь, английских империалистов.

События, развертывавшиеся в те дни в Оренбурге, могли иметь решающее значение для дальнейшей судьбы революции, и за ними внимательно следили Центральный Комитет большевистской партии и Владимир Ильич Ленин. Когда белоказаки с помощью меньшевиков, эсеров и казахских буржуазных националистов захватили в городе власть, Ленин дал указание штабу Красной гвардии оказать оренбургским рабочим экстренную военную помощь в борьбе против Дутова. Южный Урал, Поволжье, Тургайская степь образцово выполнили ленинский боевой приказ. Объединенные красногвардейские отряды (в том числе и отряд кзыл-аскеров под командованием Алибия Джангильдина) устремились к Оренбургу и наголову разбили белоказаков. 18 января 1918 года город на Урале был освобожден от белых. А через два месяца — 21 марта — в Оренбурге собрался Тургайский областной съезд Советов, решения которого сыграли большую роль в мобилизации трудового народа на борьбу за установление Советской власти в Киргизской степи. Вскоре после съезда председатель Тургайского областного исполнительного комитета А. Т. Джангильдин телеграфировал в Москву, Ленину, что Советская власть пользуется широкой поддержкой казахской бедноты и во многих кочевых уездах созданы Советы.

Полвека отделяет нас от тех героических дней. Полвека борьбы и творческого созидательного труда. И вот мы снова в русском городе на реке Урал, в Оренбурге, ставшем колыбелью казахской советской государственности. Ведь Оренбург — это первая столица Советского Казахстана!

Еще не стихли над страной оружейные залпы и пулеметная дробь жарких битв гражданской войны. На Крымском полуострове, за укреплениями Перекопа отсиживались остатки белогвардейских банд Врангеля, и части Красной Армии под ураганным огнем форсировали Сиваш. А страна уже приступала к мирному созидательному труду. В планах большевистской партии, разработанных под руководством Владимира Ильича Ленина, одно из важных мест занимали меры по уничтожению последствий колонизаторской политики царизма и сплочению всех народов бывшей Российской империи в единую братскую семью.

Пройдем по улицам Оренбурга. Улица Ленина — главная улица города, прежде называвшаяся Центральной. Клуб имени Свердлова. В этом скромном помещении 4—12 октября 1920 года проходил

Учредительный съезд Советов Казахстана, принявший историческую для казахского народа «Декларацию прав трудящегося Киргизской (Казахской) АССР», избрал Центральный Исполнительный Комитет Казахской АССР, который образовал Совет Народных Комиссаров республики.

Создание казахской советской государственности было подготовлено всем ходом исторического развития. В борьбе за установление Советской власти, в борьбе против иностранных интервентов и белогвардейцев рушились созданные царизмом национальные перегородки между русскими, казахами и людьми других национальностей, живших в Казахстане. В процессе совместной борьбы за общие интересы создавались и укреплялись братские связи казахского и русского народов.

Трудящиеся обширной Киргизской степи восторженно приветствовали создание Казахской АССР, видя в этом проявление заботы В. И. Ленина, большевистской партии и Советской власти о счастье и процветании казахского народа. Образование Казахской АССР способствовало быстрому подъему экономики и культуры обширного и богатого края, обеспечило бурное развитие его производительных сил, возрождение казахского народа к активной творческой жизни.

Оренбург почти пять лет был столицей Советского Казахстана. Этот русский город сыграл большую роль в установлении и упрочении Советской власти в Казахстане, в организации социалистического строительства в казахской степи. Здесь было сосредоточено руководство всей политической, хозяйственной и культурной жизнью обширного края с кочевым укладом жизни. Здесь готовились национальные кадры партийных, советских и хозяйственных работников. Оренбургский рабфак на первых порах был подлинной кузницей кадров национальной казахской интеллигенции.

При образовании Казахской АССР в ее состав были включены Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская области, а также части Закаспийской области и Астраханской губернии, населенные казахами, и Оренбург с прилегающими районами. Но во многих частях Туркестанской республики, в частности по течению реки Сыр-Дарьи и в Семиречье, казахи составляли большинство населения, и извечная мечта казахского народа о воссоединении всех своих земель в свободное национальное государство стала близкой к осуществлению. Осенью 1924 года с завершением национального размежевания Средней Азии в состав Казахской АССР вошли многие уезды и волости, населенные казахами. Территория Казахской республики увеличилась почти на 700 тысяч квадратных километ-

ров. а численность населения возросла на полтора миллиона человек. Оренбург и прилегающие районы, где преобладало русское население, были выделены из состава Казахской АССР, и столицей республики стала Ак-Мечеть. Состоявшийся в апреле 1925 года в новой столице Казахстана V съезд Советов республики отменил навязанное царскими колонизаторами исторически неправильное наименование казахского народа — «киргизы» и восстановил его действительное название — «казахи». Съезд Советов записал в своем решении: «Для восстановления исторически верного имени киргизского народа V Всеказахский съезд Советов постановляет: впредь именовать киргиз казахами».

Воссоединение казахских земель в единую советскую национальную республику было одним из ярких свидетельств торжества ленинской национальной политики. С его осуществлением создались наиболее благоприятные условия для дальнейшего бурного развития производительных сил Казахстана.

НА МЕСТЕ ЯИЦКОГО ГОРОДКА

Там, где река неожиданно и круто изменяет свое течение и под прямым углом поворачивает на юг, в окружении тенистых рощ и яблоневых садов раскинулся Уральск — самый старый город Казахстана, в 1963 году торжественно отметивший свое трехсотлетию.

На исходе третьего века существования Уральска, вскоре после освобождения его от белоказаков, город посетил писатель А. Н. Толстой. Свое впечатление от Уральска он выразил так: «Приходилось много видеть скверных мест, но «Яицкий городок» может привести в отчаяние... Серая пыль, мухи, зной, ни дерева, ни кустика, одноэтажные домишки кругом обвеваются пыльными облаками... Когда подъезжаешь к Уральску по выжженной степи — видны бойня, жиденькие сады на речке Чагане да облезлые колокольни. Три, пять, семь буро-желтых смерчей бешено крутятся между садами, бойней и городом... Вокзал — в поле, где ни пяташка тени. Извозчик везет через равнину, поросшую телеграфными столбами. Вырастают мазаные домишки, широкая улица, посредине — канава, на углах продают квас и папиросы. Редко — люди. Здесь была столица богатейшего края, но — ни намека на украшение жизни, на благоустройство: приплюснутые голые домишки, осенью — месиво грязи. Над этим убожеством — огромные церкви».

В начале семнадцатого века (по одним данным в 1613, а по другим — в 1622 году) на берегу Яика, в том месте, где, образуя большой полуостров, в него впадала река Чаган, поставили свои курени вольные люди, пришедшие с Дона и Волги. Просторная степь вокруг, покрытая шелковистыми пахучими травами, тенистые дубравы в пойме Яика да обилие красной рыбы в реке сулили безбедную жизнь. Здесь и был заложен Яицкий городок. Поставили казаки учуг, перегородив Яик чуть пониже устья Чагана, и даже диву дались, сколько диковинной по размерам рыбы, идущей вверх против течения на нерест, скопилось у деревянной решетки. Осиновые слегы не выдерживали — прогибались и лопались под неистовым напором рыбы, которую гнал против течения великий всепобеждающий инстинкт.

— Багрить! — подал команду атаман, и саженные осетры да севрюги, выхваченные из воды острыми баграми, тяжело забились на сырой от утренней росы, береговой траве. А иной раз багор зацеплял такое водяное чудовище, что пятеро дюжих казаков с превеликим трудом выволакивали его на берег. Белуги по пятьдесят пудов весом шли, бывало, этим путем из Каспия в верховья реки на нерест.

Промысел красной рыбы стал главным занятием яицких казаков. К этому выгодному делу и близко не подпускали «иногородних», селившихся мало-помалу в городке. Позднее у дома наказного атамана пушку поставили и по команде били из нее, когда подходил срок багрить севрюгу.

А зимой выстраивались на яицких берегах штабеля мороженой рыбы, и по прикатанной санной дороге на многие версты растягивались обозы с рыбой, отправляемой в Москву к царскому столу и для продажи.

Но иная, великая слава суждена была Яицкому городку, который со временем стал центром притяжения всех вольнолюбивых сил России. И когда донской казак Емельян Иванович Пугачев, появившись в Яицком городке, бросил свой бунтарский клич, со всех концов России и из казахской степи стали стекаться к нему люди, мечтавшие о воле, о счастливой жизни. Крестьянское восстание, которое возглавил Пугачев, было подавлено. Из Яицкого городка плененного бунтаря отправили на казнь в Москву. А императрица Екатерина «всемилоостивейше» повелеть изволила: «Для совершенного забвения сего на Яике последовавшего несчастного происшествия реку Яик переименовать Уралом, равно и Яицкому городку называться отныне Уральск».

Но не вытравить в сознании народном память о грозных собы-

тиях, которые и много лет спустя продолжали привлекать пристальное внимание передовых людей России. Здесь собирал материал для своей «Истории Пугачева» А. С. Пушкин. Интересовались жизнью уральских казаков и приезжали в Уральск ученые В. И. Даль и поэт В. А. Жуковский. По улицам Уральска ходил Лев Толстой, и ночи проводил за изучением архивов войсковой казачьей канцелярии В. Г. Короленко. Здесь по злой самодержавной воле сошлись пути разжалованного в солдаты поэта-петрашевца А. Н. Плещеева и отправлявшегося в ссылку Т. Г. Шевченко.

Богата и увлекательна история древнего города на Урале, но вплоть до Октябрьской революции он так и оставался ничем не приметным захолустьем.

По-иному выглядит современный Уральск, крупный город на большой реке, административный центр Уральской области. На ровные квадраты расчертили территорию города его прямые, широкие улицы. Многие из них залиты асфальтом и до блеска отмыты водой, подаваемой в городскую арычную сеть специальной насосной станцией. В городе, где, по свидетельству А. Н. Толстого, не было ни кустика, ни деревца, обилие зелени, цветов. Приехал бы автор «Хождения по мукам» в Уральск сегодня, он бы убедился, что горожане любят и умеют украшать жизнь.

Уральск сегодня — это большой промышленный город. Здесь один из крупнейших в стране меховых комбинатов. Из обычной овчины, выделанной под цигейку, котика, норку, уральские мастера шьют изящные, теплые и главное — долговечные дамские манто, детские шубки и другие добротные и красивые вещи. Продукция Уральского мехового комбината пользуется большим успехом и на международном рынке. Мягчайшим и прочным хромом тридцати с лишним расцветок снабжает двадцать обувных фабрик страны Уральский кожевенный завод имени Р. С. Землячки, а в ассортименте изделий уральского мясокомбината более ста наименований.

Легкая и пищевая промышленность — это традиционные отрасли уральцев: Приуралье издавна славится высокоразвитым животноводством, и переработка сельскохозяйственного сырья долгое время определяла основное направление в развитии его экономики. Ныне ведущее место в промышленности Уральска занимает металлообработка. На крупнейшие стройки страны отправляет свою продукцию Уральский арматурный завод, а заводы механический и сельскохозяйственных машин обслуживают важнейшие нужды животноводства. На пастбищах Приуралья, Актюбинской, Гурьевской, Семипалатинской областей, в далекой Сары-Арке можно встретить ветродвигатели с маркой Уральска.

По всему миру идет добрая слава об Уральском солодовом заводе, в большом количестве выпускающем лакричный порошок и экстракт солодового корня. Этот завод — единственное в СССР предприятие подобного рода — отправляет свою продукцию на кондитерские и фармацевтические фабрики страны и на табачные комбинаты, а частью экспортирует в Югославию, Федеративную Республику Германии, Соединенные Штаты Америки и другие страны мира.

На месте Яицкого городка, у слияния трех рек, раскинулся большой современный город, утопающий в зелени. Общая площадь города достигает почти двухсот гектаров и с каждым годом увеличивается.

Каждый, кто впервые приезжает в Уральск, не может не обратить внимания на множество памятников и мемориальных досок на стенах городских зданий, служащих как бы связующим звеном между сегодняшним днем и богатым историческим прошлым Приуралья.

Просторная — от Урала до Чагана — раскинулась площадь Пугачева, а одна из улиц названа именем Степана Разина. В старой части города, там, где ставили свои курени пришедшие на Яик донские казаки, протянулась по взгорью Стремянная улица. Здесь когда-то стояли походные кузни и рослые, плечистые бородачи-умельцы ковали узорчатые медные, а иногда и серебряные стремяна к казачьим седлам. Вот и просторный двухэтажный дом — «Дворец Пугачева», в котором во время своего пребывания в Яицком городке жил предводитель крестьянской войны 1773—1775 годов. Чуть подалее приземистый, замшелый дом кузнечных дел мастера Петра Михайловича Кузнецова, на дочери которого женился Пугачев, всей своей мятежной душой полюбивший Устиньку Кузнецову, статную уральскую казачку.

Мраморные доски на фасадах зданий с высеченными на них строками, будто страницы летописи, листая которые отчетливо видишь прошлое и еще ярче представляешь завтрашний день. Пожелтевший от времени мрамор скупое повествует: «В этом доме в сентябре 1833 года жил великий русский поэт А. С. Пушкин». Бывший дом наказных атаманов Уральского казачьего войска. Это здесь делал первые записки к будущим главам «Истории Пугачева» вольнолюбивый певец России. Вдали, за Чаганом, уходит к горизонту гряда невысоких холмов. Это Белые горы. Не они ли и подсказали автору «Капитанской дочки» название крепости, в которой разыгрывались драматические события, — Белогорская? Солдатские казармы на берегу русла Урала — обиталище сослан-

ного в солдаты поэта Плещеева и братских его встреч с великим Кобзарем.

А вот явственные меты более поздних времен. По тропинкам, что ведут в рощу имени Горького (бывшая Ханская роща), в годы первой русской революции тайком пробирались на нелегальные сходы и маевки революционные рабочие Уральска. Дом на Коммунистической улице, в котором сейчас помещается медицинское училище. Мемориальная доска на его фасаде извещает: «В 1919 году здесь находился штаб Уральского фронта и жил Михаил Васильевич Фрунзе, выдающийся советский полководец, первый красный командарм». Пройти еще немного — и новые меты нашего героического века: здесь размещался штаб легендарной Чапаевской дивизии, а чуть подалее квартировал ее комиссар, писатель-большевик Дмитрий Фурманов.

В героической летописи Приуралья особое место занимают события, связанные с обороной Уральска и освобождением его от бело-гвардейской блокады: это ближние подступы к рубежам, от которых начинался путь к обновлению древней казахской земли.

К весне 1918 года — началу интервенции и гражданской войны — часть территории Казахстана оказалась под властью контрреволюции. Империалисты Антанты перешли к открытой военной интервенции против молодой Советской страны. Мятеж чехословацкого корпуса и вооруженные выступления внутренних контрреволюционных сил резко изменили военно-политическую обстановку на востоке, где враг накапливал силы для того, чтобы нанести удар в самое сердце Советской республики. «Сейчас вся судьба революции, — писал В. И. Ленин 1 августа 1918 года, — стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара.

Все зависит от этого».

Коммунистическая партия и Советское правительство развернули огромную работу, обеспечившую всемерное укрепление Красной Армии и сплочение всех сил революционного народа на защиту социалистического отечества. Попытки иностранных империалистов и внутренней контрреволюции покончить с Советской Россией силой оружия закончились крахом. Отразив яростный натиск врага, Красная Армия развернула успешные наступательные операции, в том числе и на казахстанских фронтах. Вслед за Оренбургом советские войска в начале 1919 года освободили от белоказаков Уральск.

Но враги революции не расставались со своими мечтами о вооруженном разгроме первого в мире государства рабочих и крестьян, и Антанта начала объединенный поход на Советскую Россию, удар-

ной силой которого была белогвардейская армия Колчака — «верховного правителя» России. Одновременно с наступлением Колчака на Восточном фронте активизировала боевые действия белоказачья армия генерала Толстова, имевшая целью ударами в тыл Южной группы советских войск Восточного фронта сорвать наступление против главных сил Колчака. На пути белоказачьей армии Толстова стоял Уральск, и белогвардейское командование решило взять любой ценой этот город. Подтянув к Уральску крупные резервы, белоказачи окружили город и начали его длительную осаду. Героически держались уральцы. В обороне города, наряду с частями Красной Армии принимало участие население. Боевой дух защитников Уральска еще более укрепило приветствие В. И. Ленина, внимательно следившего за событиями на Уральском фронте. «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет, героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом», — говорилось в ленинской телеграмме. По указанию Ленина на помощь осажденному Уральску были брошены крупные силы. Ударная группа под командованием Чапаева разгромила белоказачью армию Толстова и 11 июля 1919 года командующий Уральским фронтом М. В. Фрунзе телеграфировал Ленину: «Сегодня в двенадцать часов снята осада с Уральска. Наши части вошли в город».

Город на Урале навсегда стал советским.

Освободив от белоказачей Уральск, 25-я стрелковая дивизия, которой командовал легендарный герой гражданской войны Василий Иванович Чапаев, человек изумительного бесстрашия и ярчайшего военного таланта, продолжала успешное наступление на Гурьев и вскоре заняла станицу Лбищенскую. Уральские белоказачи предприняли последнюю попытку перейти к наступательным действиям и, создав большое численное превосходство, внезапной ночной атакой захватили Лбищенскую, где располагался штаб 25-й дивизии и находился командир дивизии Чапаев. В жестоком ночном бою геройски пали командир дивизии В. И. Чапаев, комиссар П. С. Батурин, многие работники штаба и политотдела дивизии.

Много времени прошло с той огневой ночи, но в Приуралье, как и во всей Советской стране, живет память о легендарном Чапаеве и его боевых подвигах. Бывшая казачья станица, а потом город Лбищенск, ныне административный центр Чапаевского района. Здесь создан мемориальный музей В. И. Чапаева. На главной площади в Чапаево воздвигнут памятник герою. В Уральске, Чапаево, Фурма-

ново, в станицах и аулах, раскинувшихся по берегам Урала, живет немало чапаевцев, боевых соратников бесстрашного комдива.

Через десятилетие пронесли чапаевцы свои священные традиции, бережно храня и умножая их. И когда на нашу страну обрушились первые удары гитлеровских полчищ, бывшие бойцы 25-й стрелковой имени В. И. Чапаева дивизии вновь покрыли себя неувядаемой славой. В годы Великой Отечественной войны боец Чапаевской дивизии Сидор Артемьевич Ковпак стал вожаком украинских партизан. Родина отметила его выдающиеся боевые заслуги высокими наградами: С. А. Ковпак дважды удостоен звания Героя Советского Союза. Командиром артдивизиона в Чапаевской дивизии служил Николай Михайлович Хлебников, в годы Великой Отечественной войны ставший генерал-полковником артиллерии, Героем Советского Союза. Одним из первых в стране Героев Советского Союза стал участник Челюскинской эпопеи летчик Маврикий Трифонович Слепнев, бывший инженер штаба 25-й стрелковой дивизии. Весь мир облетела слава о мужестве и стойкости воинов Восьмой гвардейской имени И. В. Панфилова дивизии, грудью своей заслонивших Москву в час грозных испытаний. Смертью храбрых пал в бою с врагом командир этой прославленной дивизии, Герой Советского Союза генерал-майор Иван Васильевич Панфилов. Символом бесстрашия и верности Родине стало имя «панфиловец». И мало кто знает, что И. В. Панфилов командовал в 25-й стрелковой батальоном и был одним из тех, у кого Чапаев советовал учиться отваге, мужеству и бесстрашию.

В одном из залов Уральского областного музея установлены две скульптуры, различные по творческой манере исполнения, но близкие по содержанию. На тачанке, стремительно вырвавшейся из-за негустого березового леса, превратившись в комок яростной ненависти к врагу, припал к пулемету Чапаев.

И рядом другая скульптура. На бруствер наскоро отрытого окопа выдвинут такой же «максим», к которому прильнула совсем юная девушка-казашка с нашивками сержанта на погонах. Это Маншук Маметова, пулеметчица из Приуральской степи, у стен старинного русского города Невеля ведет огонь по врагу.

И двадцати лет еще не исполнилось Маншук Маметовой, студентке педагогического института, родившейся в поселке Урда, когда пришла она в военкомат и твердо сказала:

— Пошлите меня на фронт.

На фронте Маншук стала отличной пулеметчицей, а ее выдержке и храбрости завидовали бывалые солдаты, ласково называвшие девушку из далекой Урды «дочкой». В бою под Невелем Маншук

Маметова, смертельно раненная, не покинула своего места в строю и продолжала разить врага. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил юной патриотке звание Героя Советского Союза. Одна из лучших улиц старинного русского города Невеля названа именем Маншук Маметовой.

...Четверть века лежит между подвигами двух героев, свершенными во имя одной цели — во имя жизни на земле.

В НАСТУПЛЕНИИ НА МЯСНУЮ ЦЕЛИНУ

Вот и остался позади Уральск — город героических традиций, переходящих от поколения к поколению. Урал — третья по протяженности река Европы (после Волги и Дуная), — словно торопясь побыстрее прорваться к Каспию, набирает силу, раздается вширь. Чем ближе к югу, тем медленнее течение реки, и тихие, спокойные плесы то и дело сменяются перекатами, за которыми начинается стремнина, бьющая под крутой, поросший разнолесьем яр.

На протяжении нескольких километров вдоль Урала, приближаясь иногда почти вплотную к берегу, тянется государственная лесная полоса Гора Вишневая — Каспийское море. Широкой зеленой рекой разлилась она по безбрежной степи, и недавно поднявшиеся, едва окрепшие ее деревца уже становятся надежным заслоном на пути жарких, губительных суховеев.

Наш легкий речной катер, резко проскакивая мели и перекаты, не в пример более солидным теплоходам и самоходным баржам, не всегда держится обозначенного вехами фарватера, и это значительно сокращает путь по капризно-извилистой реке.

Прошли Кушум, который многие по неведению или по привычке считают притоком Урала. В действительности это один из древних рукавов Урала, образовавшихся в далекие времена, когда здесь начиналась дельта реки, впадавшей в Хвалынское море на сотни километров севернее нынешнего побережья Каспия. Устремившийся вслед за отступившим морем Кушум так и не смог донести до него свои медлительные воды, и его устье затерялось, исчезло в мелких разливах, в песках. Такова судьба многих равнинных рек Казахстана, и эта их особенность очень ярко выражена в Приуралье, степном краю. На десятки километров по долинам бессточных степных рек тянутся разливы. Знаменитые Чижиинские, Дюринские, Балыктинские... Неоглядны они в вешнюю пору, когда паводковые воды заполняют все низинные места, оставляя лишь небольшие островки.

По месяцу и более стоят здесь паводковые воды, а после их спада степные травы быстро идут в рост. Эти природные особенности и определили главное направление в развитии экономики Уральской области как крупнейшего района высокопродуктивного животноводства.

Уральская область сравнительно невелика. На 350 километров с севера на юг и на 550 с запада на восток простирается ее территория, составляя около шести процентов территории республики. А по количеству скота, имеющегося в совхозах и колхозах, Приуралье занимает пятое место в республике, опережая десять других областей, каждая из которых значительно превосходит Уральскую по территории.

Главное богатство степного Приуралья — его обширные земельные просторы. Здесь исключительно благоприятны условия для животноводства: обширные пастбища, большая часть которых хорошо обеспечена водой, огромные площади заливных сенокосов, дающие богатые урожаи высокопитательных трав. И эти благоприятные условия с каждым годом используются все полнее. В хозяйствах Приуралья планомерно растет поголовье скота, повышается его продуктивность и увеличивается производство животноводческой продукции. За семилетие область почти удвоила производство мяса, доведя его в 1965 году до 37,4 тысячи тонн (в убойном весе). За это же время производство молока увеличилось с 40 до 60 тысяч тонн.

Полвека назад скотоводство почти целиком определяло всю экономику обширнейшего степного края, раскинувшегося на тысячи километров к юго-востоку от Оренбурга и к югу от Омска. По бескрайним степным просторам, терпя невзгоды и лишения, круглый год бродили казахи-кочевники со своими стадами и отарами. Из всех существующих на земле профессий казах-кочевник знал только одну — нелегкую профессию чабана. Скот был единственным богатством кочевого народа, единственным источником его существования.

Десятилетия созидательного труда изменили облик древней казахской земли, экономику республики, весь жизненный уклад народа. Крупные города и промышленные центры выросли на месте кочевых аулов. В городах Казахстана сейчас проживает 6,3 миллиона человек. Это почти половина всего населения республики, и процент городского населения в Казахстане значительно выше, чем в Белоруссии, Узбекистане, Литве, Таджикистане, Молдавии. Промышленность определяет ныне экономику бывшего края кочевого скотоводства.

Большие изменения произошли в сельском хозяйстве республики. В результате освоения десятков миллионов гектаров целинных земель земледелие с ежегодным производством сотен миллионов пудов товарного зерна приобрело ведущую роль. Казахстан по производству товарного хлеба прочно занимает второе место в стране, уступая из всех союзных республик только Российской Федерации. Но Казахстан по-прежнему остается основной базой животноводства на востоке страны. В настоящее время в республике насчитывается более 30 миллионов голов овец и 6,8 миллиона крупного рогатого скота. Таким образом, по количеству овец Казахстан занимает второе место в стране, уступая лишь РСФСР, а по поголовью крупного рогатого скота республика выдвинулась на третье место в стране, уступая только Российской Федерации и Украине. Крупного рогатого скота в Казахстане сейчас в восемь с половиной раз больше, чем в Советской Латвии, заслуженно славящейся образцовой постановкой молочного животноводства, и в десять раз больше, чем в Армянской ССР.

Казахстан располагает поистине безграничными возможностями для развития овцеводства, и имеющееся сейчас поголовье овец отражает эти возможности лишь в очень малой степени. Второй казахстанской целиной образно называют в народе овцеводство, и за освоение этой целины республика взялась сейчас с такой же настойчивостью и энергией, с какой в свое время осваивалась целина хлебная.

В Казахстане насчитывается 175 миллионов гектаров пастбищ, причем в эту площадь не включаются так называемые неудобные земли — пески, такыры, солончаки, овраги, заросли кустарников, приречные тугаи, которых в общей сложности имеется более 50 миллионов гектаров. На этой огромной территории можно выпасать до ста миллионов овец.

До Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане разводились только грубошерстные курдючные овцы, известные своей неприхотливостью и выносливостью. Ныне повсеместно получило широкое распространение тонкорунное и полутонкорунное овцеводство, а в южных районах республики — и каракулеводство. Под руководством лауреата Государственной премии академика В. А. Бальмонта специалисты сельского хозяйства республики при активной поддержке передовых чабанов вывели очень ценную

Страж отары.

породу овец — казахскую тонкорунную. Лауреат Государственной премии Н. С. Ватурин, также опираясь на поддержку чабанов-новаторов, создал новый, доселе не известный в природе тип высокогорной овцы — казахский архаромеринос, полученный от скрещивания мериносовой овцы с диким горным бараном — архаром.

О коренных качественных изменениях, происшедших в овцеводстве Казахстана, можно судить по таким, например, фактам: чабанская бригада Амре Кошкибекова из Муюнкумского совхоза Джамбулской области настригла с каждой овцы в среднем за год по 11 килограммов тонкой шерсти и сдала на мясо 975 овец средним живым весом по 71 килограмму каждая.

В совхозах и колхозах республики все более широкое распространение получают передовые методы овцеводства. Многие хозяйства и чабанские бригады применяют зимний, ранневесенний и уплотненный окоты, позволяющие резко повысить темпы воспроизводства стада и роста поголовья овец. В каракулеводческих хозяйствах очень эффективным оказалось применение препарата «СЖК», повышающего многоплодие овцематок. Пользуясь передовыми приемами, совхозы «Чимкурган», «Шаульдерский», «Сюткентский» от каждой сотни каракульских овцематок получают по 129—136 ягнят. Чабанская бригада Туралбая Сатеева в колхозе имени Чапаева Восточно-Казахстанской области каждый год получает на сотню овцематок по двести ягнят.

Одной из особенностей животноводства Казахстана, связанной с огромной территориальной разбросанностью пастбищ и необходимостью их наиболее полного использования, до последнего времени являлось широкое применение сезонного отгона гулевого скота на дальние пастбища, порой за сотни километров от центральной усадьбы колхоза или совхоза. Это, конечно, не означает, что в республике остались в неприкосновенности старые формы примитивного кочевого скотоводства, находившегося в полной зависимости от стихии. Отгонное животноводство сочетается с интенсивным земледелием, с широким разделением труда. На отгонные участки — на летние или зимние пастбища — отправляется не все население колхоза, совхоза, а лишь те, кто непосредственно связан с пастьбой скота. Условия жизни на участках отгонного животноводства, разумеется, не могут идти ни в какое сравнение с бытом казахов-ко-

Санитарная авиация обслуживает
животноводов.

чевников давно прошедших недобрых времен. Здесь строятся теплые помещения для скота, удобные дома для чабанов. Есть зооветеринарный пункт, колодцы или водоемы, баня, магазин, почта, красный уголок или клуб с библиотекой, радио, телевизором. Отгонные участки часто посещают кинопередвижки, и киносеанс проводится независимо от количества собравшихся зрителей. Не забывают о тружениках далеких отгонов врачи и лекторы. Самолет ежедневно доставляет сюда письма, газеты, журналы.

В далекое, теперь почти уже забытое, прошлое канул поистине первобытный образ жизни, которую вел кочевой народ. Голубой экран телевизора светится по вечерам в теплой и удобной чабанской юрте, сделанной из синтетических материалов, или опрятном подстатье городскому дому, в котором есть электричество и газовая плита. А утром, сияя в лучах восходящего солнца белизной и зеркальными окнами, у чабанского жилья остановится чудо-автобус, и приветливая сестра пригласит аксакала в передвижной рентгеновский кабинет... Дети работников отгонного животноводства, как правило, учатся в школах-интернатах, расположенных на центральных усадьбах.

Исчезла и былая угроза гибели скота от джута: на участках отгона или рядом с ними на случай непогоды создаются страховые запасы кормов для скота. Передовые хозяйства поблизости от участков отгонного животноводства осваивают пригодные земли под посев кормовых трав и зернофуражных культур. Отгонное животноводство, таким образом, получает устойчивую кормовую базу.

Но даже эти прогрессивные формы организации животноводческого хозяйства уходят в прошлое. В связи с широко развернувшимся наступлением на вторую — мясную — целину на первый план выдвигается необходимость создания в пустынных и полупустынных зонах Казахстана — основных районах высокопродуктивного овцеводства, располагающих огромными потенциальными возможностями, — крупных специализированных совхозов с поголовьем в каждом из них до 80—100 тысяч овец. Это будут вполне благоустроенные поселки городского типа с широкими улицами, застроенными многоквартирными домами, обилием зелени, клубом, школой-интернатом, столовыми, магазинами, капитальными животноводческими помещениями, выстроенными по типовым проектам, оборудованными механизмами. Водопровод, электричество, радио... Словом, жизнь в городке чабанов, затерянном в безбрежной пустыне, ничем не будет отличаться от условий современного города. Да и само слово «пустыня» приобретет иное значение. Прорезанная лентами автомобильных дорог и железобетонными лотками магист-

ральных каналов, подающих воду за сотни километров, усеянная множеством зеленых островов, где все живое встречает тень и прохладу, пустыня станет просто частицей земной суши, на которой сама природа создала чудесные условия для овцеводов.

И все это не мечта, это становится явью. Два года назад правительство Советского Союза приняло постановление об освоении пустынных и полупустынных районов Казахстана для развития здесь крупного высокотоварного овцеводства. До 1970 года здесь будет создано 246 таких совхозов, что позволит к этому времени довести поголовье овец в республике до сорока миллионов. Отпущены необходимые средства на строительство автомобильных дорог, сооружение жилых домов и производственных помещений, на обводнение огромных территорий пастбищ. И многое уже сделано для практического выполнения этого решения. В пустыне и полупустыне созданы первые десятки специализированных овцеводческих совхозов. Новые хозяйства уверенно набирают силу.

Опытот Казахстана в использовании пустыни и полупустыни для нужд овцеводства заинтересовались многие государства Азии и Африки, где пустыни занимают огромные пространства, измеряемые миллионами квадратных километров, и создание высокопродуктивного овцеводства может служить едва ли не единственным источником снабжения населения продуктами питания. Весной 1966 года в столице Казахской ССР Алма-Ате состоялся Международный семинар, посвященный проблемам использования пустыни и полупустыни для нужд овцеводства. Зарубежные специалисты положительно отзывались об опыте казахстанцев в этом важном деле и с удовлетворением отметили, что многое из того, что делается в Казахстане, можно с успехом применить в странах со сходными природными условиями.

Наступление на вторую казахстанскую целину ведется широким фронтом. И в целинных совхозах, наряду с земледелием все большее значение приобретает высокопродуктивное животноводство. Здесь быстро растет поголовье крупного рогатого скота, свиней, птицы. Сама жизнь поставила в повестку дня вопрос о создании в республике крупного промышленного свиноводства и птицеводства и указала лучшие пути его решения.

Принятые XXIII съездом КПСС Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы четко определили рубежи, которые необходимо взять в нынешнем пятилетии животноводам Казахстана. К концу пятилетки заготовки мяса в республике должны возрасти до 1 миллиона 200 тысяч тонн, молока — до 1 миллиона 860 тысяч тонн и шерсти — до 115 тысяч

тонн. Для того чтобы успешно справиться с этими задачами, необходимо довести поголовье крупного рогатого скота к 1970 году примерно до 7 миллионов 500 тысяч, в том числе коров — до 3 миллионов 185 тысяч, овец и коз — до 40 миллионов, свиней — до 2 миллионов 500 тысяч и птицы — до 28 миллионов голов.

...Путешествие по реке всегда располагает к размышлениям, и невольно подчиняясь этому неписаному закону, наблюдая неторопливое движение отар на прибрежных пастбищах, то здесь, то там выходящие к реке гурты «казахских белоголовых» на водопой и отдых, мы посвятили немало времени рассказу о тех изменениях, которые произошли в одной из важнейших отраслей экономики Казахстана.

А между тем мимо нас уже плывут песчаные барханы и по горизонту тянутся невысокие соляные купола. Значит, близок край нефти...

**дорога
к полуострову
сокровищ**

Немногие, пожалуй, города могут похвалиться тем, что они располагаются сразу в двух частях света.

Гурьеву в этом отношении повезло больше других. Каждый день его жители, не задумываясь о значимости момента, пересекают границу Европы и Азии. С «самарской», правобережной стороны, бегут по мосту ребятишки в школу, что на «бухарском» берегу. В потоке сверкающих свежим лаком машин бредет флегматичный верблюд, равнодушный к нетерпеливым сиренам и беззаботно-грубоватым шуткам шоферов.

Если встать лицом к морю, над зелеными купами густо разросшихся деревьев видна призматическая башенка с часами. Там до недавнего времени находилось управление «Казахстаннефть», перебазировавшееся ныне в город Шевченко — мозг и сердце всей Эмбы. В сущности, нефтяники и рыбаки — полновластные хозяева этой части города, они определяют его деловой ритм, его настоящее и будущее. Ранним утром ведут трудовую перекличку машиностроительный, нефтеперегонный и химический заводы. Им отзывается в тон издали рыбоконсервный комбинат. Пора на работу!

Большинство нефтяников

живет в гипсовом городке. Он целиком, до последнего карниза и лепных украшений, сооружен из гипса — самого дешевого и прочного в Прикаспии строительного материала — и удивительно напоминает своей архитектурой южные курортные города в миниатюре.

В мае, когда на улицах Гурьева, пышущих зноем, дует горячий ветер, здесь, в излучине Урала, поют птицы, распускаются белые цветы джужгана.

Дворец культуры, замыкающий архитектурный ансамбль белого городка, — легкое, почти воздушное здание с двухэтажной зеленой лоджией. Перед ним бьет фонтан, в брызгах его резвятся голые ребятишки.

Строить, а тем более озеленять улицы в Гурьеве нелегко. Грунтовые воды гонят на поверхность соль, она разъедает даже металл. И все-таки город, особенно его «бухарская» сторона, растет. Во дворах, отвоевывая с боем каждый клочок у пустыни, жители разводят цветы и даже виноград. Группа архитекторов, создавших в трудных условиях Великой Отечественной войны гипсовый городок, была удостоена Государственной премии.

Внешне «самарская» сторона изменилась мало. Оделись в асфальт неширокие улицы, застроенные громоздкими кирпичными домами. Среди них выделяются строгими формами новая гостиница и кинотеатр. Ближе к берегу, в дремотной тишине, нарушаемой изредка басовитыми гудками буксиров, лепятся приземистые хатенки уже исчезающего старого Гурьева.

Далеко внизу, под мостом, неторопливо катит к морю мутно-рыжие волны Урал. Это он донес на своей могучей груди до самого Гурьева вольные струги Степана Разина.

...Под бунчаком сидит атаманушка,
Атаманушка Степан, по имя Степан Разин,
Уже он громко речь возговорил,
Он возговорил.
Он возговорил, как в трубу
протрубил:
«Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу
Гурьеву, да ко Гурьеву
Ко крутому его, его бережку».

В старинной песне яицких казаков о Степане Разине так и слышится русская удаль, молодецкий размах. Здесь на Самарской стороне триста лет назад ушкуйники, ватажные мастера лова и купцы основали Гурьев-городок. Кого только не перевидали за три столетия его стены! И приверженцев Дмитрия самозванца, и мятежные струги Степана Разина, и опального кобзаря Тараса Шевченко...

«Сооружение старого города Гурьева, — гласит историческая справка, — стоило 289 тысяч 982 рубля, 4 алтына и пять денег и вконец разорило купца Михайлу Гурьева. Гурьев с его удачными промыслами был взят в приказ Большого дворца. Вся прибыль от Яицкого Учуга и его икрных промыслов шла в казну великих государей».

По стечению обстоятельств, порой трагических, в Гурьеве находили приют незаурядные люди, обладавшие светлым умом, знаниями, способностями к научным исследованиям.

Гурьевские обыватели не очень-то, например, интересовались благообразным и молчаливым стариком, жившим в деревянном домике на берегу Урала. Каждое утро неторопливой походкой он прогуливался вдоль набережной с таким же молчаливым казаком. Потом возвращался в домик и до поздней ночи просиживал над рукописью и коллекциями.

Это был Григорий Силыч Карелин — выдающийся путешественник и естествоиспытатель, о трудах которого мы знаем до обидного мало. О нем тепло рассказывает К. Паустовский в своем «Кара-Бугазе». Грустен рассказ о старом и больном человеке, потерявшем в какие-то трагические минуты все, чем жил.

Двадцатилетнего юношу, уже незаурядного офицера, которому прочили блистательную карьеру, за острую эпиграмму на Аракчеева ссылают в Оренбург.

Казалось бы здесь, в заштатном городишке, где жизнь местного общества идет ни шатко, ни валко, Карелин обречен на праздность и лень, на полное оупение. Но нет, он не таков! В молодом человеке, хорошо понимающем природу и любящем ее, пробуждается жажда знаний. Из тесного, обывательского городка его тянет на широкий простор, в неизведанные казахские степи.

В 1827 году он предпринимает свое первое путешествие по Западному Казахстану, которое длится два года. Неутомимый и пыливый русский землепроходец провожает чудесные закаты в степи, слушает песни акынов, собирает образцы растений, пунктуально, изо дня в день ведет дневник.

На продолжение экспедиции не хватает денег. После долгих колебаний молодой офицер становится советником хана Букеевской орды. Хан заигрывает с русским царем, и ему нужен надежный человек для переговоров. Таким человеком за четыре тысячи рублей в год и становится Карелин. Это значительно больше, чем скромный оклад коллежского асессора. А самое главное — Карелин может продолжать научно-исследовательскую работу, каждодневно наблюдать жизнь степного народа, полюбившегося ему.

Более года проводит Карелин в Рын-песках. Он производит первые топографические съемки края, изучает его флору и фауну, составляет подробную карту Букеевской орды. В 1832 году Карелин — начальник экспедиции по обследованию северо-восточной части Каспия. Собственно говоря, он первооткрыватель этих пустынных, слабоизученных мест, где многое, очень многое еще представляло неразгаданную тайну.

«Северо-восточные берега Каспийского моря, — записывает Карелин в путевом журнале, — никогда не были обозреваемы с тем вниманием, коего по географическому своему положению заслуживают. Весьма немногие из мореходцев, и то мимоходом, заглядывали в сии пустынные места. Ни один естествоиспытатель не посетил берега, включенные между Гурьевым и Старым Мангышлаком на протяжении 900 верст».

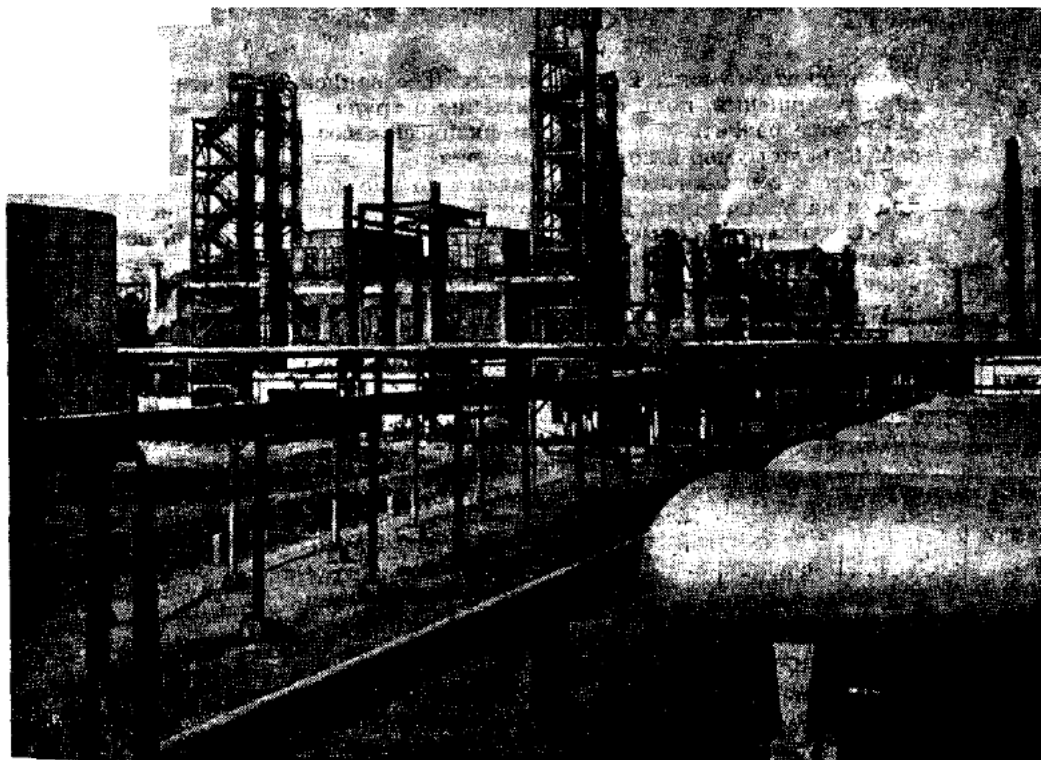
...Медленно движутся вдоль берега Каспия на юг плоскодонные суда. Море — цвета кофейной гущи. Острова без признаков какой-либо растительности. Залив Мертвый Култук с тяжелой и густой от соли водой, куда из-за предательских мелей и чрезвычайно извилистого фарватера никто еще не решался заплывать... Наконец мыс Тюб-Караган на полуострове Мангышлак, откуда дороги ведут в Хиву и Бухару, а возможно, и в сказочно-богатую Индию.

Карелин прекрасно понимает стратегическое и хозяйственное значение Мангышлака, в приложении к журналу его экспедиции мы находим такую запись:

«В 1832 году осмотрен коллежским ассессором Карелиным северо-восточный угол Каспийского моря, а в 1834 году, по величайшему повелению, основано там укрепление...»

В 1836 году Карелин совершил еще одну экспедицию по обследованию восточных и юго-восточных берегов Каспия. Затем он много путешествует по отдаленным районам России, но все помыслы его связаны с Западным Казахстаном. Даже в преклонные годы, выйдя в отставку, он недолго живет в тиши своей подмосковной деревушки. Он тоскует по бескрайним ковыльным степям, где прошли самые лучшие и самые трудные годы жизни. Несмотря на протесты родных, Карелин пишет письмо оренбургскому генерал-губернатору, в котором просит оказать ему помощь в организации нового путешествия в Уральские степи до Каспийского моря.

«Он уехал 20 июля 1852 года, — вспоминает дочь Карелина, — но мы его более никогда не видели. Он прожил в Гурьеве двадцать лет, много работал, писал по разным отделам естествознания, осмотрел все «желанные местности», очень увеличил свои коллекции...»

Гурьев. Нефтеперерабатывающий завод.

Живя в Гурьеве, Карелин готовил к печати обширнейшие материалы своих путешествий — плод всей его жизни. Их набралось одиннадцать томов. Вот-вот должна быть поставлена точка. Ученый уже вступил в переписку с издателями...

Беда, как обычно, обрушилась неожиданно-негаданно. Ветреным майским днем 1872 года на самарской стороне, где жил ученый, вспыхнул пожар. Жадное пламя сразу охватило весь квартал. Верные казаки едва успели вывести из огня больного путешественника. Карелин лежал на сухой земле, смотрел на отблески догорающего пожара и по изрезанному морщинами его лицу катились скупые слезы. Там, в огне, нелепо погибли плоды и усилия всей его жизни.

Одиннадцать томов... Все коллекции. Все записи. Все, что стоило многих лишений, полвека напряженного труда.

Вскоре разбитый морально и физически, без поддержки и друзей, Карелин умер в полной неизвестности.

Вместе с немногими его работами до нас дошел журнал экспедиции на Мангышлак. В нем Карелиным сделана такая запись:

«С удивлением заметил я, что со всякими ударами весел, почти касавшихся дна, выплывали большие круги жирного зеленоватого вещества. При ближайшем рассмотрении оказалось, что то была чистейшая белая нефть, коею столь обильно напитались западный и восточный берега Каспийского моря. Несколько времени бродил я в разных направлениях и нашел то, что в тех местах, где лежал галечник, нефть поднималась в большом количестве...»

По существу, Карелин более столетия назад впервые отметил присутствие нефти на далеком Мангышлаке. Но тогда его находка не имела какого-либо практического значения. Он просто-напросто стучался в наглухо закрытую дверь. Пустынный, расположенный на «краю света» Мангышлак мог быть при царизме только ссылкой, «незамкнутой тюрьмой», как отзывался позднее о нем Т. Г. Шевченко.

КРАЙ «ТЫСЯЧИ ЗИМОВОК»

Путешествие на Мангышлак во времена Карелина, Семенова-Тян-Шанского, Шевченко можно было бы назвать путешествием в страну безмолвия, черных и розовых скал, песчаных морей, вплотную подступающих к Каспию, и несметных природных богатств, таящихся под спудом. Они и тогда давали о себе знать маслянистыми кругами на поверхности моря, пластами каменного угля, лежащего прямо на земле.

Сейчас от Гурьева до Мангышлака по нашим казахстанским представлениям, можно сказать, подать рукой: каких-нибудь два с половиной летных часа.

Сверкнув на солнце крыльями, «АН-2» делает разворот над излучиной Урала. Промелькнула внизу стальная нитка моста, соединившего две части света — Европу и Азию.

Сразу за Гурьевом зеленый цвет жизни начисто исчезает с плоского лика земли. Вся она в каких-то бурых пятнах, похожих на пропыленную верблюжью шкуру. Мертво поблескивают на солнце безводные впадины с отложившейся на дне солью — по местному —

соры. В бледно-синем мареве на далеком горизонте рыжими столбами неподвижно повисли пыльные смерчи.

А вот и море. У берегов оно цвета кофейной гущи, по которой разбросаны серповидные, плоские, как блины, островки.

Вдали от берегов Каспий постоянно меняет цвет: то он свинцово-аспидный, темнее грозовой тучи, то безмятежно синий, как южное небо в летний день. Стремительно летают над самой водой чайки, выискивая добычу.

В круглое оконце самолета хорошо видны черные, круто падающие в море скалы Мангышлака. На самом краю белеет тонкий, как игла, маяк. Это мыс Тюб-Караган, что означает «Углом выступающий», а по-рыбачьи — Лбище.

Один из героев повести К. Паустовского «Кара-Бугаз» лейтенант Жеребцов рассказывает:

«Мы вышли из Баку в Астрахань до Гурьева, откуда начали двигаться к югу вдоль берегов неведомых и угрюмых. Описание их я опускаю, дабы не утруждать вас излишним чтением. Отмечу лишь картину берегов у полуострова Мангышлак, где Азия поднимается отвесным черным порогом из зауральских пустынь. Порог отходит от моря и ровной стеной удаляется на восток, где из-за марева ничего не видно, кроме глины, песков и солнца. Порог неприступен, и, по рассказам кочевников, подняться на него можно только в одном месте — по руслу высохшего потока. В море порог опускается обрубистой стеной, имеющей местами черный, местами бурый цвет. За многие годы скитаний не видел я берегов столь мрачных и как бы угрожающих мореплавателям».

О Мангышлаке знали давно. И не только в России. Карелин писал, что вскоре после завоевания астраханского царства Иваном Грозным англичане, соперничавшие в торговле с другими народами, пытались проникнуть через Россию в Индию. Через Астрахань они послали на пустынный полуостров отважного и предприимчивого купца и разведчика Дженкисона. Отсюда он проник в Бухару, где англичане плели свои интриги против России. Дальнейшая судьба Дженкисона неизвестна.

Летом 1713 года к русским купцам, прибывшим с товаром в Тюб-Караганский залив, явился туркмен Ходжа Непес. Он сказал, что мог бы сообщить весьма важные сведения, но откроется только самому царю. Посоветовавшись, купцы решили взять Ходжу Непеса с собой в Астрахань.

Там всеми правдами и неправдами удалось выведать у него секрет. Речь, оказывается, шла о несметных залежах золота, которым будто бы богаты берега Аму-Дарьи.

Во многие страны мира Гурьевский рыбоконсервный комбинат поставляет зернистую икру — черную жемчужину Каспия.

На причале
рыбоконсервного комбината.

Ходжу Непеса с нарочным отвезли в Петербург. Рассказ его произвел впечатление на Петра I. Через два года в Тюб-Караганской бухте бросила якоря посланная царем экспедиция князя Бековича-Черкасского.

В 1716 году Бекович-Черкасский заложил на Тюб-Караганском мысе и у залива Александров-Гай военные укрепления. Места оказались дикие, безлюдные, вода в колодцах «малым отменна от морской, а пески от моря потоплые и вонь непомерная». От шести тысяч шестисот пятидесяти пяти человек пехоты, кавалерии и артиллерии, четырех лекарей и восьми чиновников в экспедиции Бековича осталось к этому времени три с половиной тысячи человек. Остальные погибли от цинги, жажды и неравных схваток с туркменами, внезапно налетавшими из-за песчаных барханов.

Название пустынного полуострова произошло от туркменского

«Мын кишлак», что значит «Тысяча зимовок». Скалистый мыс Тюб-Караган с самым высоким на Каспии маяком сторожит вход в незамерзающую бухту.

Во времена Петра I здесь проходил торговый путь из России в Персию и дальше в загадочную Индию. Мимо пустынных островов плыли, подгоняемые свежаком, на Гурьев-городок острогрудые струги Степана Разина. В середине прошлого столетия на Мангышлак пришли русские переселенцы, гонимые издавна нуждой и голодом. В это время Мангышлак и соседний остров Кулалы вместе с экспедицией Бара посетил известный русский писатель А. Ф. Писемский. Он нашел на острове одно-единственное жилье — полуразвалившуюся казарму, где в неимоверной тесноте и грязи нашло пристанище разношерстное сообщество тюленебойцев. Были среди них и забубенные головы, бежавшие из России от суда, и просто бездомные люди, и переселенцы, искавшие на краю света лучшей доли. Во время отгонных ветров они били на отмелях-шалыгах морского зверя и больше одной зимы в этом гиблом месте не оставались. Но и домой попадали далеко не все. Одни гибли в пьяной драке от удара разбойного ножа, других брало море, третьи умирали от неизвестных болезней и безысходной тоски. Недаром Писемский оставил в своем дневнике такие строки о Кулалах: «Убийственная мертвенность: хотя бы деревцо, хотя бы лужайка свежей земли... Даже мужики плачут о Родине...»

Писемский — человек свободный — пробыл на Мангышлаке очень недолго, но пришел в ужас от того, что встретил тут. Но вот еще одно свидетельство, которое можно было бы назвать криком сердца:

«Смотришь, да такая тоска тебя возьмет, просто хоть давишь, так и удавиться нечем...»

Нетрудно понять душевное состояние человека, написавшего такие полные тоски и отчаяния строки. Человеком этим был Тарас Шевченко.

Царь не забывал вольнолюбивого поэта, он злобно следил за каждым его шагом. Донос прапорщика Исаева о том, что рядовой Шевченко не живет в казарме, ходит в цивильном платье и, несмотря на строжайший запрет, пишет стихи и рисует, вызвал новый прилив ярости у Николая I.

Не дождавшись утра, царь глубокой ночью совещается с Орловым. Он раздраженно спрашивает у сиятельного графа: неужели в его, Николая, богоспасенной империи нет такого места, куда можно было бы запрятать надолго инакомыслящего пиита?

Граф, почтительно склонившись, внимал. Он знал, что такое место есть. Это безлюдный полуостров Мангышлак, с одной стороны — Каспий без края, с другой — пустыня без конца.

Царь нашел эту идею прекрасной. Участь Шевченко была решена.

Из Петербурга в Оренбург отбыл на разгоряченных конях фельдъегерь с секретным пакетом.

Судьба никогда не баловала кобзаря, но тут обрушилась, чтобы испепелить его душу. Страданиям его физическим и душевным, казалось, не будет конца. Поэт должен был жить в слепой безнадежности: «милостивый» царь «забыл» определить срок его ссылки. Каторга могла тянуться и год, и два, и целые десятилетия, всю жизнь!

Где-то в Гурьеве по дороге в свою «незамкнутую тюрьму» поднял Тарас прут вербы и бережно спрятал его на груди под старой, побелевшей от солнца и пота, шинелью. Поднял неспроста, а в память о забитом до смерти солдате, которого прогоняли сквозь строй под отрывистую дробь барабана.

Три года поливал, пока не выросло из тонкого прутика раскидистое дерево. Сколько раз укрывало оно своей тенью от беспощадного зноя ссыльного кобзаря! Какие думы передумал Тарас, прислушиваясь к неясному шороху листьев? Он пишет своим близким:

«До вас, я думаю, не дошло сведение, где именно это Новопетровское укрепление. Это будет на северо-восточном берегу Каспийского моря, на полуострове Мангышлак. Пустыня, совершенно без всякой растительности, песок да камень и самые нищие обитатели ее кочующие кое-где киргизы...»

Семь томительных лет, полных унижений и невероятных страданий, провел в Ново-Петровском Шевченко. По личному приказу царя поэту строжайше запрещалось писать и рисовать. Это было страшнее самой ссылки.

Да, прав был один из современников Т. Г. Шевченко, когда сказал ему: «...богато тебя, Тарас Григорьевич, оделил бог: и поэт ты, и живописец, и скульптор, жаль, голубчик мой, одного, что не оделил он тебя счастьем...»

Несмотря на строжайший запрет, Шевченко все же много рисует, пишет повести. Ведет дневник, которому он поверяет сокровенные свои думы. Дневник этот — одно из исключительных явлений в нашей литературе. В нем отчетливо отразились и материалистическое мировоззрение поэта, и его воинствующий атеизм, и неистребимая жажда творчества.

Можно только восхищаться той поистине титанической творческой работой, которую проделал Тарас Григорьевич в ссылке, уже будучи тяжело больным человеком.

Все десять повестей, созданных здесь, — «Варнак», «Музыкант», «Несчастный» и другие, имеющие явную антикрепостническую направленность, он писал по-русски. А для этого нужно было хорошо изучить язык, который Шевченко любил как свой родной. «Трудно мне одолеть великоросейский язык, — говорит он в одном из своих писем, — а одолеть его необходимо. Он у меня теперь как краски на палитре, которые я мешаю безо всякой системы...»

Когда в Ново-Петровском укреплении Шевченко было запрещено рисовать, он берется за глину и алебастр. К великому сожалению, работы Шевченко-скульптора не сохранились. Мы знаем о них только по его письмам и воспоминаниям современников.

В тяжелые дни ссылки вылепил он скульптуру «Глас вопиющего в пустыне». Никто не слышал этого гласа, никто на него не откликнулся...

Мучительно долгие недели и месяцы подневольной жизни в «незамкнутой тюрьме» скрашиваются изредка приездом на Мангышлак духовно близких кобзарю людей. Сначала это ссыльный польский революционер Бронислав Залесский. С ним Шевченко подружился еще в Оренбурге. Затем ученый-ихтиолог Бэр и автор нашумевшего романа «Тысяча душ» Писемский, командированный морским министерством для описания Прикаспийского края. Вместе с Залесским Тарас совершает восхождение на горный хребет Каратау. После этой экспедиции он один отправляется на ближайшую гору. «С того времени, как мы расстались с тобой, я два раза был на Хангабабе, пересмотрел и пересчитал все деревья и веточки, которыми мы с тобой любовались», — пишет он.

В поездках по Мангышлаку талант кобзаря раскрывается еще одной чудесной гранью. Поэт и художник становится пытливым исследователем пустынного полуострова.

Вот зарисовки дерева, очевидно, с вершины Каратау. В Харьковской галерее хранится одиннадцать его изображений. Подпись над всеми одна: «Дерево среди камней». Шевченко — художник и исследователь — показал дерево во всех стадиях его борьбы за существование. Обнаженные корни упрямо выискивают слои животворной земли, где имеется хотя бы ничтожный процент влаги. И наконец мы видим, как дерево побеждает камень, как торжествует жизнь.

По многочисленным рисункам Шевченко, сделанным вопреки

строжайшему запрету, можно составить довольно подробное представление о природе Мангышлака.

Достоверно известно, что ссыльный поэт, хотя и косвенно, но участвовал в первых поисках нефти на полуострове. В его дневниках мы находим подробные описания сумрачных гор Каратау, бурых скал Каспия, постоянно меняющего свой цвет...

Годы заточения, солдатская служба и нелегкий труд медленно и верно делали свое разрушительное дело. Поэта мучила цинга: на его лице проступили скорбные пятна, десны кровоточили. А страшнее всего грызла тоска по свободе, по далеким и милым друзьям. Но Шевченко мужественно противостоит ударам нелегкой судьбы.

В тяжелые годы заточения на Мангышлаке Шевченко много рисовал. Огромна впечатляющая сила его рисунков и полотен, отражающих страдания подневольного казахского народа, его быт и культуру: «Казашка над ступой», «Казахская семья в юрте», серия «Казахские дети-байгуши» — эти произведения дают право назвать Шевченко основоположником казахской национальной живописи. Великий украинский кобзарь первым из художников раскрыл самобытную жизнь кочевого народа. Он делил с ним его страдания и горе.

...Год зайца был для адаевских казахов, кочевавших на Мангышлаке, особенно суровым. Ранняя зима с жестокими морозами и штормовыми ветрами обрушилась на бесплодную землю. От бескормицы падал скот, смерть пришла в каждую юрту. Ища спасения, обездоленные, голодные люди потянулись в укрепление к русским. Там был хлеб, была жизнь.

Комендант Ираклий Усков, по натуре человек добрый и мягкий, приоткрыл в своем доме юную казашку Ботагоз, потерявшую отца и мать. В семье коменданта, с которой сблизился Шевченко, девушку стали звать Катей. Но Ботагоз не забыла ни своего настоящего имени, ни родной степи, ни своих близких. Она тосковала по ним, как тоскует птица, попавшая в неволю. Такой и запечатлел ее Шевченко, всем сердцем понимавший девушку и глубоко сочувствовавший ей.

Осенью 1857 года, бросив последний прощальный взгляд на скалы, горевшие красноватым огнем, на белые стены крепости, поэт отплывает на рыбацкой лодке в Астрахань. Ни с чем не сравнимое чувство свободы переполняет его.

ЛЮДИ ИЗ ПЛЕМЕНИ КАСПИ

«Победа» плавно ныряет с крутого холма вниз и вот он — город рыбаков, тюленебойцев, разведчиков-геологов. Широкие улицы и ослепительно-белые стены домов, сложенных из ракушечника. Это дешевый и прочный строительный материал, запасы которого тут колоссальны.

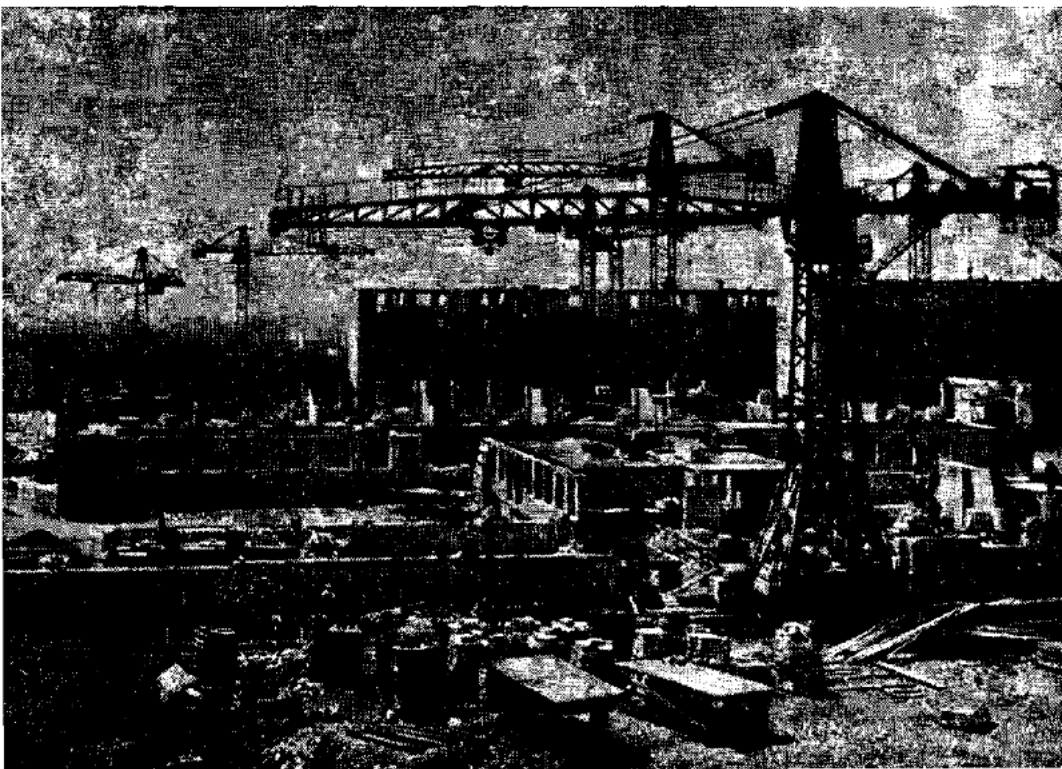
По своему качеству он не уступает известным одесским и керченским известнякам.

Сколько же красивых белых городов можно построить из ракушечника на полуострове!

Неистово знойное солнце предельно обостряет и подчеркивает все светлые тона. И на этом сверкающем, точно расплавленный свинец, фоне только одно манящее взор зеленое пятно — сад Тараса.

...Больше века прошло с той поры, но по-прежнему шумит Та-

Строительство жилых домов
на полуострове Мангышлак.

расова верба, по-прежнему поют в ее листве птицы. В наши дни к легендарному дереву, посаженному великим кобзарем, как к памятнику поэта не зарастает народная тропа. Казахский народ никогда не забывал своего большого украинского друга. Примечательно, что первый памятник Шевченко в России был открыт в 1871 году именно на Мангышлаке.

Уже нет в живых первого ревностного хранителя шевченковского музея и заботливого садовника Сатангула Таджикива. Этот замечательный человек в годы гражданской войны, захватившей и Мангышлак, один без помощи и поддержки сохранил сад, выращенный в пустыне Т. Г. Шевченко.

Младший брат Сатангула — Косбатыр, всеми уважаемый на Мангышлаке аксакал, много выдавший и переживший. Он хорошо помнит своего отца Таджия Таймасова, который дружил со ссыльным поэтом, помог выходить ему сад.

— Тарас Григорьевич чем только мог старался помочь нам, беднякам казахам. Он делился последним куском хлеба. Мой отец и его братья от нужды и голода бежали из степей на рыбные промыслы. Но беда их подстерегла и здесь: братья утонули, а отец вынужден был наняться чернорабочим в Ново-Петровский форт. Его заработка не хватало даже на пропитание. Тарас Григорьевич часто приходил в землянку отца и приносил с собой то кусок хлеба, то остатки солдатской каши. Особенно полюбил ссыльного поэта Таджий, которому поручили помогать Шевченко поливать гарнизонный огород и разраставшийся молодой сад.

Горестна судьба старого Таджия и его сыновей. Но ведь у него остались внуки и внучки. Что с ними?

Дочь Косбатыра — Дарига, окончившая Казахский государственный университет, преподает в одном из высших учебных заведений Караганды. Еще одна дочь — Салиха получила высшее образование в Алма-Атинском педагогическом институте и работает в средней школе Форта Шевченко.

Стала учительницей и Рахия. Закончила институт в Алма-Ате и работает агрономом в Южном Казахстане Узюм. Ну а Ажар? У нее тоже диплом о высшем образовании. Она главный ветеринарный врач здесь же, на Мангышлаке. Еще две дочери Косбатыра и младший сын получили высшее образование.

Судьба многочисленного рода Таджия Таймасова, чья жизнь была навсегда связана с Мангышлаком, где он впервые в тесном общении и дружбе с Шевченко почувствовал себя человеком, похожа на судьбу сада Тараса. Вот так же вглубь и вширь разрастал-

ся и расцветал род старого Таджики. Здоровые побеги пошли из могучего корня, но только Советская власть дала им жизнь.

Из поездки в Киев вернулся на Мангышлак Еспол Умирбаев. Он ездил туда по приглашению Академии наук Украинской ССР. Старый учитель с далекого полуострова на Северном Каспии рассказал украинским ученым о своих путешествиях по следам великого кобзаря, о сделанных открытиях. Ему посоветовали обобщить богатейший материал и написать книгу.

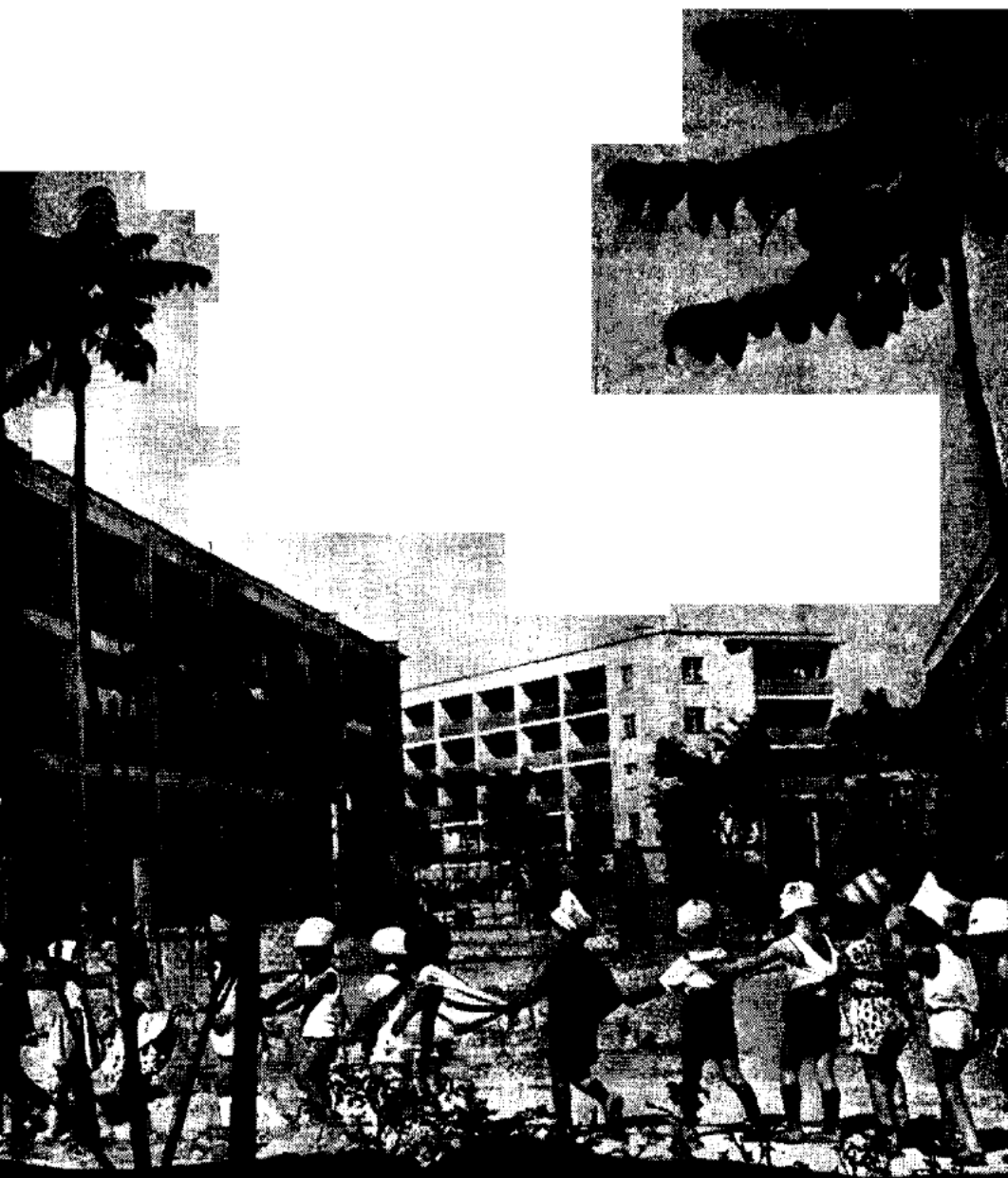
Еспол уже завершил свой труд. Состоит книга из нескольких глав: Доновопетровский период, Тарас-солдат, Тарас и образ женщины-казашки, Тарас в экспедициях... В каждой главе подробные объяснения, около тридцати картин и рисунков, сделанных поэтом на Мангышлаке.

Между прочим, в своей книге Умирбаев сообщает о том, что более двадцати казахов в его родном краю носят имя Тараса. Живет, не умирает на полуострове сокровищ память о великом акыне Тарази! Именем его назван не только город, но и средняя школа, и передовой на Северном Каспии колхоз рыбаков и тюленебойцев.

Рядом с Фортом Шевченко лежит Баутино, куда заходят морские суда. Порт назван так по фамилии славного большевика, одного из тех, кто устанавливал Советскую власть на Мангышлаке. В саду Тараса поставлен скромный памятник этому человеку.

Имя Баутина носят незамерзающий морской порт и один из крупнейших в республике рыбоконсервных комбинатов. В страдные дни путины из рыбацких рекушек и сейнеров непрерывным потоком идет в цехи комбината знаменитая каспийская рыба: неповоротливые, как бревна, осетры, трехметровые белуги, веретенообразные севрюги, золотистые сазаны и, конечно же, килька! В этом гигантском бессточном озере встречается до 45 разнообразных видов ценнейших рыб. Но главными из них являются осетровые. Надо сказать, что в связи с регулированием стока Волги водохранилищами гидростанций, понижением ее уровня моря и другими причинами рыбные запасы Каспия в последние годы несколько оскудели. Сейчас ставится задача сделать все, чтобы превратить море в водоем, где осетровые занимали бы в уловах ведущее место. Когда будут построены нужные заводы и вододелители, добыча их может быть доведена до 300 и более тысяч центнеров в год. Северный Кас-

Юные граждане города Шевченко.

пий станет давать стране много прекрасной рыбы, знаменитой черной икры, янтарных балыков, пользующихся большим спросом.

В Баутино долгое время жил Вургун Иззатулович Бадамшин. Этот замечательный человек всю свою жизнь посвятил изучению каспийского тюленя. И дом его на тихой улочке, заваленной хрустящим песком, напоминал кабинет ученого и моряка. По стенам от пола до потолка тянулись книжные полки, на столе рядом с микроскопом и пишущей машинкой лежали ракушки и карандашные рисунки... Но в Баутино ученый бывал мало. Значительную часть своего времени он проводил далеко в море, на тюленьих лежбищах. Не раз приходилось ему совершать рискованные посадки на льдины, бродить одному по крохотным островам, заливаемым морем, коротать долгую ночь у дымного костра.

Из таких вот нелегких путешествий незаметно складывались годы наблюдений. Никто до Бадамшина не знал, например, сколько живет тюлень, какова численность стада. Он ответил на многие вопросы, весьма важные для развития промысла тюленя на Каспии. Ответил с помощью своих лучших друзей — морских капитанов, зверобоев, рыбаков, летчиков. Они привозили ученому с дальних островов, где находились лежбища тюленя, ценные сведения, охотно делились с ним своими наблюдениями.

Обычно тюлени начинают двигаться к северу восточного берега Каспия лишь глубокой осенью, в последних числах октября. В первую очередь перемещаются стада самок, за ними усатые неторопливые самцы. На отмелях в северо-восточной части моря устраивают они свои лежбища.

Зимой тюлениха приносит единственного детеныша. Это — белек, из-за которого, собственно говоря, и ведется в конце января — начале февраля промысел. Шкурка белька, мягкая, шелковистая, лишенная подкожного слоя сала, представляет особую ценность.

Добыть тюленя нелегко. Особенно трудно добраться по мелководью до лежбищ на крохотных островах.

Судно не в состоянии форсировать беззвучно многие десятки километров льда в поисках белька. А тюлень — зверь осторожный. Достаточно подуть ветру со стороны зверобоя — и тюлени уже исчезли в море. Попробуй найди их!

Вадамшин создал первую на Каспии промысловую карту, на которую нанесены все крупные лежбища тюленя. Теперь в поисках ценного зверя не надо больше рыскать по всему морю.

Но и это далеко не все. Еще совсем недавно ученые ихтиологи говорили: «О тюлене известно только то, что он существует». Многие вопросы, связанные с его биологией, оставались загадкой. Чем,

допустим, питается тюлень? Сколько можно добывать зверя, не подрывая его жизнеспособности?

За последние сто лет промысел морского зверя значительно упал. Виноват ли здесь один только Каспий, площадь которого за четверть века сократилась на 30 тысяч квадратных километров, а уровень понизился на 2,5 метра? Или причина в хищническом истреблении зверя, проводимом из года в год?

Так или иначе, но каспийский тюлень оказался в серьезной опасности, особенно трех-пятидневные бельки. Их красивые серебристые, голубые или золотистые шкурки высоко ценятся на международных пушных аукционах. Вместе с бельком на островах и во льдах Каспия выбиваются и более взрослые щенки — тулупки и совсем взрослые тюлени-желтяки, и даже самки — матухи. Бадамшин первым среди ученых ихтиологов смело, резко, а главное, достаточно аргументированно поднял голос в защиту каспийского тюленя. Неожиданно у него оказались и противники.

Бухта Баутино.

— Каспийский тюлень вреден, — безапелляционно заявили они. — Предположим условно, что в бассейне Каспия находится его миллион голов. По данным Бадамшина, рацион питания каждого тюленя составляет полтора килограмма рыбы в день. Стало быть, это миллионное стадо пожирает ежегодно больше полумиллиона тонн рыбы. Отсюда вывод: каспийский тюлень по своей природе хищник, его следует беспощадно истреблять.

— Чепуха! — отвечал ученый. — Если подходить к делу лишь с точки зрения арифмометра, то соболю тоже хищник. Он поедает белок. На международном аукционе средняя цена шкурки соболя 25 рублей, а белки — пять. Съест соболю сто белок — пятьсот рублей «плакали». Значит, если скажет арифмометр, то надо уничтожать всех соболей? Возьмем теперь белугу — она тоже хищница. В течение года белуга поедает в десять раз больше различной рыбы, чем весит сама. Бывает, что особенно крупные экземпляры ее не прочь даже полакомиться взрослым тюленем. По расчетам, восемнадцатилетняя белуга съедает рыбы, в переводе на костную муку, на 263 рубля. Сама же стоит вместе с икрой 135—140 рублей. Выходит, что на «содержание» такой рыбы мы теряем в среднем по 125 рублей. Следует ли из этого, что белуга должна быть уничтожена?

Оппоненты Бадамшина, не очень-то разбиравшиеся в подобных тонкостях, настаивали на своем. Хорошо! Он докажет фактами, что тюлень вовсе не хищник, что промысел его надо вести разумно, не на истребление.

Вместе со своим помощником старым зверобоем Бекдешем Суендыковым ученый поселился на острове Кулалы, рядом с развалинами старой казармы, где когда-то жила артель тюленебойцев. Разумеется, Бадамшин не был Робинзоном, а Бекдеш его верным Пятницей. Они имели все необходимое, часто бывали на материке, регулярно приходила на остров почта. Радио прочно связывало их с остальным миром. И все же приходилось нелегко. Ведь опыты велись не дни, не недели, даже не месяцы, а годы.

Во время шторма, а они на Каспии бывают особенно часто, тяжелые волны захлестывали остров, пенистые брызги летели в окна домика, где обосновались Бадамшин и старый зверобой.

Рядом с домиком в глубоком бетонированном бассейне жили подопытные тюлени. Со стоической терпеливостью Бадамшин приучал их брать пищу из рук. Его интересовало, какие рыбы составляют главный рацион в питании зверя, какие второстепенный.

Сначала тюлени вели себя агрессивно: злобно рычали и даже пытались кусаться. Но шли дни — звери постепенно привыкали к человеку и к пище, получаемой из его рук.

Так Бадамшину удалось выяснить, что излюбленное меню в рационе тюленя — бычки и килька. Каспийские бычки (в отличие от черноморских) промыслом не используются, а запасы кильки в Каспии колоссальны. Выходит, тюлень не такой уж страшный зверь, каким его малюют!

Бадамшин — один из немногих исследователей в нашей стране, кто посвятил себя изучению биологии ластоногих. Пока он единственный ученый, сумевший разгадать многие тайны, связанные с жизнью каспийского тюленя. Он не привык останавливаться на полпути. Настоячиво ищет Бадамшин, как «управлять» тюленем с помощью призывных звуков, записанных на магнитофонную ленту, как привлекать его на острова, удобные для промысла, как брать

Каспий. На байдарках.

при любом ветре и с большой эффективностью, сохраняя при этом маточное поголовье.

Давным-давно, за тридцать четыре столетия до наших дней, Гомер назвал Каспий «прудом солнца», откуда каждое утро поднимались лучи быстрого Гелиоса. В те далекие времена по берегам моря обитало многочисленное племя каспи. Они были сильны, отважны и не знали, что такое старость.

«Пруд солнца», поэтически воспетый Гомером, имел потом много имен. В античной древности его называли Гирканским морем, у нас на Руси — Хвалынским. Более чем из сорока названий закрепилось лишь одно: Каспий — дань уважения поколений мужественному народу с горячим и молодым сердцем, таким, наверное, как у старого педагога Еспола Умирбаева, у смелого ученого-исследователя Бадамшина, у всех, кто посвятил свою жизнь суровому Мангышлаку.

Люди из племени каспи... Новые встречи с ними нас еще ждут впереди на суровом полуострове, который становится полуостровом сокровищ.

КЛАДЫ МАНГЫШЛАКА

Сотни, а может быть, и тысячи машин вконец разбили глинистую дорогу. Днем и ночью, зимой и летом на дальние разведки везут оборудование, строительные материалы и топливо, продовольствие, питьевую воду.

К бортам машин крепко-накрепко привязаны баллоны с теплой, пахнущей резиной, солоноватой водой. Это на всякий случай, а такой случай может быть на каждом километре. На полуострове, где месяцами не бывает дождей и где почва по большей части бесплодна, как камень, земледелия почти нет. Поэтому верблюды вместе с развитым пастбищным овцеводством составляют тут важную отрасль сельского хозяйства.

Овцы в этих краях отличаются крепким сложением и выносливостью. Они могут совершать длительные переходы и благодаря курдюку легче переносят недостаток в кормах, а затем на хороших пастбищах быстро нагуливают живой вес. Такая овца, дающая много сала и мяса, — настоящая жительница полупустыни.

А знаменитая адаевская лошадь, выведенная на Мангышлаке? Она славится своей силой, замечательной выносливостью, удивительной приспособленностью к круглогодичному пастбищному содер-

жанию. Она быстронога, и в беге другим лошадям с нею трудно соперничать.

Маячат на далеком горизонте древние мазары, поражающие искусной архитектурой и художественной росписью.

Рядом с мазаром стоит запыленная по самый верх машина сейсмической разведки. Две девушки в пестрых платочках и парень в распахнутой на богатырской груди ковбойке колдуют над приборами. Чуть поодаль пасется отара. Значит, скоро вода и отдых после многих часов утомительной езды.

Еще в детстве из школьных учебников мы узнаем, что самая глубокая в нашей стране впадина Карагие, лежащая на 132 метра ниже уровня океана, находится на Мангышлаке. Вот она перед нами: темно-бурые скалы и пласты окаменевшей соли — белее самого белого снега. Нещадное солнце и полное отсутствие какой-либо жизни. Борта Карагие окаймлены крутыми, местами неприступными обрывами высотой до 200 метров. Величина впадины поражает воображение. Площадь ее дна составляет почти 2000 квадратных километров! В ней свободно могли бы разместиться шесть таких городов, как Москва, или более ста таких, как Гурьев.

Есть на Мангышлаке и другие впадины, лежащие ниже уровня океана: Каунды, Узень, Джазгурлы, Васгулы. Они поменьше знаменитой Карагие, но таят в себе, по утверждениям ученых, колоссальный энергетический потенциал. Если, скажем, подвести к Карагие воды Каспийского моря, то образуется гигантский стометровый водопад. Энергия падающей с такой высоты воды может быть использована для строительства мощной гидроэлектростанции.

Возникает тогда вопрос: не затопит ли море целиком Карагие, не ринется ли оно через край этой небывалой по своим размерам и глубине чаши?

Оказывается, этого опасаться не приходится. Огромная поверхность дна впадины обеспечит своевременное испарение воды даже при большом ее поступлении. На дне будут откладываться различные соли. Возможно, примерно такое же количество воды, какое расходуется ныне на испарение в заливе Кара-Богаз-Гол, будет направлено в одну-две впадины Мангышлака. Это даст миллионы киловатт-часов дешевой энергии, позволит продолжить и увеличить добычу солей, не нарушая существующего водного режима Каспийского моря, что очень важно, поскольку уровень его в связи с изменением гидрологического режима бассейна понизился. Все это, конечно, дело будущего, возможно, и не очень далекого.

Карагие и другие впадины находятся в южной части полуострова, которая называется еще Степным Мангышлаком. На многие

сотни километров тянется выжженная солнцем полупустыня. Лишь небольшие возвышенности — чинки — да древние могилы кочевников, сложенные из каменных плит и ракушечника, вносят некоторое разнообразие в гнетущий пустынный пейзаж.

Иное дело Северный или Горный Мангышлак. Невысокие хребты прорезаются здесь плоскими долинами. Удивительно разнообразны их цвета: от темных до снежно-белых и розовых.

Солнце, вода, ветер неплохо потрудились в этой возвышенной части полуострова. За десятки километров видны в прозрачном воздухе останцы, напоминающие средневековые замки с неприступными стенами и причудливой формы башнями. Многие миллионы лет потребовались природе, чтобы разрушить горы и обнажить древние породы, хранящие каменный уголь, железо, фосфориты и другие бесценные клады полуострова.

Геологическое изучение Мангышлака началось сравнительно недавно. Целью его была разведка месторождений каменного угля. Нефть и газ еще ждали своей очереди. Шаг за шагом, все дальше в глубь полуострова продвигались поисковые партии. Вместе с казахстанскими геологами над расшифровкой белых пятен Мангышлака, разгадкой тайн его недр работали ленинградцы. Они по-братски делили все лишения и неудачи, а их было немало. Суровая безводная пустыня дает о себе знать летом палящим зноем, зимой — стылými, колючими ветрами и снежными бурями. Вокруг на сотни километров ни одного человеческого жилья. Тишина и безлюдье.

1952 год стал годом широкого геолого-физического изучения Мангышлака. Пришел, наконец, черед нефти и газа. Большие площади полуострова, на которых можно свободно разместить не одно европейское государство, покрываются гравиметрической съемкой. Рядом с древними могильниками поднимаются вышки буровых.

Все, казалось бы, говорило о том, что нефть на Мангышлаке есть, много нефти, но взять ее было нелегко. Первые разведанные глубоким бурением структуры оказались без промышленных запасов. Неужели напрасно затрачены годы труда, граничившего нередко с истинным героизмом, неужели пущены буквально на ветер миллионы? Нет. Совсем не так! Первые структуры помогли определить дальнейшее направление геофизических и разведочных работ.

Нужно было идти дальше. Нужно было дерзаты! Между началом поисков и первым нефтяным фонтаном, ударившим на полуострове, лежит почти десять лет. Это годы неустанных и трудных исканий,

где было все — и горечь временных поражений, и радость нелегких побед.

Летом 1961 года на геологическую карту Мангышлака было нанесено первое промышленное месторождение нефти и газа — Жетыбай, за ним — Узень.

С геологической точки зрения Жетыбай — явление исключительное. Это так называемое многопластовое месторождение, где нефть и газ залегают на различных глубинах и многих горизонтах. Длина его двадцать пять километров, ширина — пять-шесть. Большая нефть дала о себе знать мощным фонтаном, который бил не переставая много часов. Он опрокинул унылые прогнозы скептиков. У геологов, переживших до этого, как известно, много неудач и разочарований, поднялось настроение.

Лучшая бригада Узеньской нефтеразведки.
Справа налево: бригадир Герой Социалистического
Труда Турегали Кадыров, бурйльщик Кульмангабет
Танжарыков и машинист Виктор Жулин.

Это был праздник. Но с фонтаном газа и нефти, вырвавшимся, как сто тысяч злых джинов из плотно закупоренной бутылки, не шутят. Сорвав верхний фланец, горячая струя ударила выше сорокаметровой буровой и обрушилась маслянистым дождем на землю. Кто-то поспешно глушил моторы. Кто-то помчался за помощью в поселок. Небольшая искра — и праздник мог бы обернуться катастрофой, размер которой трудно даже представить.

Ребята из молодежной бригады и все, кто в это время находился на буровой вышке, вступили в единоборство с фонтаном. Оно длилось три дня и три ночи. Усталость валила с ног. Но парни не ушли, пока на фонтанирующую скважину не была наведена со снайперской точностью арматура, перекрывшая тугую струю.

Самые обыкновенные ребята в замасленных спецовках стали героями сегодняшнего Жетыбая. Не щадя себя, они борются за большую казахстанскую нефть. Возможно, сейчас они испытывают очередную скважину где-нибудь далеко от Жетыбая. Возможно, она скоро даст первые тысячи тонн нефти. Стоит ли спрашивать, какая она по счету! Да и важно ли это? Все они навсегда запомнят буровую № 6, которая дала первую нефть Жетыбая. Вокруг нее тихо, обыденно. Только маслянистое озеро, застывшее в невысоких песчаных берегах, говорит о минувшем, о том, как был укрощен фонтан, грозивший бедой.

В нетерпеливом ожидании большой нефти жили на Мангышлаке все: геологи-разведчики, партийные работники, животноводы, рыбаки, строители. Жили потому, что знали: нефть — это большое завтра полуострова.

УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ

Он, этот завтрашний день Мангышлака, был уже не за горами. Он вошел весомой строкой в Директивы XXIII съезда КПСС по новому пятилетнему плану: «...Ускорить создание нового крупного района нефтегазодобывающей промышленности на полуострове Мангышлак». Добыча «жидкого золота» в Казахстане увеличится с полутора-двух миллионов тонн до пятнадцати миллионов в 1970 году. Но и это, как утверждают геологи, далеко не предел.

Мировая практика разведочных работ на нефть и газ не имеет примеров более высокой эффективности разведочного бурения, чем у нас в Казахстане. Прирост извлекаемых запасов на один метр разведочного метража по месторождению Узень в десятки раз выше

средней цифры по стране. В перспективе, причем не слишком отдаленной, только Узень может дать до 18—20 миллионов тонн нефти ежегодно! Но ведь кроме Узеня есть еще и Жетыбай и другие уже разведанные месторождения Мангышлака. Нельзя сбрасывать со счета и старые промыслы Эмбы, которые также набирают силу и по сей день сохраняют свое значение.

Президент Академии наук Казахской ССР Шахмардан Есенов, руководивший разведкой нефти на Южном Мангышлаке, рассказывает:

— Сейчас мы стоим в преддверии создания новых и новых промыслов. В скором времени они будут давать нефти больше, чем дает ее сегодня Азербайджан. Крупные нефтегазовые месторождения Узень и Жетыбай не только обрадовали геологов. Они как бы дали им понять, что нефть и газ есть не только здесь — ими богаты и многие другие районы обширного полуострова. Уже проверенные геологические данные позволяют утверждать, что с освоенных нефтяных месторождений Южного Мангышлака страна получит до 80—100 миллионов тонн нефти в год. Это весомый вклад в общехозяйственный нефтяной баланс.

Добавим, что Ш. Есенов — один из энтузиастов, непоколебимо веривших в большое будущее полуострова сокровищ. Вместе с другими учеными и производственниками он выдвинул и горячо отстаивал гипотезу о существовании на Южном Мангышлаке крупных платформенных структур, содержащих огромные запасы нефти. И не только нефти!

Недра Мангышлака, оказывается, баснословно богаты еще и природным газом. Геологическая служба, не очень-то склонная к преувеличениям, называет осторожную цифру прогнозных запасов в... триллион кубометров! Попробуйте выразить это цифрой. Пожалуй, не хватит целой строки.

Газ намного дешевле и нефти, и угля. Значит, и разработка газовых месторождений будет исключительно рентабельной. Если для полной разработки нефти Узеня потребуется примерно 1500 скважин, то для аналогичного газоконденсатного — не больше трехсот. А каждая скважина стоит около ста тысяч рублей. Удобна и дешева транспортировка газа по трубопроводам.

Нетрудно теперь подсчитать, что выгоднее — нефть или газ. Конечно газ! Развитие Мангышлака ведется комплексно. Может быть, это на первый взгляд и парадоксально, но «соперник» нефти на полуострове — газ — будет способствовать успешному решению серьезных проблем ее добычи. Закачка обогащенного газа в пласт повышает пластовое давление, а следовательно, увеличивает и отдачу

нефти. «Голубое топливо» Мангышлака пойдет и в центральные районы страны, его получают промышленные предприятия.

Быстрее освоить подземные сокровища Мангышлака помогают Казахстану братские народы. Около тридцати научно-исследовательских и проектных институтов активно участвуют в изучении и освоении нефтяных и газовых месторождений. Тысячи нефтяников и строителей, имеющих большой опыт, едут из Азербайджана и Туркмении, Башкирии и Татарии... Едут не за легкими заработками, не за длинным рублем. По зову сердца. Мангышлак осваивают представители сорока пяти национальностей. Средний возраст их — двадцать пять лет. Древняя земля полуострова сокровищ становится землей молодости, землей комсомольского подвига.

И сейчас еще жить на Мангышлаке нелегко. Из глубины среднеазиатских пустынь на нефтеразведки и промыслы обрушиваются песчаные бури. Рыжие, бешено мчащиеся столбы пыли поднимаются в блеклое небо, словно выгоревшее от беспощадного зноя. В гудящей мгле трудно дышать. Останавливаются башенные краны на строительных площадках нового Узеня, Жетыбая и других рабочих поселков, сооружаемых для нефтяников, геологов и строителей.

Трудно найти в Казахстане район, где бы еще так ценили воду и искусственный холод, как на Мангышлаке. Летом людям здесь приходится работать при 40—45 градусах жары. В такой зной много отдашь за охлаждающий душ. Во всех поселках геологов действуют бани, есть душевые установки, смонтированные на грузовых машинах.

Свежее молоко, сметану, кефир, колбасные изделия, ранние овощи доставляют пока на полуостров с западного побережья Каспийского моря самолетами. На Мангышлаке уже созданы первые верблюдоводческие фермы для производства шубата — вкусного и питательного продукта из верблюжьего молока, содержащего до 8 процентов жира. Успешное завершение гидрогеологами поисков источников пресных вод позволит расширить сеть таких ферм.

Высоко над одним из капитальных домов Нового Узеня строители подняли плакат: «Здесь город будет и саду цвести!» Такой город на Мангышлаке уже есть — город Шевченко в южной части полуострова. Внизу, рядом с домами из розового и белого ракушечника, с лоджиями и цветными балконами, шумит море. Оно видно из окон многоэтажных домов, шагнувших к самому берегу. Поднимаемся на лифте в одну из квартир. Много света. Внутренняя отделка из пластика, удобная встроенная мебель, установки для кондиционирования воздуха, создающие «микроклимат» по заказу жильцов.

Так будет выглядеть четвертый микрорайон города, который уже сооружается.

Шевченко — один из самых молодых городов Казахстана. Ему пошел четвертый год. Возраст, можно сказать, совсем младенческий, а рост — богатырский. В нем сейчас 40 тысяч жителей, а когда город только начинали строить, было 120 человек, к концу пятилетки население возрастет в два-два с половиной раза и достигнет в перспективе четверти миллиона.

Особенно трогательно заботятся здесь о детях. Детскому комбинату «Светлячок» и школам Шевченко может позавидовать не только Алма-Ата.

К концу февраля, когда на Южном Мангышлаке устанавливается теплая погода с редкими туманами и дождями, в дендрарии зацветает нежный миндаль, а в теплицах созревают первые огурцы и помидоры. Свои, мангышлакские!

Вместе с нефтяниками и строителями полуостров «оживляют» и ученые — гидрогеологи, ботаники, почвоведы, физико-географы, зоологи. Здесь создан опорный пункт Института ботаники республиканской Академии наук. На тридцати гектарах ученые испытывают около пятисот деревьев и кустарников. Хорошо освоились в непривычных условиях первые новоселы: абрикос и бухарский миндаль, лох и карагач... Ученые настойчиво работают над акклиматизацией зерновых культур, в частности засухоустойчивых сортов кукурузы.

Через несколько лет Шевченко станет одним из самых зеленых, если не самым зеленым городом Прикаспия. Почему же здесь до сих пор не было ни одного деревца, ни одной былинки? Тут много солнца и... ничтожно мало воды. А Каспий? Горько-соленая вода моря убивает неокрепшие саженцы и хрупкие, по-южному яркие цветы.

А вот в Шевченко они растут на радость людям, хотя вблизи города нет источников пресной воды. Откуда же, спрашивается, берут ее для полива садов и огородов? Из того же Каспия. Еще один парадокс? Отнюдь нет.

В южной столице полуострова создана первая в мире опытная промышленная установка по опреснению морской воды. Здесь же, в Шевченко, построен первый в мире атомный реактор двухцелевого назначения: он будет мощным источником электроэнергии и опреснителем морской воды.

Ну а как быть, если питьевая вода требуется для небольшого поселка геологоразведчиков или животноводов? Не ставить же здесь атомные реакторы. В Шевченко действует опытный полигон, где

испытываются опреснительные установки самых различных систем: передвижные, стационарные, термокомпрессорные и другие. Например, принцип работы одной из таких передвижных установок весьма прост: соленую воду пропускают через электродиализную ванну. Ванна эта — набор пластин из ионизированных смол, находящихся под напряжением. Вода проходит свободно, а соли притягиваются к аноду или катоду. Производительность установки — 120 кубометров воды в сутки.

В ионообменной установке минерализованная вода поступает в фильтры из ионообменных смол, способных улавливать соли. Это уже более мощный агрегат, который сможет давать до 1200 кубометров питьевой воды в сутки.

Каждая установка — плод многолетнего труда ученых. Быть может, в недалеком будущем они станут такой же неотъемлемой частью рабочих поселков в безводных степях нашей страны, как магазин или электричество.

В самых отдаленных уголках Мангышлака можно встретить гидрогеологов, буровое оборудование которых чем-то напоминает

легендарные «Катюши». Применение их уже увенчалось успехом.

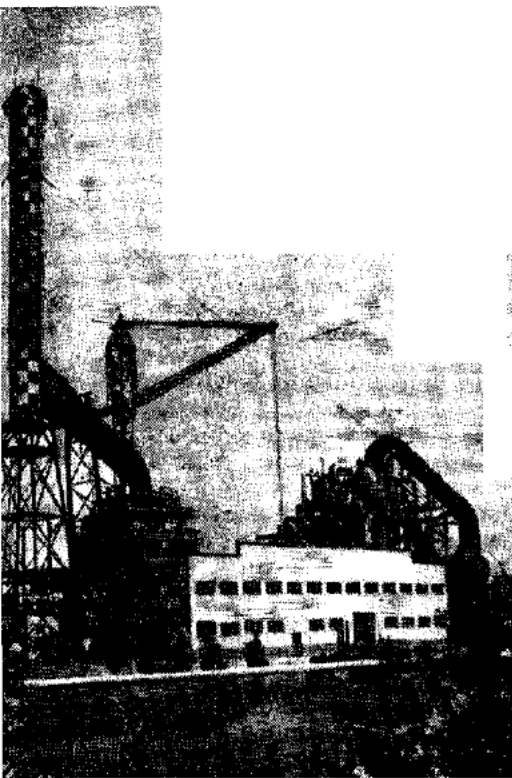
К Новому Узеню и другим промыслам легли стальные нити трубопроводов, по которым в квартиры нефтяников и строителей бежит вкусная вода из артезианских скважин.

Вода и, конечно же, трудовые руки творят на Мангышлаке чудеса. В самом центре пустынного полуострова, в колхозе «Правда», второй год плодоносят белый налив, персики и виноград. Рыбаки и животноводы взрастили сады на, казалось, бесплодной почве. Недаром же в этих испепеленных солнцем краях народ издавна говорит: «Где вода — там жизнь».

Для Мангышлака же с его беспредельными просторами и веч-

Мангышлак.

Опреснительная установка.

ным безмолвием «жизнь» не только вода, но еще и дороги. Без них совершенно невозможно экономическое освоение полуострова.

Если взглянуть на карту Казахстана, то едва ли найдется еще такой необжитый район, как огромное пространство между Каспийским и Аральским морями. Лишь вдоль рек Урала и Эмбы редкой цепочкой тянутся животноводческие и рыбацьи поселки. Два-три десятка глинобитных домов с плоскими крышами. Неоглядная степь. И это в таком богатом по насыщенности полезными ископаемыми районе!

В. И. Ленин предвидел будущее Прикаспия. Он понимал, что освоение пустынных пространств, лежащих между двумя морями, надо начинать со строительства разветвленной сети железных дорог. Прежде всего имелась в виду магистраль Чарджоу — Кунград — Магат — Александров-Гай. Был сделан первый шаг через пески и солончаки: Чарджоу — Кунград. Строители намеревались идти дальше к Астрахани, опоясав стальным ожерельем побережье Каспия. Помешала война...

Первый нефтяной фонтан, забивший на Мангышлаке, остро поставил вопрос о сооружении железной дороги Магат — Шевченко (Актау) и дальше к Новому Узеню.

На всем 700-километровом пути перед строителями лежали пустыни, где круглый год с завидным постоянством бесчинствует ветер — горячий летом и леденящий зимой. Круглый год сквозь коричневую пыль, висящую в воздухе, холодно поблескивают соляные озера-соры. Их тут великое множество, но почти в каждом названии озера неизменно присутствует слово «джаман» — плохой: Джаман-агач, Джаман-кобланды, наконец, просто Джаман-куль.

Однообразен и утомителен пустынный пейзаж. Изредка среди озер, покрытых толстыми сверкающими корками соли, промелькнет одинокая зимовка «кстау» или замаячит в стороне от дороги могильник, испещренный замысловатой арабской вязью, и снова ничто не задерживает взора.

Кажется, время остановило свой стремительный бег в этом суровом краю. Вот так же, наверное, висела в воздухе серая пелена и тускло светились соры, когда пустыню проходил караван известного русского путешественника и исследователя Азии Карелина. В бурдюках глухо плескалась, похожая на рыжий чай, пресная вода.

Более столетия назад в «Известиях Русского географического общества» Карелин опубликовал статью, в которой звучали и нескрываемая тревога за будущее Прикаспия, и страстная вера в то,

что наступит, наконец, такое время, когда человек подчинит себе силы природы.

Нет, не остановился, не замер на месте бег времени в нефтеносном краю! Холодное солнце дрожит на поверхности резервуаров. В стальной синеве озера отражаются станки-качалки; глубинные насосы, как хоботы, неустанно гонят на поверхность черную кровь земли. На плоском горизонте неожиданно поднимается... сад. Самый настоящий сад, где ветер весело шумит листвою и звонко поют какие-то птицы.

Прошло более трех десятилетий, а на Эмбе, в самом центре угрюмой пустыни, до сих пор помнят удивительную русскую женщину Елену Серову. И не только помнят, но и говорят о ней с великим уважением. Серова вырастила, точнее, выходила здесь, в Прикаспии, первые сады. По тем временам это был подвиг, свершенный на радость людям.

Не меньшего подвига ждали и от строителей, прокладывавших железную дорогу через пустыню на полуостров сокровищ. Только объем выполненных здесь земляных работ составил более двадцати миллионов кубометров! Чтобы перевезти такое количество грунта, понадобился бы эшелон из 700 000 четырехосных вагонов. Такой поезд вытянулся бы от Москвы до Владивостока.

Дорога Макат — Шевченко не была идеально прямой геометрической линией между населенными пунктами, отделенными друг от друга на сотни километров. Вязкие болота-соры, не замерзающие даже зимой, и скалистые обрывы Устюрта. Солоноватая вода, от которой еще сильнее мучает жажда. Ветры, выматывающие душу...

Через эти преграды прошли строители. Все они одолели, так как работала здесь в основном молодежь, комсомольцы.

Путь на Мангышлак был открыт, но чтобы выйти на Узень, к истокам мангышлакской нефти, строителям пришлось преодолеть еще почти двести километров. 10 июля 1965 года на шесть месяцев раньше срока с Мангышлака отправили первый эшелон с бесценными дарами его щедрых недр.

Трудно переоценить эти два события. Строящаяся дорога Астрахань — Гурьев, а также будущий участок Бейнеу — Кунград вместе с линией Макат — Шевченко составят единую крупную магистраль, которая откроет путь на Мангышлак и в центральные области. Дорога поможет ускорить промышленное освоение полезных ископаемых Прикаспия, значительно сократит пробег грузов, следующих из Средней Азии на запад, в Поволжье и на Урал.

А теперь, читатель, давайте немного помечтаем.

Из Гурьева и Махачкалы, из Красноводска и Астрахани все дороги по морю и воздуху ведут на полуостров. Ежедневно его воздушные и морские порты принимают десятки скоростных самолетов и комфортабельные морские суда. Кого только не встречает Мангышлак! Тут и ученые с мировой известностью, приехавшие на конференцию, посвященную использованию природных богатств полуострова, и многочисленные туристы, которых манят нехоженые тропы Мангышлака, и те, кто решил поселиться здесь навсегда: нефтяники, строители, геологи по профессии, романтики по натуре. Многие из них, может быть, даже с сожалением будут вспоминать о годах шестидесятых, когда благодаря их усилиям на полуострове забил первый фонтан нефти, когда сама молодость помогла преодолеть им все трудности.

...Воды северных рек уже пришли на Каспий, упругой грудью он напористо рвется вперед, в засушливую пустыню, в безжизненную впадину Карагие. Теперь здесь одна из крупнейших в мире гидроэлектростанций. Она дает свет, дешевую энергию городам и многочисленным нефтепромыслам полуострова. Отсюда природный газ идет в Гурьев и дальше на соединение с линией газопровода Вухара — Урал.

Каждый город, каждый нефтепромысел Мангышлака — зеленый оазис. Сотни тысяч деревьев и кустарников опоясывают их надежной защитой от песка и свирепых ветров...

И все это — дело неутомимых рук твоих, человек!

младший брат ураля

Миновал Прикаспийскую низменность и оставив позади нефтеносную пустыню с частоколом уходящих за горизонт вышек, поезд километр за километром меряет унылую, выжженную солнцем землю. Полынно-солянковая пустыня иногда перемежается с волнистыми грядами песков да бурными пятнами солончаков. Повсюду такое обилие соли, что кажется, будто пропитан ею даже воздух, напоенный горьковатым запахом полыни. Здесь полное отсутствие пресной воды. Вот впереди раскинулась цепочка небольших озер в плоских песчаных берегах. Это русло реки Сагиз, пересыхающей уже через несколько дней после весеннего паводка. Вода в Сагизе горько-соленая. Впрочем, почти такая же она и в Уиле, встреча с которым еще впереди.

Можно представить себе, какие огромные трудности пришлось преодолеть тем, кто строил железную дорогу в этих гиблых местах, тянул семисоткилометровую стальную нитку нефтепровода Гурьев — Орск, чтобы кавказская и эмбенская нефть получила выход в обжитые районы Урала и Сибири, кому довелось прокладывать водопровод с берегов Урала до нефтепромысла Косчагыл, чтобы люди могли здесь жить и добывать нефть.

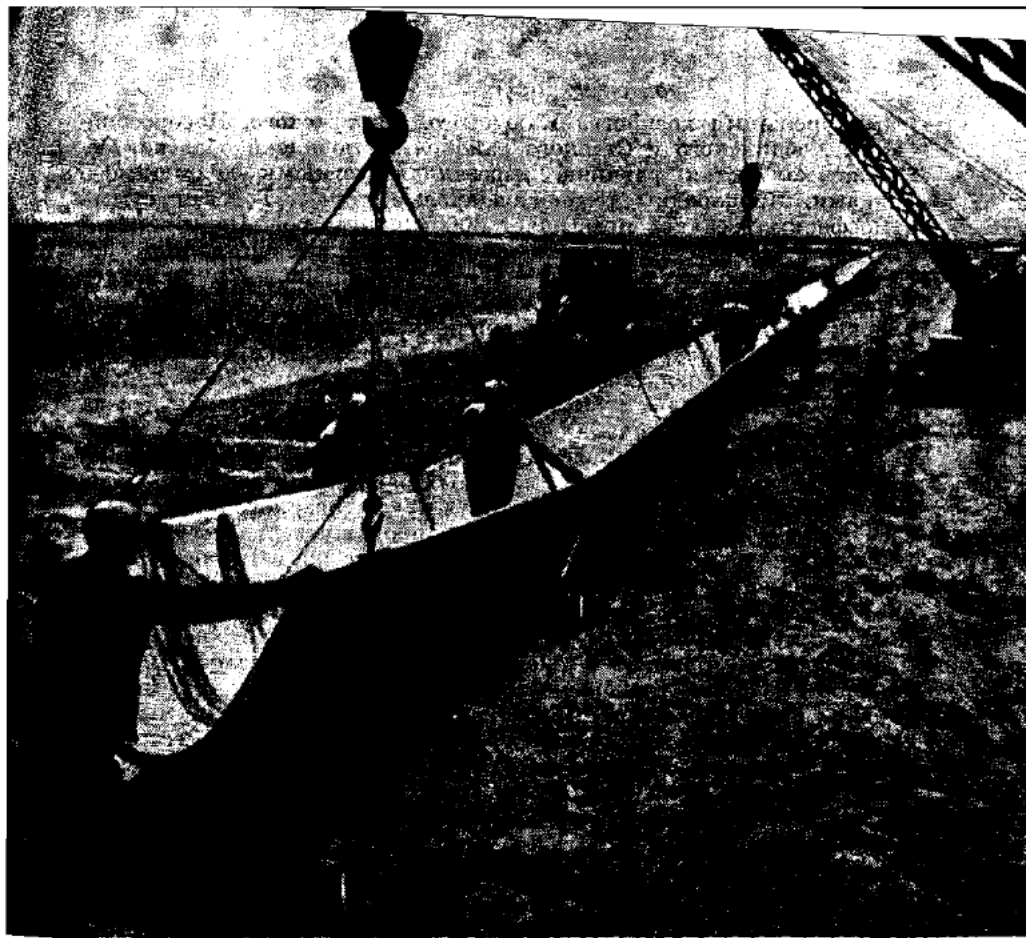
А поезд уходит все дальше от северного побережья Каспия, и постепенно меняется ставший уже привычным пустынный ландшафт. В легких вечерних сумерках смутно вырисовываются пологие холмы, подступающие откуда-то издалека, с севера. Вскоре поезд останавливается у перрона узловой станции Кандагач, которая стоит на пересечении железной дороги Гурьев — Орск с магистралью, ведущей в советские среднеазиатские республики, в край белого золота.

Следуя дальше на север, мы вскоре окажемся в отрогах Южного Урала, где дымят трубы Орского никелевого комбината. А стоит повернуть на юго-восток, и через два-три часа железнодорожное полотно начнет выписывать замысловатые зигзаги и пассажиры скорого фирменного поезда, следующего по маршруту Москва — Алма-Ата, не налюбуются своеобразными ландшафтами. Мы подъехали к Мугоджарским горам, служащим водоразделом Каспийского и Аральского морей.

Младшим братом Урала когда-то называли разведчики недр земных эти невысокие горные кряжи, протянувшиеся с севера на юг почти на 450 километров, и для этого образного названия у них были все основания. Мугоджарские горы невысоки: всего на 656 метров над уровнем моря поднимается их главная сопка Боктыбай. Являясь южным продолжением Уральского хребта, Мугоджары относятся к древнейшим на земном шаре горообразованиям. Ученые определяют их возраст не менее чем в двести миллионов лет. Близкое соседство с Южным Уралом и Тургайской столовой страной, таящей в своих недрах грандиозные запасы полезных ископаемых, во многом обусловило геологическую структуру этого района древней казахской земли, наличие здесь богатейших подземных кладов.

Геологическое изучение Мугоджарских гор началось сравнительно недавно, но за короткий срок здесь выявлены уникальные месторождения хромитов, никеля, кобальта. Открыты колчеданные руды, содержащие, кроме меди, также цинк, золото, серебро. В Примугоджарье, на территории Кемпирсайского массива выявлены богатейшие никеле-кобальтовые месторождения с огромными запасами металлического никеля. Кемпирсайские никелевые рудники, где разработка месторождений ведется открытым способом, являются основной сырьевой базой Орского никелевого комбината.

Никельтау. Никелевые горы. Непроста называли так место, где добывают сейчас драгоценные никелевые руды. А неподалеку от большого поселка Батамшинского, раскинувшегося по соседству с никелевыми рудниками, поднялся в степи новый город горняков Хромтау.

Строительство лотковых оросительных
сетей.

Северная часть Актюбинской области граничит с хлебодородной Оренбургской степью, где на протяжении многих лет выращивают высокие устойчивые урожаи зерновых культур и прежде всего яровой пшеницы. Многому научились актюбинские хлебопашцы у своих соседей, и с давних пор на всю республику славились щед-

рыми урожаями хозяйства Ключевого, Мартукского, Новороссийского, Хобдинского и Степного районов Актюбинской области. Обширна холмистая равнина, изрезанная речными долинами и балками. Плодородны темно-каштановые почвы. Годовая сумма атмосферных осадков превышает 300 миллиметров. На обширной казахстанской земле не так уж много уголков, имеющих столь благоприятные условия для ведения высокопродуктивного сельского хозяйства. И неспроста села и аулы, например, Новороссийского района славятся чудесными пшеничными караваем и высокими надоями молока. И все здесь знают: Новороссийский район — исконно сельскохозяйственный.

Хлебородная слава этих приволжских районов не померкла: за время, прошедшее с начала освоения целинных земель, в Актюбинской области распаханно более миллиона гектаров, причем основная часть новых земель освоена в северных районах. Область, производившая прежде около трех миллионов пудов товарного хлеба в год, с освоением новых земель увеличила продажу зерна государству до тридцати-тридцати пяти миллионов. И все же есть показатели, позволяющие оценивать роль этих исконных земледельческих районов в жизни республики да, пожалуй, и всей страны с иных, более современных позиций.

В середине тридцатых годов в степи появились геологи. А вскоре страну облетело сообщение о Донских хромитах, о том, что в далекой актюбинской степи отысканы богатейшие залежи высококачественных хромитов. Необходимо заметить, что в то время месторождения хромитов, найденные на Урале, считались единственными в СССР. К тому же они были очень невысокого качества, и для того, чтобы плавить специальную высококачественную сталь, нашей стране приходилось покупать хромиты в зарубежных странах, в частности в Турции, платя за это металлургическое сырье очень большие деньги.

К Кемпирсайскому массиву, богатому высококачественными хромитами, было приковано всеобщее внимание. Советское правительство решило всемерно форсировать разработку уникального месторождения. Но ведь Кемпирсай лежит, что называется, за тридевять земель! Как транспортировать Донские хромиты и куда их отправлять для выплавки феррохрома? Отечественное автомобилестроение делало только свои первые шаги, и страна закупает за рубежом необходимое количество грузовых автомашин. Гулом могучих моторов огласилась бескрайняя степь. Днем и ночью, в зной и в стужу, двигались по степным дорогам колонны автомашин, груженные драгоценными Донскими хромитами. Эшелон за эшелон

со станции Актюбинск отправлялись на Урал, на Украину. Все явственнее становилась угроза второй мировой войны, и Донские хромиты дороже золота были для страны.

ПОЧЕМУ ГОРЕЛИ «ТИГРЫ»!

Летом 1937 года со станции Актюбинск были отправлены первые эшелоны с хромитами, а уже через два года поблизости от железнодорожной станции Донское поднялся в степи большой горняцкий поселок Хромтау, преобразованный впоследствии в город. Задымили трубы мощной электростанции. Натруженно загудели электромоторы мощных дробилок. И нескончаемым потоком, словно по гигантскому конвейеру, на заводы ферросплавов пошла высококачественная хромитовая руда, придающая металлу чудесные свойства. А в крупнейших проектных институтах страны ночи напролет просиживали над своими рабочими столами проектировщики, стремясь побыстрее закончить работу над проектированием крупнейшего в СССР завода ферросплавов, который решено было в предельно сжатые сроки построить на окраине степного города Актюбинска, в до-революционные годы славившегося шумными осенними ярмарками, на которых по баснословно дешевым ценам степняки продавали скот, кожи, шерсть, кошмы да сухой овечий сыр — курт.

Примерно за год до Великой Отечественной войны развернулось строительство Актюбинского завода ферросплавов, объявленное Всесоюзной ударной стройкой. Молодежь, съехавшаяся на эту стройку со всех концов Казахстана, из многих районов страны, показывала чудеса трудового героизма. Развязанная Гитлером вторая мировая война тогда еще не докатилась до наших границ, но советские люди чувствовали: не избежать нам кровавых схваток с немецким фашизмом и нужно сделать все, чтобы Актюбинский завод ферросплавов как можно быстрее вступил в строй.

20 января 1943 года Актюбинский завод ферросплавов выдал первый казахстанский феррохром. Во все возрастающих количествах он пошел на предприятия оборонной промышленности страны. Завод в Актюбинске — крупнейшее в стране предприятие такого типа — с избытком возместил временную потерю производственных мощностей ферросплавных заводов Украины, захваченных гитлеровцами. Казахстанский феррохром шел на выплавку оружейной стали и металла для танковой брони. Дымными кострами чадили вражеские танки на полях великих сражений, и от меткого огня на-

ших зенитчиков в воздухе взрывались фашистские бомбардировщики.

Строительство крупнейшего в стране завода ферросплавов в Актюбинске и быстрое освоение, а затем и многократное превышение его проектной мощности — лишь один из бесчисленного множества примеров героического труда рабочего класса и колхозного крестьянства Казахстана в грозную годину Великой Отечественной войны. В самую трудную пору войны, когда важнейшие промышленные районы страны были временно оккупированы врагом, Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана и правительство республики обращались к труженикам городов, аулов и сел с таким призывом: «Помните, что наша республика — неиссякаемый источник для снабжения всей страны промышленным сырьем и продуктами сельского хозяйства. Так будем же трудиться не покладая рук, не считаясь со временем, чтобы обеспечить фронт всем необходимым для ведения победоносной войны!»

Живейший отклик встретил этот призыв в сердцах всех народов, населяющих многонациональный Казахстан, и безграничные материальные ресурсы республики были поставлены на службу Родине, подвергшейся грозной опасности.

В годы войны вступил в строй крупный нефтеперерабатывающий завод в Гурьеве, и высокосортный авиационный бензин, выработанный из отличной эмбенской нефти, помогал советским асам бить фашистских стервятников в небе Москвы и Сталинграда, Киева и Смоленска. В связи с временной потерей Донбасса исключительно важное значение приобрел Карагандинский угольный бассейн, и когда страна поставила перед карагандинскими шахтерами задачу обеспечить Магнитогорский металлургический комбинат коксующимся углем для выплавки броневой стали, они с честью выполнили приказ Родины: в 1943 году выдали на-гора на три с четвертью миллиона тонн угля больше, чем в довоенном 1940 году.

Промышленность Казахстана в годы Отечественной войны являлась одним из основных поставщиков стратегических материалов для нужд фронта и народного хозяйства страны. Своими героическими усилиями трудящиеся Казахстана поставили на службу фронту неисчерпаемые природные богатства республики. Карагандинский уголь, эмбенская нефть, балхашская медь и чимкентский свинец сыграли большую роль в производстве боевой техники и боеприпасов для Советской Армии. Предприятия легкой и пищевой промышленности непрерывно увеличивали поставки фронту обмундирования и обуви, продовольствия и медикаментов. Великий трудовой подвиг рабочего класса Казахстана высоко оценили советский

народ и Коммунистическая партия. В годы войны Красные Знамена Государственного Комитета Обороны многократно присуждались передовым предприятиям республики. Это почетное знамя более двадцати раз за время войны завоевывал коллектив Балхашского медеплавильного завода и после окончания войны Красное Знамя было передано ему на вечное хранение.

В годину грозной опасности, нависшей над нашей Родиной, Казахстан с его богатейшими природными ресурсами превратился в один из важнейших арсеналов страны. Из каждых десяти пуль, выпущенных за время войны по врагу, девять были отлиты из казахстанского свинца. Это дает возможность с исчерпывающей полнотой судить об огромной роли республики в разгроме фашистской Германии.

Благодаря своему географическому положению Казахская ССР в годы Великой Отечественной войны оказалась глубоким тыловым районом. Это позволило эвакуировать из крупных промышленных центров, временно захваченных гитлеровцами, важнейшие оборонные предприятия в различные районы Казахстана, где они, недосыгаемые даже для сверхдальней фашистской авиации, могли ковать оружие победы.

Граждане СССР, люди различных национальностей, эвакуированные в Казахстан из районов, временно захваченных врагом, или оказавшихся перед непосредственной угрозой фашистской оккупации, нашли в городах, селах и аулах республики теплый прием, и в этом еще раз сказалась нерушимая дружба народов, сплотившая в единую семью всех советских людей.

Но не только огромным количеством вооружения и боеприпасов, обмундирования и продовольствия, поставленных Казахстаном фронту во время Великой Отечественной войны, определяется вклад Казахстана в нашу великую победу.

С первых дней войны в республике развернулась огромная работа по созданию войсковых формирований для пополнения действующей армии. В начальный период войны в Казахстане была сформирована 316-я стрелковая дивизия, командование которой было поручено бывшему комбату легендарной Чапаевской дивизии генерал-майору Ивану Васильевичу Панфилову. Под боевым знаменем этой дивизии собрались лучшие сыны Казахстана.

В самую тяжкую пору войны, в октябре 1941 года, когда гитлеровские орды, неся чудовищные потери, рвались к сердцу нашей Родины — Москве, 316-я стрелковая — первая стрелковая дивизия, сформированная в Казахстане, влилась в состав войск Западного фронта, защищавших Москву, и заняла отведенную ей полосу обо-

роны на Волоколамском направлении, где вскоре развернулись наиболее ожесточенные бои.

Не сумев захватить советскую столицу молниеносным ударом, гитлеровцы в ноябре 1941 года начали свое второе, так называемое «генеральное наступление» на Москву. 51 дивизия, в том числе 13 танковых, 31 пехотная и 7 моторизованных, были брошены бесноватым фюрером в бой. Лавиной танков, самолетов, бронемашин рассчитывал враг сломить сопротивление защитников Москвы. Немцам удалось создать огромное численное превосходство. Против частей 316-й дивизии генерала Панфилова были сосредоточены две танковые и две пехотные немецкие дивизии, усиленные артиллерией и авиацией. Приказ немецкого командования требовал любой ценой, не считаясь ни с какими потерями, прорвать оборону советских войск у Волоколамска.

Разъезд Дубосеково на этом направлении оборонял стрелковый взвод во главе с политруком Василием Ключковым. 16 ноября на рубеж, занятый 28 панфиловцами, устремилось 20 фашистских танков. Противотанковыми ружьями, связками гранат, бутылками с горючей смесью панфиловцы поджигали бронированные чудовища. Вот пылают уже четырнадцать машин. Гитлеровцы бросают на неприступный рубеж героев еще тридцать танков.

Вот тогда-то и прозвучали ставшие крылатыми слова политрука Ключкова: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!»

С последней связкой гранат, оставшейся у защитников неприступного рубежа, бросился политрук Ключков к ближайшему танку, но упал, сраженный вражеской пулей. Из 28 героев-панфиловцев 24 пали смертью храбрых в неравном и небывалом по ожесточенности и упорству бою, но враг не прошел. В течение месяца части 316-й стрелковой дивизии вели непрерывные бои с противником, не только удерживая свои рубежи, но и стремительно контратакуя врага. В этих боях герои 316-й казахстанской разгромили танковую, моторизованную и две пехотные дивизии немцев. Яркие образцы стойкости и отваги в боях за Москву показали 1075-й стрелковый полк этой дивизии, которым командовал полковник И. В. Капров, и батальон старшего лейтенанта Баурджана Момыш-улы, впоследствии полковника, командира дивизии, а ныне видного советского писателя.

За образцовое выполнение боевых заданий Президиум Верховного Совета СССР наградил 316-ю стрелковую дивизию орденом Красного Знамени. Она была преобразована в 8-ю гвардейскую, а после героической гибели в бою ее командира гвардейской дивизии

было присвоено имя генерала Панфилова. Символом доблести, чести и героизма стало слово «панфиловец».

Когда Советская Армия одержала под Москвой историческую победу и на широком фронте перешла в наступление, 8-я гвардейская имени генерала Панфилова дивизия, как и другие воинские соединения, сформированные в Казахстане, не раз показала образцы мастерства, мужества и доблести.

Во время наступательных боев по многим участкам фронта разнеслась слава о бесстрашии бойца-автоматчика Панфиловской дивизии Тулегена Тохтарова, в одном бою уничтожившего 115 гитлеровцев. Ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Тогда же звание Героя Советского Союза было присвоено политруку роты автоматчиков Малику Габдулину.

За мужество и отвагу, проявленные в наступательных боях на Северо-Западном и Калининском фронтах, 8-я гвардейская дивизия была удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина.

В битве на берегах великой русской реки Волги воины-казахстанцы умножили свою боевую славу. В дни обороны Сталинграда солдат из Казахстана снайпер Абдыбай Курмантаев уничтожил более ста немецких солдат и офицеров. Бессмертной славой покрыл себя минометчик коммунист Карсыбай Спатаев — победитель в невиданном единоборстве с вражескими танками.

У Великих Лук и на берегах Волги, под Ленинградом и на Курской дуге, на берегах Днепра и в Карпатах — всюду воины-казахстанцы показывали образцы массового героизма, верности великому долгу, преданности матери-Родине и высокого боевого мастерства.

Воины-казахстанцы были в числе тех, кто наносил завершающие удары по врагу в его логове. Стрелковая рота, которой командовал казахстанец Илья Сянов, одной из первых ворвалась в здание фашистского рейхстага в поверженном Берлине. Командир штурмовой группы лейтенант Рахимжан Кошкарбаев и рядовой Григорий Булатов укрепили алый стяг в одном из окон здания рейхстага перед тем как сержанты Михаил Егоров и Мелитон Кантария водрузили Знамя Победы над рейхстагом.

Более 60 тысяч воинов-казахстанцев за доблесть и отвагу, проявленные на полях сражений, награждены орденами и медалями Советского Союза. 369 фронтовикам-казахстанцам присвоено звание Героя Советского Союза, а летчики-казахстанцы Талгат Бигельдинов, Сергей Луганский, Иван Павлов и Леонид Беда дважды удостоены этого почетнейшего звания.

На берегах Волги, на Курской дуге, у стен Кремля и на Одере дымными кострами пылали фашистские «тигры» и «пантеры». В огне войны, зажженным немецким фашизмом, дотла сгорела гитлеровская Германия. В братской семье советских народов достойное место занял казахский народ, посвятивший десятилетия созидательного труда великому делу укрепления могущества своей Родины.

У ПОДНОЖИЯ БЕЛОГО ХОЛМА

Там, где в Илек — левый приток Урала — впадает небольшая степная речушка Жаксы-Каргалы, у подножия невысокого холма лет сто назад было заложено небольшое военное укрепление. К далекому Хорезму, к Хиве и Вухаре, на безбрежные просторы казахской степи было устремлено внимание русского царизма, и придворным стратегам казалось очень удобным начинать продвижение на юго-восток от Оренбурга — опорного пункта колонизации обширного и богатого края. Укреплению дали название Актюбе, что в переводе на русский язык означает Белый холм. Простояла крепость у Белого холма больше десяти лет, а число ее обитателей вместе с солдатами и «вольными» поселенцами, которых привлекли обширные здешние просторы, никак не могло перевалить за четыре сотни.

Прошло еще полтора десятилетия, и крепость Актюбе была переименована в город Актюбинск, ставший уездным центром Тургайской области. Но по-прежнему стояли на пыльных улицах Актюбе глинобитные кибитки да прятались в жиденькой тени овечьих за́тишей бродячие собаки.

В старых архивах сохранились любопытные документы полувековой давности о жизни казахской степи тех лет. На территории Актюбинского уезда до революции было две мельницы, небольшой кожевенный заводик и водочный завод. В 1913 году все эти предприятия дали валовой продукции на 756 тысяч рублей.

Единственное, чем славился дореволюционный Актюбинск, это оживленная торговля шерстью и кожевенным сырьем. У казахов-кочевников, съезжавшихся на актюбинские ярмарки чуть ли не со всей Тургайской степи, из Уила, Челкара и даже Приаральских Каракумов, почти даром можно было скупать скот, шерсть, сало и продавать им ситец, спички, гвозди дляковки лошадей, не говоря уже о других необходимых кочевому народу товарах. Большие ка-

питалы наживали на этой торговле оборотистые оренбургские купцы.

Полвека минуло с недобрых тех времен. Полвека созидания, и у подножия Белого холма во всей красе своей стоит сегодня большой современный город. Здесь уместно привести некоторые очень красноречивые данные. В дореволюционном Актюбинске проживало шестнадцать тысяч человек. В 1939 году в городе насчитывалось 49 тысяч жителей. К 1956 году, за семнадцать лет, количество населения в Актюбинске возросло на 7 тысяч человек, а за последнее десятилетие оно удвоилось и вплотную приблизилось к 130 тысячам, не считая рабочего поселка, возникшего поблизости от завода ферросплавов, в котором живет около двадцати тысяч человек. Таков результат стремительного индустриального и культурного роста города.

За сотни километров съезжались к подножию Белого холма кочевники-скотоводы, чтобы запастись коробкой спичек и горстью гвоздей, а сейчас этот город экспортирует промышленную продукцию в десять зарубежных стран. Актюбинские ферросплавы многих марок пользуются огромным спросом на мировом рынке, и солиднейшие зарубежные фирмы настойчиво добиваются заключения соглашений на их поставки. Вступил в строй завод хромовых соединений, и его продукция сразу же завоевала большую популярность на внутреннем и внешнем рынке. Специалисты лакокрасочной и особенно кожевенной промышленности многих стран мира отдают явное предпочтение бихромату натрия, выпускаемому Актюбинским заводом хромовых соединений.

В самую трудную пору Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков, в 1942 году из Москвы в Актюбинск был эвакуирован завод рентгеноаппаратуры. На новом месте предприятие, оснащенное первоклассным оборудованием, получило постоянную прописку и даже новое название — «Актюбрентген». Старыми остались лишь традиции москвичей, привыкших все делать добротнo, надежно, красиво, в соответствии с лучшими мировыми стандартами.

И теперь в любом уголке земного шара можно встретить рентгеновские аппараты с маркой завода «Актюбрентген». Переносные и передвижные аппараты новейших конструкций особенно полюбили врачи, обслуживающим тружеников далеких участков отгонного животноводства: они незаменимы в условиях огромных расстояний, когда человека, нуждающегося в медицинской помощи, бывает очень трудно, а подчас и невозможно доставить в стационарное лечебное учреждение. Аппараты, создающие «таинственные

лучи», уже более двадцати лет изготавливают в Актюбинске, где в диковинку была и простая угарная кузня. Они не раз получали дипломы на международных выставках. В большом количестве эти чудесные аппараты, свидетельствующие о высоком техническом уровне предприятия и мастерстве работающих на нем людей, отправляются из Актюбинска в Корею, в Кореюскую Народно-Демократическую республику, в Индию, на Кубу и даже в такие индустриально развитые страны, как Польша, Чехословакия, Германская Демократическая Республика.

Актюбинск — крупный центр машиностроения и металлообработки. На нефтепромыслах Южной Эмбы, на пустынных просторах Мангышлака, дающих сотни тысяч тонн нефти, надежно работает буровое оборудование, изготовленное в цехах актюбинского механического завода. Изделия актюбинского мясокомбината и трикотажной фабрики завоевали у покупателей добрую славу, а завод крупнопанельного домостроения из года в год наращивает мощность своих цехов и уже не отдельные кварталы — целые улицы и микрорайоны города застраиваются многоэтажными благоустроенными домами.

Полвека назад на территории, ныне вошедшей в состав Актюбинской области, было всего 148 школ, преимущественно начальных. Сейчас в городах, рабочих поселках, селах и аулах области открыто более 650 средних и восьмилетних школ, а число учащихся в них увеличилось в восемь с лишним раз. Сотни учителей ежегодно выпускает Актюбинский педагогический институт, а медицинский готовит врачей многих специальностей для городских и сельских поликлиник и больниц.

Спутником индустриального Актюбинска стал город Алга, где в первой половине тридцатых годов был построен химический комбинат имени С. М. Кирова, фосфатные удобрения которого идут на свекловичные и хлопковые поля ряда союзных республик. Длительное время сырьевой базой Актюбинского химического комбината были фосфориты Каратау и хибинские апатиты. Геологоразведочные работы послевоенных лет показали, что в междуречье Эмба — Урал имеются крупные месторождения фосфоритов, доступные для дешевой открытой разработки.

Экономически очень выгодная проблема использования актюбинских фосфоритов до последнего времени считалась почти неразрешимой в связи с полным отсутствием пресной воды на обширной территории фосфоритносного бассейна. И главные усилия геологов в этом районе были направлены на поиски пресных подземных вод.

Все говорило о том, что здесь, в краю желтого безмолвия и страшных соляных смерчей, должны быть целые подземные моря хорошей, освежающей воды, дающей жизнь пустыне. Нужно было искать, шаг за шагом продвигаясь к цели. Месяцы, годы провели гидрологи в пустынной степи, проникая порой в самые труднодоступные участки песков Большие Варсуки и Приаральских Каракумов. Вдоль и поперек изъездили и исходили следопыты обширные владения нового овцеводческого совхоза, созданного у северного чинка Устюрта.

Семьсот тысяч гектаров пастбищ закреплено за Матайкумским совхозом, и на этой огромной территории ни одного крупного водного источника. И гидрологи повели огромную борьбу за воду. Одна разведочная буровая... Вторая... Третья... Пятая...

И снова в путь. И снова уходящая за горизонт выжженная равнина, бескрайние соры, соляные смерчи...

На краю обширного Донгузтауского сора заложили еще одну поисковую скважину, и с трехсотметровой глубины пошла вода удивительной прозрачности и вкуса.

Так было открыто подземное Матайкумское море, в котором прогнозные запасы пресной воды значительно превышают емкость Азовского моря.

Донгузтауский сор расположен в самом центре обширного артезианского бассейна, и геологоразведчики, окрыленные первым успехом, продолжают настойчивые поиски. Их ни на минуту не покидает уверенность, что подземные моря чистой, живительной воды будут найдены и в Приаральских Каракумах, и в Больших Варсуках, и на месте богатейших залежей фосфоритов, и на пустынном плато Устюрт. И уже встают перед глазами мечтателей цветущие оазисы в пустыне, и шумят спелым колосом хлеба под горячим ветром, и наливаются животворными соками тяжелые виноградные гроздья...

УИЛЬСКОЕ ЧУДО

Вдоль северной кромки песков, почти сплошь заполнивших Прикаспийскую низменность, раскинулись земли колхозов и совхозов Уильского района. По обоим берегам неширокой степной речки Уил, пересыхающей уже в начале знойного лета, тянутся поля колхоза «Курман», где в предвоенные годы жил и трудился творец «уильского чуда» Чаганак Берсиев, селекционер-самоучка, достижениями

которого были поставлены втупик крупнейшие авторитеты мировой агрономической науки.

— Маман-тара, — мастер проса, уважительно звали колхозника Берсиева в уильской степи, где издавна животноводство было главной отраслью экономики, и выращивание сельскохозяйственных культур из-за бедности почвы и ничтожного количества выпадающих атмосферных осадков считалось делом весьма рискованным. До Уральска и Кустаная, до Оренбурга и Ростова-на-Дону доходила слава о резвых скакунах, выращенных в уильской степи. Что касается урожаев, собираемых на полях уильских колхозов, то степняки даже избегали разговаривать на эту тему, предпочитая отделиться тяжкими вздохами. И вот немолодой уже человек с лицом мудреца и руками хлебороба, колхозник сельхозартели «Курман» Чаганак Берсиев решил доказать людям, что природу можно заставить служить человеку. Долгие годы посвятил Берсиев тому, чтобы вывести сорт проса, какого не создала природа. Он задался целью получить сорт, который бы не боялся самой страшной засухи, хорошо отзывался на каждый агротехнический прием и в любой год давал высокий урожай. По одному зернышку высаживал Чаганак просо в тщательно обработанную землю, внося в почву удобрения, отбирал самые сильные метелки, безжалостно отбрасывая все слабое, нежизнеспособное. И вот появилось на земле никем не виданное до сих пор растение — просо «Белое Уильское» с метелкой удивительных размеров и густоты, с зерном, напоминающим по величине драгоценный жемчуг. Неосыпающееся берсиевское просо.

Ученый-самородок, выращивая новый сорт проса на поливном участке, разработал свою систему полива, определяющую в зависимости от состояния растений в том или другом рядке не только день, но и час начала и окончания полива, нормы и сроки внесения в почву жидких подкормок.

Шестьдесят восемь, девяносто два, сто семьдесят четыре центнера на каждом гектаре давало «Белое Уильское». Когда разразилась война с фашистскими захватчиками, колхозник Берсиев проводил на фронт четырех своих сыновей, а сам продолжал заниматься любимым делом, которому посвятил всю жизнь. Опрокинув все представления о биологических возможностях этой культуры, Чаганак Берсиев довел урожайность «Белого Уильского» до 201 центнера на гектар. Нигде на земном шаре ни одна зерновая культура никогда не давала такого урожая.

РЕКИ ГОЛУБОГО ОГНЯ

Шаг за шагом, в нестерпимый зной и лютую стужу продвигались по древней казахской земле строители величайшего в мире газопровода Бухара — Урал. Подземная река голубого огня, по протяженности намного превосходящая Волгу, пересекла обширнейшие пески Туркмении и Узбекистана, безмолвные просторы пустынного плато Устюрт и в районе бугристых песков Большие Барсуки на северо-западном побережье Аральского моря вступила в пределы Казахстана.

Бухарский газ давно пришел на Урал. Его голубое пламя бушует в топках мощных тепловых электростанций, рождая жизнеспособную энергию, дающую людям тепло и свет. Природный бухарский газ плавит металл в уральских домнах и мартенах, умножая могущество и славу нашей Родины. В пустыне поднялись корпуса компрессорных станций, которые за тысячи километров, ни на миг не прекращая работы, перекачивают по трубам-жилам миллиарды кубических метров природного газа — самого теплотворного и дешевого топлива.

Еще не так давно весь мир восхищался успехами строителей трансканадского газопровода, протянувшегося от Скалистых гор до Монреаля и окрещенного в зарубежной печати «трансканадским чудом». Споры нет, знаменитый канадский газопровод — большое техническое достижение. Но ведь мощность газопровода Бухара — Урал по крайней мере втрое превосходит это «трансканадское чудо».

Спокойно течет подземная река голубого огня, а на поверхности земли продолжается созидательная работа. Одна из многочисленных компрессорных станций на трассе газопровода Бухара — Урал — четырнадцатая — расположена на берегу небольшой степной речки Орь, притока Урала. Здесь берет начало 220-километровый отвод в сторону Актюбинска. По трубам метрового диаметра бухарский газ пойдет на крупнейшие предприятия и в жилые дома Актюбинска, в цехи химического комбината имени Кирова на станции Алга, в квартиры животноводов и механизаторов совхозов Карабутакского, Новороссийского и других районов Актюбинской области. Придет он и в горящий город Хромтау.

Вьюжной зимой приехали на берег Ори строители газопровода из шестого строительно-монтажного управления треста «Нефтепроводмонтаж». Это были люди, накопившие богатый опыт по сооружению нефте- и газопроводов страны, привыкшие к суровым условиям пустыни. Бригаду сварщиков возглавил бравый и смекалистый украинский хлопец Андрей Потурнак. Домовито расположи-

лись со всем своим хозяйством на отведенных им участках трассы три бывших танкиста — сварщики Василий Великий, Виктор Глазичев и Василий Нижник. Принялись за дело. И вот уже сварены метровые трубы в гигантские стальные плети. Все дальше уходят землеройные машины. Воют могучие моторы трубовзов. Неторопливо, с частыми остановками, именно там, где нужно, передвигаются по степи трубоукладчики. Легли в глубокую траншею первые десятки километров стальных труб.

А за сотни километров к северо-востоку, там, где поднимает в небо свои этажи город Рудный и развертываются широким фронтом работы на сооружении новых исполинов тяжелой индустрии, — Качарского и Лисаковского горно-обогатительных комбинатов — изыскатели прокладывают трассы будущих газопроводов. Природный газ будет и здесь основным видом топлива.

Еще одна река голубого огня в ближайшее время пересечет восточную окраину республики. Она возьмет свое начало на уникальных газовых месторождениях Бухары и через Чимкент, Джамбул, Фрунзе дойдет до столицы республики Алма-Аты.

Но все это лишь начальная стадия газификации. Результатом упорной, целеустремленной работы геологоразведчиков является открытие богатейших нефтяных и газовых месторождений на полуострове Мангышлак и в некоторых других районах Казахстана. Это открывает поистине безграничные возможности для газификации важнейших отраслей народного хозяйства, коммунального и бытового обслуживания населения. В самом недалеком времени стальные нити магистральных газопроводов пересекут во всех направлениях обширную территорию республики. В города и промышленные центры, на центральные усадьбы совхозов и колхозов, на далекие отгонные участки потекут реки голубого огня, несущие десятки миллиардов кубометров природного газа. Щедрая казахская земля еще полнее будет отдавать людям чудесные дары своих недр.

СЕРЕБРЯНАЯ НИВА

Поезд продолжает свой путь на юго-восток, и неожиданно справа, почти вплотную к железнодорожному полотну, подступает широкая ослепительно синяя водная гладь.

«Аральское море. Может быть, тебе эти два слова ничего не говорят. Может быть, ты даже не подозреваешь о чуде, которое с ним связано. Ведь ты не знаешь, что это такое — увидеть широкую вод-

ную гладь, кажущуюся бесконечной, здесь, среди бескрайних степей и пустынь. Казаки его называют Арал, что значит остров. Море — остров среди материка», — так писал Юлиус Фучик в своей книге о Средней Азии.

Чудесным синим островом в желтом океане песков казался, должно быть, Арал космонавтам, когда орбита звездолетов проходила над этим районом земного шара и в иллюминаторы космических кораблей можно было наблюдать родную планету. Ведь Аральское море — это ближайший сородич Каспия, самого обширного на земле озера. 66 458 квадратных километров занимает его акватория, а объем воды в нем превышает тысячу кубических километров.

Аральское море является одним из крупных рыбопромысловых бассейнов страны, дающим ежегодно сотни тысяч центнеров рыбы. Знаменитые аральские усач и лещ, вобла и сазан издавна пользуются у советских людей заслуженной славой. А в последние годы в Аральском море акклиматизированы балтийская салака, каспийская севрюга и шип, которые постепенно становятся объектом промысла, умножая славу рыбных богатств Арала.

В пятидесятых годах прошлого века на берег Аральского моря из России в разобранном виде был доставлен небольшой пароход, спуском которого на воду было положено начало судоходству на Арале. Сейчас в Аральске работают судостроительная верфь и судоремонтный завод, и морские просторы бороздят десятки грузовых и рыболовных судов. За годы Советской власти в Аральском бассейне создана крупная рыбная промышленность с мощным рыболовным флотом и современными предприятиями для переработки рыбы.

Аральское море — это своеобразные ворота в обширнейший край песков.

Почти на восемьсот километров с северо-запада на юго-восток протянулась Кызыл-Ординская область, в пределах которой лежат песчаные массивы Приаральских Каракумов и Кызылкумов. По северной кромке Кызылкумов на протяжении почти пятисот километров протекает Сыр-Дарья — одна из крупнейших рек азиатского материка. В высокогорных хребтах Тянь-Шаня, у границы ледников и вечных снегов, находятся истоки этой удивительной реки, несущей жизнь в пустыню. Более трех тысяч километров по территории трех братских республик — Киргизии, Узбекистана и Казахстана — несет Сыр-Дарья свои бурные воды, а затем отдает их голубому Аралу. У подножия заоблачного великана Хан-Тенгри берут начало горные реки, входящие в бассейн Сыр-Дарьи. С яростным ревом и грохотом мчатся по горным кручам пенистые потоки, неся свои во-

ды Сыр-Дарье, и великая река с готовностью принимает их, чтобы вернуть человеку. И всюду, где пронесит Сыр-Дарья благотворные свои воды, расцветает жизнь.

Там, где пройдут эти живительные воды, зреют высокие урожаи хлопка, наливаются солнечным соком тяжелые виноградные гроздья, благоухают дивным ароматом плодовые сады.

А река продолжает извечный свой путь к голубому Аралу через бесплодную землю Голодной степи. На огромном массиве, орошаемом водами Сыр-Дарьи с помощью магистрального канала имени Кирова, по соседству с знаменитым «Пахта-Аралом» только за последние годы на новых землях созданы десятки крупных хлопководческих совхозов. В минувшем десятилетии в небывало широких масштабах развернулись работы по освоению Голодной степи, где в недалеком будущем раскинется крупнейший хлопковый массив.

Первые же шаги в освоении обширной территории Голодной степи, расположенной в пределах двух братских республик — Узбекистана и Казахстана, — показали, что целесообразно все работы по использованию Голодностепского массива для дальнейшего развития хлопководства сосредоточить в одном месте. Исходя из общегосударственных интересов и необходимости наилучшим образом использовать материальные и денежные средства, быстрее ввести в хозяйственный оборот огромные массивы новых земель, построить здесь самую современную ирригационную сеть и создать образцовые хлопководческие хозяйства, правительство Казахской ССР решило передать братскому Узбекистану часть южных хлопкосеющих районов и не использовавшиеся до сих пор земли Голодной степи, пригодные для возделывания хлопчатника. Жизнь показала, что это было очень правильное и своевременное решение: темпы освоения новых земель в Голодной степи резко возросли, и воды Сыр-Дарьи уже орошают десятки тысяч гектаров новых земель.

Ирригационные системы, расположенные в верхнем и среднем течении Сыр-Дарьи, в течение года забирают на орошение хлопковых полей, садов и виноградников миллиарды кубических метров воды. В последнее время в Узбекистане и южных районах Чимкентской области значительно расширились посевы зерновых культур на поливных землях, и расход воды в Сыр-Дарье значительно возрос, но нет предела могуществу этой богатырской реки, все так же полноводно ее древнее русло и так же неистовы ее силы.

Сыр-Дарья — одна из самых многоводных рек земного шара: только в пределах Кызыл-Ординской области ее годовой сток превышает одиннадцать миллиардов кубометров. Площади поливных зе-

мель в бассейне Сыр-Дарьи растут год от года, но, несмотря на это, выявляются все новые и новые возможности для развития орошаемого земледелия в нижнем течении реки.

Одна из особенностей Сыр-Дарьи, как и ее ближайшей соседки Аму-Дарьи, заключается в непостоянстве ее русла. Настойчиво пробиваясь к Аральскому морю, которому они ежегодно приносят до пятидесяти кубических километров пресной воды, обе эти реки как бы мечутся по пустыне из стороны в сторону, будто отыскивая в песках самый короткий и наиболее удобный путь. Сыр-Дарья то спокойно течет по своему, проложенному тысячелетия назад руслу, то вдруг начинает бесноваться, размывать берега, все глубже вгрызаясь в податливую, рыхлую землю, разрушая все, что встречается на ее пути. Иногда река прокладывает новое русло в пустыне медленно, исподволь, а порой демонстрирует свою разрушительную силу буквально на глазах у людей, которые по вековому своему опыту знают: уйдет вода — уйдет жизнь.

Многие исследователи, встретив в долине Сыр-Дарьи остатки древних ирригационных систем и другие признаки высокой земледельческой культуры, существовавшей здесь несколько веков назад, склонны объяснять ее исчезновение в более поздние времена единственной причиной — нашествием орд Чингиз-хана, уничтожавших все на своем пути. Такое объяснение в какой-то мере справедливо. Но нельзя объяснить варварством монгол-завоевателей образование в безводных песках Кызылкумов сухого русла большой реки, когда-то очень многоводной, которое, начинаясь в сыр-дарьинской пойме, тянется на десятки километров в глубь песчаной пустыни. Несомненно, это древнее, давно высохшее русло Сыр-Дарьи, один из ее многочисленных рукавов, и в этом, помимо всего прочего, заключалась причина исчезновения в этих местах высокой земледельческой культуры.

Непостоянство русла Сыр-Дарьи, исчезновение старых и образование новых протоков в сочетании с крайней неустойчивостью режима реки создают специфические трудности в ведении поливного земледелия, характерные почти для всех хозяйств Кызыл-Ординской области. Казахи-кочевники, зимовавшие со своими стадами и отарами в низовьях реки, в борьбе с ее капризами были бессильны. Незадолго до Октябрьской революции вблизи железнодорожных станций Казалинск и Перовск (ныне Кызыл-Орда) появилось несколько небольших поселков русских крестьян — выходцев из малоземельных районов России. Обилие воды в Сыр-Дарье, плодородные земли, способные при хорошем поливе давать баснословные урожаи всех сельскохозяйственных культур, привлекали внимание пересе-

ленцев, мечтавших о безбедной жизни. Но русские хлебопашцы, люди настойчивые, работающие, не смогли совладать со своенравной рекой.

В 1925 году из Оренбурга в Кызыл-Орду была переведена столица Казахской республики, и вполне естественно, что освоение низовий Сыр-Дарьи, создание здесь высокопродуктивного земледелия и животноводства стало одной из самых неотложных задач. Что же может расти на этих землях, если их щедро напоить водой? Оказывается, решительно все! Однако лучше всего чувствуют себя здесь рис, бахчевые культуры и многолетние кормовые травы.

Издавна до крупнейших губернских городов России доходила слава о знаменитых казалинских дынях, по вкусу и аромату не уступавших чарджуйским, которые подавались на десерт даже к царскому столу. Что касается риса, то покупать его за границей, например в Китае, в первые послереволюционные годы не представлялось возможным. И Советское правительство приняло решение — создать в низовьях многоводной Сыр-Дарьи крупный район рисосеяния и бахчеводства. На ирригационное строительство были выделены очень крупные по тому времени ассигнования. По берегам Сыр-Дарьи сооружались высокие насыпные дамбы для того, чтобы предотвратить затопление обработанных участков и заболачивание орошаемых земель. Из главного русла Сыр-Дарьи и ее рукавов выводились каналы, строилась распределительная сеть.

Ширилось ирригационное строительство, расширялись площади орошаемых земель, увеличивались посевы риса, и добрая слава о казахстанском рисе постепенно начала выходить за пределы республики.

В середине тридцатых годов в низовья Сыр-Дарьи с Дальнего Востока переселилось несколько крупных корейских колхозов, и слава нового района рисосеяния умножилась еще более: в искусстве выращивания этой ценнейшей культуры корейцы не знают себе равных. Трудолюбия им не занимать, а условий для возделывания риса лучше и искать не приходится. И зашумели над Сыр-Дарьей серебряные нивы. В 1940 году посевы риса здесь достигли почти тридцати тысяч гектаров. Кызыл-Ординская область давала основную часть этой ценнейшей крупной культуры.

Но уже в те годы начали явственно сказываться недостатки, допущенные в организации рисоводства, и трудности, порождаемые гидрологическими и почвенно-климатическими особенностями низо-

Десерт.

Знатный рисовод Ибрай Жахаев
с внуками.

вий Сыр-Дарьи, где были сосредоточены основные посевы риса. В нижнем течении Сыр-Дарьи крайне неравномерен и изменчив уровень грунтовых вод, которые очень часто находятся на глубине нескольких сантиметров от поверхности, а рис требует, чтобы ежегодно в течение трех-четырех месяцев почва была покрыта сплошным слоем воды в десять-двадцать сантиметров. В свою очередь, это чрезвычайно ускоряет процессы засоления и заболачивания почвы.

Отсутствие достаточного опыта строительства ирригационной сети, предназначенной для орошения рисовых полей, и допускавшиеся отступления от основных требований современной иррига-

ционной и агрономической науки приводили к тому, что оросительные системы создавались без достаточного запаса надежности. Не все выведенные из Сыр-Дарьи и ее притоков оросительные каналы были оборудованы водозаборными сооружениями современного типа, гарантирующими надежность их эксплуатации. Стоило подняться уровню реки даже на небольшую высоту по сравнению со средней нормой (а это в условиях неравномерного режима реки было очень частым явлением) — и в оросительные системы поступало излишнее количество воды, вызывавшее засоление и заболачивание больших массивов орошаемых земель, зачастую лишь недавно введенных в хозяйственный оборот. Понижился уровень воды в реке — и рисовые поля, а также посевы других сельскохозяйственных культур ощущают острую нехватку влаги. Все это делало рисоводство и вообще поливное земледелие малоустойчивым. Урожайность риса, например, колебалась от 14 до 19 центнеров на гектар.

Труженики серебряных нив начали настойчиво искать выхода из этого явно ненормального положения, прокладывать новые пути подъема рисоводства, превращения его в доходнейшую отрасль сельскохозяйственного производства. Вот тогда-то и зародилась, а вскоре и прогремела на всю страну да и на весь мир трудовая слава звеньевое колхоза «Кзыл-Ту» Чиилийского района Кзыл-Ординской области Ибрая Жахаева, ныне лауреата Государственной премии, Героя Социалистического Труда.

Окрестные колхозы в таких же примерно условиях собирали по 14—17 центнеров риса с гектара, а в звене Ибрая Жахаева урожайность росла год от года. Сорок, восемьдесят, сто двадцать, сто пятьдесят центнеров с гектара! Такого урожая рис не давал еще ни в одном районе земного шара. Мастер серебряного зерна, как стали звать аксакала Жахаева в окрестных колхозах, районах, во всей Кзыл-Ординской области, не применял никаких необычных агротехнических приемов. Он лишь очень разумно расходовал воду, этот бесценный дар природы. И он доказал, что урожайность риса в низовьях Сыр-Дарьи можно повысить даже и в десять раз против достигнутого уровня.

Конечно, урожай, полученный звеном Ибрая Жахаева, — это выдающийся рекорд, и довести до такого уровня среднюю урожайность на больших массивах вряд ли возможно. Но ведь такую задачу перед кзыл-ординскими рисоводами никто не ставил и, конечно же, никогда не поставит: все наши планы и задания покоятся на реальной основе, на точном расчете и правильном учете возможностей. Звеньевой Жахаев своим опытом указал лишь пути испол-

зования возможностей, заложенных в этой богатырской культуре самой природой. Для того чтобы с наибольшей полнотой использовать богатейшие резервы, нужно было прежде всего научиться управлять своенравной рекой, преодолеть ее капризы, заставить Сыр-Дарью верно служить человеку, смирить ее буйный нрав. И на всем протяжении великой среднеазиатской реки начались грандиозные по масштабам работы, рассчитанные на то, чтобы поставить на службу народу все ее жизнотворные силы. При этом направление, характер, объем и сроки работ определялись не только неотложными нуждами кзыл-ординских рисоводов. Вопрос ставился гораздо шире и касался, по крайней мере, на первом этапе покорения Сыр-Дарьи жизненных интересов двух братских республик — Узбекистана и Казахстана. Нужно было надежно зарегулировать сток многоводной реки, одновременно решив ряд сопутствующих задач, каждая из которых, взятая в отдельности, имела огромное народнохозяйственное значение. Ученые, проектировщики, гидростроители, энергетики, объединив свои усилия, направили их к точно определенной цели.

Прошли десятилетия созидательного труда — и за тысячи километров от синего Арала бурные воды смилившейся реки покорно вращают лопасти турбин Фархадской ГЭС — крупнейшей гидростанции Узбекистана. Широко раскинулось в межгорных понижениях созданное разумом, волей и трудом советских людей рукотворное море, и собранные в нем бурные воды Сыр-Дарьи по магистральным и распределительным каналам идут на хлопковые поля, на виноградники, в сады, неся с собой жизнь. То, о чем мог лишь мечтать легендарный Фархад, советский человек-труженик претворил в явь.

В верхнем течении Сыр-Дарьи строится Токтогульское водохранилище емкостью в семнадцать миллиардов кубических метров. У самой кромки Кызылкумов мерно плещутся волны рукотворного Чардаринского моря и на сотни километров уходят в пустыню каналы-реки, неся жаждущей земле живительную воду Сыр-Дарьи. Неподалеку от Кзыл-Орды реку перехватила водосливная плотина, создав необходимый подпор. Резко повысился уровень Сыр-Дарьи, и ее воды вновь вошли в древние, давно пересохшие русла. В самую глубь Кызылкумских песков по древнему сухому руслу вновь пришла сыр-дарьинская вода, возродив к жизни обширнейший район. И совсем недалеко от того места, где Сыр-Дарья впадает в Аральское море, строится Казалинский гидроузел, который обеспечит устойчивое орошение на площади более 100 тысяч гектаров и обводнит до полумиллиона гектаров пастбищ и сенокосов. Так на всем

протяжении реки, от самых ее истоков и до впадения в синий Арал, человек во всеоружии знаний и современной техники ведет наступление на своенравную реку, одерживая одну победу за другой.

Одновременно с задачами огромного народнохозяйственного значения решаются так называемые местные проблемы, и все это, вместе взятое, служит великому делу коммунистического строительства. В бассейне Сыр-Дарьи взято на учет более восьми миллионов гектаров земли, пригодной для орошаемого земледелия, а орошается немногим более двух миллионов гектаров. В повестку дня поставлен вопрос о наиболее полном использовании всех ресурсов великой реки для коренного преобразования природы на территории в сотни тысяч квадратных километров. Эта грандиозная задача непосредственно вытекает из решений майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур». Объединенными усилиями советских республик Средней Азии и Казахстана, с помощью всей страны эта величественная задача будет успешно решена. Для этого, конечно, потребуется определенное время. Не ожидая, пока будут решены эти выдвинутые жизнью крупнейшие проблемы, труженики серебряных нив в низовьях Сыр-Дарьи продолжают настойчиво бороться за превращение Кызыл-Ординской области в крупнейший район рисосеяния.

В последнем году семилетки по методам Ибрая Жахаева работали четыреста рисоводческих звеньев. Они вырастили 345 тысяч центнеров риса — почти половину всего валового сбора. По 50—80 центнеров риса-шалы на каждом гектаре вырастили молодые последователи Ибрая Жахаева звеньевые Касым Будеев, Захира Ержанова, Шырынкуль Казанбаева. Хорошо отметил свое семидесятипятилетие инициатор доброго почина Ибрай Жахаев: средний урожай риса на участке его звена составил 92 центнера с гектара. Юбилей прославленного мастера высоких урожаев серебряного зерна явился большим праздником для всех рисоводов республики.

Серебряные нивы в низовьях Сыр-Дарьи в первом году новой пятилетки занимали свыше 40 тысяч гектаров. Рисоводы Кызыл-Ординской области произвели более 62 тысяч тонн товарного риса, значительно перевыполнив план-заказ государства. Они уверенно идут к новым успехам в труде.

Рис далеко не единственное богатство Кызыл-Ординской области, в недалеком прошлом унылого края безбрежных песков, камышовых джунглей да уходящих за горизонт такыров, наводивших тоску и отчаяние своей мертвящей белизной. Сотни километров

можно было пройти с верблюжьим караваном по опаленной зноем мертвой земле и не встретить человеческого жилья. Лишь развалины древних мазаров да выбеленные солнцем конские и верблюжьи скелеты на перекрестках занесенных песками караванных троп безмолвно свидетельствовали о том, что здесь была когда-то жизнь. Искривленные, уродливые, не дающие ни малейшей тени, полузасыпанные песком, деревья саксаула да медлительное кружение орла в бездонной синеве неба.

Ныне это край высокопродуктивного животноводства и прежде всего овцеводства, для которого в песчаной пустыне после обводнения обширнейших пастбищ создаются исключительно благоприятные условия. После решения Советского правительства об освоении пустынных и полупустынных зон Казахстана для развития овцеводства в республике созданы десятки новых овцеводческих совхозов с поголовьем 80—100 тысяч овец в каждом. И большая часть этих хозяйств в Кызыл-Ординской области. А ведь это лишь начало большой работы, цель которой — во всей полноте использовать богатства, талящиеся в пустыне.

Кызыл-ординские чабаны выращивают лучших в мире каракульских овец, с каждым годом снимая все более высокие «урожаи». И когда на международном пушном аукционе в продажу поступает партия каракуля, доставленная из низовий Сыр-Дарьи, знатоки, представляющие интересы зарубежных торговых фирм, дают самые высокие цены, не глядя на товар: такую прочную славу завоевал на мировом рынке кызыл-ординский каракуль.

Кызылкумы... Желтая зыбь песков тянется во все стороны, уходит в неоглядную даль. Сколько нераскрытых тайн хранит это желтое безмолвие и сколько чудесных открытий ожидает каждого, кто решится хоть ненадолго покинуть надежно обжитую Сыр-Дарьинскую долину и отправиться в глубь песков, в которые лишь недавно пришла вода. Можно подняться на недалекий пологий бархан, за которым неожиданно откроется обширная впадина, поросшая тамариском. В центре ровной площадки странное сооружение, стены и кровля которого отливают серебром. И только после того как от диковинного сооружения отрываются две свирепого вида сторожевые собаки и с хриплым, злобным лаем несутся навстречу, путник догадается, что в песках, где-то совсем близко, мирно пасется отара, а это современная чабанская юрта, изготовленная из синтетических материалов. Легкая, удобная для перевозки вьюком,

На джайлау.

она с первого взгляда полюбила людей, вынужденным в силу особенностей нелегкой своей профессии большую часть жизни проводить в пути. В жаркую пору в такой юрте прохладно, в холодную — тепло от плиты, горелка которой приветливо мигает ласковым голубым пламенем сжиженного газа, хранящегося в баллоне, поставленном с теневой стороны юрты.

Войди, путник, в гостеприимный дом жителя пустыни, по старому народному обычаю поприветствуй хозяина, спроси, здоровы ли его жена и дети, цел ли доверенный ему колхозом или совхозом скот... Что же ты молчишь? Что поразило тебя в этом доме жителя пустыни? Ах, этот неяркий голубоватый, чуть трепещущий свет в дальнем углу просторного помещения! Так это же телевизор. Самый обыкновенный, возможно, «Рубин», или «Темп», или «Изумруд». Телевизор в Кызылкумских песках, в чабанской юрте, сделанной из полимеров. Самое обыденное явление. Правда, не особенно давно, примерно с полгода назад, в Кызыл-Орде начал работать телевизионный ретранслятор, передающий московские программы. Кстати, сегодня смену на ретрансляторе несут инженер Турабек Кочкарбаев и электромеханик Нуржуман Маямеров, чабанские дети.

Не кажется ли тебе очень существенной эта деталь биографии дежурных связистов, когда речь идет об итогах созидательного труда, о сегодняшней жизни в низовьях Сыр-Дарьи, в сыпучих барханах Кызылкумов?

солнечные грозья

Сверкнув широким изгибом, скрылась за стеной камыша, шелестящего на ветру, Сыр-Дарья. Но окружающая природа почти не изменилась. Вокруг расстилается все та же бурожелтая равнина. Местами виднеются солончаки и барханные пески с жесткой и редкой травой. Сухие русла рек глубокими морщинами избороздили землю, потрескавшуюся от зноя.

На горизонте, далеко впереди неясно обозначились контуры лиловых гор. Поезд, отстукивая километры, все приближает их. Они как бы вырастают на глазах, становятся выше и строже. Это на грани плоской выжженной солнцем степи показались первые отроги Тянь-Шаня. Это Каратау — Черные горы. Невысокие и безлесные, они тянутся более чем на триста километров вдоль железной дороги. Самая высокая точка хребта — Мынжилкы — 2 176 метров. Отсюда хребет плавно понижается к югу и особенно к северу, где он «затухает» отдельными сопками у кромки Приаральских каракумов и Бетпак-Далы.

Несмотря на свой угрюмый, мрачноватый вид, Черные горы богаты ископаемыми. Особенно славятся они полиметаллическими рудами и фосфоритами. Запасы «камня

плодородия» в Каратау, по предварительным расчетам, составляют более полутора миллиардов тонн. Ни один район Казахстана и Средней Азии не имеет таких благоприятных условий для производства минеральных удобрений, как Южный Казахстан.

Архитектурные памятники, развалины крепостных стен, плоские курганы и неясные следы оросительных каналов безмолвно рассказывают о древности этой земли, о том, какие кровавые бури прошли над ней.

Туркестан — первый город Чимкентской области на нашем пути и один из древнейших городов Казахстана. Над пирамидалными тополями маячит видимый издали купол мавзолея. Облицованный немеркнущими лазурными плитками, он приковывает к себе взгляды уже полтысячи лет. Мавзолей этот выстроен по повелению Тимура над могилой активного проповедника ислама Ходжи Ахмеда Яссави, жившего в Туркестане, который назывался тогда Яссы. Рядом в большом зале — усыпальница дочери знаменитого астронома средневековья — Улугбека.

В мавзолее 314 комнат, ниш и залов. В одном из них когда-то стоял вместительный бронзовый котел, где два раза в неделю варили «халим» — кушанье для паломников из пшеницы и мяса. Теперь этим котлом, представляющим большую художественную ценность, можно полюбоваться в Эрмитаже.

Когда ходишь под стрельчатыми арками мавзолея, украшенными причудливой резьбой, прислушиваясь к тому, как гулко отдаются голоса немногих туристов в пустоте бесчисленных комнат, искусно отделанных цветной керамикой, то невольно думаешь о людях, создавших эту громадину. Восемь лет изнурительного подневольного труда многих тысяч строителей и ремесленников — народных умельцев — ушло на создание этого памятника, возникшего по прихоти «железного хромца» Тимура.

Скорый поезд «Москва — Алма-Ата» торопливо бежит дальше, и мы как бы листаем полузабытые страницы давно минувших дней. Вот и станция Тимур. В 18 километрах от нее к северо-западу, там, где река Арысь впадает в Сыр-Дарью, на высоком холме стоит ничем не примечательная деревянная пирамидка — тригонометрический знак. Вряд ли топографы, ставившие его, знали, какие интересные тайны скрывает этот холм. Вокруг него и сейчас еще можно найти изредка осколки плит и керамики, изделия из металла и цветного камня. Это «визитные» карточки жителей средневекового города, ставшего легендой.

Он назывался Отрар — «устойчивый» или «некочующий». Это был крупнейший торговый, политический и культурный центр на

Сыр-Дарье, важный пункт пересечения караванных путей, шедших из Восточной Европы и Семиречья в Китай. На его узких и путаных, как лабиринт, улицах слышался разноязыкий говор. В раннее средневековье Отрар связывал Самарканд и Бухару, Фергану и Хорезм с областями Южного Урала, Центрального Казахстана, Западной Сибири и Алтая.

Впервые Отрар упоминается в литературе еще в девятом веке. Арабские географы рассказывают, что город окружала глинобитная стена, за которой тянулись сады и кварталы жилых домов. С утра до поздней ночи в мастерских ремесленников раздавались удары молотков, звенел металл. Рядом трудились в поте лица гончары. Керамика с ковровым орнаментом, покрытым глазурью, и цветные камни украшали дома представителей имущего класса. Кроме купцов и ремесленников, в городе, насчитывавшем 70 тысяч человек, селились и воины. Отрару не раз угрожала смертельная опасность. Приходилось все время быть начеку.

С культурным расцветом Отрара связаны два славных имени: Абунасыра-Аль-Фараби и Джоухари. Фараби был на редкость разносторонне одаренным человеком: философом и математиком, врачом и музыкантом. Им написано более ста работ по самым различным отраслям знаний. Еще при жизни его называли «вторым учителем», вторым после Аристотеля... Джоухари — автор уникального словаря «Сихат-Ул-Лугат», которому он посвятил многие годы.

И Фараби и Джоухари писали философские трактаты и другие свои произведения на древнекипчакском языке, ставшем прародителем современного казахского языка, его основой.

Вокруг Отрара на огромном пространстве лежали тщательно возделанные поля, прорезанные ровными линиями оросительных каналов. Почти каждый год земледельцам приходилось вступать в единоборство с разливами норовистой Сыр-Дарьи. Временами город «отступал» в открытую степь. Тогда менялось его название. Из Отрара («некочующий») он становился Кедемом — «неприступным». Следы титанической работы отрарских земледельцев сохранились до наших дней. Вся местность вокруг городища покрыта густой и уже стертой временем сетью арыков.

Отрар пропал до тех пор, пока на него не обрушились полчища Чингисхана. Почти полгода мужественно и стойко держался город. Только измена феодальной верхушки привела к страшной катастрофе. В конце 1219 года монголы, овладев Отраром, буквально стерли его с лица земли. Большинство жителей были убиты, а руководителю обороны Гаирхану по приказу Чингисхана залили гла-

за и уши расплавленным свинцом. В огне пожарищ, охвативших город, погибла знаменитая библиотека, насчитывавшая сотни, а может быть, и тысячи бесценных книг и рукописей.

Лишь спустя многие годы Отрар вновь возродился из пепла и «жил» еще 200—300 лет. Но торговые города обычно процветали до тех пор, пока туда было удобно и выгодно ездить купцам. Однако стоило только переместиться торговым путям, и города начинали медленно умирать: некогда шумные базарные площади зарастали травой, на развалинах караван-сараев рыскали голодные шакалы... Не миновал этой печальной участи и Отрар. Оторванный навсегда от мировой торговли, изнуренный непрерывными феодальными войнами, он умер на исходе XVI века.

Мы так подробно рассказали здесь, читатель, о средневековом городе на берегу Сыр-Дарьи потому, что Отрар не только прекрасный памятник далекого прошлого. Он убедительное свидетельство высокой самобытной культуры народов, живших в те времена на казахстанской земле.

КЕНТАУ — ГОРНЯЦКАЯ СЛАВА

А теперь вернемся снова в Туркестан. Но не для того, чтобы еще раз полюбоваться архитектурой древнего мавзолея. Мавзолей — это история, день прошедший. А нас ждет нетерпеливо день сегодняшний. Поспешим к поезду, который отходит от станции Туркестан. Она связана железнодорожной веткой с горняцким городом Кентау. До него всего каких-нибудь 45 километров. «Игрушечный» паровоз деловито и привычно тянет на подъем вагоны. Все ближе скалистые отроги Каратау. До них, кажется, можно дотянуться рукой. В лицо пышет зноем. Об этих неприветливых местах, лишенных признаков какой-либо растительности, издревле говорили: «Если ад существует на небе, он над Туркестаном; если ад существует под землей, он под Туркестаном». Грустная пословица родилась здесь, наверное, столетие назад, когда в каменистой долине начались первые разработки свинцово-цинковых руд. Каторжным был труд горняков. В тесных забоях приходилось работать сидя или лежа на спине, при чадном свете каганца — глиняной плошки с бараньим салом. Часто происходили обвалы, и еще одна шахтерская семья лишалась кормильца. Не потому ли и нарекли в народе это злосчастное место таким метким словом — Ачисай — «горькая долина».

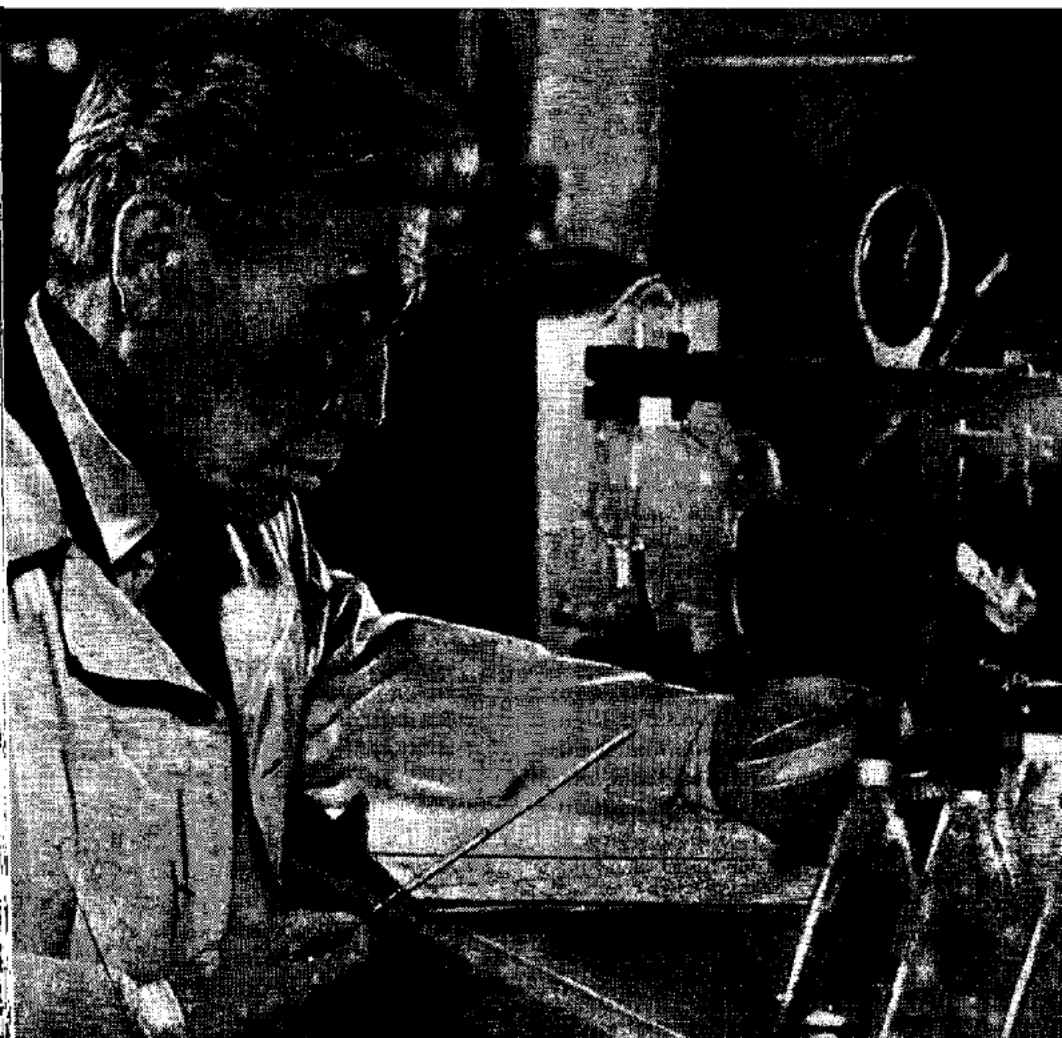
Кентау. Обогащительная фабрика.

По-настоящему осваивать это богатейшее месторождение стали лишь при Советской власти. Шла гражданская война, и свинец Ачисая понадобился для защиты социалистического отечества. Был пущен небольшой свинцовый завод. Из Ташкента, прямо со съезда горнорабочих, приехала небольшая группа шахтеров. Из ачисайского свинца в Ташкентской военной крепости отливали пули, делали снаряды. «Я дрался с белобандитами ачисайским свинцом», — вспоминает старейший горняк, коммунист Калдыбай Нишамбаев.

После гражданской войны молодая советская республика приступила к восстановлению народного хозяйства. В металле Ачисая стали остро нуждаться многие новые отрасли промышленности, и

сюда к подножию Каратау, пришли геологи, широким фронтом начались поиски. Геологи ютились в землянках, вырытых наспех в урочище Ачисай, поросшем жестким джусаном. В 1924 году здесь была заложена первая штольня, загудел первый перфоратор. Шахтеры Кривого Рога, Донбасса и Урала терпеливо обучали сложному

Академик Абикен Бектуров.

горному искусству рабочих казахов и узбеков, приехавших из соседних аулов. Из Туркестана по глубокому ущелью шли верблюжьи караваны с грузами для стройки.

Так в нелегких условиях рождался первенец цветной металлургии Южного Казахстана — Ачисайский полиметаллический комбинат, отметивший недавно свое тридцатилетие. В первые годы Великой Отечественной войны он производил значительное количество свинцового концентрата, добываемого в нашей стране.

Больше всего поражает человека, впервые попавшего в этот южный горняцкий город, обилие зелени. Тополь и клены, березы и акации образуют аллеи и скверы, отбрасывающие на асфальт улиц густые тени. Деревья окружили Кентау зеленым кольцом, принесли прохладу и свежесть. На улице Абая в эту пору цветут розы нежнейших оттенков. За зелеными кронами почти не видно уютных коттеджей, в которых живут горняки.

А ведь в «горькой» долине не было достаточно ни воды, ни даже плодородной почвы. Тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В мире, пожалуй, немного месторождений с такими большими водопритоками, как Миргалимсайское. Подземные воды, затрудняющие работу шахтеров, и дали Кентау столь необходимую влагу. Собранные воедино, они образовали целую реку, которая с помощью мощных автоматических насосов ринулась из глубин, чтобы жили деревья, цвели розы.

Ну а как же с плодородной землей? И здесь горняки нашли выход. В скалистом грунте они пробили метровые ямы, бережно опустили в них крохотные саженцы, присыпали заботливо корни привозной землей, смешанной с перегноем. А потом терпеливо ухаживали за каждым деревом, как за малым ребенком. И зашумели свежей листвой молодые топольки и березки, запылали на каждой улице тюльпаны и флоксы. В оранжереях города сейчас зреют лимоны, а на его окраине наливаются виноградные гроздья.

В Кентау всегда много приезжих. Едут они сюда со всей страны, конечно, не только за тем, чтобы полюбоваться зеленым нарядом города. Есть дела поважнее. Кентау — родина мировых рекордов горной проходки в крепких породах.

1237,6 метра штрека... Теперь эту цифру можно найти во всех горных справочниках мира. Она означает прямо-таки космическую скорость, достигнутую шахтерами Миргалимская. Представить только! Более километра подземного туннеля сечением свыше девяти квадратных метров в скальных породах и всего лишь за месяц работы.

На многих рудниках страны на это затрачивалось не менее двух

лет. За месяц бригада проходчиков Н. С. Кулеша, состоящая из 84 человек, выполнила объем работ, который под силу не всякому среднему руднику. На целый год раньше срока подготовлена для эксплуатации новая рудная залежь, сэкономлено 60 тысяч рублей.

Образно говоря, проходчики бригады коммуниста Кулеша стали подземными космонавтами, впервые открывшими и новые скорости, и новые глубины. Каждые сутки они давали от сорока до пятидесяти метров проходки. И это одним забоем. В тридцать раз быстрее, чем на других рудниках страны!

Мировой рекорд не свалился с неба, не пришел сам по себе. Приступая к скоростной проходке, горняки имели за плечами богатый опыт, годы упорных поисков совершенствования производственных процессов и подлинного технического творчества.

За разработку и внедрение новых методов авторы мирового рекорда скоростной проходки удостоены Ленинской премии. Характерно, что среди лауреатов инженеров и техников четыре проходчика. Советское государство одинаково высоко ценит и труд дипломированного инженера, и труд простого рабочего.

Советские люди не засекречивают своих успехов. Скоростники Миргалимсая охотно и щедро делятся опытом с друзьями. В Кентау открыта Всесоюзная школа, где не только проходчики, но и крупные специалисты научно-исследовательских институтов внимательно изучают организацию проходки с «космическими» скоростями. Ведь если каждая горнопроходческая бригада в стране будет трудиться по-миргалимсайски, то шахты и рудники выдадут на миллионы тонн руды больше, обогатители сумеют увеличить выпуск концентрата, а металлурги — выплавку металла.

Недавно Кентау исполнилось одиннадцать лет. Кажется, совсем немного. Но в городе уже живет пятьдесят тысяч человек. Они добывают руду, строят, учатся, разбивают новые скверы и цветники. Им, этим замечательным людям, посвятил свои взволнованные стихи казахский поэт Гали Орманов:

В степи, где лишь ковыльные султаны
Шептались с пожелтевшей травой,
Ваметнулись в небо башенные краны
И вырос город новый, молодой.
...Да, было все — и тяжело, и трудно,
Но наш народ на подвиги готов:
На картах появился город Рудный,
Кентау, город солнца и садов!

Так добывают руду в XX веке.

ЩЕДРАЯ ПУСТЫНЯ

Поезд гулко прогрохотал по мосту через реку Арысь. Она неторопливо несет свои мутноватые воды по широкой, плодородной долине через всю Чимкентскую область. И слава у нее негромкая. В Казахстане много рек и покрупнее, и познаменитей. Но нет ни одной, кроме Сыр-Дарьи, которая бы имела такое важное значение для ирригации, как Арысь. Впадая в Сыр-Дарью, она как бы работает с ней в одной упряжке, делая одно общее дело. Водами Арыси орошается более двухсот тысяч гектаров земельных угодий. Гидроэнергетические ресурсы ее составляют 700 миллионов киловатт-часов в год.

Взгляните на карту Южного Казахстана. Большая часть ее залита бледно-желтой краской. Желтый цвет — это цвет пустыни. Она занимает почти семьдесят процентов Чимкентской и Джамбулской областей. Вся крайняя юго-западная часть Южного Казахстана относится к одной из величайших пустынь Средней Азии — Кызылкумам. В безветренные дни страшное полуденное солнце заставляет прятаться в горячем песке даже черепахи — этих ходячих каменной пустыни. Недвижим и тяжел воздух. Редко увидишь тут путника, негде ему укрыться от палящего зноя. Кругом лишь редкие кусты джугзгуна и саксаул. В поисках спасительной влаги низкорослый джугзгун протянул свои корни-щупальцы на пятьдесят метров! Если ветер выдует из под него песок, он, упорно борясь за жизнь, тут же пускает второй корень.

В середине прошлого столетия русский инженер А. Ульянов так писал о Голодной степи, которую Кызылкумы сжимают полукольцом: «Если вам случится увидеть караван, то вы заметите, что он торопится скрыться от вас из-за опасения, чтобы вы не стали просить воды, которой здесь дорожат больше всего на свете. Боже сохрани вас сбиться с дороги во время переходов или пролить воду, имеющуюся у вас в запасе, — можете быть уверены, что помощь не получите нигде. Прибавьте к этому жару в 40 градусов в мае месяце, отражение солнца, которое нестерпимо режет глаза, изнуряющий зной и, наконец, ночь на земле в обществе фаланг и черепах — и вы составите себе хотя бы приблизительное понятие об условиях пребывания в Голодной степи».

К концу весны горячее дыхание пустыни сжигало на корню дикие травы, никли листья колючего ебелека, обреченно склонялись желтые маки и багровые тюльпаны. Пепельно-бурой становилась земля. Промелькнет в знойном мареве стадо чутких джейранов — и снова пусто.

Но народ верил в щедрость выжженной солнцем земли. Он хорошо знал, что Голодная степь — весь миллион гектаров ее состоит из серозема и суглинка, с большой примесью лессовых наносов, на которых можно выращивать высокие урожаи хлопка и других теплолюбивых культур.

Нужна только вода. Целые пресные моря и озера. Но воды не было.

— Что делать в этих песках? — жаловались до революции казахи-кочевники. — Пастись скот — травы мало. Пахать нельзя — воды нет. Кочевать нам в хорошие места запрещено. По воздуху летать — крыльев не имеем...

Кочуя всю жизнь по степи, они знали цену воде. Цена воды всегда была ценой жизни. «Где вода — там жизнь, нет воды — смерть», — говорил народ.

Сокровенная мечта о воде и жизни нашла свое отражение в легенде о Фархаде. Ценой невероятных усилий, жертвуя своей молодостью и счастьем, он повернул воды Сыр-Дарьи в Голодную степь.

Но это была легенда, прекрасная, поэтическая легенда! А вот не такая уж далекая действительность — скупые строки из «Географического описания России», изданного в 1912 году, говорят о бессилии оживить Голодную степь: «Несмотря на исключительно большое значение орошения Средней Азии, мы... почти ничего не оросили в Туркестане, и до сих пор огромные реки текут среди бесплодных земель и сыпучих песков».

Единственным ирригационным сооружением во всей Средней Азии был в то время Кауфманский канал. Его строили 55 тысяч крестьян, согнанных издалека. Киркой и омачом от зари до зари не разгибая спин, за семь лет они вырыли канал длиной в тринадцать километров. Немногие орошенные земли Голодной степи раздавались с большим выбором. Для этого нужно было иметь русское подданство, христианское вероисповедание и не меньше чем тысячу рублей деньгами.

Царское правительство меньше всего заботилось о народном благе, о том, чтобы оросить пустыни и степи. Да ему было и не по силам заставить плодородить Голодную степь.

С каждым годом пески все ближе подбирались к одиноким оазисам, раскаленный ветер сушил сады и тощие нивы.

Перед первой мировой войной была сделана еще одна попытка напоить пески. Осенью 1913 года состоялось торжественное открытие Романовского канала. Дикий напуск, которым пользовались

первые поселенцы, обернулся злом — земли скоро оказались засоленными и заболоченными.

Так продолжалось до Октябрьской революции. Только в годы Советской власти началось грандиозное наступление на Голодную степь. 17 апреля 1918 года В. И. Ленин подписал декрет «Об организации строительных работ в Туркестане». Этим декретом предусматривалось оросить 500 тысяч десятин земли. В 1924 году у ворот в Голодную степь возникло одно из первых социалистических хозяйств — совхоз «Пахта-Арал» — «Хлопковый остров».

В то время совхоз был действительно одиноким островом в выжженной степи. Она начиналась сразу за центральной усадьбой и тянулась на многие километры до кромки Кызылкумов. Пустыня давала о себе знать ураганными штормовыми ветрами. Они поднимали в воздух мириады раскаленных песчинок, чтобы обрушить их на молодые сады и посевы хлопчатника.

Сейчас «Пахта-Арал» — крупнейшая в Советском Союзе база производства «белого золота». Только за тридцать лет коллектив совхоза дал столько хлопка, что изготовленной из него тканью можно дважды обернуть по экватору земной шар.

Рядом с прославленным хозяйством в Южном Казахстане выросли совхозы, успешно соперничающие с пахта-аральцами по урожайности. Еще совсем недавно они учились у своих соседей-узбеков, как надо выращивать хлопок, а сейчас и те не считают зазорным обратиться иной раз за помощью и советом к казахстанцам.

Все гуще и насыщеннее становится карта орошаемого земледелия. Все больше желтый цвет пустыни уступает место зеленому цвету — цвету жизни. Давно ли, кажется, вторую по величине реку Средней Азии — Сыр-Дарью звали «рекой прошлого»? Веками несла она свои мутные воды в Аральское море мимо Голодной степи, где все кричало о жажде.

В наши дни Сыр-Дарья стала рекой будущего. Все дальше в степь уходят каналы, сооружаются крупные водохранилища. И, как в чудесной легенде о Фархаде, преобразилась пустынная земля. Вдоль каналов выросли колхозные села и аулы, зазеленели сады и поля.

Освоение засушливых земель ведется комплексно: пока ирригаторы нарезают оросительную сеть, рядом трактористы пахут вековую целину, строители возводят дома для новоселов. На горизонте

Кентау. В молодежном кафе.

поднимаются стрелы экскаваторов — днем и ночью могучие машины выбирают землю. И вот уже по глубокому руслу канала побежали бурные ручейки. Сливаясь, они становятся полноводной рекой, которая несет живительные воды все дальше и дальше к Красным пескам.

Далеко от населенных мест, там, где не на чем задержать воспаленные от солнца глаза, работают экскаваторчики, загорелые до черна, полуголые, несмотря на раннюю весну.

Вода неузнаваемо преобразует земли, совсем недавно иссушенные зноем, изменяет даже их микроклимат: он становится ровнее и мягче. Тенистые тополя и вязы не только прикрывают хлопок от горячего дыхания Кызылкумов, они укрепляют рыхлые лессовые почвы, вызывают к жизни новые отрасли сельского хозяйства. Из гигантской чаши Чардаринского водохранилища будут «пить» земли 22 рисосеющих и 5 садово-виноградарских совхозов. Воды моря уже заполняют в Красных песках чеки, поросшие зелеными всходами риса в молодом крепнущем хозяйстве, названном символично «Восход».

Да! Недаром говорят на Востоке: «Время подтачивает камни, вода размывает горы, а труд человека не подвластен времени».

Сейчас четыре области Южного Казахстана дают в масштабе республики одну треть всей производимой шерсти, пятую часть мяса, весь каракуль, весь хлопок, значительную долю сахарной свеклы, риса, винограда и фруктов. А могут и будут производить еще больше. Ведь здесь сосредоточено 10 миллионов гектаров или 80 процентов земель, пригодных для орошения. И каких земель! Не забывайте, что крайние южные пункты Чимкентской области расположены на параллелях Неаполя и Мадрида, где почти никогда не бывает зимы со снегом. Это самая теплая область Казахстана. Здесь можно собирать два урожая в год и выращивать теплолюбивые культуры.

Например, в 1965 году одна только Чимкентская область дала государству свыше семидесяти тысяч тонн хлопка. А это не так уж мало, если из него можно изготовить 150 миллионов метров ткани. Но по сравнению с тем, сколько выращивают «белого золота» наши соседи-узбеки, это не так уж много. Однако надо иметь в виду, что производство хлопка в Южном Казахстане можно увеличить в два и три раза. Для этого нужно, прежде всего, повысить урожайность этой трудоемкой культуры, а также освоить новые площади.

Второй крупный очаг поливного земледелия в Южном Казахстане — Арысь-Туркестанский массив. Здесь также преобладает хлопок. Через долину Арыси проложен глубокий самотечный канал.

Его протяженность почти двести километров. Он то прорезает песчаные лога, то сбегает в солончаковые блюдца, то заполняет русла высохших озер. На стыке Арысского и Туркестанского участков создано крупное Бугуньское водохранилище. Оно накапливает и распределяет влагу по окружающим полям и пастбищам, отвоеванным у пустыни.

Коренная реконструкция Арысь-Туркестанского канала, построенного уже после Великой Отечественной войны, строительство новых оросительных сетей позволяет увеличить здесь производство хлопка до тридцати четырех тысяч тонн в год. Это половина того, что производит сейчас Южный Казахстан.

Важно еще и другое. Южный Казахстан — не только «белое золото», жемчужный рис, солнечные гроздья винограда, хлеб и другие щедрые дары земли. Значительная часть его территории — пастбища, расположенные в степях и пустынях, в предгорных долинах и высоко в горах. Большая площадь (до 80 процентов территории) занята пустынными пастбищами. Они менее продуктивны, чем высокогорные джайлау, но зато обширны: тут достаточно кормов, чтобы содержать миллионные стада и отары. В сочетании с сенокосными угодьями естественные пастбища представляют собой в подлинном смысле слова «золотой фонд» сельского хозяйства юга республики.

В одной только Чимкентской области, главным образом на пастбищах, содержится более четырех миллионов овец, до трехсот тысяч голов крупного рогатого скота и семидесяти тысяч лошадей. В перспективе же численность овец может быть доведена до шести миллионов, крупного рогатого скота — до 350 тысяч, лошадей и вер-

Весенний сев.

блюдов — до 100 тысяч. Самая главная и самая прибыльная отрасль животноводства — овцеводство. Доходы тут достигают 80 процентов всей реализуемой животноводческой продукции.

На юге Казахстана находятся крупнейшие в стране каракулеводческие хозяйства. По своим качествам — шелковистости, рисунку и носкости — казахстанский каракуль считается лучшим в мире. Это черный и серый каракуль, цветная шкурка каракульчи и, наконец, гордость советского каракулеводства — сур — шкурки золотисто-коричневых и других изумительных расцветок. Серебристые, платиновые, бронзовые шкурки давно завоевали признание на мировом рынке. Они экспортируются почти в сорок стран.

В Голодной степи, на самой границе с барханами Кызылкумов, живут и трудятся чабаны совхоза «Чимкурган» — одного из старейших каракулеводческих хозяйств. Сотни тысяч каракульских смушек отправил он на пушные аукционы, десятки тысяч овцематок и племенных баранов передал другим хозяйствам республики. И несмотря на это отары «Чимкургана» из года в год растут, сейчас здесь содержится более 100 тысяч животных. Секрет преуспевания хозяйства в том, что от каждой сотни овцематок здесь получают по 150—170 и даже 200 голов молодняка! Никто в совхозе не удивится, если иная овца принесет за один окот семь ягнят.

Никакого чуда тут нет. Просто наши чабаны не только используют многовековой опыт содержания овец, но и умело применяют достижения современной науки. Раньше о пастухе в деревне говорили, как о человеке, которого, мол, сам господь бог обделил. Коль ничего не можешь делать, ни к чему не способен больше — бери кнут и шагай себе за скотиной. Теперь человек, ухаживающий за скотом, — самый уважаемый в хозяйстве. Он пользуется не меньшим почетом, чем механизатор.

Далеко за пределы «Чимкургана» шагнула слава об Азимхане Шахабаеве — еще сравнительно молодом чабане, получившем впервые в совхозе от каждой ста овцематок по 206 ягнят. Это не счастливая случайность, не какое-то там особенное везение. Это итог вдумчивой, напряженной работы чабана, в которую он вкладывает и знания, и умение, и много сил.

Почти круглый год — и в изнуряющий зной, и в леденящую стужу — чабан в степи с отарой. Но Азимхан находит время и для учебы. Сначала экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости, а когда понял, что знаний все же маловато, поступил на заочное отделение сельскохозяйственного института. Он хочет стать дипломированным чабаном, имеющим высшее образование! Может быть, кое-кому это покажется странным: зачем простому пастуху диплом об окон-

чании вуза? А если вдуматься, то поймешь, что ничего здесь удивительного нет. Всего лишь добрая примета нашего времени, потому что растущему животноводству знающие, думающие, наконец, высокообразованные кадры становятся нужны не меньше, чем в любой другой отрасли промышленности.

Такие, как Азимхан Шахабаев, не единицы. Не хуже показатели и у его коллеги из совхоза «Тимурский» Тугунбая Бердалиева, и у других отличных мастеров овцеводства. Тягаться с ними нелегко. У Тугунбая Бердалиева, например, из года в год самый большой выход молодняка, самый лучший и дешевый каракуль. Приведем в подтверждение лишь несколько цифр: в 1961 году на каждую сотню овцематок знатный чабан получил по 155 ягнят, в 1963 — 173, а в 1964—218! Столько молодняка еще не получал в Казахстане ни один овцевод.

Цифры эти говорят о том, что Тугунбай шел к своему «рекорду» постепенно, поднимаясь все выше и выше. В «Тимурском» о нем говорят с уважением: «Это профессор своего дела».

Послушаешь Тугунбая, когда он беседует с молодыми чабанами, и действительно — профессор! Достоинство его в том и заключается, что работает он вместе со всеми в одинаковых условиях. Никто не выделяет ему «персональных» пастбищ, никто не подбирает специально отары, не устраивает погоду по заказу. Условия одинаковы, а вот подход к делу другой — мудрый, научно обоснованный.

Животноводы хорошо знают, что нет лучше и питательней корма для скота, чем люцерна. Но Тугунбай и тут вносит свои поправки. Вот, например, как поучает он своих помощников:

— Мед, как вы знаете, сладкий, полезный, но если человека кормить все время только медом, то он ему так надоест, что один его вид будет ему претить. Овцам, как и людям, тоже нужна смена вкусовых ощущений. Вот я и делаю так: попасу часок-другой по люцерникам, потом гоню отару на естественные пастбища, где растут другие травы. В отличие от сочной люцерны они к тому времени становятся сухими. Полынь, кроме того, имеет еще и горьковатый привкус. После люцерны овцам это как раз и нравится. К тому же в полыни содержится сантонин. Об этом чабану забывать тоже нельзя. Овцы в моей отаре, например, никогда не болеют.

Как проста эта чабанская, истинно народная мудрость, подсказанная опытом! Знать, не зря к мастерам овцеводства идет на выучку после окончания школы сельская молодежь, а комсомол Казахстана взял шефство над этой важной отраслью животноводства.

Самым крупным из вновь созданных совхозов в Чимкентской области стал ближний сосед «Тимурского» — совхоз «Актюбин-

ский». Здесь скоро будет сто тысяч овец и коз, много крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов. Пастбища хозяйства расположены в удобных местах, хорошо обводнены, так что чабаны «Ак-тюбинского» думают серьезно потягаться со своим знаменитым соседом.

Каждый новый совхоз — до 1970 года их будет создано в республике 246 — это восемьдесят-сто тысяч голов одних только овец. Сумеют ли казахстанские пустыни и степи прокормить их? Бесспорно, если и здесь действовать разумно, по-хозяйски.

Мы не только строим новые совхозы, но и расширяем и улучшаем сами пастбища, делаем их, если так можно сказать, культурными. Ученые утверждают, что в Кызылкумах и других наших пустынях можно выращивать десятки кормовых трав: и люцерну, и суданку, и ячмень, и многие другие. Нужно только дать иссушенной земле воду. За годы пятилетки в республике намечено обводнить 38 миллионов гектаров пастбищ, из них только в низовьях Сыр-Дарьи 4 миллиона. Вот как будут выглядеть пастбища совхоза «Кызылкумский». Для него отведено 534 тысячи гектаров, из них 2,4 займут пашни, 0,4 — сенокосные угодья и 434,9 тысячи гектаров — выпасы. В Красных песках уже переливается синим цветом люцерна, серебрится овсяница, выбросил крохотные шапочки клевер.

По воле советских людей Красные пески становятся щедрой землей. Но об этом разговор еще впереди.

НА «ПОГРАНИЧНОЙ» ЗЕМЛЕ

Поезд подходит к станции Арысь. Это оживленный перекресток железных дорог, ворота в Сибирь и Среднюю Азию. Круглые сутки звучат на стальных путях паровозные гудки, проносятся длинные вереницы составов. Поток пассажиров и грузов так велик, что рядом со старой Арысью пришлось создавать еще одну — Арысь-П.

Турксиб...

Сегодня само это слово почти вышло из употребления. Лишь иногда кто-нибудь из жителей Алма-Аты обронит нечаянно в разговоре это слово, имея в виду большой благоустроенный санаторий «Турксиб», чудесные сады которого раскинулись в предгорьях Заилийского Ала-Тау близ казахской столицы. И для большинства пассажиров скорого поезда, следующего по маршруту Москва — Ал-

ма-Ата, эти стальные рельсы, то пролегающие на подступах к горным кручам, то убегающие в неоглядную даль песчаной пустыни, представляются одним из отрезков Казахской железной дороги, протянувшейся на многие тысячи километров по древней казахской земле.

Строительство Турксиба — одна из замечательных и самых героических страниц в истории не только Казахстана, но и всей Советской страны.

Решение важнейших задач реконструкции народного хозяйства СССР настоятельно требовало быстрого развития путей сообщения и в первую очередь крупного железнодорожного строительства. 3 декабря 1926 года Совет Труда и Оборона СССР принял постановление о строительстве Турксиба — Туркестано-Сибирской железной дороги, которая должна была соединить сибирские железные дороги с Ташкентско-Оренбургской магистралью, связать Казахстан с районами Сибири и Средней Азии. По огромной территории, большей частью пустынной и полупустынной, должен был пройти новый стальной путь, которому предстояло возродить к жизни обширнейший край с его колоссальными природными ресурсами. Сегодня мы можем смело утверждать: не будь в свое время предпринято это грандиозное строительство, развитие экономики и культуры Казахстана задержалось бы на многие годы.

Около двухсот миллионов рублей — колоссальную по тому времени сумму — ассигновало Советское государство на строительство Турксиба. Это была важнейшая общесоюзная стройка, и печать всего мира трубила о фантастичности большевистских планов, предсказывая им «неминуемое крушение».

Ранней весной 1927 года одновременно с двух направлений — от Семипалатинска с севера и от станции Луговой с юга — начались строительные работы.

Строители Турксиба были вооружены ломом и лопатой, носилками и тачкой. Перед ними лежало почти полторы тысячи километров мертвой пустыни.

С первых дней строительство Турксиба приняло всенародный характер. Москва, Ленинград, Днепропетровск, Харьков и другие города страны направляли на ударную стройку квалифицированных рабочих разных профессий, наиболее опытных инженеров и техников. В разгар строительства на сооружении Туркестано-Сибирской магистрали насчитывалось почти сорок тысяч рабочих, многие из которых были вчерашними кочевниками. Показательно, что большая часть строителей Турксиба за время строительства магистрали овладела рядом железнодорожных профессий, о которых

в казахской степи даже не слышали. И Турксиб, таким образом, превратился в замечательную школу подготовки национальных рабочих кадров. В этом огромное значение великой стройки для всего последующего развития республики.

25 апреля 1930 года, на семнадцать месяцев раньше намеченного правительством срока, сомкнулись стальные рельсы Турксиба и по новой железнодорожной магистрали открылось сквозное движение поездов. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР коллектив строителей Турксиба был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

На 1445 километров протянулись стальные рельсы Турксиба. Они пролегли по огромной территории, где до этого не было никаких современных путей сообщения и единственным средством передвижения были верблужьи караваны. И там, где пролегли рельсы Турксиба, возникли новые города и промышленные центры. Турксиб сыграл огромную роль в преобразовании экономики и развитии культуры обширных районов страны и республики. Он стал подлинной кузницей для многих строек и промышленных предприятий Казахстана.

Через Арысь «среднеазиатскую» теперь можно попасть в Ташкент, Бухару и Красноводск. От Арыси «казахстанской» дорога круто поворачивает налево к востоку. Через полтора-два часа мы будем в областном центре — Чимкенте — городе зеленых садов и крупных промышленных предприятий. А там меньше суток езды и до столицы нашей республики. Но мы еще успеем побывать с вами, читатель, и в Чимкенте, и в Алма-Ате. А пока, простившись с попутчиками по вагону, поторопимся на станцию Арысь-1, куда вот-вот должен подойти поезд, следующий до Ташкента.

Небольшое отклонение от основного маршрута позволит нам побывать в самом южном районе Казахстана — Сарыагачском. Его хлопковые поля и виноградники вплотную подходят к границе Узбекистана. Их разделяет лишь небольшой арычок, возле которого любят посидеть за дружеской беседой после рабочего дня и казахские и узбекские колхозники. Тихое журчание воды не нарушает мирного разговора соседей о видах на урожай, об артельных делах, о том, что творится на белом свете.

Полвека назад межа на поле и та была враждебной границей, разделявшей не только земельный надел, но и людские сердца. Царские слуги искусственно натравливали один народ на другой, сеяли между ними вражду. И случалось, что жалкий клочок пашни становился источником горя и ненависти для многих поколений.

В мире и дружбе живут советские народы-братья, народы-соседи. Исключительным актом такого дружелюбия, в котором ярко выразилась ленинская национальная политика, была безвозмездная передача Казахстаном части Голодной степи Узбекской ССР. Ради общих интересов. Ради общего блага.

Географические границы между братскими республиками в наше время пересечены не полосатыми шлагбаумами и колючей проволокой, а линиями электропередач, магистральным газопроводом; они проходят по общим пастбищам и лугам, по общим хлопковым полям и садам.

В вагоне, где мы устроились, слышится русская, узбекская, казахская речь... Тут все равны. Все понимают с полуслова друг друга. А за окном совсем иная картина, чем та, которую мы видели несколько часов назад. Плоскую буро-желтую равнину точно кто-то отсек ножом. Зеленеют поля люцерны. Геометрически ровно вычерчены серебряные линии каналов, окаймленные стеной пирамидаль-

Уборка сахарной свеклы.

ных тополей. Они стоят не шелохнувшись, как гигантские знамена, завернутые в чехлы.

Мелькают аккуратные домики в яблоневых и абрикосовых садах. Развертывается, уходя за горизонт, широкая лента шоссе. Обгоняя невозмутимых осликов, бегут одна за другой машины, доверху груженные небольшими ящиками. На мгновение вас обдает тонким ароматом южных плодов, согретых солнцем.

Сарыагачский район самый теплый в Чимкентской области. Когда в Северном Казахстане еще бушуют метели и на Иртыше с пушечным гулом трескается лед, здесь уже во всю цветет миндаль и зеленеют поля. В середине сентября, когда в целинных областях завершается уборка урожая, южане ведут полным ходом озимый сев. Исключительно благоприятные климатические условия, большой вегетационный период для развития культурных растений позволяют тут выращивать по два урожая зерновых в год, брать несколько укусов люцерны и других кормовых трав.

Хлеборобы Сарыагача на практике доказали, что в условиях Южного Казахстана будешь с урожаем, если посеешь с осени, когда земля получает больше влаги. «Под зиму» у них ежегодно уходит более семидесяти процентов посевов. Они дают в среднем урожай на три центнера больше, чем по весновспашке. А что такое три центнера в масштабах района? Более миллиона пудов зерна.

Хлебные массивы занимают в Сарыагаче богару, а лучшие поливные земли отданы хлопку. Осенью, когда раскрываются коробочки, кажется, что на поля выпал снег. Вокруг белым-бело, только жаркое солнце и темно-зеленые тополя напоминают о том, что мы на юге. В эту пору пустынные улицы колхозных сел и совхозных поселков. Все от мала до велика на уборке хлопка. По белоснежному полю плывут голубые комбайны — хлопкоуборочные машины. Машина машиной, но нельзя сбрасывать со счета, особенно в самые напряженные дни, искусные руки сборщиков. Ведь такие руки, как, например, у Тажи Махамбетовой из совхоза имени Карла Маркса, во время уборочной страды в день собирают почти по двести килограммов хлопка. За сезон это горы «белого золота»! Разве не скажешь после этого, что у Тажи золотые руки?

В казахстанском хлопководстве сарыагачцам принадлежит первое слово. Добрая половина «белого золота», которое республика дает стране, выращивается на полях района.

Хлопчатник любит не только тепло, но и труд, затрачиваемый на него. Это самая трудоемкая культура. У хлопкороба круглый год хоть отбавляй забот. Только кончил уборку, надо удобрить почву,

поднять зябь. Пришла зима — сделай запас органических удобрений, завези туки. Ну а весной — самый разгар полевых работ. Надо очистить оросительную сеть, поделаться палы на полях, предназначенных для влагозарядковых поливов, «напоить» и «накормить» землю перед севом. Одним словом, хлопот полон рот.

Давно уже механизированы вспашка, сев, культивация и другие трудоемкие работы. Но много еще хлопка убирается вручную. А убрать нужно быстро, чтобы волокно не испортилось. Каждому кусту приходится «кланяться» не один раз: не все коробочки лопаются сразу, в один день.

В Узбекистане, который полвека назад был страной полурабского колониального труда, созданы первые отечественные высокопроизводительные и удобные хлопкоуборочные машины. Теперь они успешно применяются и на полях Южного Казахстана. С каждым годом их становится все больше и больше. В новом пятилетии сарыагачцы решили выращивать хлопок, используя полную комплексную механизацию труда. Земледельцы юга получают целый «арсенал» нужной им техники. В умелых руках она поможет поднять урожайность «белого золота» и почти в два раза снизить его себестоимость. А искусные руки Тажи Махамбетовой и других сборщиц пригодятся и тогда. Они будут водить комбайны, если уже не водят, — ведь время идет вперед так стремительно! И то, что вчера было лишь мечтой, сегодня становится реальностью.

Хлопковые поля, прорезанные оросительными каналами, обрамлены тузовыми насаждениями. Шелководство тоже немаловажная отрасль сельского хозяйства Казахстана, а коконы тутового шелкопряда, собранные в Чимкентской области, не уступают знаменитым ферганским.

К аромату яблоневых садов примешивается чуть горьковатый запах миндаля. Трепещет в солнечных бликах бархатистый розово-щекый персик, клонится к земле под тяжелыми плодами гранат, сладостно томится под солнцем виноградные гроздья. Мы с вами, читатель, в совхозе «Капламбек». Знатки (а они знают, что говорят) в один голос заявляют: марочные вина «Капламбека» превзошли знаменитые испанские и французские. Труд совхозных виноградарей и виноделов отмечен на международных конкурсах многими золотыми и серебряными медалями. В «Капламбеке», например, создана совершенно новая марка вина «Мускат фиолетовый», отличающийся сильным и приятным запахом казанлыкской розы. Две золотых медали завоевал коллектив совхоза в Югославии за «Мускат розовый», не уступающий по вкусу и аромату прославленным крымским мускатам.

Но «Капламбек» производит не только вина. Ежегодно, даже зимой, совхоз отправляет в промышленные центры республики тысячи тонн свежего винограда. Его получают к новогоднему столу и хлеборобы целинных областей, и шахтеры Караганды, и металлурги Рудного. Представьте себе: за окном который день неистово бушует метель, а на вашем столе лежат виноградные гроздья, подернутые сизой дымкой и еще хранящие солнечное тепло.

На праздничном нашем столе рядом с винами-медалистами «Капламбека» — фиолетовым и розовым мускатом, с легким десертным «Ак-булаком» будут стоять бутылки с целебной водой из сарыагачских источников. Сарыагач — всего лишь небольшая точка с булавочную головку на карте Казахстана. Но сколько интересного можно о ней рассказать!

ОТ ЖАРКОЙ ПУСТЫНИ ДО АРКТИКИ

Из «Капламбека», не заезжая в районный центр, мы сможем на попутной машине добраться до Чимкента. Ехать туда лишь около ста километров по отличному асфальтированному шоссе.

Машина то и дело ныряет в ажурную тень деревьев, за которыми виднеются глинобитные дувалы. На невысоком, застланном коврами помосте возле придорожной чайханы сидят древние старики и медленно тянут из расписных пиал зеленый чай. Так и кажется, что сейчас вот появится откуда-то на своем ослике никогда не унывающий Ходжа Насреддин, опустит в прохладный арык усталые ноги и расскажет завсегдатаям одну из тех удивительных историй, которая приключилась с ним в Бухаре. Но не то что Ходжу, даже ослика редко когда увидишь на этом оживленном участке автострады. Мы обгоняем тяжелые «ЗИЛы», груженные огромными мешками-канарами. Это труженики Келесской долины посылают стране плоды своего труда — хлопок. К 1970 году производство его в Южном Казахстане удвоится.

Автомобильная магистраль Ташкент — Алма-Ата, по которой мы сейчас едем, проложена на месте старого Ташкентского тракта. Полвека назад это был единственный путь между двумя городами.

Бурной весной 1920 года из Ташкента в Верный (нынешнюю Алма-Ату) ехал на перекладных от станции к станции чапаевский комиссар писатель Дмитрий Фурманов. «Вон — далеко-далеко, за открытой пустынной равниной, — торопливо записывает он в поход-

ном дневнике, — сверкают ослепительно в солнечном блеске снежные хребты Тянь-Шанских гор. До них так близко и так далеко! А впереди по пути будут еще и вязкие глинистые топи и буйно провашиевшие горные реки, сбитые мосты, величавые скалы, и на горных высотах еще не раз скуют нас прощальные морозы, закрутят последними буранами бешеные ветры гор. Всего будет: об этом просят местные знатоки.

Почти до самого Чимкента тянется холмистая степь. Справа синеют далекие горы, слева шумит спелым колосом пшеничное поле, через шоссе серой лавиной движется отара. Чабан, еще совсем молодой человек, поглядывает на часы. Скоро полдень — самое жаркое время дня, когда овцам надо передохнуть в холодке у реки.

Богата и своеобразна природа Южного Казахстана. Мы уже побывали с вами в самой настоящей жаркой пустыне. Затем перенесли в край «белого золота» и янтарного винограда. Интересно, что здесь в одно и то же время отдаленные всего лишь какими-нибудь десятью километрами наливаются солнечным соком абрикосы и бушуют по-сибирски свирепые снежные ураганы. Вся южная часть Чимкентской области занята мощными горными хребтами Тянь-Шаня. Ослепительно сверкают на солнце вечные снега и ледники. За день тут можно проследить все времена года. У подножия «прилавок» гор ветви гнутся под тяжестью созревших плодов. Здесь уже позднее лето. На альпийских лугах, покрытых сочными травами, хозяйничает осень и бывают снегопады. На остроконечных вершинах неистово бушуют снежные вьюги — там суровая зима.

Эту смену времен года и природных ландшафтов особенно интересно посмотреть в заповеднике Аксу-Джебагалы, раскинувшемся на северных склонах Таласского Алатау. Его сравнительно небольшая территория занимает по вертикали четыре ландшафтных пояса: тут и степь, где весной встречаются желтые и красные тюльпаны необычных размеров (длина их лепестков достигает 13 сантиметров), и луга с зарослями дикого миндаля, где звонкие, как флейта, голоса синих птиц — выходцев из Индии — сливаются с шумом норовистой реки; чуть выше в горном лесу свободно разгуливают белокоготные медведи. В отличие от своих собратьев они вегетарианцы, питаются фруктами. Выше 2200—2300 метров обитают горные козлы и снежные барсы. На темных скалах, покрытых ледяной изморозью, сидят нахохлившиеся бородачи-ягнятники. Крутые, обрывистые склоны покрыты рисунками и надписями. Аксу-Джебагалы — своеобразная картинная галерея, оставленная нам далекими предками. На скалах высечены фигурки людей и домаш-

них животных. Одна из зарисовок рассказывает, как женщины доят кобылиц, другая — о выпасе скота. Эта каменная книга имеет исключительную научную ценность. По ней можно «прочитать» о том, что много тысячелетий назад здесь, в Южном Казахстане, уже была оседлая жизнь.

Подъем на вершины Тянь-Шанских гор — своеобразное путешествие из жаркой пустыни Кызылкумов в ледяное безмолвие. Такое нелегкое путешествие и совершают каждый год чабаны со своими отарами. С равнинной степи, где скот проводит обычно зиму, его перегоняют вслед за сошедшим снегом в горы. Постепенно овцы поднимаются выше, в альпийскую зону, где ждет их богатый корм и спасение от летнего зноя. Осенью, как только ударят первые заморозки, скот спускается с гор. Дальше путь его снова лежит в долины, к зимним пастбищам. Так повторяется истари из года в год. «Конвейер» действует безотказно.

В степях Южного Казахстана растет цитварная полынь — дармина. Серебристая ветка этой горькой травы украшала до революции герб старого Чимкента. До последнего времени вырабатываемый из дармины сантонин составлял определенную статью дохода в бюджете республики. Но время идет, и на смену лекарственным препаратам, заготовленным самой природой, приходят синтезированные химической промышленностью.

Однако как бы далеко ни шагнула химия, человек еще не скоро откажется от лекарственного сырья, дарованного самой природой. Не так давно ученые на юго-востоке республики нашли еще одну разновидность полыни, во много раз превосходящую свойства дармины. Есть здесь и другие целебные травы, которые, как и встарь, продолжают служить человеческому здоровью.

РОЖДЕННЫЙ ЗАНОВО

Спустившись с холма, шоссе пересекает юго-западную часть Чимкента. Местные жители называют ее «старым городом» скорее всего по привычке. От старого «азиатского» Чимкента, существовавшего уже восемь веков, сохранилось лишь несколько путаных улочек. Окна глинобитных домов смотрят в тесные дворики. Из-за высоких дувалов свешиваются ветки, отягощенные персиками.

Чимкент (по-казахски — Шимкент) дословно означает «земляной», «дерновый» город. На протяжении многих веков основным строительным материалом здесь, как и в узбекских поселениях,

была глина. На глинистом холме, господствующем над городом и фруктовыми садами, можно увидеть развалины кокандской крепости — ломаную линию округлившихся, заросших травой валов и следы широких рвов. Сохранился здесь памятник русским солдатам, павшим при взятии города 22 сентября 1864 года.

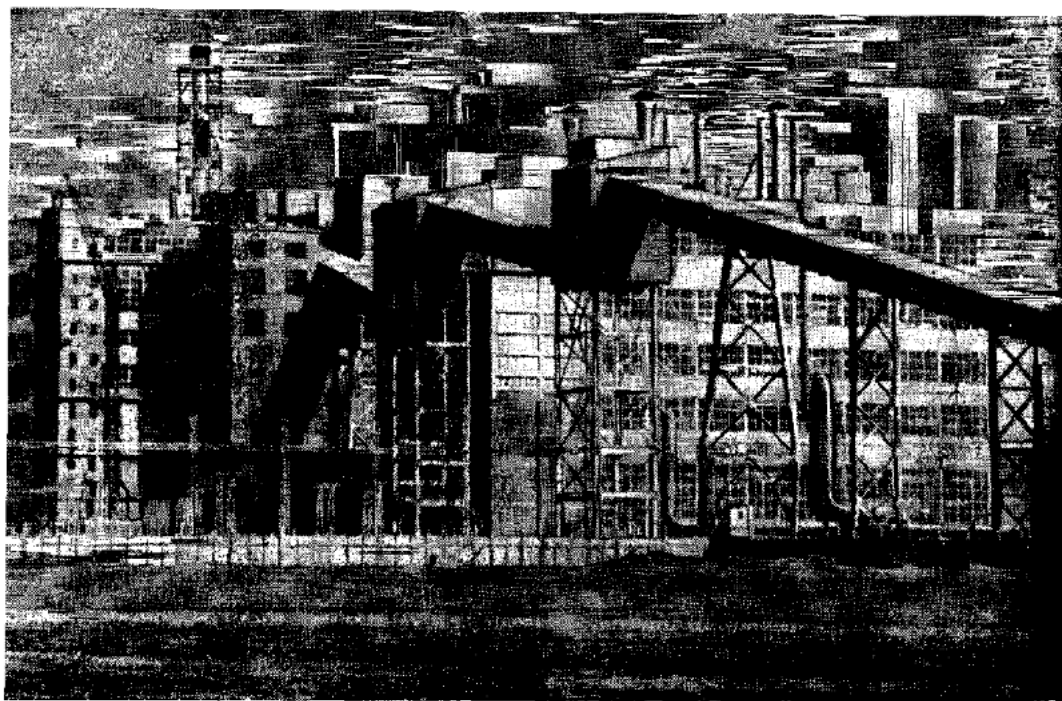
Вплоть до Октябрьской революции Чимкент оставался типичным азиатским городом с пыльными и кривыми улицами, с низкими «безглазыми» домами. П. И. Шрейдер в книге «По окраине», опубликованной в 1893 году, писал: «Сам по себе город Чимкент, после 20-летнего его завоевания, оставался тем же кишлаком, каким и был. Образовался, правда, русский городок или, вернее, поселок с уездным управлением, почтовой конторой, телеграфной станцией и несколькими домиками частных лиц, неведомо откуда пришедших. Вывеска с надписью «Винная торговля», конечно, занимает одно из первых аристократических мест». А вот, так сказать, официальная справка о Чимкенте, которую можно найти в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона: «Жителей здесь 12 441... Домов в русской части города 105. Церквей православных — две, мечетей — 34».

Напрасно было бы искать в солидном словаре какие-либо сведения о культурной жизни «дернового» города, о его промышленности. Их по-настоящему-то и не было. Правда, два предпринимчивых купца — Иванов и Савенков — решили создать небольшое сантонинное производство — благо дешевое сырье находилось в изобилии рядом с городом. В полутемных и сырых цехах сорок человек за гроши вырабатывали полупродукт, который отправляли для дальнейшей доработки в Германию. Свет хотя и не ближний, но дело оказалось прибыльным — тароватые купцы, подсчитывая капиталы, довольно потирали руки.

Сантонинным заводом, несмотря на карликовые размеры и примитивную технику, было положено начало промышленному производству в Чимкенте. А его рабочие оказались в первых рядах мужественных бойцов за Советскую власть.

В 1921 году В. И. Ленин подписал постановление Совета Труда и Оборона «Об организации управления Чимкентского сантонинного завода». На базе его был создан крупнейший химико-фармацевтический завод, выпускающий препараты тридцати различных наименований. Сюда приезжают изучать передовую технологию химии из ГДР, Венгрии и других стран.

Перед главным входом в обширные светлые цеха укреплена мемориальная доска, напоминающая о революционном прошлом: «Здесь в ноябре месяце 1917 года под руководством большевиков

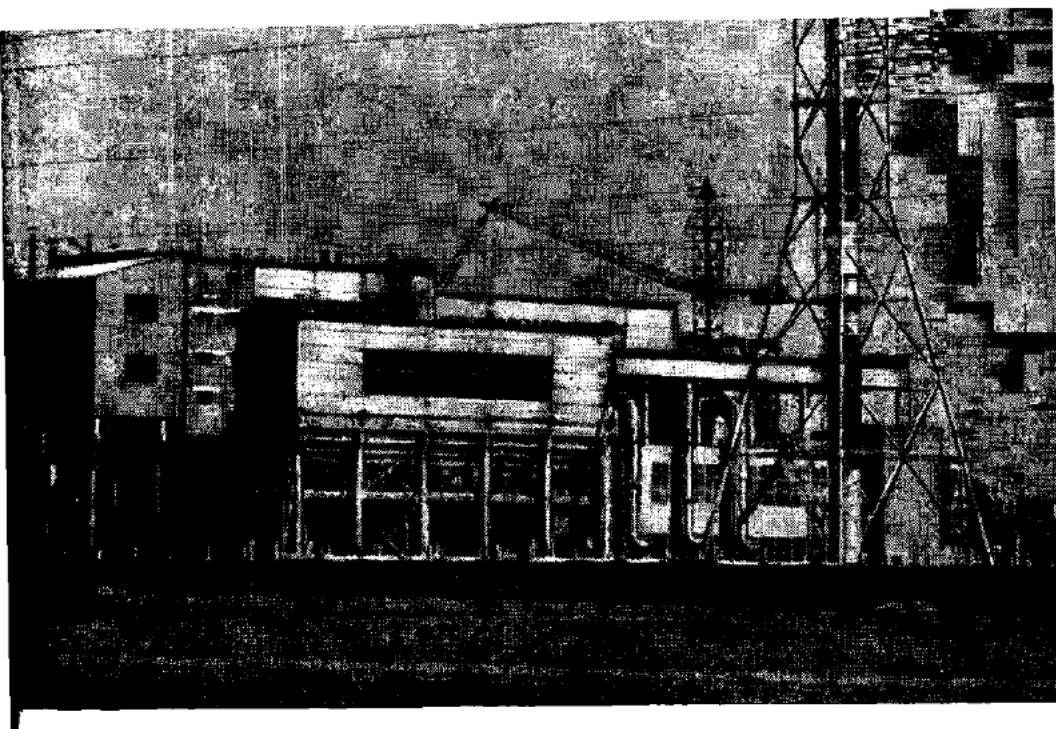

была создана первая боевая дружина, боровшаяся за установление Советской власти в городе Чимкенте».

Постоим перед ней несколько минут в молчании, вспомним тех, кто, не жалея жизней, сражался за то, чтобы «земляной» Чимкент стал социалистическим, городом заводов и фабрик, школ и вузов.

Второй по «возрастному цензу» завод Чимкента после химико-фармацевтического — свинцовый. Ему всего тридцать лет, но трудовой славы металлургам не занимать. Она родилась еще тогда, в годы первой пятилетки, когда поднимались корпуса завода, она росла и крепла вместе с ним.

Поговорите с любым из ветеранов свинцового завода, ну хотя бы с плавильщиком Д. Рахимбергеновым, и он расскажет вам много любопытного. Начать с того, что серебристые слитки металла с мар-

Чимкентский завод фосфорных солей.

кой «ЧСЗ» сейчас получают свыше четырехсот предприятий страны. Продукция Чимкента — десятки видов и сортов цветного металла — имеет большой спрос и во многих зарубежных странах. В 1939 году завод был удостоен ордена Ленина. Он был первым в республике промышленным предприятием, заслужившим такую высокую награду. В Великой Отечественной войне чимкентский свинец обрушивался на врага смертоносным ливнем.

Свое тридцатилетие завод встретил еще более помолодевшим. Появились новые цехи, новые отрасли производства. А самое главное — неизмеримо возросли мастерство и культура производства. Чимкентцы научились извлекать металл даже из... аэрозолей. На заводе создан специальный цех по переработке пыли соседних металлургических цехов. Дело в том, что пыль эта очень ценна. В ней содержится около пятидесяти процентов свинца. Переработать за-

грязненный воздух — значит не только очистить его от вредных примесей, но и на целых шесть процентов поднять извлечение свинца на заводах Советского Союза. А шесть процентов в масштабах страны — многие сотни тысяч тонн ценного металла, необходимого и для мирной промышленности, и для обороны.

В довершение всего, из пылей, кроме свинца, извлекаются и такие редкие металлы, как теллур и кадмий. Совершенная технология позволяет получать их с достаточной эффективностью.

Еще один новый цех — сернокислотный. Он также почти целиком работает за счет «воздуха». Для производства серной кислоты используются сернистые газы металлургического производства, которые раньше, не находя никакого применения, отравляли атмосферу.

Не так уж давно производство свинца считалось очень трудоемким делом, а на отдельных участках и вредным для здоровья. Прежде чем получить металл, нужно было пролить сто потов. Агломерат в плавильный цех поступал в вагонетках, запряженных обыкновенными лошадьми. Загружали его в печи вручную. В большом ходу были лом и молоток.

А теперь? На помощь металлургам пришли механизация и автоматизация, прогрессивная технология. Лошадей заменили бесшумные электровозы. Канули в Лету лом и кувалда. Погасли мазутные форсунки, дающие много чада и копоти. Первыми в цветной металлургии страны чимкентцы стали широко использовать природный газ. Это и экономит заводу четыреста тысяч рублей ежегодно, и оздоравливает производство.

Не за горами день, когда в любом цехе свинцового завода можно будет появиться в светлом костюме без риска испачкаться. В цехе чистых металлов уже сейчас работают в белых халатах.

Чимкентский свинцовый завод имени М. И. Калинина ныне один из крупнейших в Советском Союзе. Вместе с ними росли, совершенствовались свое мастерство люди. Неграмотным пареньком пришел на стройку завода из степного аула тот же Рахимбергенов. Настоячиво осваивал пытливый молодой казах новую сложную профессию, о которой прежде в степи и понятия не имели. Вечерами упорно учился. Постепенно, овладев производством, стал старшим плавильщиком и теперь учит других своей ответственной профессии. Немногословный этот человек прославил себя делами. Он удостоен звания Героя Социалистического Труда. У Рахимбергенова сотни учеников и последователей. Знатных людей немало и на других предприятиях Чимкента. Ближайший сосед свинцевиков — завод прессов-автоматов. Для металлургов он больше чем хороший сосед.

Это заводы-побратимы. Породнились они в военную зиму 1941 года, когда чимкентские свинцевики разместили на своей территории машиностроителей, эвакуированных из древнего русского города Воронежа. Станки и оборудование монтировались прямо под открытым небом и временными навесами.

Во втором томе «Истории Отечественной войны» опубликована интересная фотография. Подпись под ней гласит: «На строительной площадке одного из эвакуированных заводов. Стены еще возводятся, а станки уже работают (Казахстан, 1942 год)».

Ветераны-машиностроители утверждают, что на снимке изображен именно их завод, завод прессов-автоматов. В феврале 1942 года, спустя два месяца после переезда в Чимкент, он выдал первую продукцию. Это были машины, незавершенные в Воронеже. Продукция для фронта и сельского хозяйства шла прямо с «колес». Кузнечный молот натужно ухал тогда среди огородной ботвы на берегу тихой степной речушки, петлявшей в зелени садов.

Теперь чимкентские машиностроители отправляют свою продукцию более чем в сто городов Советского Союза, в Индию, Польшу, Корейскую Демократическую Республику, Судан, Чехословакию и многие другие страны.

В годы войны между заводом прессов-автоматов и городом был обширный пустырь, где паслись козы. Распугивая их, прямо в пожелтевшую, высушенную южным солнцем траву приземлялись легкие самолетики с грузами и немногими пассажирами из отдаленных и пустынных районов области.

На бывшем пустыре, одетом в асфальт и свежую зелень газонов, растет новый микрорайон, который жители в подражание москвичам называют уже Чимкентскими Черемушками. Он действительно подстать «главным» Черемушкам Союза — московским. Размах, конечно, поменьше, а в остальном много общего. Здесь предусмотрены все удобства для жильцов. В красивый ансамбль объединены четырех- и пятиэтажные дома с хорошо продуманной планировкой квартир, с магазинами и столовыми, школами и детскими садами. Закладывается учебный городок, где разместятся технологический и педагогический институты, техникумы, студенческие общежития и база спортивного общества «Наука».

Чимкентским градостроителям приходится решать сложные задачи. Сама жизнь вносит серьезные поправки в их планы. Предполагалось, что к 1970 году население города увеличится до 180 тысяч человек. Но оказалось, что уже сейчас в областном центре живет гораздо больше людей. В ближайшие годы число жителей возрастет до 250 тысяч. Фактически это уже будет два новых Чим-

кента. Вот и приходится архитекторам и строителям пересматривать почти заново планы и расчеты.

Над Чимкентскими Черемушками, куда ни помотришь, заметнулись башенные краны. Почти каждый день тут справляют новоселье. На главном проспекте, соединившем две части города, можно увидеть таблички: «Дом коммунистического быта». Это значит, что тут поселились люди, следующие во всем коммунистической морали. Кто же они? Машиностроители и металлурги. Строители и учителя. Представители многих профессий, каких не знал дореволюционный Чимкент.

Кстати, теперь на проспекте Германа Титова вместе с прилегающим к нему микрорайоном живет почти пятнадцать тысяч человек. Ровно столько, сколько было в 1907 году во всем городе.

Чимкент — самый южный из областных центров Казахстана. Южнее самой Алма-Аты. Как ни в каком другом городе республики, здесь чувствуется дыхание Средней Азии. Большую часть года над его зелеными улицами безоблачно ясное небо, по-южному щедро даже ранней весной греет солнце. Почти круглый год неумолчно журчат арыки, струятся через весь город спокойные речушки с темной водой. Человека, впервые попавшего в Чимкент золотой осенью, поражает обилие фруктов. Душистыми персиками, солнечными гроздьями винограда, шафранными яблоками завален весь базар. Выбирай, пробуй, угощайся!

Мы только что посетили новый район Чимкента. Но, оказываясь, у него есть еще и «новейшая» часть. Для того чтобы побывать там, надо пересечь на автобусе из конца в конец весь город. На восточной окраине Чимкента сложился крупный промышленный район, представленный цементным заводом, заводом фосфорных солей и другими предприятиями. Они высоко, с достоинством несут чимкентскую марку.

Так, последняя вращающаяся печь или, как говорят производственники, «технологическая нитка» была пущена на цементном заводе четыре года назад, а он уже дал сотни тысяч тонн продукции. За пятилетие новостройки получают около десяти миллионов тонн чимкентского цемента. К концу 1970 года мощность завода возрастет до двух миллионов тонн. Это эшелон длиной в добрую тысячу километров!

Молодое предприятие не только наращивает мощности, но из года в год повышает производительность труда рабочих. Вот характерные цифры: в 1959 году на каждого рабочего завода вырабатывалось 350 тонн цемента, в 1965 — 1369, а в 1966 — уже 1438 тонн. Одновременно снижалась и стоимость цемента. В 1959 году

она составляла почти 19 рублей, в 1965 — 9 рублей 15 копеек, а в 1966 — 8 рублей 54 копейки. Снижение за каких-нибудь пять лет более чем в два раза. Неплохо!

За успехи в выполнении заданий семилетки Чимкентский цементный завод награжден орденом Трудового Красного Знамени.

А теперь, читатель, заглянем хотя бы ненадолго на завод фосфорных солей. Светло-серые громады его корпусов видны далеко в степи. Предприятие это своего рода уникальное — другого такого в нашей стране пока нет. Его главная продукция — элементарный фосфор, получаемый самым экономичным и эффективным способом — электротермической обработкой руд. Это основа основ для производства концентрированных удобрений. Спрос на них колоссальный. Потому-то и ожидают с таким нетерпением пуска в строй второй очереди завода работники нашего сельского хозяйства.

Одновременно завод станет выпускать мощные средства. Это позволит заменить и ежегодно экономить сотни тысяч тонн животных жиров. Что касается сырья для производства продукции, то его хватит в избытке. Рядом с Чимкентом — фосфориты Каратау, которыми можно «прокормить» не один такой завод-гигант.

Потребуется много времени да и места, чтобы рассказать о всех промышленных предприятиях Чимкента. Их около пятидесяти. Тут плавят серебристый металл и выделяют лучший в мире каракуль, ткнут пряжу и строят умные машины. На заводе «Электроаппарат», например, был сконструирован аппарат, возвращающий человеку речь. Это небольшая пластмассовая трубка, напоминающая курительную. Миниатюрный вибратор соединен с таким же миниатюрным генератором на полупроводниках, питающихся от батарейки карманного фонаря. АИР-1 (так называется этот аппарат) как бы заменяет утраченные голосовые связки, восстанавливая первоначальный тембр голоса.

Каждый год на географической карте нашей республики появляются новые города. Только за семилетку их построено 20. Но одновременно с ростом новых городов идет и обновление таких древних городов, как Чимкент. О нем с полным основанием можно сказать: рожденный заново.

И это, читатель, тоже одна из счастливых примет нашего времени!

ПО СЛЕДАМ ДМИТРИЯ ФУРМАНОВА

Прямо перед нами километр за километром опять бежит асфальтированная лента шоссе. Слева и справа пшеничные поля, виноградники, сочная зелень свекловичных плантаций. Нет, это не та пустынная равнина, о которой писал когда-то Фурманов. Каждый клочок земли возделан любовно, используется с умом, по-хозяйски.

Трудно поверить, что где-то совсем рядом за кромкой горизонта, на севере лежат пески Муюнкум. Но и они сейчас обживаются. На землях этих — крупный животноводческий район. Строятся новые совхозы и межколхозные центры — небольшие городки в пустыне.

Впереди показалась колонна машин. На их радиаторах лежит тяжелая оранжевая пыль. Ею густо припудрены и люди, сидящие в кабинах. Видно, издалека ехали.

Из кабины, отряхиваясь, вышел молодой казах в синей косоворотке с перекинутой через плечо походной сумкой. Широко улыбаясь, он протянул руку и назвал себя.

— Начальник автопоезда добрых услуг!

Универсальный этот автокараван выехал из областного центра на далекие участки отгона. В нем есть клуб, магазин, парикмахерская и даже зубо-врачебный кабинет на колесах. С автопоездом едут мастера-закройщики, врач и фотограф. Ведь до ближайшего фотоателье в пустыне не меньше пятисот километров! И, конечно же, каждый такой «караван» сопровождает концертная бригада. Чабаны любят и ценят хорошую песню и острое слово.

Простившись с автопоездом, мы едем дальше. Скоро Джамбул. У этого города большая история, насчитывающая пятнадцать столетий. Полторы тысячи лет назад там, где ныне расположен современный Джамбул, на знаменитом «шелковом пути» из Средней Азии в Китай стоял город Тараз. Его постигла печальная участь Отрара. Руины Тараза обнаружены археологами уже в советское время на том месте, где сейчас находится базарная площадь. При раскопках найдены керамическая посуда, бронзовые статуэтки, полустертые монеты и разные предметы домашнего обихода.

В конце XVIII века на месте древнего Тараза возник заштатный городишко Аулие-Ата. Таким и застал его Фурманов.

«В густые вечерние сумерки подъезжали к Аулие-Ата. Последние версты до окраины города, где разбросалось киргизское кладбище, изрезаны оврагами, исполосованы узкими щелями в песчаных скатах, испещрены глубокими зияющими норами. Здесь лю-

бимые волчьи места. Совсем близко к дороге подступают густые заросли мелкого кустарника, опоясано кустарником и киргизское кладбище. Рассказывал Климыч, будто здесь совсем недавно волчья стая бросилась ввечеру на верхового киргиза, и на утро от гнедой кобылки нашли только горсть волос, а от несчастного наездника — дырявые, старые баретки. Мы невольно после этих милых рассказов похватались за оружие и в первую улицу засыпающего города так и въехали с револьверами наготове».

Гигантским указательным пальцем упирается в вечернее небо серая труба, густые клубы дыма плывут над степью. Шоссе круто поворачивает, и нашему взору открывается типично индустриальный пейзаж: заводские корпуса, ажурные башенные краны, линия высоковольтной передачи, размашисто шагающей через степь. Мимо промчался автобус с табличкой: «Сахарный завод — Суперфосфатный завод».

Лесная полоса, пронизанная заходящими лучами солнца, отделяет суперфосфатный завод, крупнейший в Средней Азии, от рабочего поселка. Двухэтажные дома, окрашенные в розовые и кремовые тона, придают ему праздничный вид. Широкая, обсаженная с обеих сторон молодыми тополями улица ведет ко Дворцу культуры.

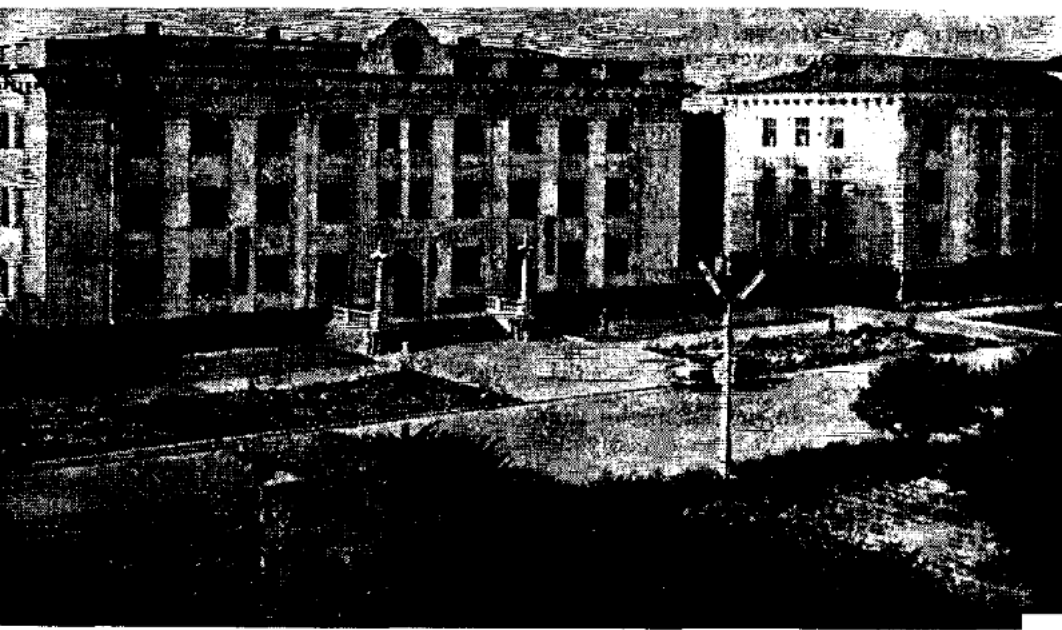
В современном Джамбуле особенно ощутимы контрасты: прошлое причудливо переплетается с сегодняшним днем. Над плоским куполом древнего мазара поднялась стрела башенного крана; рядом строится большой жилой дом. Свернув с главной, одетой в асфальт улицы, попадаешь в иной мир: узкие, пыльные улочки, глинобитные домики в густой зелени садов. Но это — наследие далекого прошлого Джамбула. Его настоящее — социалистические городки на окраинах. Они-то и делают его молодым.

Помнится одно заседание в новом здании театра из стекла и бетона — там проходил слет свекловодов области. В 1965 году джамбулцы вырастили миллион тонн «сладкого корня», в два раза больше, чем в первом году семилетки.

Плодородные лессовые почвы предгорий, воды горных рек, обилие солнечного света делают сахарную свеклу Южного Казахстана по своей сахаристости лучшей в стране: из одного центнера свеклы можно получить пуд сахара.

В президиум слета была избрана пожилая женщина. На ее жакете Звезда Героя Социалистического Труда и четыре ордена Ленина. Это одна из лучших свекловичниц области Сандыбала Онгарбаева.

У нее крепкие, огрубевшие от работы руки, какие бывают у людей, всю жизнь имеющих дело с землей. Но нередко выступает Сан-

дыбала и перед народом — учит молодых тому, чего достигла сама. Рассказали нам о ней такой случай.

Как-то позвонили из города в дальний колхоз. Сообщили, что вечером приедет к ним лектор. Из этого следовало, что нужно предупредить людей, подготовить собрание, а время было горячее — самый разгар полевых работ.

Председатель колхоза, не дослушав, повесил трубку, ругнулся в сердцах. Но вечером людей в клубе собрал. Дисциплина! Стол красной скатертью застлали, графин с водой поставили. Сидят, ждут, а докладчика нет! Расстроенный председатель пошел звонить в город. По дороге попадают ему две девушки из свекловичного звена: идут с песнями.

Председатель к ним.

— Почему не на лекции?

Девушки смеются. Самая бойкая отвечает.

Город Джамбул. Площадь имени Ленина.

— А мы ее прослушали!

— Где?

— В поле!

Тут только председатель заметил Онгарбаеву.

— Не ты ли, — говорит, — Сандыбала, тот самый лектор?

— Выходит, я.

— На старости лет записалась в ораторы?

— Почему на старости, — смеется женщина, — я моложе тебя на целых пять лет!

А ему, председателю, уже за шестьдесят.

Совсем неважно, что Сандыбала не умеет говорить, по ее выражению, «красно». Зато за плечами у нее тридцать лет работы звеньевой в колхозе «Красная звезда». У нее есть чему поучиться.

Триста тысяч центнеров «сладкого корня» вырастило звено другой знатной свекловичницы — Тамары Абдуллаевой — в колхозе

«Восток». Для того чтобы перевезти всю выращенную этими женщинами свеклу, потребовалось бы десять тысяч грузовиков!

Тамара Абдуллаева тоже Герой Труда. Золотая звезда украшает грудь и этой скромной женщины.

Высокие урожаи свеклы в области — это не только рекорды отдельных звеньевых, это труд многих и многих. Джембулцы соревнуются за то, чтобы получать отличные урожаи на больших площадях. И сейчас не только отдельные звенья, но и целые колхозы получают из года в год по четыреста, а то и по пятьсот центнеров свеклы с каждого гектара.

Мелькают по сторонам поля и сады, виноградники и свекловичные плантации. Трепещет на ветру флажок над полевым вагончиком. Пахнет скошенной люцерной. Стога стоят у шоссе, за ними лежит кромка песков. Неподалеку от барханов пасется большое стадо: коровы аулие-атинской породы лоснятся круглыми боками, точно вымытые.

Через дорогу серыми волнами перекатываются овечьи отары. За ними движется целый поезд: гусеничный трактор тянет большую платформу. На ней разобранный остов юрты, сундуки, обитые желтой жестью, груды цветных одеял. Свесив голые ноги, сидят ребяташки, один из них, постарше, прижимает к груди приемник «Родина». Совхозные животноводы переселяются на летние высокогорные пастбища — джайлау.

46 лет назад где-то здесь на Семиреченском тракте Дмитрий Фурманов тоже встретился с караваном. Об этой встрече, оставившей у него тягостное впечатление, писатель рассказал в «Мятеже».

«Навстречу, по узкой дороге, один за другим колышутся бурые невозмутимые верблюды; и на их горбатой спине, и на тощих костистых боках навешаны узлы, понатыкана домашняя утварь: это караваном уходят семьи дунган из верненских степей. Впереди только вожатые — в цветных кафтанах, в широких поясах, на манер цыганских, в легких причудливых шапочках: они идут рядом с верблюдами и выкрикивают резким голосом какие-то незнакомые, непонятные нам угрозы. За верблюдами, на повозках, запряженных лошадьми, — дунганки, молодые и старые, черномазые ребяташки с блестящими карими глазами... Улыбаются нам с повозок и что-то кричат незнакомое, непонятное. Мужчины проходят молча, без звука, без улыбки».

Кто знает, может быть, именно после встречи с караваном беженцев Фурманов записал в своем путевом дневнике следующие строки: «Нищета непередаваемая. Терпение изумительное, граница

щее с омертвлением, полной бесчувственностью и самой ужасной неслыханной нуждой».

Давно ли, кажется, все было? Давно и недавно. Рядом с Семиреченским трактом легли стальные рельсы Турксиба. Старые почтовые станции Учбулак, Акыртюбе, Луговая, Мерке, сохранив свои названия, стали или районными центрами, или крупными железнодорожными пунктами.

Стальные пути связали областной город с фосфоритоносным бассейном Каратау. Еще старые кочевники рассказывали о чудесах «жемисти тас» — камня плодородия. Рассказы эти передавались из поколения в поколение. Шел как-то в Бухару караван с товарами. Остановился на ночевку в предгорьях Каратау. Уже стемнело, и погонщики не могли отыскать сразу удобное место для ночлега. Один из них — молодой парень — спустился в ущелье и на самом дне его удивленно заметил бледный огонек — светился «жемисти тас». А когда погонщик присмотрелся лучше, то оказалось, что розоватые огоньки блестят по всему ущелью.

Утром караван двинулся дальше. Смекалистый парень набрал полный мешок розовых камней. Останавливаясь на пустынных пастбищах, погонщик развязывал мешок и бросал «жемисти тас». И на этом месте наливались медовым соком арбузы и дыни, поднимались в рост человека травы.

Когда караван возвращался обратно, погонщики долго искали загадочное ущелье, подарившее людям камень плодородия, но все оказалось напрасным — «жемисти тас» бесследно исчез. И только в наше время геологи снова обнаружили его. Руда лежит в невысоких горах почти на поверхности. Запасы самого крупного месторождения Джанатас при добыче семи миллионов тонн фосфоритов в год обеспечат работу рудника и дробильно-сортировочной фабрики на 40 лет. А ведь в бассейне разведано далеко не все. Не исключена возможность, что там окажется фосфоритов в полтора-два раза больше, чем обнаружено сейчас.

В народе Каратау сравнивают с одnogорбым верблюдом или с огромной черной домброй, струнами которой изредка печально позванивает стремительный ветер.

Сегодня долина плодородия наполнена веселыми гудками машин, скрежетом ковшей могучих экскаваторов, рокотом моторов, многоголосым людским говором. Десятки эшелонов с фосфоритной мукой идут в разные концы Средней Азии. Но пока еще не добывается и десятой доли того количества сырья для химии, которое могут и должны дать руднику и фабрике Каратауского бассейна. Впереди небывалый размах строительства!

Новый и самый важный рубеж в бассейне — рудник Джанатас с комплексом дробления и сортировки фосфоритов. Это новое месторождение в десять раз больше, чем разрабатываемое сейчас Кара-тауское.

Розовые блики лежат на вершинах гор, а барханы Муюнкумов выглядят отлитыми из червонного золота! Постепенно они скрываются куда-то в сторону горы.

Впереди столица Киргизии — Фрунзе. В ее облике есть что-то схожее с Алма-Атой. Две столицы-сестры. Те же прямолинейные улицы-аллеи, те же светлые корпуса новых зданий, те же величественные горы, охраняющие подступы к городу.

Фрунзе встречает гостей, как и Алма-Ата, говором воды в арыках, зеленью садов и парков, пестрыми коврами цветов.

На протяжении многих веков живут рядом, бок о бок, два братских народа. Земли их разделяют могучие хребты Алатау и полноводная Чу, но сердца их слились воедино. Нам вспоминается одна короткая встреча во Фрунзе. Пожилой человек с черными, как смоль, волосами, с открытым лицом задумчиво говорил:

— Русские, казахи, киргизы — один большой дружный советский народ. Если в казахских степях построен новый совхоз, проложен новый канал, мы радуемся вместе с вами. Если на наших джайлау увеличились стада и железная дорога пришла в глубь Тянь-Шанских гор, разве не радостно становится от этой вести на сердце у казаха? Один народ, одно счастье...

Человек, сказавший это, — народный поэт Киргизии Аалы Токомбаев. Большой популярностью в республике пользуется его роман в стихах о совместной борьбе киргизов и казахов за свое счастье. Герой романа Алымкул, умирая, завещает своему другу:

Есть человек один. Его не видел я,
Он всех народов друг, он враг ярма и трона.
Дорогу указал он к вольности святой.
Для всех племен открыл он разум золотой!
Он — Ленин. Ты живи по ленинскому завету...

Когда столица Киргизии останется позади, машина домчит вас к пограничной реке Чу, дающей воду полям Южного Казахстана и Киргизии. На перилах моста через нее, на самой границе двух республик, примостились с удочками ребятишки: русские, казахи, киргизы.

Плотина дружбы. На поля Киргизии и Казахстана идет вода Чумышской плотины на реке Чу.

Первое, что встречает нас на казахской земле, — памятник Ленину. Он смотрит на синие горы. Впереди уходят далеко на север и восток безбрежные просторы Казахстана.

Шоссе стремительно убегает к поднявшемуся сизой стеной Курдайскому перевалу. Сглаженные зубцы его вершин загораживают путь. Сколько ветров приняли они на себя, сколько гроз прошумело над ними, но по-прежнему все такой же Курдай, незаметно в нем особые перемены, хотя жизнь вокруг так изменилась!

«Этот гигант взгромоздился тут на пути и разрезал его на две половины, — пишет Фурманов. — В теплые летние месяцы здесь горячий солнцепек, а вот зимой, когда гудит-бушует вьюга, к Курдаю лучше не подступаться. Тогда страшатся его даже привычные возницы-киргизы. На его хребтине такие разыгрываются метели, что дорогу не найти — нет ее, начисто заметает, и следа не сыщешь. Сугробы снежные движутся бураном и сюда и туда, в хрипах и столах, в свистах горного ветра не слышен голос человеческий. Забудь о помощи, заблудившийся путник. Тебя никто здесь не найдет, не услышит в буйном буране, и разве на счастье утром уж только откапывают под высокими рыхлыми наметами снега!»

И пусть не изменил с тех пор своего крутого нрава Курдай, но только не шагают по нему теперь одинокие путники, не пылят неуклюжие тарантасы и не покачиваются на верблужьих спинах осатавшие от бесконечного пути люди.

Днем и ночью там, где петляла по ущелью малопроезжая дорога, сейчас в любую погоду мчатся через перевал бесшумные «ЗИЛы» и «Победы», рейсовые автобусы да работяги-грузовики.

Дорогу, по которой торопился в Семиречье Дмитрий Фурманов с друзьями, не найти — она скрылась под ровным полотном асфальта, который и привел нас в районный центр — Георгиевку.

О Георгиевке в «Мятеже» ни слова, но и так все ясно. Даже отдаленно не мог походить этот раскинувшийся у гор районный центр с его библиотеками, клубами, кинотеатрами, книжными магазинами, со стоянкой легковых такси возле универсама на ту Георгиевку, через которую проезжал Фурманов.

Перелистываем страницу за страницей прекрасную, овеянную суровой революционной романтикой незабываемых лет книгу. И как бы слышим в неумолчном гомоне родниковых струй, в залихватском посвисте горного ветра далекий перезвон бубенцов, drobный перестук лошадиных копыт.

Наверное, в ту весну вот также ласково светило солнце, также ослепительно сверкали горы и над Курдаем клубились белесые облака...

Фурманов спешил. Почти не останавливаясь, даже не ночуя на редких станциях, проехал он последнюю часть долгого и трудного пути. Скорее в Верный!

Там, в незнакомом городе — центре огромной области, его, уполномоченного Реввоенсовета Туркестанского фронта, ждала новая напряженная работа, там назревали грозные события, о которых Фурманов расскажет спустя пять лет в своей нестареющей книге.

«Теперь уже до самого Верного, — читаем в «Мятеже», — не будет крупных центров вроде Пишпека и Аулие-Аты. Только села, аулы, белые мазанки-станции. И снова степь. И снова горы. Природа все строже, величественней и прекраснее. Влизится Курдай».

Не только аулы и одинокие станции приковывали к себе внимание Фурманова по дороге. К людям, их жизни присматривался он запоминающими все глазами. Ради людского счастья проделал большевистский комиссар свой путь в далекий Верный.

И вот мы в тех же местах, о которых писал этот пламенный человек, один из тех, кто возглавлял борьбу за Советскую власть, за новую жизнь в Семиречье.

Тот же Курдай, те же кручи гор нависают причудливыми громадами. А все основное, главное — люди, их жизнь, интересы, надежды, мечты — так далеко ушло вперед по сравнению с временем, описанным в «Мятеже», на такую поднялось недосягаемую высоту, что прошлое кажется неправдоподобным. Над Курдаем яркое солнце, под напором упругого ветерка колышутся тюльпаны, вьется по ущелью маслянистая лента шоссе, и где-то вдали гудят тракторы. С перевала в знойном мареве открываются желтеющие нивы и зеленые сады Семиречья. Перелистываем в последний раз «Мятеж». Слушайте, это о нем, о Семиречье, о его далеком будущем говорит чапаевский комиссар:

«Мы верим, что расправим здесь крылья, размахнемся в плодотворной творческой работе, обнажим и отдадим все, что накопилось, что было скрыто, что прибавилось за эти годы и что надо непременно израсходовать, отдать куда-то во вне, с кем-то поделиться накопившимся опытом, разрядиться в новой, пока неведомой работе».

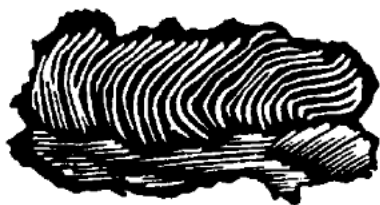
Так здравствуй, новый труд на новой ниве! Мы любим тебя в новой обстановке, в любых условиях. И всегда готовы отдать тебе всеми знаниями, всем накопленным опытом жизни, всем пылом молодости, всей горячей верою в нашу победу, в нашу неперенную победу».

И вслед за Фурмановым мы говорим, читатель:

Так здравствуй же, благодатная земля Семи Рек!

В Краю семи рек

ПУТИ-ДОРОГИ...

Широкая автомобильная магистраль, соединившая столицы трех братских республик — Ташкент, Фрунзе и Алма-Ату, — забегает на Курдайский перевал. Стремительная «Волга» легко берет последний подъем, мягко шуршит шинами по асфальту, накатанному здесь до зеркального блеска, и, не сбавляя скорости, начинает спуск в долину. Эта часть отличной дороги особенно любезна водителю сердцу. Прямая, словно натянутая струна, серая лента асфальта убегает вдаль, за горизонт, постепенно тая в туманной дымке.

Кстати, о казахстанских автодорогах, имеющих чрезвычайно важное значение в жизни республики. Дореволюционный Казахстан был краем ужасающего бездорожья. В казахской степи не было ни одного километра даже относительно благоустроенных дорог. В 1940 году в республике насчитывалась тысяча с небольшим километров автомобильных дорог с твердым покрытием, а к концу 1966 года общая протяженность таких дорог превысила 27 тысяч километров. В последнем предвоенном году автомобильным транспортом республики было перевезено 27 миллионов тонн грузов, а в 1964 году — 796 миллионов тонн.

Грузооборот автомобильного транспорта республики в предпоследнем году семилетки превысил двенадцать миллиардов тонна-километров, и в том же году автотранспортом было перевезено более миллиарда человек. И это в обширном пустынном краю, где полвека назад верблюд был почти единственным видом транспорта для подавляющего большинства населения.

Вот какие цифры и сравнения приходят на память, когда наша автомашина мчится по стокилометровой «стрелке», касаясь шинами раскаленного июльским солнцем асфальта. Что бы там ни говорили, а состояние автодорожного хозяйства и техническая оснащённость средств передвижения в современных условиях являются одним из важнейших показателей экономического и культурного развития страны.

Курдай настезь распахнул перед нами двери в Край Семи Рек, в один из благодатнейших уголков древней казахской земли. Впрочем, слово «уголок» не совсем уместно: ведь Алма-Атинская область, границы которой почти точно совпадают с границами дореволюционного Семиречья, занимает территорию в 223 тысячи квадратных километров и лишь немного уступает таким областям-великанам, как Карагандинская, Актюбинская и Гурьевская.

От пустынных равнин Прибалхашья на северо-запад до горных, покрытых вечными снегами хребтов Тянь-Шаня на юге раскинулся Край Семи Рек, щедрая, своеобразная земля, где можно встретить сибирский кедр и фантастическое дерево пустыни — черный саксаул, алтайского соболя и обитателя африканских пустынь, ящерицу диких размеров — варана, уловить взглядом мелькнувшую молнией тень снежного барса и часами наблюдать неторопливое движение черепахи по раскаленному песку.

Семиречье — край удивительных контрастов природы, где даже пешеход в течение одного дня может воочию познакомиться со всеми ландшафтными поясами и вдоволь ими налюбоваться.

Какой же выбрать маршрут, чтобы ознакомиться с этим привольным краем, составить хотя бы самое общее представление о жизни его людей, увидеть результаты их труда? Когда-то Семиречье с востока на запад прорезал единственный, совершенно разбитый тракт, по которому семиреченские казаки, промышлявшие извозом, за лето с превеликим трудом добирались из Ташкента в Семипалатинск. Ныне Алма-Атинскую область во всех направлениях пересекают автомобильные дороги, открывшие свободный доступ в самые отдаленные районы. Поэтому мы и предлагаем тебе, читатель-спутник, удобно разместившись в комфортабельном салоне «Волги», совершить вместе с нами путешествие по дорогам Семиречья.

чья. Пусть на Курдайском перевале, где даже в знойный летний полдень легко и прохладно от свежего горного ветра, друзья скажут нам напутственное «Счастливого пути» и мы, распрощавшись с ними, продолжим свое путешествие.

СТРАНА КОНТРАСТОВ

Джетысу... Край Семи Рек. Так называли когда-то казахи, кочевавшие в Илийской долине, эту часть степи. Кочевники не проводили, разумеется, точной инвентаризации всех водных источников. Или, Каратал, Лепсы, Тентек, Талгар, Тургень, Аксай... А сколько их еще встретится на пути — рек и речушек, безымянных ручьев... Разве в точном перечне дело? Главное подмечено: пожалуй, ни в одном другом районе Казахстана нет такого обилия водных источников, как в Семиречье. А где вода, там и жизнь.

Река Или.

Дорога сделала крутой поворот, и мгновенно исчезли с глаз, уплыли куда-то влево пологие отроги Чу-Илийских гор. Зато сразу на фоне безоблачного неба явственно выступили снежные вершины Зайлийского Алатау.

Дорога, почти вплотную прижимавшаяся к подножию горного хребта, отклоняется влево, полого сбегает на равнину, и перед нами в обрамлении пирамидальных тополей и непроходимых зарослей карагача большое село Узун-Агач. Много таких сел раскинулось в долинах Семиречья, в каждом есть свои достопримечательности, и жители каждого при первой встрече стараются поведать о чем-то своем, особенном, чего нет нигде больше. Достопримечательность Узун-Агача — каменный обелиск, воздвигнутый сто лет назад на высоком холме. На месте большого села тогда еще не было ни одной глинобитной кибитки, но здесь разыгрались события, оказавшие решающее влияние на последующую судьбу Края Семи Рек. Вблизи этого холма небольшой отряд русских солдат наголову разбил многотысячное войско кокандцев, что означало конец владычества Кокандского ханства на этой благословенной земле. В память об этом событии, происшедшем в 1860 году, и воздвигнут каменный обелиск.

Это событие давно минувших дней, и оно, на первый взгляд, не могло иметь и не имело никакого отношения к тому, что происходит ныне в Джамбулском районе, административным центром которого является село Узун-Агач. Весной 1966 года в селах и аулах Джамбулского района из уст в уста передавалась весть: «Воды реки Курты пошли на поля!». На многоводной в вешнюю пору и начисто пересыхающей летом речушке Курты в течение последних лет и днем и ночью не смолкал гул машин. Здесь строилось водохранилище емкостью 120 миллионов кубических метров. Когда чаша заполнится до проректной отметки, куртинской водой можно будет напоить почти пятнадцать тысяч гектаров ранее пустовавших земель. А пока новое рукотворное море приняло в свои берега 22 миллиона кубометров воды, которой хватит для орошения семи тысяч гектаров земли, никогда не знавшей плуга.

Из множества событий, волнующих сегодня тружеников Джамбулского района, мы выбрали одно: вступление в строй нового гидроузла. Выбрали не случайно: нет сегодня в Семиречье, как и во всех южных районах Казахстана, более важной проблемы, чем

В теплице-лаборатории
Казахского института земледелия.

развитие орошаемого земледелия. Особенно важна она для Алма-Атинской области, так как здесь исключительно благоприятны условия для быстрого роста площади орошаемых земель и повышения урожайности всех сельскохозяйственных культур, и дело лишь за тем, чтобы разумно использовать эти возможности. В Семиречье сегодня делается очень многое для развития орошаемого земледелия и широкой мелиорации земель, а завтра будет делаться неизмеримо больше. Вот и проследи, читатель-спутник, связь между каменным обелиском на холме в селе Узун-Агач и первыми миллионами кубометров воды, заполнившей чашу нового гидроузла.

На нашем пути весь в зелени и цветах город Каскелен. Как и у всякого города или села, у Каскелена своя неповторимая биография. Перевернем всего лишь две ее страницы, повествующие о том, что было вчера и что происходит сегодня.

Год 1920-й. Июнь. В Верном, тогдашнем административном центре Семиреченской области, вспыхнул белогвардейско-кулацкий мятеж против молодой, еще не окрепшей Советской власти. Ликвидацию мятежа возглавляет писатель-большевик, бывший комиссар легендарной Чапаевской дивизии Дмитрий Фурманов. Ожесточенный бой, происшедший ночью между красноармейцами и белогвардейско-кулацкими мятежниками на подступах к Каскеленской станции, был одним из эпизодов ликвидации мятежа.

Год 1966-й. Июнь. На взгорке, где когда-то врукопашную сходились защитники и враги Советской власти, на территории Казахского института земледелия высится трехэтажное светлое здание Республиканской школы руководящих кадров совхозов и колхозов. Здесь проводится торжественный вечер, посвященный очередному выпуску слушателей школы. Успешно закончив учебу, десятки директоров совхозов и председателей колхозов возвращаются к выполнению своих высоких обязанностей. И каждый из них, вероятно, чувствует себя так, словно он вырос на целую голову, и не терпится каждому поскорее взяться за любимое дело.

Школа, где сегодня проводится очередной выпуск, неспроста построена на этом взгорке, в непосредственной близости от Каскелена. Несколько лет назад на этот обширный пустырь из Алма-Аты переехал Казахский научно-исследовательский институт земледелия, ведущее учреждение сельскохозяйственной науки, роль которого в развитии земледелия в республике трудно переоценить. Обживать новые места ученым пришлось, как говорят, с первого колышка. А сегодня здесь раскинулся научный городок с просторными корпусами отделов и лабораторий. Тысячи гектаров отведены для научно-экспериментальной базы института. Рекомендации института по

многим принципиальным вопросам земледелия в условиях Казахстана получают широкое применение в хозяйствах республики. А то, что школа руководящих кадров колхозов и совхозов находится на территории института, служит еще одним доказательством неразрывной связи советской науки с жизнью.

Задумайся, дорогой читатель, над этими двумя страницами из биографии Каскелена!

Не сбавляя скорости, мчится птица «Волга» по асфальтированной глади автострады, рассеченной на две равные части зеленой полосой. Дорогам, что ведут к столице Казахстана, может позавидовать не один большой европейский город. Но не будем спешить: ведь по намеченному маршруту нам предстоит объехать хотя бы часть Края Семи Рек, прежде чем попасть в столицу республики, где у нас масса очень важных дел. И как бы ни манил нас большой гостеприимный город, будем продолжать путь по намеченному маршруту.

Километрах в десяти от казахской столицы машина круто сворачивает с автострады, и мы оказываемся на северном кольце широкой и благоустроенной автомагистрали, построенной недавно для того, чтобы разгрузить город от огромного потока транзитных автомашин. Слева высятся трубы Вурундайского сахарного завода. Построенное в середине тридцатых годов, это предприятие может представлять интерес лишь как первая в Казахстане новостройка пищевой промышленности. Что же касается его сырьевой базы, то о ней пойдет особый разговор. Но, простите, почему только разговор? Не лучше ли на месте, прямо на свекловичной плантации, познакомиться с делами семиреченских свекловодов? Тем более, что перед нами прекрасно возделанные поля колхоза «40 лет Казахской ССР» Илийского района — крупнейшего в стране свекловодческого хозяйства, имеющего к тому же высокоразвитое животноводство.

В 1966 году колхоз продал государству миллион центнеров сахарной свеклы, причем почти вся она была доставлена на заводскую площадку собственным автотранспортом, без привлечения дополнительных транспортных средств. Это очень существенная деталь, позволяющая судить о технической оснащенности сельского хозяйства Семиречья и всего Казахстана в целом. Поскольку зашла речь о механизации сельскохозяйственного производства, не лишне взять на заметку и такие факты из жизни сельскохозяйственной артели «40 лет Казахской ССР».

Несколько лет назад, при реорганизации машинно-тракторных станций, этот колхоз закупил у государства всю технику Илийской МТС, одной из крупных в республике. С тех пор количество машин

в колхозе увеличилось в два-три раза, а число механизаторов сейчас достигает семисот. А председатель колхоза Герой Социалистического Труда Ф. Г. Горкопенко полон беспокойства: «Маловато у нас машин... Мы бы с удовольствием прикупили десятки три тракторов, дюжину-другую свекловичных комбайнов, полсотни, а еще лучше, сотню грузовых автомобилей... Денег в колхозной кассе хватит...»

И мы хорошо понимаем председателя. У колхоза более ста тысяч гектаров земли (вместе с далекими участками отгонного животноводства), в том числе пять тысяч гектаров поливной пашни. Посевы сахарной свеклы, дающей главный доход, за последние два-три года расширились до двух тысяч гектаров, а в ближайшее время достигнут трех тысяч гектаров. На фермах десятки тысяч голов скота. Годовой доход сельхозартели близок к четырем миллионам рублей. Здесь давно введена гарантированная денежная оплата труда, и если говорить о заработках колхозников, можно привести такие, например, факты: средний месячный заработок звеньевой Ольги Мильке в прошлом году составил 276 рублей, а поливальщики Турсун Алиев и Хван Сан-чан зарабатывают по 170—180 рублей в месяц. Если сообщить, что в 1965 году стоимость основных производственных фондов колхоза определялась в 3 миллиона 326 тысяч рублей, а на пенсионное обеспечение колхозников правление артели внесло 111 409 рублей, то картина процветания колхозной экономики будет весьма убедительной. А ведь этот колхоз далеко не самое мощное хозяйство в округе. В Семиречье есть хозяйства, где и посевные площади побольше, и урожайность всех сельскохозяйственных культур (за исключением, правда, сахарной свеклы) выше.

Поливные земли Семиречья радуют пахаря отменными урожаями. В предгорных районах озимая пшеница «безостая-1» дает до шестидесяти центнеров с гектара, а общая посевная площадь здесь приближается к полутора миллионам гектаров.

По количеству крупного рогатого скота (почти шестьсот тысяч голов) Алма-Атинская область несколько уступает лишь Кустанайской и Целиноградской, а по поголовью овец давно вышла на первое место в республике: на попечении семиреченских чабанов сейчас находится более шести миллионов овец.

Отличительная черта сельского хозяйства в Краю Семи Рек —

Сбор винограда в Иссыкском совхозе.

это редкостное многообразие его отраслей, обусловленное разнообразием природных условий. Очень наглядное представление об этом дают цифры среднегодового производства сельскохозяйственных продуктов в текущей пятилетке. Вот они, эти цифры:

Зерно — миллион с лишним тонн. Сахарная свекла — 922 тысячи тонн. Картофель — 72 тысячи тонн. Овощи — 112 тысяч тонн. Плоды и ягоды — 24 тысячи тонн. Виноград — 38,5 тысячи тонн. Мясо — 158 тысяч тонн. Молоко — 224 тысячи тонн. Шерсть — 18 тысяч тонн. Яйца — 72 миллиона штук.

Какую огромную массу людей можно прокормить щедрыми дарами семиреченской земли!

НА НОВУЮ, ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ

При большом многообразии почвенно-климатических условий, характерном для Семиречья, очень трудно правильно определить главное направление, в котором должны развиваться производственные силы области, района, отдельного хозяйства. И семиреченцы в решении многих сложных вопросов планирования, организации и ведения сельского хозяйства исходят из очень правильных и принципиальных соображений: наилучшим образом использовать природные условия, наиболее полно удовлетворять потребности советских людей в высококачественных продуктах питания. Если ясна цель да выработалась у людей хорошая привычка думать, прикидывать, считать, не столь уж сложными становятся многие проблемы. В Краю Семи Рек в процессе развития крупного высокomeханизированного сельского хозяйства, созданного на месте казачьих наделов и зимовок кочевников-скотоводов, отчетливо выявились зоны специализации, свидетельствующие о том, что сельскохозяйственное производство поднялось на новую, высшую ступень.

С этой специализацией мы уже познакомимся, подъезжая по широкой, прямой, как стрела, автострате к казахской столице с запада. Обширная пригородная зона вокруг Алма-Аты — это зона крупных специализированных хозяйств, в которых выращивание овощей и разведение молочного скота является основной отраслью. За пределами этой зоны отдельные хозяйства, как, например, колхоз «40 лет Казахской ССР», специализировались на выращивании сахарной свеклы и, как мы видели, достигли в этом больших успехов. Забегая вперед, скажем, что вокруг города Талды-Кургана, где почвенно-климатические условия благоприятны для возделывания этой культуры, сложился еще один крупный район свекловодства.

Семиречье, таким образом, стало одним из важных районов страны по производству сахара. И давно уже сахар с маркой казахстанских заводов идет во многие республики, края и области Советского Союза и даже за пределы нашей страны.

Вот колхоз имени Мичурина. На фермах его из года в год получают рекордные надои, и каждое утро в сторону города мчатся вереницы желто-голубых молоковозных автоцистерн.

Приходилось ли вам курить ароматные сигареты «Ак-ку»? Так заглянем на табачные плантации Алма-Атинского табаксовхоза, где выращиваются лучшие в мире сорта табаков, благо для этого не понадобится даже съезжать с широкого асфальта шоссе.

Во всех концах Советского Союза известна слава алма-атинского апорта. Если вы не прочь полакомиться сочным яблоком, остановимся на территории совхоза «Горный гигант», разыщем главного агронома товарища Тэкуча, радушнейшего из садоводов и большого знатока плодоводства, этого чрезвычайно тонкого дела, требующего и настоящего призвания, и большого таланта. Он нам расскажет, что совхоз «Горный гигант» — одно из крупнейших садоводческих хозяйств нашей страны, что здесь уже сейчас с каждого гектара ежегодно снимают по 200—250 центнеров яблок, а к концу пятилетки фруктовые сады займут три тысячи гектаров, и годовое производство плодов достигнет пяти тысяч тонн.

Продолжая путь по дорогам Семиречья, двигаясь все дальше на северо-восток, мы вскоре окажемся у восточной границы Союза Советских Социалистических Республик. Здесь, в Панфиловском районе, названном так в честь героя Великой Отечественной войны, командира прославленной 8-й гвардейской дивизии генерал-майора И. В. Панфилова, расположен известный всей стране колхоз «40 лет Октября». Во многие республики, края и области СССР это хозяйство ежегодно поставяет семена гибридных сортов кукурузы, прокалиброванные на колхозном кукурузокалибровочном заводе. И со всех концов страны в колхоз «40 лет Октября» идут короткие письма, полные благодарности и восхищения.

За редкостные успехи в выращивании кукурузы и умелое руководство огромным хозяйством председателю колхоза Н. Н. Головацкому, бывшему старшине-пограничнику, недавно присвоено звание Героя Социалистического Труда. Этого почетного звания удостоена также звеньевая-кукурузовод этого колхоза М. Ниязова.

Пример передовиков всегда воодушевляет идущих рядом. Несколько лет назад колхоз «40 лет Октября» был единственным в районе хозяйством, где по достоинству оценили замечательные качества кукурузы, возделываемой на поливных землях. Теперь весь

Панфиловский район по праву называют кукурузной житницей Семиречья. За короткий срок посевы кукурузы на зерно здесь увеличились вдвое, а урожайность на гектар поднялась почти в три раза. Панфиловские кукурузоводы близки к рубежу, намеченному на конец пятилетки, — засеять кукурузой 28 тысяч гектаров, собирать в среднем с каждого гектара 55 центнеров зерна.

Солидно поставленное зерновое хозяйство и высокопродуктивное животноводство характерны для каждого утолка Семиречья, территория которого занимает без малого четверть миллиона гектаров. И вместе с тем в каждом районе есть что-то свое, особенное. В одном случае это отменные урожаи озимой пшеницы, а в другом — изумительные по размерам, весу, вкусовым качествам и красоте плоды апорта. У одних рачительных хозяев земля отлично родит кукурузу, а на бахчах у других вырастают такие арбузы, что два рослых джигита потратят немало усилий, прежде чем сумеют перекатить этакого «полосатого барина» через борт автомашины. В окрестностях небольшого города Уштобе на колхозных и совхозных полях растет такой лук, какого, наверное, не встретишь ни в одном районе страны, за исключением разве Иглинского района в Башкирии, поставляющего свой знаменитый лук в крупнейшие города Советского Союза. А в соседних — Андреевском и Саркандском — районах не без основания считают наидоходнейшей отраслью сельского хозяйства пчеловодство. С саркандскими и андреевскими пасечниками трудно спорить: пчеловоды Григорий Лавриненко, Степан Хижняк и Григорий Слесаренко из колхоза имени Карла Маркса каждый год собирают по тридцать, а то и пятьдесят центнеров товарного меда. А семиреченский мед, собранный крылатыми труженицами с ароматного разнотравья предгорий, издавна славится своими вкусовыми и целебными свойствами.

Одна из дорог Семиречья приведет нас в безбрежные голубые разливы, раскинувшиеся в среднем течении реки Каратал. Это залитые водой плантации Каратальской долины, на которых зреет обильный урожай серебряного зерна. В совхозе «Уштобинский» посевы риса занимают более двух тысяч гектаров и каждый гектар дает по 30—32 центнера риса-шалы.

Земледельцы и животноводы Семиречья за полвека созидательного труда сделали очень много для того, чтобы земля покорно отдавала человеку свои богатства. Об этом можно судить и по внешнему виду семиреченских сел и аулов с широкими, утопающими в зелени улицами, застроенными опрятными, будто только что покрашенными домиками с остекленной верандой, с водяным отоплением, которое не придется капитально переделывать, когда протя-

нут близ села «нитку» газопровода. А усадьба распланирована так, чтобы выгадать место и для гаража. Не успеет семирек подвести дом под крышу, а уже мастерит антенну телевизора и прикидывает, не узковата ли получается дверь, и пройдет ли в нее свободно книжный шкаф, который он уже присмотрел в сельском универмаге.

С особой силой чувство перспективы, свойственное в равной мере и руководителям областных, районных организаций, колхозов и совхозов, и рядовым сельским труженикам, проявляется в решении коренных проблем развития экономики и культуры. Проблемой номер один, или, как нередко говорят, сверхпроблемой, для всего Семиречья является орошение. Ведь только оно в условиях юга Казахстана может гарантировать получение высоких урожаев всех сельскохозяйственных культур и обеспечить планомерное развитие других отраслей сельскохозяйственного производства. Ясно представляя свой завтрашний день, семиреченцы не жалеют средств и труда на переустройство оросительных систем и строительство новых ирригационных сооружений. В новой пятилетке на водохозяйственное строительство и расширение орошаемого земледелия в Алма-Атинской области будет израсходовано 125 миллионов рублей, не считая средств, направляемых на эти цели колхозами. Широким фронтом развернулись работы на сооружении крупной ирригационной системы в Алакульском районе, где будет введено в хозяйственный оборот 30 тысяч гектаров новых земель. В соседнем Аксуском районе воду получают 16 тысяч гектаров ранее не орошавшихся плодородных земель.

В бассейнах рек Талгар и Каскелен много хорошей земли, пригодной для орошения. Здесь издавна существует поливное земледелие, но воду получает лишь незначительная часть сельскохозяйственных угодий. Такое же примерно положение в бассейнах рек Чилик и Тургень. Неоглядные массивы прекрасных плодородных земель и крайняя ограниченность водных ресурсов.

В том месте, где своенравные горные реки выходят на равнину, смиряя свой яростный бег, построено несколько водохранилищ емкостью от двух до десяти миллионов кубометров. Строится еще несколько более крупных. Но это не решение глущей проблемы: ведь годовой сток горных рек даже частично не покрывает потребностей хозяйств, расположенных в предгорьях. Где же выход?

Его подсказала сама жизнь. В верховьях реки Чилик огромные излишки воды. Здесь же находится гигантская Бартогайская котловина, в которую Чилик во время половодья сбрасывает миллионы кубометров воды. И вот уже претворяется в жизнь смелый, оригинальный

нальный проект: перекрыть гигантскую котловину плотиной высотой 70—80 метров, построить мощный водозабор. Здесь берет начало 170-километровый канал Чилик — Алма-Ата. На своем пути он пересечет горные реки Тургень, Иссык, Талгар, пройдет через Алма-Ату и дальше до реки Каскелен. Расход воды в канале — 70—80 кубических метров в секунду. Этого вполне достаточно, чтобы обеспечить на протяжении всего года равномерный сток четырех горных рек и правильное орошение на площади не менее 180 тысяч гектаров.

...Гремят в Бартогайской котловине гулкие взрывы, вспугивая пятнистых оленей, мирно щиплющих мягкую, сочную траву в непроходимых тугайных зарослях. И еще выше в горы, к самым ледникам, уходят бизоны...

Да, пятнистые олени и бизоны, те самые бизоны, которые водятся только в Беловежской пуще... Дело в том, что у Бартогайской котловины проходит граница Алма-Атинского государственного заповедника, являющегося одной из редчайших достопримечательностей Края Семи Рек. Сюда-то и были завезены несколько лет назад пятнистые олени с Южного Алтая и бизоны из Беловежской пущи. Редкие, ценные животные хорошо акклиматизировались в непривычных условиях, и по хорошо накатанной дороге, ведущей на высокогорные джайлау в верховьях бурной речушки Ассы, любят ходить к реке на водопой.

Колеса по дорогам Семиречья, останавливаясь на колхозных и совхозных полях и у чабанских юрт, мы видели много примет счастливого созидательного труда. Широчайшая автострада, проложенная на месте древнего Кульджинского тракта, по которому много лет назад с купеческим караваном уходил в Кашгарию первый казахский ученый и путешественник Чокан Валиханов, ведет в столицу Казахстана, куда лежит и наш путь. Но прежде чем отправиться в Алма-Ату, взглянем на Семиреченскую Волгу — многоводную, быструю Или, с которой связано будущее Края Семи Рек.

Мы — снова на Северном кольце Алма-Атинской окружной автомобильной дороги. Справа остается Алма-Атинский аэропорт с просторными павильонами из зеркального стекла и огромным летным полем, от которого каждые две-три минуты отрываются воздушные лайнеры, берущие курс во все концы необъятной советской земли. А вот Илийское шоссе.

Дорога стремительно убегает от предгорий Занлийского Алатау. Аллеи пирамидальных тополей сменяются нескончаемыми рядами мелколистного карагача, белой акации, серебристого лоха. Дорога

ведет в сторону Балхаша, в Прибалхашскую пустыню, где богатое Семиречье граничит с Карагандинской областью.

Новоилийск, будущий город-спутник Алма-Аты. За много километров видны огромные башенные краны, раскинувшие над улицами будущего города свои могучие руки-стрелы, но вот уж и он остался позади. Внимание! Мы едем по дну будущего Капчагайского моря (возможно, его назовут Алма-Атинским). Уже в нынешней пятилетке здесь будут мчаться не автомашины, а быстроходные морские катера или «Ракеты» на подводных крыльях.

В камышовых зарослях Прибалхашья.
Охотники на привале.

Суровые скалы Капчагайского ущелья, сквозь которое с приглушенным гулом несет свои мутные воды Или, чтобы отдать их Балхашу. Здесь строится Капчагайский гидроузел с мощной гидроэлектростанцией. Ее первые агрегаты начнут вырабатывать электроэнергию уже в конце текущей пятилетки.

Высотная плотина в Капчагайском ущелье — это лишь первый этап регулирования стока Или и разумного использования ее гигантских жизнетворных сил. Огромные массивы прекрасных плодородных земель, способных давать богатейшие урожаи, если их напоить водой, веками лежали по берегам Или, которая молчаливо несла свои воды в пустынное озеро.

Ниже Капчагая, где река разделяется на несколько рукавов и проток, будет построен еще один мощный гидроузел, рассчитанный исключительно на нужды орошения. В низовьях Или на Правобережье на сотни километров раскинулась равнина Акдала. Белая степь — так переводится с казахского это короткое и жесткое, как камень, название. Пустынная, выжженная солнцем земля.

Где-то здесь на двести квадратных километров раскинется зеркальная гладь водохранилища, а мертвую землю Акдалы прорежут оросительные каналы. Здесь будет построена одна из самых мощных в стране ирригационных систем, оборудованная по последнему слову современной ирригационной техники. Мертвые земли Акдалы станут крупнейшим районом рисосеяния. На сотнях тысяч гектаров раскинутся серебряные нивы, и тихий посвист степного ветра, никогда не стихающего над этими необозримыми просторами, будет звучать чудесным гимном созидательному труду человека...

Но обратимся снова в ту сторону, откуда мы недавно приехали и куда нам пора возвращаться. На благодатную землю неслышно спустилась ночь. Там, вдали, в сиянии лунного света сверкают снежные вершины горных хребтов Заилийского Алатау. У подножия их, в зелени и электрических огнях раскинулся большой современный город — столица Казахстана Алма-Ата.

**главный
город
республики**

и прекрасен в любое время года, наш чудесный город-сад Алма-Ата, первый город республики. Зимой, когда пушистый снег неслышно ложится на широкие проспекты; весной, когда столица наполняется ароматом цветущих садов; летом, когда в густой тени деревьев звенят говорливые арыки и ослепительно сверкают на южном солнце заснеженные хребты Алатау; осенью, когда наливаются медовым соком прославленный апорт...

С апортом многие связывают и само название города — Алма-Ата: «алма» в переводе с казахского — яблоко, «ата» — отец, Алма-Ата — «отец яблок».

Этот произвольный перевод получил широкое распространение, тем более, что Алма-Ата действительно может с полным правом называться городом яблок и яблоневых садов: знаменитый алма-атинский апорт получен местными селекционерами-плодоводами из сортов, привезенных еще в 1874 году из Воронежской губернии садоводом Редько, и уже в девяностых годах прошлого столетия в Верном было много садов. Между тем алма-атинские яблоки, какое бы восхищение

они ни вызывали, не имеют решительно никакого отношения к истории казахской столицы.

Еще в прошлом веке академик В. В. Бертольд обнаружил в предгорьях Заилийского Алатау развалины древнего городища Алматы. Этот небольшой населенный пункт, расположенный на важном караванном пути, много веков назад был хорошо знаком восточным народам. В тринадцатом веке город был до основания разрушен монголами. Но его выгодное расположение на большом торговом пути сыграло свою роль, и Алматы поднялся из руин. Первый казахский ученый Чокан Валиханов свидетельствовал: «Алмату... был известен по своей торговле и служил станцией на большой дороге».

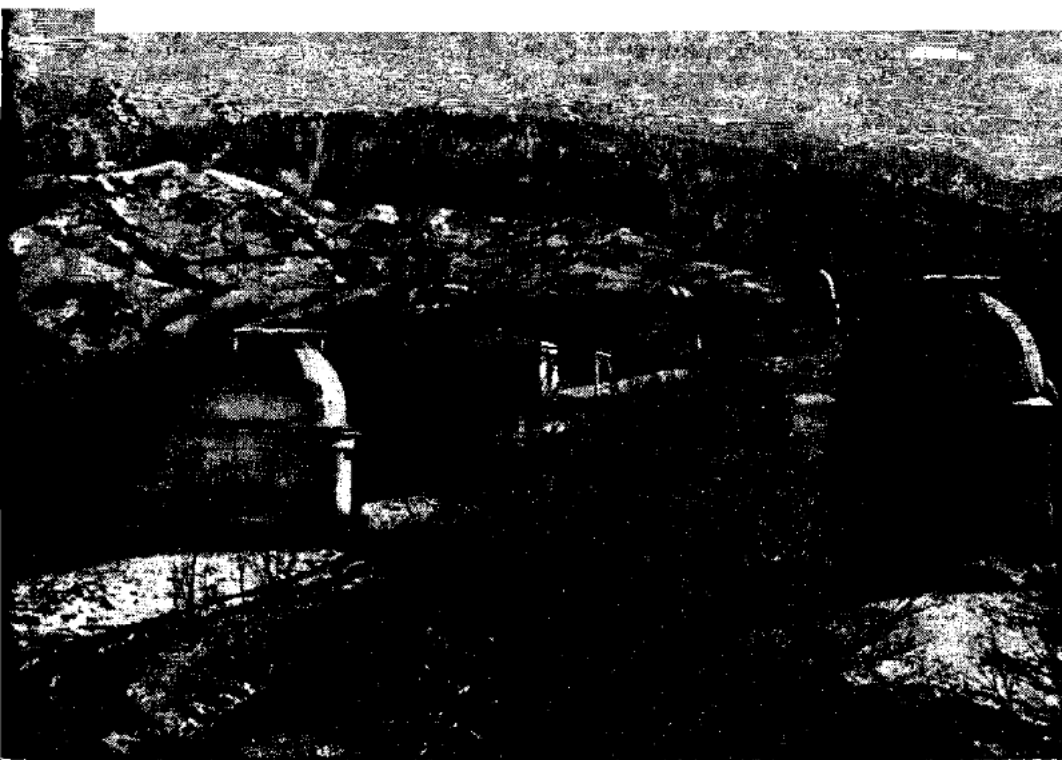
Здесь-то на пологих склонах предгорий Заилийского Алатау вскоре после добровольного присоединения Казахстана к России, в 1854 году, было заложено военное укрепление Верное — опорный пункт русских войск в борьбе с Кокандским ханством, позднее — губернский город, административный центр Семиреченской области.

Над городом, над его низкими деревянными домиками и глинобитными мазанками одиноко поднимались сверкающие на солнце кресты кафедрального собора. Это второе по высоте деревянное здание в мире составляло особую гордость верненцев. Сооружалось оно по проекту Андрея Павловича Зенкова. Военный инженер, или, как тогда говорили, «фортификатор», Зенков прославился тем, что строил быстро и надежно. 22 декабря 1910 года Верный в шестой раз за последние 140 лет пережил страшное землетрясение, которое было сильнее даже Мессинского. Были разрушены многие городские дома, но все здания, построенные талантливым архитектором, устояли, а на куполе собора лишь погнулся металлический крест.

После землетрясения Зенков писал в «Семиреченских ведомостях»: «Я верю в будущее, верю, что наш город украсится солидными, в несколько этажей, каменными, бетонными и другими долговечными строениями... При специальном устройстве фундаментов вполне допустимы конструкции грандиозных 30- и 40-этажных зданий.»

Мы увидим с вами, читатель, как сбываются ныне в нашей столице пророческие слова одаренного русского фортификатора, столь преданного любимому городу.

Несмотря на отдаленность от Москвы и русских промышленных городов, Верный был крупным для того времени центром общественной жизни. Здесь были мужская и женская гимназии, училище садоводства, лесная школа. Отсюда начинались маршруты многих экспедиций прославленных русских ученых-исследователей: Семе-

Высокогорная обсерватория института
астрофизики Академии наук Казахской ССР.

нова-Тян-Шанского и Федченко, Пржевальского и Северцева, Потанина и других. Здесь в 1856—1864 годах работал первый географ, этнограф и историк казахского народа Чокан Валиханов.

Летом в город приезжали на каникулы студенты из Петербурга, Москвы, Казани, Томска и других городов. В купеческом собрании местные артисты из «Общества любителей драматического искусства» играли водевили Чехова. В 1886 году состоялась публичная лекция Н. М. Пржевальского, только что вернувшегося из длительного, полного опасностей путешествия в загадочную Кашгарию.

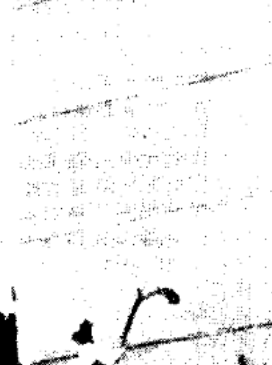
Но таких событий в культурной жизни города было не так уж много и касались они, конечно, далеко не всех верненцев. Кучугуры — так назывались трущобы на юго-западной окраине Верного, где ютилась русская и казахская беднота в трудных и изнуряющих заботах о хлебе насущном. Большинство рабочих-сезонников из переселенцев получали нищенскую зарплату. Не в лучших условиях находились и постоянные рабочие. Так, на табачной фабрике Романенкова за 10-часовой рабочий день взрослый получал 25 копеек, подросток — 15—20.

Но получить даже такую работу в городе, не имеющем развитой промышленности, оторванном бездорожьем от крупных центров, было нелегко. Верненский полицмейстер с тревогой доносил начальству: «В районе мясного базара рабочие, нанимавшиеся на поденную работу, собираются по утрам в большой массе — по несколько сот человек».

В городе появилось так много нищих, что местные власти вынуждены были обратиться к населению с просьбой не жалеть пожертвований в пользу «сырых и немущих». Но кружки для сбора пожертвований оставались пустыми, зато полицейские участки были забиты людьми, лишенными крова и средств к существованию! Где уж тут говорить о культуре, о грамотности населения! В конце прошлого столетия из 260 учеников местной гимназии 149 были детьми дворян и чиновников, 42 — духовенства и казацкого сословия, 17 — дети крупных баев. Детей же мещан, ремесленников и мелких купцов насчитывалось всего 48, а крестьян — 1. Дети последних попадали в гимназию только благодаря исключительным способностям, да и то с большим трудом. Верненскую гимназию удалось закончить М. В. Фрунзе — будущему пролетарскому полководцу, одному из основателей Советского государства. «Первое знакомство с революционными идеями, — пишет он в автобиографии, — я получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования».

Своим революционным прошлым особенно дорог нам старый Верный. Самоотверженно и упорно подготавливали почву для победы Октября ссыльный питерский рабочий Павел Виноградов и семиреченский казак-большевик А. П. Березовский, славные сыны казахского народа Токаш Бокин и Ташен Утепов, рабочий-слесарь К. В. Овчаров. В ночь на 3 марта 1918 года рабочие, революцион-

Памятник Амангельды Иманову.

ные солдаты и казаки, трудовое население Верного и аульная беднота взялись под руководством большевиков за оружие. Восставшие овладели крепостью, захватили почту, телеграф и другие учреждения, разоружили школу прапорщиков и алаш-ордынскую сотню. Над Верным взвилось красное знамя Советов.

Забота о народном благосостоянии, о просвещении трудящихся масс стала одной из неотложных задач молодой Советской власти с первых же дней ее установления в городе.

Вскоре после победы социалистической революции открылась первая в городе казахская школа и подготовительные курсы, готовившие молодежь к поступлению на рабфак. С 1929 года Алма-Ата — столица Казахской Советской Социалистической республики — и в школах города уже обучается около 6000 детей — почти в два раза больше, чем в 1913 году. Открываются новые школы, техникумы и библиотеки.

Ныне каждый четвертый житель столицы Казахстана — школьник или студент. В городе 180 школ и 12 высших учебных заведений. В здании бывшей мужской гимназии, где когда-то учился М. В. Фрунзе, — один из многочисленных факультетов Казахского Государственного университета имени С. М. Кирова. Рядом с ним педагогический институт имени Абая — первое высшее учебное заведение во всей многовековой истории казахского народа.

Когда-то великий поэт и мыслитель Абай мечтал о просвещении своего отсталого народа как о несбыточном счастье. Педагогический институт, названный его именем, за 35 лет своего существования подготовил 12 тысяч учителей, в том числе 7 тысяч казахов. Среди воспитанников института доктора наук и заслуженные учителя, партийные и советские работники, известные писатели и поэты.

Добавим, что институт имени Абая — крупнейший педагогический вуз страны. Он имеет казахское, русское и уйгурское отделения, на которых учится 7 тысяч студентов.

Крупным центром подготовки кадров почти по тридцати специальностям стал Казахский университет. Каждый день более 5 тысяч студентов слушают лекции 450 преподавателей, среди которых 23 доктора и 212 кандидатов наук. Университет имеет 45 прекрасно оборудованных лабораторий, фундаментальную библиотеку, ботанический сад, биологический музей, агробиостанцию и стадион.

Казахский политехнический институт — головной технический вуз республики. Две цифры: в 1984 году институт выпустил всего лишь 35 специалистов, а в 1966 году его окончили 5 тысяч геологов, строителей, инженеров горнорудной и металлургической промышленности, специалистов по автоматике и телемеханике. Питомцы

института трудятся на всех без исключения крупных промышленных предприятиях республики.

Есть в Алма-Ате вуз единственный в своем роде — это Казахский женский педагогический институт. Таких институтов, как этот, нет в других республиках. На факультетах этого вуза — историческом и географическом, физико-математическом и родного языка — учатся молодые казашки. Каждый год выпускницы женского педагогического института, получившие наряду с гуманитарными практические знания по домоводству, разъезжаются по республике, чтобы отдать все свои силы и все свое умение родному народу.

В вузах одной только Алма-Аты учится не меньше студентов, чем, скажем, в таких странах, как Иран или Турция. А на каждые 10 тысяч жителей республики приходится 74 студента, тогда как во Франции лишь 40, в Италии 34, в Западной Германии 31. Достаточно красноречивый и наглядный пример для народов Азии и Африки, которые еще находятся под гнетом колонизаторов. Не случайно видный общественный деятель Англии Хьюллет Джонсон, посетивший несколько лет назад нашу столицу, восхищенно сказал: «Должен признаться, что я очень много ценного увидел и узнал в Казахстане. Более 40 лет назад в мире появился новый цветок, рожденный Октябрем. В начале он был слаб и мал, но он быстро рос и развивался, и я сразу сделался его другом. И вот теперь, здесь, в Алма-Ате, я вижу этот цветок в полном расцвете. Ваши школы, институты, научные и культурные учреждения, вся ваша жизнь — это цветущий сад. Я рад, что увидел все это. Вы осуществили братство народов, о чем я мечтал всю жизнь».

ГОРЫ ЗОВУТ

Алма-Ата, пожалуй, единственный город в нашей стране, имеющий необычное, «высотное», расположение. Самая южная его точка находится на 970 метров выше уровня моря, самая северная — на 670 и, таким образом, если мы проедем по проспекту Сейфуллина из конца в конец, то, преодолев около 20 километров, мы одновременно поднимемся на 300 метров в высоту.

Природа щедро одарила не только нашу «высотную» столицу, но и ее высокогорные окрестности. Они исключительно живописны, радуют глаз своими сочными красками. В какой-нибудь полусотне километров от сыпучих барханов, подступающих к правому берегу реки Или, манят своей прохладой тенистые яблоневые сады и зеле-

Юные туристы в горах Алатау.

ные джайлау с душистым разнотравьем, ослепительно сверкают снежные вершины Пестрых гор и неумолчно шумят студеные потоки.

Своеобразной «магистралью отдыха» является проспект Ленина, обрамленный с двух сторон пирамидальными тополями. Он прорезает город с севера на юг и в верхней своей части незаметно переходит в широкое асфальтированное шоссе, ведущее в предгорья. Порой кажется, что машина бежит в зеленом туннеле, — так густо переплелись над дорогой ветви деревьев. Впереди с каждым километром все выше и круче поднимаются горы. Отчетливо видны глубокие складки ущелий, засыпанные снегом и голубые тьянь-шаньские ели.

Справа от шоссе в глубине обширного сада промелькнули белые корпуса санатория «Турксиб», работающего круглый год. Чуть дальше от него, на высоте более чем 1300 метров над уровнем моря, расположился легочный курорт «Каменское плато». По своим климатическим условиям он превосходит известный кавказский курорт «Тиберда». И конечно, не последнее слово в пользу «Каменского плато» остается за пенистым кумысом с высокогорных джайлау, знаменитым алма-атинским апортом и животворным воздухом.

Между тем стремительная лента шоссе разворачивается все дальше. Мы обгоняем оживленную группу юношей и девушек в спортивных костюмах с рюкзаками за спиной и лыжами. Их путь лежит к высокогорному плато Чимбулак, где можно заниматься лыжным спортом даже в конце апреля. По крутым склонам проходят трассы горнолыжных и слаломных соревнований, в которых участвуют не только советские, но и иностранные спортсмены. Электрическая канатно-буксировочная дорога в считанные минуты доставляет спортсменов к месту старта у самого подножия Талгарского перевала. Отсюда спортсмены начинают головокружительный спуск на лыжах.

В окрестностях Алма-Аты сейчас строится самая высокогорная в нашей стране обсерватория Астрофизического института Академии наук Казахской ССР. На трехкилометровой высоте будет установлен уникальный телескоп для наблюдения за магнитными полями Солнца, коронографы больших размеров, метровая фотокамера и другая точнейшая аппаратура, которая позволит вести наблюдения за небесными телами. Ясных дней в наших горах больше, чем на Кавказе и в Крыму. На темном фоне ночного неба с большой контрастностью выделяются звездные облака Млечного Пути.

В изумительном по своей красоте Малом Алматинском ущелье находятся дома отдыха. Пожалуй, самый популярный из них — Дом отдыха имени X-летия Казахстана. Он был организован в 1920 году для раненых и больных красноармейцев по инициативе Дмитрия Фурманова. Теперь здесь отдыхают шахтеры Караганды и металлурги Темиртау, нефтяники Мангышлака и хлеборобы-целинники.

Еще совсем недавно от Дома отдыха вдоль берега Малой Алматинки вела узкая, заваленная огромными валунами дорога. Строители на головокружительной высоте пробили в скалах прекрасное шоссе, по которому можно свободно проехать на «Волге» до самой туристской базы «Горельник». Слева, где-то далеко внизу, глухо шумит река. Видны крохотные фигурки людей и противоположный склон ущелья, покрытый кустарниками и лиственными лесами.

От Горельника туристские тропы ведут в самое сердце Пестрых гор — к родникам Туюксу, Талгарскому перевалу и заоблачным вершинам. Но для того чтобы побывать там, нужны хорошее здоровье, крепкие нервы и тренировка. Ведь горы любят только отважных!

Много радости доставляют людям живописные окрестности столицы Казахстана. Но Пестрые горы таят в себе и грозную опасность. Дело в том, что город расположен, как говорят ученые, на конусе выноса селевых потоков. Кто-то, а строители Алма-Аты хорошо знают, что это такое. При рытье котлованов под фундамент почти каждого здания им приходится извлекать валуны весом в 5—8, а то и 10 тонн. Это следы селей, бушевавших здесь в течение многих тысячелетий.

Что же такое сель?

Крупнейший специалист в этой области И. Богомолов в книге «Селевые потоки и их распространение на территории СССР» пишет:

«Сель — это кратковременный большой разрушительной силы паводок с очень высоким... содержанием наносов, возникающий в результате ливня (иногда бурного таяния) в бассейнах небольших горных рек и сухих логов... При наличии больших скоплений рыхло-обломочного материала сель движется валом или, чаще, рядом последовательных валов, сопровождается большими деформациями русла и создает отложения определенного характера».

Грозные и опустошительные селевые потоки в районе Алма-Аты возникают не так уж часто, но в памяти людей остаются надолго. Так, сторожила и по сей день помнит селевой поток, обрушившийся на город 8 июля 1921 года. За восемь часов по руслу Малой Алматинки прошло около 80 валов: грязь, камни, вырванные с корнем вековые деревья, обломки разрушенных зданий. Бушующие, ревущие потоки неслись с головокружительной быстротой, смывая и сокрушая все на своем пути. Поток подхватывал и переносил целые дома.

Сель 1921 года причинил старому Верному огромные разрушения.

Селевой поток в русле Малой Алматинки, возникший летом 1956 года, не имел столь грозных последствий. Он остановился, не докатившись до городской черты, и лишь оставил по дороге к уро-

Алатау. Горная переправа.

чищу Медео свои зловеющие следы — хаотические нагромождения валунов и скальных обломков, застывшие каменные озера.

Вероятно, весь мир обошли цветные фотографии, на которых в своем первозданном великолепии изображено высокогорное озеро Иссык. 7 июля 1963 года в течение нескольких часов это чудесное озеро исчезло с лица земли. Оно погибло в результате сорокаметрового грязе-каменного вала, возникшего мгновенно в ущелье горной реки Иссык. Ринувшийся в озеро селевой поток разрушил гигантский каменный завал, которому был обязан своим рождением Иссык, и устремился дальше. Вскоре в живописном, поросшем вековыми тянь-шаньскими елями ущелье, там, где ледниковое озеро спорило своей синевой с небом, чернел грязно-белый ил с вкрапленными в него валунами и обломками скал.

Иссыкская катастрофа с полной очевидностью напомнила об опасности, угрожающей городу. Она заставила вернуться к начатым еще в предвоенные годы работам по сооружению надежного щита, который навсегда отвел бы от казахстанской столицы угрозу. Многие пришлось пересмотреть, многое отвергнуть и заменить новым, более прогрессивным и современным.

После детальнейшего изучения обстановки, потребовавшего огромного кропотливого труда ученых и специалистов различных отраслей знаний, было принято решение: с помощью направленного взрыва колоссальной мощности создать в урочище Медео гигантскую селезащитную плотину.

В течение нескольких лет велась подготовка к этому уникальному взрыву: в гранитной толще горных склонов, поросших тянь-шаньской елью, пробивались штольни и сооружались минные камеры. С соблюдением всех мер предосторожности квалифицированные опытные специалисты производили их зарядку. Из прилегающих к месту взрыва районов эвакуировалось население.

Вновь и вновь проверялись расчеты ученых и инженеров: ведь предстояло впервые в мировой практике одновременно взорвать такое огромное количество взрывчатки, причем в непосредственной близости к большому городу с населением, превышающим 600 тысяч человек, притом расположенному в активной сейсмической зоне.

В конце лета 1966 года экспертная комиссия президиума Академии наук СССР под председательством академика Н. В. Мельникова дала окончательное заключение о том, что взрыв в Медео необходим для решения проблемы защиты Алма-Аты от угрозы селевых потоков и что он во всех отношениях безопасен для казахской столицы. Президиум Академии наук СССР под председательством президента Академии наук академика М. В. Келдыша принял по-

становление, которым рекомендовал правительству республики ускорить работы по осуществлению этого грандиозного, небывалого в мировой практике мероприятия.

И вот настал памятный день — 21 октября 1966 года. Ровно в 11 часов утра над урочищем Медео взметнулся гигантский огненно-черный столб и над хребтами Заилийского Алатау поднялось грибовидное облако зловещего пепельного цвета. Сходное по своему внешнему виду с приметами смертоносного атомного взрыва, оно свидетельствовало о колоссальной мощности заряда. Глухо вздохнув, тяжело содрогнулась земля, и чувствительнейшие приборы сейсмических станций в эти секунды зарегистрировали землетрясение с силой подземного толчка в 5 баллов в районе Алма-Аты.

5 200 тонн взрывчатки в течение нескольких секунд подняли в воздух свыше двух миллионов кубических метров горных пород и уложили их в заранее намеченное место. В ущелье Малой Алматинки, где веками таилась угроза городу и его жителям, образовалась завальная плотина высотой в 100, длиной почти в 400 метров и примерно такой же ширины в основании. По объему содержащейся в ней горной массы — главным образом гранитных пород — искусственная плотина в урочище Медео почти равна знаменитой Хеопсовой пирамиде в Египте, над сооружением которой сто тысяч рабов трудились всю свою жизнь. И эта циклопическая работа осуществлена в течение трех-четырех секунд.

Созидательный взрыв в Медео полностью подтвердил все расчеты и прогнозы ученых и специалистов многих отраслей. Он явился еще одним убедительным свидетельством триумфа советской науки, ее безграничных возможностей надежно служить делу коммунистического строительства и успешно решать любые выдвигаемые жизнью задачи.

Едва рассеялись нависшие над ущельем облака, образованные пылью и дымом, сопутствовавшими грандиозному взрыву, в урочище Медео устремились люди, вооруженные могучей техникой. Развернулись работы, имеющие целью привести здесь все в образцовый порядок, выравнивать откосы образовавшейся плотины, в короткий срок выполнить предусмотренные проектом работы. Пройдет совсем немного времени и во всем своем великолепии откроется перед взорами людей одно из замечательнейших технических сооружений нашей эпохи. Облицованные бетоном и керамикой откосы плотины, ее архитектурные сооружения и подъездные пути к ней, детали архитектурного оформления грандиозного сооружения будут удивительно гармонировать с горным пейзажем.

Гранитный щит Алма-Аты надежен. В памяти тех, кому посчастливилось посетить бескрайние просторы обновленной казахской земли и окрестности столицы Казахстана, он останется одной из бесчисленных примет великого созидания.

КРУПНЫЙ ЦЕНТР НАУКИ

Пожалуй, ничего, кроме улыбки, не вызовет у читателей такой любопытный документ: «Я не увлекаюсь гиперболическими желаниями филантропов устроить киргизов (казахов — Ред.), просветить их и возвысить их на ступень, занимаемую европейскими народами. Я от всей души желаю, чтобы киргизы навсегда остались пастухами, кочующими, чтобы никогда не сеяли хлеба и не знали не только науки, но даже ремесла...»

Высокопоставленного чиновника, написавшего это письмо Оренбургскому губернатору, давно нет в живых. Но нетрудно представить его ископаемую фигуру, облаченную в вицмундир, и то несказанное изумление, с которым он переступает, допустим, порог... Академии наук Казахской ССР!

А ведь до революции в Казахстане не было ни одного научно-исследовательского учреждения. Четыре крохотные сельскохозяйственные опытные станции с общим штатом в... 7 человек, естественно, практического значения почти не имели, тем более для полукочевого народа. Сейчас в Казахстане 162 научных учреждения, в том числе 64 института и 41 высшее учебное заведение. В них трудится 250 докторов и 3300 кандидатов наук.

Когда заходит речь о научном росте родной республики, мы, как правило, обращаемся к дореволюционному Казахстану, но ведь науки, как таковой, в старом дореволюционном Казахстане не было вообще.

Лишь отдельным, наиболее выдающимся личностям удавалось ступить на каменистую тропу, ведущую к вершинам науки. Одним из таких людей был Чокан Валиханов — первый и единственный тогда ученый-казах. Выражая свободолобивые чаяния своего родного народа, он первым приобщился к общероссийскому демократическому движению, внес крупный вклад в сокровищницу науки. Его можно сравнить с ярким метеором, оставившим глубокий след в истории Казахстана. Но, несмотря на широкую известность, Валиханов был все-таки бесконечно одинок. Он шел в науку непроторенной тернистой тропой, и его поддерживали лишь немногочислен-

ные русские друзья. Как и Абай, он пережил трагедию таланта-одиночки.

А теперь только за последние двадцать лет число научных работников в республике увеличилось почти в десять раз. В крупный научный центр превратилась Академия наук Казахской ССР, созданная в 1946 году. Она объединяет 33 научных учреждения, разрабатывающих проблемы по всем основным отраслям знаний.

В Академии плодотворно трудятся 7 тысяч человек, в том числе 133 доктора и 753 кандидата наук,— представителей более сорока национальностей.

Замечательное наследие Семенова-Тян-Шанского, Чокана Валиханова, Потанина, Мушкетова, Радлова оказалось у надежных людей, таких, например, как талантливая ученица академика К. И. Сатпаева, Жамал Канлыбаева. Дочь батрака, она стала крупным специалистом горного дела, доктором наук.

Первая женщина-казашка доктор технических наук Жамал Канлыбаева.

Жамал разработала оригинальный метод радиоактивного контроля за движением толщи горных пород на шахтах и рудниках. Он успешно применяется не только у нас в Казахстане, но и на угольных и горнорудных предприятиях страны.

Исследования Канлыбаевой показали, что радиоактивные изотопы могут «следить» за тем, как смещаются горные породы во время добычи полезных ископаемых. В любое время, на любой глубине. Для этого стены вертикальных выработок «обстреливаются» пулями, начиненными изотопами. Затем с помощью измерительной аппаратуры фиксируется исходное положение радиоактивных точек. Они-то и сигнализируют о смещении земной толщи: внимание, опасность!

Метод, разработанный Жамал Канлыбаевой, вызвал большой интерес за рубежом. Она получила приглашение выступить с докладом на международном конгрессе по механике горных пород в Нью-Йорке. Дочь байского пастуха, не знавшего даже грамоты, выступает на представительном форуме за океаном! Возможно, для некоторых буржуазных журналистов это сенсация. Но для нас, советских людей, это еще одно свидетельство расцвета науки в Казахстане, роста национальных научных кадров.

Институт имени К. И. Сатпаева, где работает Жамал, — одно из крупнейших геологических учреждений Советского Союза. В его стенах началось изучение закономерностей геологического развития земной коры.

Заглянем в одну из самых интересных лабораторий Института электронной микроскопии. С помощью совершенной электронной оптики, дающей увеличение до 150 тысяч, здесь исследуются минералы, содержащие тончайшие примеси редких элементов. За сложными приборами мы видим совсем еще молодых людей — недавних выпускников вузов.

От детального исследования геологической структуры недр до дерзновенного проникновения в космос — таковы поистине космические масштабы деятельности ученых Казахстана! Радостно, что научная мысль в республике не топчется на одном месте, а уверенно идет вперед, набирая орлиные высоты. Возникают новые направления и новые отрасли науки.

Так, созданный недавно Институт математики и механики занимается важными исследованиями дифференциальных уравнений, уравнений математической физики и механики горных пород.

В Институте ядерной физики введен в эксплуатацию циклотрон — один из крупнейших в Советском Союзе, вступает в строй

атомный реактор. Это позволит развернуть в широком масштабе исследования в области физики элементарных частиц, атомного ядра, физики твердого тела, радиохимии и радиобиологии.

Между прочим, читатель, недавно в Лондоне вышла книга «Видные люди атомной физики». Одна из статей, помещенных в ней, посвящена Жевкену Такибаеву. Кто он? Доктор физико-математических наук, профессор, ученый с мировым именем. Как и Жамал Канлыбаева, он представитель новой казахской интеллигенции, выросшей за годы Советской власти.

Казахстанские геофизики открыли «окно» в глубь земли. Ими составлены карты строения земной коры территории республики на глубину 50—60 километров. Эта кропотливая и сложная работа,

Академик Жевкен Такибаев.

потребовавшая многих лет, выполнена с помощью электронно-вычислительных машин.

Вас интересует, зачем нужны такие карты? Они показывают характер залегания и мощности отдельных слоев земной коры, их взаимосвязь с поверхностными структурами, в которых имеются полезные ископаемые.

Это, так сказать, дела земные. А вот дела небесные.

Когда наши спутники и межпланетные корабли бороздят космос, за их полетом наблюдают и казахстанские астрономы. Они составляют большой отряд ученых республики, возглавляемый академиком В. Г. Фесенковым.

Алма-Ата «слушает» бесконечно далекие голоса Солнца и неведомых звездных миров. По единодушному мнению самих ученых, высокогорный район близ столицы — единственное благоприятное место в стране, где можно без помех наблюдать структурные формы солнечной короны. Здесь на высоте 2600 метров, рядом с ледниковым озером обосновалась корональная станция — Служба Солнца.

К северо-востоку от нее на склоне Заилийского Алатау расположена обсерватория — крупнейший астрономический центр страны. На протяжении ряда лет в обсерватории ведутся исследования газово-пылевых туманностей, разрабатываются основы структуры и динамики звездных систем, атмосферная оптика.

Как жерло огромной пушки, смотрит в звездное небо менисковый телескоп системы Максудова. Бесшумный «выстрел» — и на фотографии запечатлена невидимая простому глазу туманность, дающая новый материал для изучения Галактики.

Алма-Ата стала родиной и совершенно новой науки — астроботаники. Здесь, в небольшой обсерватории за Головным арыком (так тогда назывался проспект Абая), академик Г. А. Тихов проник в тайны «красной планеты» — Марса. Он впервые высказал обоснованную гипотезу о существовании растительности на Марсе.

Академия наук Казахской ССР давно уже более чем в десять раз переросла дореволюционную Российскую академию по числу научных и научно-технических работников. Ну а что касается научных проблем, разрабатываемых нашими учеными, то здесь, как видите, невозможно и сравнивать. Так история жестоко посмеялась над тупоголовым чиновником, решившим одним росчерком пера оставить целый народ в пастухах.

У ПЕСЕННЫХ ИСТОКОВ

Турбовинтовые лайнеры внесли смелые коррективы в понятие «скорость». А ведь всего несколько лет назад верхом удобства считалась поездка по Казахстану в скорых поездах. Бывало едешь и едешь, и как в калейдоскопе сменяются виды. То ковыльная степь и сыпучие пески, то лазурное море и белоснежные горы... Шумные города с их широкой панорамой и вдруг одинокая юрта в глуши. Рядом с юркими лимузинами лениво вышагивают долговязые верблюды. Не один десяток вездесущих туристов наверняка смотрел из окон спальных вагонов на разворачивающиеся перед ним картины Казахстана как на театральную реставрацию прошлого: так много было в них резких контрастов.

Есть что-то общее между стремительными лайнерами и культурно-экономическим ростом нашей республики. Всего за пять десятилетий казахская социалистическая нация сделала фантастический скачок из мира невежества в простор социальных преобразований. Не символично ли, что Колумб космоса, первый человек, вырвавшийся из мертвых тисков гравитации, стартовал в свое легендарное путешествие с космодрома Байконур, с того самого кусочка казахской земли, где тридцать-сорок лет назад дети кочевников с удивлением слушали сказки стариков о ковре-самолете.

Сказочный темп экономического роста Казахстана — вот основа основ бурного расцвета его культуры. Если в девятом веке до нашей эры в соседнем Китае разучивали песни Шичзиня по рукописным фолиантам, иранцы две с половиной тысячи лет назад сложили Авесту, а географически близко жившие индусы пели гимны Ригведы, то непоседливые казахи-кочевники оставили для потомства слишком скудные памятники своего примитивного искусства.

История народов исчисляется столетиями. Но полувековой советский период сослужил Казахстану службу тысячелетий. Ахмед Ибн Фадлан посетил наш край тысячу лет назад, Паоло Карпини — на двести лет позже, а Г. Н. Потанина мы считаем почти нашим современником. Но в описаниях этих путешественников Казахстан средневековый ничем не отличался от Казахстана предреволюционного. Парадоксально, но за столь долгие века лишь два процента казахов научились что-нибудь читать и как-нибудь писать, а быт и образ мышления степных кочевников не претерпели сколько-нибудь значительных изменений. Да что там тысячелетие, вот что можно было видеть сто лет назад на территории, где ныне созданы Академия наук и университет, десятки институтов и театров.

...Извивается степная дорога, ведущая из Орской крепости в Раим, на берега Аральского моря. Она теряется у подножий однообразных холмов, чтобы через короткий, как говорят казахи, ягнячий перегон, снова появиться перед взором путника и звать его вдаль, в томящую неизвестность, в степь. А степь бескрайна, как мечта, печальна, как песня странствующего жырау-певца.

Не успевшие высохнуть росинки переливаются гаммой сказочных оттенков, но они напоминают слезы. Степь безмолвно плачет. Безлюдно. Тихо. Лишь на плоских возвышенностях одиноко чернеют покинутые могильники. Лишь они напоминают, что здесь была, а возможно, и есть жизнь, что те, кто протаптывает эту дорогу и не дает ей зарастать, живут где-то рядом. Но где же они?

«В верстах в двух от дороги, в ложбинке — зеленело тополевое старое дерево. Я застал уже вокруг него порядочную толпу, с удивлением и даже (так мне казалось) с благоговением смотревшую на зеленую гостью пустыни. Вокруг дерева и на ветках его навешаны набожными киргизами (т. е. казахами — Ред.) кусочки разноцветных материй, ленточки, пасма крашенных лошадиных волос и самая богатая жертва — это шкура дикой кошки, крепко привязанная к ветке. И глядя на все это, я почувствовал уважение к дикарям за их невинные жертвоприношения».

Так писал Тарас Григорьевич Шевченко, проезжавший более ста лет назад в качестве рядового пятого линейного батальона по территории Карабутацкого района, следуя к месту своего заточения.

— Поют ли здесь песни? — горько спрашивает великий мученик, истосковавшийся по раздольным украинским песням.

Да, пели здесь песни! Кюй «Аксак кулан» в исполнении виртуозных музыкантов республики чарует своим эпическим звучанием самых изысканных и придирчивых ценителей музыки. Эта на первый взгляд монотонная, но предельно насыщенная эмоцией и содержанием пьеса для домбры, впервые переложенная на клавиши фортепиано первым народным артистом Советского Казахстана Александром Викторовичем Затаевичем, была сложена неизвестным композитором еще шестьсот лет назад. Шесть веков пронесли ее сотни и сотни музыкантов-анонимов и, как реликвию, как эстафету, передали в надежные руки казахских советских музыкантов. Конечно, это не песня бардов, воспевающая воинские подвиги кельтских героев, или творение любвеобильных немецких миннезингеров. Ровесница плача Ярославны, героини бессмертного Бояна, эта пьеса убедительно рассказывает о жестокости чванливого правителя хана-чингизида, о гордости заповожденного, но не поверженного казахского композитора-импровизатора. Духом протеста веет от этого

стремительного и предельно динамичного кюя. Возможно, именно этим достоинством «Аксак кулан» пришлось по сердцу нашему товарищу Газизе Жубановой, когда она для своего первого крупного музыкального произведения взяла лейтмотивом этот кюй.

Шекспир «принадлежит не одному веку, но всем временам», говорил современник великого драматурга Бен Джонсон. Но сам неплохой драматург, он в силу исторических обстоятельств не мог знать, что в то время на дальних широтах Азии жили добрые и доблестные кочевники, называющие себя казахами, у которых не было не только театра, но и письменности, чтобы записать даже год смерти своего сына Козы и дочери Баян — героев поэтической легенды, этих двух несчастных молодых людей, чья кровь была не менее горячей, чем кровь Ромео и Джульетты. Но казахи имели поэта, сумевшего вдохновенно воспеть любовь, имели зодчего, сумев-

В институте онкологии и радиологии Академии наук Казахской ССР. Ведущий радиолог республики академик Саим Валмуханов.

шого из грубых булыжников воздвигнуть мавзолей двум жертвам диких нравов патриархальной степи.

А ведь весьма примечательно, что недолгий век печальной любви Козы и Баян, ее катастрофический финал совпадает, по уже доказанным версиям, с тем временем, когда на подмостках лондонского «Глобуса» разыгрывалась трагедия между Капулетти и Монтеки, ожившая под волшебным пером Шекспира. Не исключена возможность, что когда студенты Оксфорда и Кембриджа аплодировали гимну вечной любви, в степи на берегу ленивой речки Аягуз бедные пастухи-казахи предавали земле прах двух влюбленных.

Неоценимой честью для казахской литературы является то, что устная поэтическая легенда безвестного поэта-степняка заворочила пылкий ум могучего таланта, строгого судьи в людских отношениях — Александра Пушкина, по крохам собиравшего материалы для будущей поэмы о Козы-Корпеш и Баян-Слу. Не будь коварной пули иноземца, дети ста народов, населяющих нашу Родину, возможно, заучивали бы сейчас наряду с именем милой Татьяны и имя несчастной Баян, воздавая должное ее лучшим человеческим качествам.

Да, предки казахов. Их песня напоминала сиротливый родник у истока: живительная влага только вырвалась на светлый простор и, ударяясь о множество преград, ищет себе путь к далеким морям. Долго еще блуждать ей, чтобы влиться в русло общечеловеческой культуры, потому что у неграмотного народа еще не родился мираб, которому было бы под силу придать бегу маленького родника желаемое направление.

На территории современного Казахстана в разное время жили и творили ученый-энциклопедист Аль-Фараби, поэт Ходжа Ахмед Яссауп, историк Мухамед Хайдар и другие. Но называть их деятелями казахской литературы и науки в полном смысле нельзя по той причине, что сам процесс консолидации разных этнических групп в единую казахскую нацию завершился лишь в XV столетии.

Мы по праву гордимся выдающимися мыслителями прошлого века Чоканом Валихановым и Ибраем Алтынсариним. Казахские дети еще в начальных классах заучивают стихи Абая Кунанбаева и Махамбета Утемисова, великих композиторов XIX века Курмангazy и Биржанна будущие музыканты играют в первый же учебный год. Научное и творческое наследие этих дорогих сердцу каждого казаха деятелей — святая святых национальной культуры. Все-таки подлинное художественное творчество в их времена еще не стало всеобщим явлением, определяющим лицо проникающей в

Доктор медицинских наук профессор Гюльбаграм Тарабаева.

степь цивилизации, не говоря уже о временах создателей древних кюев и легенд.

Тяжелое бремя гнетущего бесправия не дало казахскому народу, наделенному, как и всякий народ, высоким полетом фантазии, пытливым умом, творческим даром, расправить крылья и пожать плоды своего природного таланта.

Всемогущ фактор времени. В степь пришли другие времена, воплощенные в знаменах Октября. В степные юрты животноводов проникли бессмертные идеи Ленина. Немую тишину заброшенных могильников прорезал призывной гудок индустриальных гигантов. Для потомственных кочевников настала удивительная пора пробуждения и приобщения к наследиям общечеловеческой культуры, и казахский народ в числе первых в истории социалистических наций взялся за возрождение своей песнопевной традиции.

Современная культура Казахстана с первых же шагов формировалась под благотворным влиянием великой русской культуры, формировалась подлинно народной, революционной и высокоидеальной. Ей неведомы потрясающие ужасы разложения и деградации буржуазного искусства, унылоциничные кафешантанские кривляния эстетствующих ублюдков, их обнаженное гангстерство. Смердящая гниль, психология патологических уродов, отвратительные

компоненты буржуазного художества никогда не отравляли молодые побеги казахского социалистического искусства. И этой нравственной чистотой национальная культура казахского народа обязана эпохе грандиозных коммунистических свершений. Первые казахские советские писатели Сакен Сейфуллин и Сабит Муканов, первые композиторы-профессионалы Ахмет Жубанов и Мукан Тулебаев, основоположник казахского сценического искусства Жумат Шанин, первые профессиональные актеры Куляш Байсеитова и Калибек Куанышбаев, первый художник Абилян Кастеев, первый кинорежиссер Шакен Айманов высоко несли и несут знамя социалистического реализма, доверенное им народом.

* * *

Жизнь человека в степи от рождения до смерти сопровождалась песней.

Издревле на шильдехана — празднике в честь новорожденного и его родителей — собирався весь аул. В столь радостный для клана момент каждый из его членов жертвовал будничными житейскими заботами и отдыхом; появление на свет нового сородича, будущего сподвижника в изнурительной борьбе за хлеб насущный, сопровождалось всю ночь радостной песней. Такие шильдехана обычно превращались в шумные состязания певцов и поэтов, импровизаторов, где самых искусных ждали скромные подарки. Но, самое главное, уже на следующий день молва о победителях этих айтысов — поэтических состязаний — неслась по аулам, передавалась из уст в уста, а иногда из поколения в поколение.

Тем временем маленькое существо росло, становилось полноправным членом общества, и, наконец, наступала пора его бракосочетания. Ни одна свадьба не проходила в степи без «жар-жара» — шутивно-поэтического диалога оппонирующих сторон, где с неподдельным юмором взвешивались все «за» и «против» супружеской жизни.

Конечно, самое тяжелое и невыносимое в жизни семьи и аула — смерть близкого человека. Такому печальному событию посвящалась поминальная песня «жоктау». Как правило, исполнительницей ее выступала представительница дома, несущего траур, которая в течение изрядно долгого времени должна была песней воздавать хвалу человеческим достоинствам покойного и возвращать слушателей к его светлой памяти. Эти песни, полные неизбывного горя и философских умозаключений о бренности мира, зачастую сочинялись самими исполнительницами или заказывались признанным поэтам.

Как видно, прав был основоположник казахского литературного языка поэт и мыслитель Абай, когда писал:

Ворота в жизнь открыты песней милой,
Она ж тебя проводит до могилы,
Пройдет за всем, чем жизнь твоя прелестна,
Внемли ж душой и сердцем этой песни.

До наших дней бытует в аулах устная форма поэтического искусства, часто проявляясь в айтысах,—своеобразных турнирах поэтов, унаследовавших от своих уже малочисленных учителей умение экспромтом поэтически безукоризненно выражать свои мысли. Однако поголовная грамотность населения республики, возмужание и стабилизация профессиональной художественной литературы ныне заметно отодвинули на задний план вековую традицию импровизированных поэтических экзерсисов.

Последним наиболее крупным представителем устного стихотворческого искусства в Казахстане был, конечно, Джамбул Джабаев. Долгую жизнь прожил великий акын. Он умер в июне 1945 года, когда вся страна готовилась с большой торжественностью отметить столетие со дня его рождения.

Сто лет! За этот слишком немалый для человеческой жизни период сын семиреченского кочевника насмотрелся на бесправие и нищету дооктябрьской степи и не устал пламенным словом звать народ на борьбу за счастье. Семидесятилетним стариком встретил Джамбул Октябрьскую революцию. Убеленный сединой, много потерявший в силе и голосе акын с неподкупной радостью встретил утро новой жизни. Он весь ожил. К нему вернулись и звонкий голос, и юношеский задор. Вдохновенные песни Джамбула, воспевающие народ, партию и Ленина, рождались в скромном ауле у подножия Алатау и летели во все уголки нашей Родины, звучали на десятках языков и наречий.

В суровые годы Великой Отечественной войны патриарх народной поэзии, согбенный уже годами, но молодой в своем изумительном таланте, неотступно находился в рядах защитников завоеваний Октября. Когда фашистские орды со звериным остервенением рвались к колыбели революции, когда ленинградцы переживали самое страшное в истории родного города испытание непреклонности духа, советский народ обратился к ним со знаменитой песней Джамбула «Ленинградцы, дети мои» с ее проникновенным, ставшим знаменем сердца каждого из нас в те годы рефреном:

Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!..

Неподалеку от Алма-Аты среди яблоневых садов серебрится купол мавзолея народного акына. А рядом дом, где он провел последние годы своей долгой жизни, превращенный ныне в мемориальный музей. Книжки Джамбула, изданные на многих языках, его личные вещи, различные документы, свидетельствующие о многогранной общественно-политической деятельности акына, неизменно приковывают внимание всех, кто заходит в прохладные комнаты музея.

Однажды здесь побывала группа работников просвещения из далекой Эфиопии. Гости с интересом рассматривали большую географическую карту, где флажками были отмечены города, в которых изданы произведения певца Советского Казахстана: Лондон и Париж, Прага и София, Нью-Йорк и Берлин... Гости, увидев свою столицу без такого флажка, сказали хранителю музея:

— Нужно отметить флажком и нашу Аддис-Абебу: у нас тоже издан Джамбул.

Имя Джамбула необычайно популярно в республике. Его носят город и целая область, столичная филармония и множество колхозов и школ.

Гости Алма-Аты — многочисленные экскурсанты и туристы — часто посещают и литературно-мемориальный музей Мухтара Ауэзова, крупнейшего советского романиста, драматурга и ученого, классика казахской литературы. Музей открыт на одной из самых тенистых улиц Алма-Аты, вдоль которой бегут говорливые арыки и безветрием томятся ветвистые карагачи, в доме, где Мухтар Ауэзов провел последние десять лет жизни. Тут многие сотни экспонатов, занимающие два этажа и рассказывающие о зарождении и росте казахской литературы. Фирдоуси, Хафиз, Омар Хайям, Низами соседствуют с Шекспиром, Гете, Толстым и Лондоном... И тут же в соседней комнате портрет деда Мухтара Ауэзова, учившего любимого внука, будущего писателя, чтению по «Письму Татьяны» из «Евгения Онегина», впервые переведенного на казахский язык мудрым Абаем.

Абай, Джамбул и Ауэзов...

Три имени, ярко олицетворяющие собой веки становления современной казахской литературы. Абай внес в нее лучшие традиции русской демократической литературы, творчество Джамбула было как бы перекидным мостом между ее прошлым и настоящим, а Мухтар Ауэзов...

Символично, что первая постановка трагедии Ауэзова «Ендик и Кебек» была осуществлена в самый канун Октябрьской революции. Многолюдно и оживленно было тогда в урочище Ералы, что затеря-

лось где-то далеко на юго-западе от Семипалатинска. Ровные ряды белоснежных юрт, всадники, сновавшие между аулами, броский наряд молодых, круги степенных аксакалов — все это преобразило тогда ералинский пейзаж: выдавали замуж одну из внучек самого Абая.

В честь праздника двадцатилетний слушатель Семипалатинской учительской семинарии Мухтар написал пьесу о трагической любви Енлик и Кебека. Пьесу он написал за семь дней, а через пять дней спектакль увидел «свет ramпы». Примечательно, что именно этой пьесе было суждено открыться в 1926 году в Кзыл-Орде занавес первого казахского профессионального театра, ныне академического ордена Трудового Красного Знамени драматического имени Мухтара Ауэзова, ауэзовского театра, как мы любим называть его.

Годы обучения в Семипалатинском училище, тесное общение с русскими друзьями раскрыли перед юным Мухтаром новый, неведомый мир, привили ему искреннюю любовь к русской культуре, познакомили с западной классикой. «Русская школа была демократична, ласкова к нам, казахским мальчикам, как мать, — писал позднее Ауэзов. — Чем больше мы росли, тем добрее глядела она на нас. Никто не ощущал в ее стенах глухой неприязни, потому и притягивала она нас своим открытым радушием. Я обязан русской школе так же, как русской культуре в целом».

Первое свое сочинение «Ураган», где описывается необыкновенный степной ураган, юный Ауэзов написал на русском, а четырехтомную эпопею об Абае — на казахском языке. Серия его романов о великом казахском поэте-просветителе — это своеобразная художественная энциклопедия жизни, дум и чаяний казахского народа второй половины прошлого столетия, где автор выступает не только как большой писатель, но и как глубокий мыслитель. В своей кропотливой и долгой работе над эпопеей Мухтар Ауэзов опирался на скудные материалы и документы той эпохи и, главным образом, на воспоминания людей различных поколений и взглядов. «С этими воспоминаниями приходилось обращаться бережно и осторожно: так запоздалый путник, отыскав в пепле костра, оставленного давно ушедшим караваном, тлеющий уголек, бережно и осторожно раздувает его, вызывая своим дыханием огонь», — писал Ауэзов.

В мемориальном музее выставлены первые публикации романа «Абай». «Перед нами громадное культурное явление, — писал тогда в «Известиях» замечательный русский писатель Всеволод Иванов, — я не побоясь назвать его великим».

Роман «Абай» тридцать раз издавался только на одном русском языке. Его читают во многих странах мира.

Так казахская советская литература своими корнями уходит, с одной стороны, в глубокую древность, с другой — к традициям великой литературы Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Толстого, Маяковского и Горького.

Первое поколение казахских литераторов с оружием в руках отстаивало Советскую власть, боролось с темнотой и невежеством в степных аулах.

«Трудный путь, тяжелый переход» — так называется автобиографическая повесть о становлении Советской власти в Казахстане основоположника казахской советской литературы Сакена Сейфуллина. В юности ему пришлось испытать ужасы тюремных застенков сибирского правителя Колчака, провести не одну страшную ночь в «поезде смерти» разбойного атамана Анненкова.

Чудом удается Сакену Сейфуллину бежать из застенков Колчака. Он пробирается на юг Казахстана, в Туркестан, где организует борьбу за Советскую власть.

В 1964 году Казахстан широко отметил семидесятилетие со дня рождения Сакена. В тридцатых годах он пал жертвой произвола, не сделав и сотой доли того, что замыслил. Но то, что оставил он после себя, говорит о том, что это был большой писатель и пламенный революционер.

Как большинство казахских писателей, Сейфуллин начинал свой творческий путь с поэзии. Тут, очевидно, сказывалось тяготение казахского народа к песенному творчеству, ставшему его душой, выразителем его дум и чаяний. Одним из первых в советской литературе Сакен Сейфуллин воспел бессмертный гений Ленина в поэме «Альбатрос». Гулом поезда, стремительно летящего по бескрайним степям Казахстана, наполнена его поэма «Советстан». Минувшая полустанки, не задерживаясь в пути, поезд стремится все вперед и вперед.

Перу Сакена Сейфуллина принадлежит и лирическая поэма «Кокшетау».

Кокшетау — голубая гора на севере республики, где сама природа создала в степи чудесное сочетание синих озер, красных скал и хвойных лесов.

Любят ветры степные ее навещать,
Любят теплые зори ее обнимать,
Караваны лучистых степных облаков
Вечерами слетаются к ней ночевать...

Вокруг голубой горы веками складывались поэтические легенды одна прекраснее другой. Их талантливо переложил на музыку сти-

ха Сакен Сейфуллин. Вот легенда о двугорбом верблюде. Гордый и независимый Бура не давал людям заарканить себя. Он был вещим, «все беды чуял наперед» и «всякий раз трубил тревожно», «предупреждая и будя народ». Жестокий сын хана Аблая ради забавы направил свою стрелу в грудь верблюда. Сраженный ею Бура превратился в голубую гору, застывшую на берегу озера.

В своей поэме Сейфуллин не только отдает дань прошлому. Поэтично и взволнованно рассказывает он о том, как у Голубой горы, напоминающей своими очертаниями отдыхающего верблюда, возникла всесоюзная здравница — курорт «Боровое»... В этом русском названии нетрудно уловить казахское созвучие «Бурабай».

В ковыльной степи были проложены первые рельсы Турксиба, когда Сакен Сейфуллин написал такие строки:

Недалек тот день долгожданный, когда
Нам доступною станет любая Звезда.
Он земной человек и Земли властелином,
И хозяином Космоса станет тогда.

В одном ряду с писателем-революционером, основоположником казахской литературы стоят Ильяс Джансугуров и Беимбет Майлин.

Ильяс — один из основателей современной поэзии в Казахстане. Он земляк Сакена Сейфуллина, также влюбленный в Голубую гору — Кокшетау, в прозрачные озера и зеленые леса. Есть у Джансугурова поэма «Кулагер» — чудесный сплав исторического сюжета и легенд, рожденных в народе. Ее герой — свободолюбивый певец Акан. Он отказался от богатства и славы. К песне и молодости, к любимой девушке ему были отрезаны все пути. Только одно-единственное утешение оставалось у Акана — верный конь Кулагер. «Конь — крыло казаха», — издавна говорят в народе. Потому-то и становится понятной вся глубина горя Акана, когда у него отнимают последнее утешение в жизни — любимого Кулагера.

Беимбет Майлин, бывший учитель аульной школы, вырос в крупного писателя. С 1923 по 1937 годы его произведения издавались в Казахстане отдельными книгами более пятидесяти раз. Для творчества Беимбета Майлина характерна тяга к острой теме современности. В своих повестях «Памятник Шуги», «Азамат Азаматович», «Пятнадцать дворов» и «Коммунистка Раушан» он отображает борьбу своего народа за социалистические преобразования степи, за счастье.

А теперь зайдём в Союз писателей нашей республики. Помещается он в одном из самых красивых зданий Алма-Аты, по соседству

с Домом правительства, Казахским университетом и Институтом искусств, речь о котором пойдет дальше.

Наш Союз писателей объединяет сейчас около двухсот литераторов. Среди них и седобородые акыны, чье творчество начиналось еще до Великого Октября, и молодые прозаики и поэты, пришедшие в литературу с производства и вузовской скамьи.

Многих писателей мы можем не застать в их штабе. Они или живут непосредственно где-то среди героев своих настоящих и будущих книг, или находятся в длительной творческой командировке.

О некоторых из них мы и расскажем здесь. Пожалуй, самым непоседливым среди казахских писателей, несмотря на преклонный возраст, является Сабит Муканов. Сегодня он гостит у нефтяников или рыбаков на побережье Каспия, завтра летит к хлеборобам-целинникам, а потом отправляется в длительное путешествие по странам Азии. Он неутомим, всегда в движении, наш Сабит! Одна из самых значительных его книг — это «Школа жизни». Большую и трудную школу прошел писатель. В ней было все: и голодное детство, когда Сабит пас байский скот, и суровая юность, когда ему приходилось организовывать первые кооперативы в степи, подавлять с оружием в руках кулацкий мятеж... «Школа жизни» автобиографична. В этой книге писатель встречается со своим прошлым, с милыми его сердцу друзьями, которые помогли ему выйти на правильную дорогу, найти себя. Для всего романа характерны горьковские интонации, он как бы перекликается с «Моими университетами» великого русского писателя.

Широкой известностью и любовью у читателя пользуется роман «Ботагоз». Его можно найти в любой аульной библиотеке. Ботагоз — имя смелой казахской девушки. Трудными и сложными путями вместе со своим другом учителем Аскарком приходит она в революцию, становится в строй борцов за Советскую власть в родном краю.

На могучей азиатской реке еще только развertyвалось строительство плотины, когда Сабит создал свой роман «Сыр-Дарья». Его герои — старый инженер Полевой, убежденный и страстный поборник дружбы казахского и русского народов, молодой инженер Байжан Байсеитов, колхозник-новатор Сырбай... Сообща, рука об руку трудятся они над преобразованием полупустынных просторов рес-

Писатели Габит Мусрепов,
Габиден Мустафи, Иван Шухов.

публики. Но «Сыр-Дарья» не только роман о большой стройке. Это поэтическое произведение о дружбе и любви, выдержавшей все испытания.

На сценах театров республики с успехом идет пьеса Сабита Муканова «Чокан Валиханов». Исторически достоверно в ней воссоздан образ первого казахского ученого и путешественника.

Ближе всего писателю современная тема. Одним из первых в советской литературе откликнулся он на великий подвиг нашего народа, поднявшего целинные земли. Роман «Степные волны», над которым Сабит продолжает работать, направлен против косности и рутины в партийном руководстве. Острой теме современности посвящена и другая книга писателя — «Светлая любовь». Взысканно и художественно убедительно говорится в ней о доверии к человеку.

Начало творческого пути другого крупного казахского писателя — Габита Мусрепова — во многом схоже со школой жизни, пройденной в детстве и юности Сабитом Мукановым. Он пас в русских селах скот, сражался с баями и кулаками в рядах революционного отряда. В первое мирное лето 1923 года Габит вместе с Сабитом и другими казахскими юношами едет через всю степь в далекий Оренбург на учебу.

Сегодня без Габита Мусрепова невозможно представить себе современную казахскую литературу. Особенно много сделано им для становления и развития национального театра. Почти три десятилетия не сходит со сцены опера «Кыз-Жибек», либретто которой было написано Габитом.

Охотно и часто обращается он к поэтической сокровищнице своего народа. Бережно и любовно переложена писателем на язык драматургии поэтическая легенда «Козы-Корпеш и Баян-Слу», которая пленила когда-то Пушкина. Мусрепову принадлежат пьесы о батырах казахского народа — смелом певце Акане-сере и мужественном революционере Амангельды Иманове.

На многие языки переведен роман «Солдат из Казахстана», созданный Габитом в годы Великой Отечественной войны. В центре его судьба подростка, воспитанника детского дома Кайруша, ставшего на фронте Героем Советского Союза, и его однополчан: русского паренька Володи Толстова, Самена Абдуллаева и других.

Значительное произведение Габита Мусрепова — роман «Пробужденный край». Это широкое художественное полотно о зарождении рабочего класса Казахстана, о том, как в огне борьбы за Советскую власть росла и крепла дружба двух братских народов.

Габит Мусрепов — академик республиканской Академии наук.

В Берлине и Варшаве, Праге и Бухаресте большими тиражами был издан роман крупного казахского прозаика Габиден Мустафина — «Миллионер» — произведение о социалистических преобразованиях в казахском ауле. Герой романа коммунист Жомарт — человек «со светлой головой и горячим сердцем». Он выдвигает смелый план развития колхоза и, ломая сопротивление маловеров, добивается его утверждения.

На конгрессе защиты мира в Париже Александр Фадеев назвал роман «Миллионер» выдающимся достижением всей советской литературы.

...На просяном поле среди тяжелых колосьев поднимается строгий обелиск. Это памятник простому колхознику, Герою Социалистического Труда Шиганаку Берсиеву, добившемуся в годы войны мировых рекордов урожайности проса. О нем Габиден Мустафин написал повесть «Шиганак», которая стала своеобразным литературным памятником талантливому земледельцу, селекционеру-самодеятелю.

Союз писателей Казахстана объединяет прозаиков и поэтов самых различных возрастов, творческих индивидуальностей и жанров. Тут и популярный драматург Альжапар Абишев, и своеобразный яркий поэт Абдилда Тажибаев, унаследовавший свое мастерство от матери — поэтессы Айманкуль, писатель-воин Баурджан Момыш-улы, и молодой одаренный Олжас Сулейменов, чьи стихи нельзя воспринимать равнодушно.

Вместе с казахскими писателями в одной дружной семье плодотворно трудятся и их русские собратья. Это, прежде всего, Иван Шухов, о романе которого «Ненависть» тепло отзывался Горький, и Николай Анов, чьи первые рассказы были опубликованы в «Правде» еще в 1914 году.

Излюбленная тема И. Шухова, которую он разрабатывает уже много лет, — жизнь сибирского казачества. В романах «Горькая линия» и «Ненависть» охватываются предреволюционные годы, Великий Октябрь и бурные годы коллективизации в казахских степях.

Николай Иванович Анов — старейший писатель Казахстана, большой знаток его истории. В романе «Ак-Мечеть», написанном на богатом фактическом материале, мы знакомимся с самыми различными и интересными людьми: ссыльным петрашевцем-поэтом А. Н. Плещеевым, географом А. И. Макшеевым, будущим контр-адмиралом русского флота А. И. Бутаковым и другими.

Другой большой роман Н. И. Анова «Крылья песни» рассказывает о зарождении национального театра в казахской степи, о его первом поколении.

Буквально по горячим следам событий пишет Н. И. Анов пьесу «По велению сердца». Первая пьеса о молодых покорителях целины с успехом прошла на сценах театров республики. В пьесе «Наследники» и либретто одноименной оперы писатель развивает тему, ставшую одной из главных в его творчестве. Наследники — это те, кому принадлежит будущее, кто своим героическим трудом преобразует древнюю землю.

Новый роман писателя — «Юность моя» — произведение о тех, кто делал революцию, о замечательных, кристально чистых людях, чья юность была овеяна пафосом неповторимой романтики революционной борьбы.

Лучшие книги писателей Казахстана издаются не только в Алма-Ате, но и Москве, столицах братских республик. В едином строю многонациональной советской литературы уверенно шагают к вершинам мастерства, достойного нашей эпохи, и писатели Советского Казахстана.

Осенью 1964 года в Казахстане состоялась Декада литературы и искусства братской России. Это был яркий праздник единения двух культур. В городах и рабочих поселках, в колхозных селах и далеких аулах прошли сотни концертов, памятных вечеров, незабываемых встреч. Слово животворное солнце, свет дружбы народов — русского и казахского — обогрел осенний Казахстан от берегов беспокойного Каспия до снежных вершин Алтая.

ОТ ДОМБРЫ К ОПЕРЕ

Древняя земля казахов, обновленная Октябрем, славится не только сказочными сокровищами своих недр, большим хлебом покоренной целины, несметными стадами и отарами, но и своим самобытным искусством — песнями, музыкой, живописью.

В любой, даже самой бедной юрте, можно было встретить домбру — верную спутницу народа в его бесконечных скитаниях по степи. Под напевные струны слетались мелодии — кюйи, в которых звучали боль и гнев, горе и радость. Как эстафета, они передавались домбристами от поколения к поколению. Столетний Джембул пел:

Я снова, как прежде, с собою беру
К подножию мысли подругу-домбру.

Музыка и песни, рожденные в самых глубинах народа, не перелетали границ степи. Остальной мир совершенно не знал о них.

Только в наше время, поднявшись на могучих крыльях, они зазвучали свободно и вольно над всей планетой. Даже выдавший виды Париж был искренне восхищен. Открывалась новая история музыки. Безвестное до этого имя казахского певца-импровизатора Амре Кашаубаева, выступившего на Всемирной выставке 1925 года, замелькало на страницах газет. Неведомые и пленительные мелодии степного народа, чудесный голос певца буквально покорили искушенных парижан. Его тепло поздравили с успехом Ромен Роллан и Анри Барбюс.

Открыл талантливому импровизатору собиратель казахских песен, русский композитор А. В. Затаевич. В двадцатых годах в поисках песенных жемчужин он исколесил всю казахскую степь.

В то счастливое и памятное для него многими чудесными встречами лето он проехал, а где и просто прошел по степи, разбив вконец добротные солдатские сапоги, почти десять тысяч километров. Нетерпеливо записывал песни, все больше радостно изумляясь сокровищам, открывшимся перед ним. А когда работа, казалось, была уже закончена, он заторопился домой, в Москву, чтобы посвятить осень и зиму обработке собранных материалов.

Неторопливо шлепая плечами колес и поскрипывая разошедшимися переборками, пароход медленно плыл вверх по реке. Вдыхая полной грудью влажный воздух, пропитанный ароматами скошенных луговых трав, Затаевич смотрел на острова, густо поросшие зеленью, слушал пение невидимых птиц, тихое шипение зеленоватых волн за кормой.

Внезапно в эту симфонию, созданную самой природой, вплелся грудной голос, певший чудесную по своей выразительности и красоте казахскую песню, которую он никогда не слышал.

«Конечно, через минуту я был уже внизу и увидел там окруженную публикой брюнетку лет за тридцать, красивую и художавую, с серьезным продолговатым лицом и ярким румянцем на несколько впалых щеках. В уши ее были вдеты длинные восточные серьги, а на груди в несколько рядов красовались различные ожерелья. Так же красочны были и ее шелковое платье, и накинутая на плечи шаль. Притом в самой комбинации всех этих цветов не было ничего кричащего, а наоборот, все говорило о хорошем вкусе певицы...»

Но конечно же, не одна яркая внешность привлекла внимание Затаевича к молодой казашке. Чутьем большого музыканта он сразу угадал в ней необыкновенный талант. На вопрос, кто она, певица ответила тоном, полным достоинства: «Магира!»

«Так вот ты какая Магира-Майра!» — невольно радуясь чему-то, подумал Затаевич. Он слышал о ней давно. Молодая женщина была

одной из первых и немногих женщин-казашек, решительно и смело отвергнувших дикие обычаи старины. Ее сильный грудной голос звучал на шумных ярмарках и базарах, в кумысных лавчонках и чайных.

Неожиданная встреча с Майрой была для Затаевича событием. Двое суток неутомимо записывает он песню за песней. Особенно покоряет его великолепная, задушевная, полная щемящей грусти мелодия «Бакша» («Сад»). Не отрываясь от записей, Александр Викторович восторженно говорит Майре, что «Бакша» — самая лучшая ее песня. Майра, зябко кутаясь в цветастую шаль, грустно улыбается.

Они расстаются в Семипалатинске. Затаевич горячо приглашает Майру принять участие в казахском концерте, который скоро состоится в Москве. Певица смущенно благодарит. Жаркий, нездоровый румянец заливал чуть впалые щеки.

Затаевич не знал тогда, что злая чахотка исподволь сжигала Майру. Она умерла спустя четыре месяца после встречи, немного не дожив до концерта в Москве.

Но москвичи еще встретятся с ней через много-много лет. Народный театр из степного аула у синих Чингисских гор, где когда-то звенел голос певицы, покажет на сцене Кремлевского театра драму Абдильды Тажибаева «Майра». В ней снова прозвучит лебединая песня «Сад», бережно записанная и обработанная Александром Викторовичем Затаевичем.

Немногие, но прекрасные мелодии Майры вошли в обширный сборник «Тысяча песен». В предисловии к нему Затаевич пишет:

«Вам, мои дорогие друзья-джигиты, посвящаю и вам возвращаю я этот труд, сработанный совместно с вами в годину голода, холода и эпидемий».

Это был последний привет большого русского художника-музыканта своим друзьям. Первый народный артист Казахской республики Александр Викторович Затаевич умер в Москве в декабре 1936 года. На его могиле воздвигнут памятник с изображением акына, играющего на домбре. Вопреки традициям акын очень молод, как молодо само искусство возрожденного народа.

Тысяча мелодий, бережно собранных, обработанных и переложенных Затаевичем на ноты, вошла в большую книгу. О ней восторженно отзывался Ромен Роллан, а Максим Горький писал: «Вот передо мной сборник «Тысяча казахских песен», они положены на ноты, оригинальнейшие их мелодии — богатый материал для моцартов, бетховенов, шопенов, мусоргских и григов будущего. Отовсюду — от зырян, бурят, чуваш, марийцев и так далее — для

гениальных музыкантов будущего льются ручьи поразительно красивых мелодий и, когда слушаешь пение... думаешь не только о музыке будущего, а о будущем страны, где все разноязычные люди труда научатся уважать друг друга и воплотят в жизнь свою красоту, издревле накопленную ими. Это — должно быть и это будет...»

В апреле 1925 года в тогдашней столице Казахстана Кзыл-Орде открылся V съезд Советов молодой республики. Его делегатам предстояло решить трудные задачи. Нужно было превратить нищую, отсталую степь, разоренную гражданской войной и голодом, в страну, богатую хлебом и мясом, металлом и углем. Среди этих перво-

Сцена из оперы «Кыз-Жибек» в постановке Казахского Академического театра оперы и балета имени Абая.

очередных, жизненно важных вопросов делегаты не забыли и об искусстве: съезд решил ускорить создание казахского национального театра. Организаторы театра, который открылся через год, искали талантливых мастеров по всем аулам. Одними из первых в драматическую труппу были зачислены Амре Кашаубаев, покоривший Париж, известный в народе остролов-затейник и будущий народный артист Советского Союза Калибек Куанышбаев. С ними вместе приехал и знаменитый «балуан» — борец Хаджимукан. В спектаклях он играл обычно роль силача. В только что созданном театре не было ни декораций, ни костюмов. Костюмы для каждого представления актеры собирали по домам у родных и знакомых. Играть приходилось не только в столице, но и в аулах. Народный артист СССР Шакен Айманов так описывает приезд одной из театральных бригад в степь: «Мы, мальчишки, помогаем взрослым строить сцену... Две юрты ставятся рядом, дверь в дверь. Одна юрта обнажается наполовину, для чего нужно поднять войлочный полог и убрать часть деревянного каркаса. Таким образом получается нечто вроде эстрадной «раковины». Это и есть сцена, достаточно просторная и удобная для актеров. Они входят и выходят через дверь в задней части полураскрытой юрты, а соседняя юрта служит артистической уборной». Забегая несколько вперед, скажем, что недавно сам Шакен Айманов сыграл на сцене прекрасного академического казахского театра драмы роль Отелло. Бессмертное творение Шекспира прозвучало с большой силой и мастерством впервые на казахском языке. Достойной партнершей Айманова в этом спектакле стала народная артистка СССР Хадиша Букеева.

Зимой 1934 года в Алма-Ате открылся оперный театр. Тоже первый в истории казахского народа. В него пришли народные певцы, чьи имена гремели по всей степи, и профессиональные уже артисты драмы, начавшие с пьес, насыщенных музыкой и танцем. Была среди них и двадцатилетняя Куляш Байсейтова, тоненькая, стройная девушка с голосом соловья. С увлечением коллектив театра работал над первой оперой. Это была «Кыз-Жибек», музыку для которой написал композитор Е. Г. Врусиловский. Правда, спектакль, строго говоря, еще нельзя было назвать оперой. Скорее всего, это музыкальная драма, где разговорная речь перемежалась вокальными и инструментальными эпизодами, построенными на основе казахской народной музыки. Так, целиком, после некоторой аранжировки вошла в нее изумительная по красоте мелодия «Гак-ку». Она прозвучала в мастерском исполнении Куляш Байсейтовой со сцены Большого театра СССР в дни первой декады казахского искусства, пленив сердца слушателей.

Почти четверть века украшала Куляш Байсеитова казахскую оперу, была ее гордостью и славой. Народ звал ее тепло и нежно: «наша Куляш», «соловей Куляш»...

Театр прочно вошел в жизнь казахского народа. «Для людей моего поколения, — говорит народная артистка СССР Роза Джаманова, — театр — самое обычное явление. Нам кажется, что так было всегда: на просторной площади в Алма-Ате стояло здание театра оперы и балета. Так же, как и сегодня, звучала в нем музыка П. И. Чайковского и Мукана Тулебаева, Бизе и Евгения Брусиловского.

Да, был великий Чайковский. Но казахи прежде не знали, да и не могли знать его замечательного творчества.

Да, были Шекспир и Островский. Но не было казахского драматического театра. И творчество этих великих драматургов оставалось неизвестным казахскому народу».

Интересна творческая биография самой Розы Джамановой. Воспитанница детского дома, затем музыкальной школы-интерната, она выросла до ведущей солистки казахской оперы, стала народной артисткой СССР.

Вместе с представителями старшего поколения на сценах театров республики успешно выступает талантливая молодежь. Алма-Атинская консерватория, преобразованная недавно в Институт искусств, дала национальной сцене Ермека Серкебаева, Каукена Кенжетаева, Бибигуль Тулегенову и многих других признанных мастеров. Руководит Институтом искусств видный композитор и общественный деятель Куддус Кужамьяров — автор первой уйгурской оперы «Рызвангуль».

Консерватория открылась в Алма-Ате в 1944 году. Этот последний военный год ознаменовался еще двумя крупными событиями в музыкальной жизни Казахстана: была поставлена опера «Абай» А. Жубанова и Л. Хамиди и состоялась первая декада советской музыки среднеазиатских республик и Казахстана в Ташкенте, где с успехом выступили наши композиторы и исполнительские коллективы.

Опера «Абай» — первое крупное произведение, написанное национальными композиторами. Глубокий драматизм, эмоциональность и яркая выразительность музыкальных образов — главные достоинства этого произведения.

Дочь одного из авторов оперы народного артиста республики А. Жубанова Газиза стала первой казахской-композитором. Сейчас она возглавляет творческий Союз композиторов Казахстана.

Заслуженный деятель искусств художница Гульфайруз Исмаилова и народная артистка Союза ССР Бибигуль Тулегенова.

Широкой известностью пользуются симфоническая поэма «Казахстан» и кантата «Огни коммунизма» народного артиста СССР Мукана Тулебаева.

«Непосредственность, обаяние и самобытность, присущие кантате М. Тулебаева,— писал журнал «Советская музыка»,— определяются прежде всего тем, что автор широко привлек типические черты народной музыки, а носителями идеи вывел конкретных героев народного искусства. Отсюда и привлекательность музыки, наполненной волшебным ароматом цветущих казахских степей...»

Самая зеленая улица в Алма-Ате, вдоль которой бегут говорливые арыки, носит сейчас имя Мукана Тулебаева.

К какому бы жанру казахской музыки мы ни обратились, всюду

видны блестящие успехи. Поистине чудесные песни рождаются сейчас в наших степях каждый день, как цветы весной. А если говорить образно, то все искусство Казахстана было раньше чуть-чуть раскрывшимся бутонем. По-настоящему же, во всей своей красоте оно расцвело только в советские годы. Ведь только при Советской власти, под животворным влиянием русского искусства, с помощью русских педагогов расцвел талант Куляш Байсеитовой, Розы Джамановой, Еркека Серкебаева и многих других мастеров казахской сцены.

Каждый вечер, когда на Алма-Ату мягко опускаются сиреневые сумерки, яркими огнями зажигаются ramпы казахской оперы, Казахского академического театра, Театра юного зрителя, заполняются концертные залы филармонии имени Джамбула и Института искусств.

В театре имени Абая сегодня премьера оперы Е. Брусиловского «Наследники», посвященной славным покорителям целины.

Заснеженная степь. Неистовствует буря. По бездорожью наперекор стихии идут комсомольцы — горячие сердца. Идут на труд, на подвиг во имя жизни. Раздольно и энергично звучит хор: «Сильны, дружны колумбы целины!»

Кто же они, эти колумбы, открывающие новый мир, покоряющие просторы степей? В опере нет главного героя. Ее герои — молодые целинники: Еркек и Ольга, Митька Вальцев и Жунус, Райхан и многие другие. Пожалуй, и сам спектакль можно назвать молодежным. В нем занята главным образом артистическая молодежь. Кстати, опера «Наследники» — первое произведение подобного рода на наших сценах о целине. Вместе с тем это — первое крупное произведение Е. Г. Брусиловского, написанное им на современную тему. Имя композитора прочно связано со становлением и развитием оперного искусства в Казахстане. За тридцать с лишним лет им создано около десяти опер, не говоря уже о симфониях, кантатах, музыке к кинофильмам и т. д.

На сцене драматического театра имени Мухтара Ауэзова в который уже раз с огромным успехом идет спектакль «Отелло». Задав дыхание, зрители следят за игрой прекрасного актерского дуэта: Шакена Айманова и Шолпан Джандарбековой, исполняющих роли Отелло и Дездемоны.

Крупным событием в культурной жизни республики стал спектакль этого же театра «Материнское поле», созданный на основе известной повести киргизского писателя Чингиса Айтматова. «Только человек всесилен на земле!» — вот основной лейтмотив этого талантливой, поэтически взволнованного спектакля. Он прозвучал

как гимн в честь победившей все испытания простой труженицы, женщины-матери.

Когда смотришь «Материнское поле», невольно вспоминаешь слова Алексея Толстого, сказанные им более трех десятилетий назад о казахском театре:

«Передо мной и театр и что-то большее, чем театр. Раскрываются глаза. Доверчиво, с благодарностью, с восторгом. Раскрывается и то, в чем мы воспринимаем подлинное, редкое золотое искусство.

Движения актеров, их пляски, их мимика — с неизъяснимой грацией какой-то вековой гордости. Веришь, веришь. Непонятный их язык становится понятным. Здесь присутствует красота, здесь сила и молодость, убеждение, здесь то, что города Европы растеряли, о чем тоскуют лучшие люди — об этой золотой, юной, кипящей крови искусства. Невольно думаешь: с какой силой, трубными звуками звучало бы это казахское искусство, покажи его там, на Западе, хотя бы на той же Всемирной выставке в Париже. Какой бы отклик оно нашло в самых широких слоях народа, принужденного питаться суррогатами обескровленного буржуазного искусства».

В филармонии в этот вечер выступает только что вернувшийся из длительной гастрольной поездки по стране оркестр народных инструментов имени Курмангазы. Он по праву считается одним из лучших исполнительских коллективов республики.

Мы рассказали о театрах и творческих коллективах, находящихся, главным образом, в Алма-Ате. А ведь, кроме них, в каждом областном центре есть свой казахский или русский театр. Но и это еще не все. Нашу республику считают одной из самых «песенных» в стране. Почти тридцать тысяч самодеятельных коллективов! О высоком уровне исполнительского мастерства, о зрелости самодеятельных коллективов говорит такой факт: более тридцати из них присвоено звание народных театров. Артисты из далекого степного аула Акжар даже выступали в Москве на сцене Кремлевского театра.

Говорят, что для песни нет границ, как нет границ и для всего подлинного искусства. Высокое искусство возрожденного казахского народа — яркий пример тому. Прекрасные песни поет он сегодня, и они, как птицы, летят на крыльях дружбы по стране, через все рубежи!

РОЖДЕННОЕ НОВОЙ ЖИЗНЬЮ

По степи от аула к аулу уже много дней шел верблюжий караван. О его приходе знали заранее и ждали везде с нетерпением: караван вез картины первой Всеказахстанской художественной выставки.

Было это без малого сорок лет назад, когда искусство живописи в Казахстане только зарождалось. Ислам строжайше запрещал рисовать людей и животных. Поэтому единственно доступной для народа формой изобразительного творчества было прикладное орнаментальное. Ловкие руки казахских мастериц создавали великолепные по расцветке тканые ковры-алаша, предметы домашнего обихода. Каждая область имела свои характерные отличия и в цветной гамме, и в орнаменте. На севере, например, излюбленными были холодные, приглушенные тона, на юге — более яркие, сочные, усложненного цвета. И везде в произведениях народных умельцев повторялись излюбленные вариации, изображавшие сплетения из бараньих рогов. Ведь скот был главным богатством казаха, от которого зависели все его благополучие и сама жизнь.

Коллектив Союза художников республики сейчас насчитывает более ста человек, работающих в Алма-Ате и областных центрах. Невозможно просто перечислить все имена, все хорошие работы. Давайте лучше пройдемся не спеша по залам национальной галереи, носящей имя Т. Г. Шевченко.

Известно, что великий украинский Кобзарь был еще и талантливым художником. В тяжелые годы заточения на пустынном полуострове Мангышлак, несмотря на запрет царя, он много рисовал. Огромна впечатляющая сила рисунков и полотен Шевченко, отражающих страдания подневольного народа, его быт и культуру. «Казашка со ступой», «Казахская семья в юрте», серия «Казахские дети — байгуши» — эти произведения Кобзаря дают основание назвать его основоположником казахской национальной живописи.

Природе и людям Казахстана посвятил ряд своих картин и выдающийся русский живописец В. В. Верещагин. Выжженная знойным солнцем степь. Редкая цепочка верблюдов. Красноватые скалы, плотно окружившие пустынную долину. Старый казахский охотник с беркутом...

Почти 60 лет прожил в Казахстане русский художник-этнограф Н. Г. Хлудов. Он приехал сюда еще юношей в 1877 году и умер уже глубоким стариком, оставив большое количество живописных по-

лотен, акварелей и рисунков. Студия, организованная Хлудовым в начале двадцатых годов, стала ядром будущего Союза художников республики. В ней занимался и Абиляхан Кастеев — старейший живописец нашей республики. Собственно говоря, с него и начинается современное изобразительное искусство Казахстана.

Абиляхан Кастеев прожил большую нелегкую жизнь. В ней было все: и счастье, и горе. Но, оглядываясь на пройденный путь, он каждый раз радуется тому, что выбрал именно его. А начать этот

Вечером в квартире рабочего
Ж. Сулейменова.

путь и пройти по нему старейшему художнику республики помогло русское искусство.

Вот что об этом рассказывает сам Кастеев:

«Октябрь уже пришел в нашу степь, но старое еще было сильным, и жились нелегко. Я батрачил. С детства меня тянуло к грамоте, самоучкой я учился писать буквы, узнавал, как они пишутся, у всех встречавшихся мне людей книжной науки. Учился читать и по старинным книгам, и по казахским газетам, попадавшим в аул. И еще одно стремление не покидало меня: изображать то, что меня окружало, — природу, людей, животных. С трудом я доставал бумагу. А когда ее не было, я выбивал фигурки на камнях.

Родись я хотя бы на двадцать лет раньше — не знаю, что случилось бы со мной. Или бы эту страсть задушили во мне, или она бы погубила меня — ведь ислам запрещал казахам и всем «правосверным» создавать изображения человека. Но время было уже другое, и я нашел свой путь.

Узнав, что из Сибири в Алма-Ату прокладывают железные рельсы, я приехал на стройку Турксиба. Я работал, как все, а работать было очень нелегко. Но я узнал настоящую трудовую дружбу. Среди рабочих были и русские, и казахи, но жили они одной семьей, верили в одну мечту и вместе создавали ее. Их объединили идеи великого Ленина.

И когда строительство приближалось к концу, я решил принести свой дар памяти великого человека. Продолжая работать, как все, я в свободное время брал зубило, резец, молоток и поднимался на скалу, нависшую над полотном дороги. И вот прошел первый поезд, и люди, ехавшие на нем, увидели на скале дорогие черты нашего Ильича. Тогда я по-настоящему познал счастье творчества».

Картинами Абиляхана Кастеева открывается экспозиция национальной галереи имени Т. Г. Шевченко в Алма-Ате. Их много. Тут и поясной портрет мужественного батыра Амангельды, и чудесные акварели, и поэтические пейзажи, тонко передающие своеобразия природы Казахстана.

Посетители галереи долго любуются пейзажем «Высокогорный каток Медео».словно отшлифованный драгоценный камень, сверкает зеленоватый лед на катке, темные ели отбрасывают голубые тени на пушистый снег.

А вот картины из большой серии «Старый и новый быт». По горной тропинке медленно едут всадники — старик с хищным лицом и молоденькая девушка — купленная за калым невеста. Это прошлое. Картина так и называется: «Купленная невеста». Картины «Колхозная молочная ферма», «Колхозный той», «Колхозный ток».

Много света и воздуха, солнечных и радостных красок. Это настоящее.

Абильхану Кастееву присвоено звание народного художника Казахстана.

В пятидесятые годы отряд наших живописцев пополнился большой группой молодежи, окончившей вузы Москвы и Ленинграда. Они приносят с собой драгоценное качество: чувство современности. Все или почти все картины, созданные молодыми художниками, пронизаны горячим дыханием жизни.

Остановимся хотя бы у большого полотна К. Тельжанова «Агитатор у чабанов». Раннее утро. Сочнозеленые просторы джайлау, ослепительная белизна ледяных вершин Алатау. На их фоне юноша в старенькой военной гимнастерке. Он что-то увлеченно рассказывает чабанам, внимательно слушающим его.

Свежестью и мягкостью чувств проникнута лучшая картина Тельжанова «Жамал». Девушка-чабан задумчиво сидит у маленького костра, на котором готовится ужин. На степь опускаются вечерние тени, последние лучи солнца золотят ковыль, вдали пасется скот, вокруг — мир, тишина. Девушка смотрит на пылающий костер. О чем она думает? Наверное, ей видится большой город, куда она скоро поедет учиться. Ей и радостно и грустно, потому что она любит зеленую степь, родные места.

...Крепкой рукой всадник остановил коня над тугими пластами вековой целины, поднятой тракторами. Выросший на неласковой земле, познавший все тяготы жизни, он захвачен величием свершающегося события. Эта выразительная картина Тельжанова так и называется «На земле дедов».

Внимание посетителей галереи привлекает небольшая скульптура Х. Наурзабаева «Юный Джамбул». Ему же принадлежит монументальный памятник Абаю, поставленный на одной из самых красивых улиц Алма-Аты.

Как и многие его товарищи, первый казахский скульптор Хакимжан Наурзабаев прошел школу высокого мастерства у выдающихся русских художников-реалистов. С особой любовью и волнением вспоминает он о встречах с вдохновенным мастером резца, народным художником СССР Сергеем Тимофеевичем Коненковым.

От первых небольших и робких произведений графики с незамысловатым сюжетом до больших и смелых полотен, мастерски отображающих сегодняшний день Казахстана, — таков путь изобразительного искусства Казахстана. Об этом мы узнали, побывав в художественной галерее имени Т. Г. Шевченко. Здесь всегда многолюдно. Устраиваются тематические выставки. Проводятся обсужде-

ния новых работ художников. Организует галерея и передвижные выставки. Только путешествуют они теперь по бескрайним просторам республики не верблюжьими караванами, а поездом и самолетом.

САМОЕ МОЛОДОЕ

А сейчас мы расскажем вам о самом молодом искусстве Казахстана. Подобно живописи и графике, оно рождено новой жизнью. Речь пойдет о кинематографии.

Август 1958 года. Солнечный Ташкент. Разноязычный говор. Пестрые одежды. Идет кинофестиваль народов стран Азии и Африки. Царит атмосфера сердечного братства, единства и дружбы. Представители двадцати двух стран показывают свои фильмы, делятся творческими замыслами, спорят.

Тепло встречают гости фильмы Алма-Атинской киностудии «Его время придет», «Наш милый доктор», «Думы о счастье», «Чудесные огоньки». Для многих из них эти картины оказываются настоящим открытием, более значительным, чем только художественные произведения. Ведь они представляют народы, порвавшие совсем недавно пути колониализма. В казахских фильмах, в судьбах казахского народа они видят вдохновляющий пример для себя. Они узнали, что всего сорок лет назад казахи были одним из самых отсталых угнетенных народов, который даже не хотели признавать самостоятельной нацией. Оказалось, что прошлое казахского народа очень похоже на настоящее или вчерашний день многих народов зарубежного Востока.

Делегаты жадно расспрашивали: в чем секрет успехов казахской кинематографии, ее жизненная правда?

Им отвечали просто: секрета нет. Если взять историю нашего народа, то его путеводной звездой, его самым верным другом, его учителем был великий русский народ. В истории казахов нет ни одного прогрессивного начала, которое не было бы выражением дружбы с русским народом. И в наших фильмах эта тема главная. В ней и есть сама правда жизни, секрет всех успехов.

В Казахстане еще в тридцатые годы не было ни своих кинорежиссеров, ни своих операторов. Сюжет «Прибытие первого поезда в Алма-Ату» был снят москвичами. Он вошел в хроникально-документальный фильм «Турксиб». Киноглаз запечатлел все этапы грандиозной стройки от первых рельсов, проложенных в степи, до пер-

вого поезда, пробудившего зычным гудком дремотные просторы. «Турксиб» открыл для миллионов зрителей во многих частях света неизвестную доселе страну, лежащую в самом сердце Азии. Его шествие по экранам было поистине триумфальным.

Первенцем художественной кинематографии в республике является фильм «Амангельды». И хотя снимался он «Ленфильмом», в нем играли казахские актеры, звучала казахская музыка. Сценарий этого фильма — плод творческого содружества Г. Мусрепова, Б. Майлина и Всеволода Иванова.

В 1941 году, когда враг подошел к стенам Москвы, блокировал Ленинград, Алма-Ата становится мощным центром советской кинематографии. Сюда перебазировются крупнейшие студии страны — «Мосфильм» и «Ленфильм». Приезжают видные мастера русского киноискусства — режиссеры С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, С. Герасимов, М. Ромм, актеры Б. Чирков, М. Жаров, Л. Орлова, Н. Крючков и многие другие. В казахской киноактерской школе, организованной при объединенной студии, они читают лекции, ведут практические занятия. В нетопленных павильонах днем и ночью идут съемки. Объединенная студия выпускает в эти годы 80 процентов фильмов, производимых всей советской кинематографией. Многие из них вы, конечно, видели. Это «Машенька» и «Парень из нашего города», «Котовский» и «Она защищает Родину», «Русские люди» и первая серия «Ивана Грозного», «Нашествие» и «Черевички».

Алма-Ата оказалась идеальным местом для производства фильмов. Редко где сразу найдешь и снежные горы, и хвойные леса, и знойную степь, покрытую ребристыми барханами. Даже летом здесь можно снимать зимнюю натуру. А многообразие природы, окрестностей позволяет, не выезжая далеко, выпускать ленты, события в которых могут проходить в любом районе страны.

И большой коллектив сценаристов, режиссеров, операторов, актеров работает увлеченно, забывая о трудностях военного времени и усталости. Патриотические фильмы, созданные в Алма-Ате, помогают громить немецко-фашистских захватчиков, ковать победу.

1944 год — год рождения «Казахфильма». Студия уже имела своих актеров, обогащенных опытом работы с русскими мастерами кино, совершенную аппаратуру, какой не было на других студиях Средней Азии.

Одна за другой выходят на экраны страны художественные картины «Казахфильма»: историко-героическая лента «Ботагоз», лирическая комедия «Девушка-джигит», киноповесть о новоселах-целинниках «Беспокойная весна», приключенческий детский фильм «Крылатый подарок».

Народная артистка
Казахской ССР Шара.

О картине «Песни Абая», созданной по всемирноизвестному роману Мухтара Ауэзова, газета «Правда» пишет: «Приятно отметить, что казахские актеры, играющие в этом фильме, успешно справились со своей задачей и показали себя зрелыми мастерами. В первую очередь нужно выделить народного артиста Казахской ССР К. Куанышбаева, создавшего простой, благородный и жизненный образ Абая... Своим исполнением роли Абая К. Куанышбаев доказал, что в его лице советская кинематография имеет крупного и своеобразного мастера».

Тепло встречают зрители и первый цветной фильм нашей студии — «Джамбул» — о прославленном акыне, выдающемся сыне своего народа. Фильм во многом биографичен, охватывает многие годы и многие события в жизни певца. Мы встречаемся с ним в юности, когда Джамбул получает из рук своего умирающего учителя Суюнбая домбру, и расстаемся ликующим днем 9 мая 1945 года, когда почти столетний акын молодо и звонко поет о великой победе. Джамбул тяжело болен, но он не может не петь, когда поет и ликует народ.

Роль Джамбула в фильме исполняет народный артист СССР Шакен Айманов. Своей искренней увлеченной игрой он заставляет нас забыть, что перед нами на экране актер. Настолько велико искусство перевоплощения Айманова в образ своего героя. Мы словно видим самого Джамбула, пламенного и вдохновенного певца Казахстана.

С годами к казахским кинематографистам приходит мужание и творческая зрелость. Они создают все больше хороших, полноценных в идейном и художественном отношении картин. Большой удачей явился один из последних фильмов студии — «Сказ о матери». Он глубоко человечен, взволнованно правдив.

...Война подходит к концу, когда мать получает страшную весть о гибели единственного сына. Она не верит, не хочет верить, но в военкомате ей вручают орден, которым ее отважный сын награжден посмертно.

Медленно-медленно идет мать по степной дороге в аул, где родился сын, где прошла ее молодость. Силы покидают ее. Мать падает, а рядом колосющееся поле. Теплый ветер Родины колышет и седые волосы убитой горем женщины, и литые колосья хлеба. Земля согревает мать, дает ей новые силы, чтобы жить и трудиться для мира и счастья людей.

И вот мы видим ее в поле с косой в руках. Пусть хлещет дождь, пусть небо распарывает молния, мать не отступит. Каждый взмах косы — удар по врагу! Эта сцена — одна из самых волнующих в фильме. Прекрасна старая мать в талантливом и глубоко прочувствованном исполнении известной казахской актрисы Амины Умурзаковой.

Мы рассказали лишь о немногих фильмах нашей национальной кинематографии. А их больше тридцати. Кроме того, студия выпускает хроникально-документальные ленты. Каждую неделю на экраны республики выходит киножурнал «Советский Казахстан» — живая летопись событий, происходящих на обновленной земле. Тысячи сюжетов. Сотни километров пленки!

Отель «Казakhstan».

Человека со съемочной камерой можно встретить в самых отдаленных районах Казахстана: у нефтяников и тюленебойцев Каспия, в целинных совхозах и на далеких отгонах, на строительстве канала Иртыш — Караганда.

Кинематографисты республики проводят большую работу по дублированию фильмов на казахский язык. Жители степных аулов, животноводы на дальних пастбищах знакомятся таким образом с лучшими произведениями кино других братских народов и зарубежных стран.

Самое молодое искусство Казахстана — кинематография — крепнет, набирает силу, становится в один ряд со всем ярким жизнеутверждающим искусством освобожденного народа.

СТОЛИЦА РАСТЕТ ВВЫСЬ

От монументального здания Академии наук, увенчанного белыми колоннами, поднимаемся вверх по улице и выйдем на проспект Абая, который становится главной магистралью нашего столичного города.

Доктор географических наук Б. А. Федорович, посетивший Алма-Ату в 1927 году, писал: «Страшная тишина охватила нас при въезде в город. Было около 8 часов вечера, но уже стемнело, и немощные улицы, застроенные одноэтажными деревянными домами с окнами, наглухо закрытыми ставнями, были почти пусты. Лишь изредка мелькали передвигающиеся в темноте огоньки. Это редкие запоздалые горожане спешили добраться до дома. Электричества не было, даже керосиновое освещение на улицах считалось диковиной. Вот и приходилось алма-атинцам путешествовать с фонарями да с солидными палками в руках на случай нападения собак, в великом множестве водившихся в городе».

Еще в конце прошлого столетия военный губернатор Семиреченской области издал приказ, согласно которому верненцам строжайше предписывалось: «Вследствие выяснившейся ненадежности в случае сотрясения почвы... возводить лишь деревянные дома». Вот почему даже в двадцатых годах, когда Верный стал Алма-Атой — столицей Казахстана, он все еще был одноэтажным деревянным городом с немощными улицами. Лишь в середине тридцатых годов появились двухэтажные здания: над бывшим губернаторским домом и еще несколькими кирпичными зданиями, построенными с огромным и вряд ли оправданным запасом прочности, были возведены вторые этажи. Только в наши дни основным типом застройки города стали четырех-пятиэтажные многоквартирные дома. Город стремительно растет вширь, удивительно хорошеет. По сравнению с 1932 годом его земельная площадь увеличилась более чем в два раза и перешагнула за пятнадцать тысяч гектаров, а общая протяженность улиц и проездов уже превысила восемьсот километров.

На старых пустырях поднялись светлые громады многоэтажных домов, пролегли асфальтированные улицы, протянулись аллеи пирамидальных тополей, белой акации, березы. Центр города — просторная, полная солнца и света площадь имени Владимира Ильича Ленина. С площади, от подъезда Дома Правительства, где вздымаются звесь хрустальные струи фонтанов и где до глубокой осени цветут розы, открывается величественная панорама снежных вер-

шин, которые составляют неотъемлемую и самую живописную часть городского пейзажа.

Сквозь густую листву многолетних деревьев угадываются красивые здания республиканских учреждений и организаций, научных институтов и школ, театров и магазинов. Бетон, стекло, нержавеющая сталь удивительно гармонируют с зеленью.

Недаром сторожилы говорят о своем родном городе: «Была станция — стала столица».

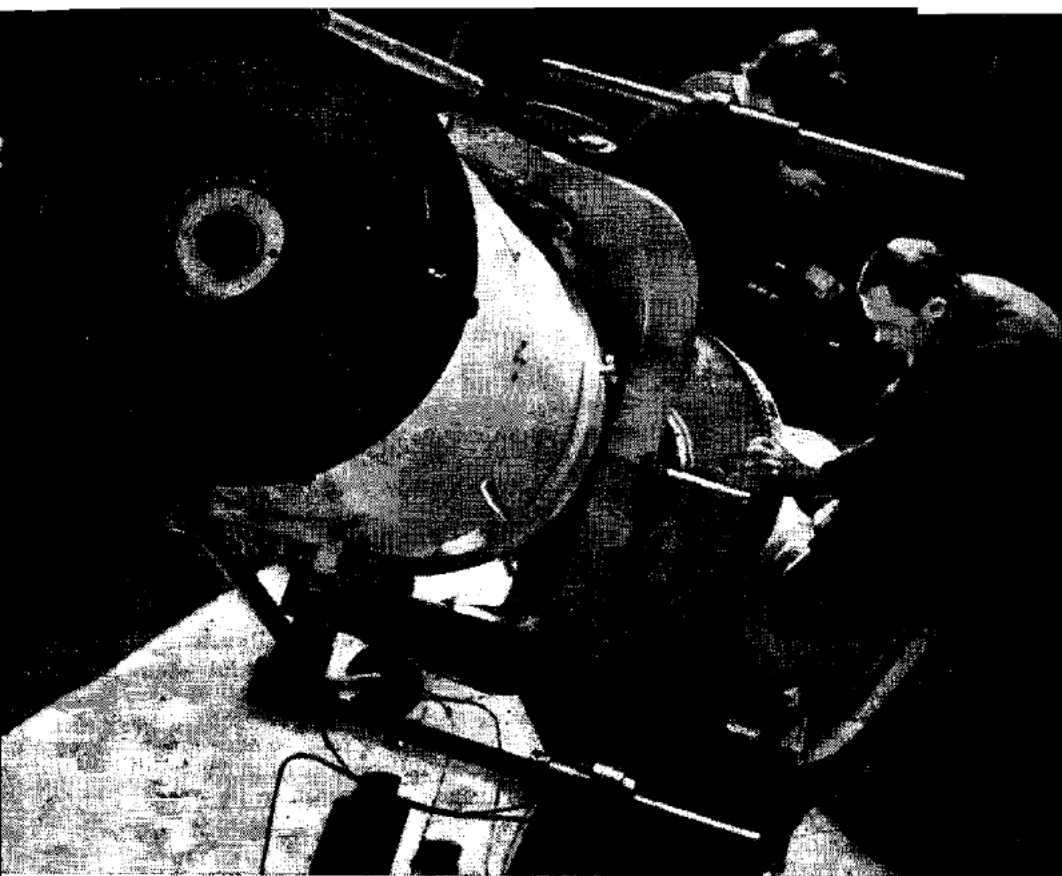
Да, столица в полном смысле этого слова. Алма-Ата сейчас растет не только вширь, но и ввысь. По проектам, учитывающим повышенную сейсмичность, в городе сооружаются административные и жилые здания в четыре, пять и более этажей. Уже заложены первые семи-одиннадцатизатажные дома. В самом центре города, рядом с театром оперы и балета имени Абая, поднялся обращенный полукругом к горам восьмизатажный корпус гостиницы. Пока это самое высотное здание казахской столицы.

Но увеличение высоты строений — всего лишь одна особенность реконструкции Алма-Аты, осуществляемой в наше время. Если до сих пор новое жилье возводилось, главным образом, за чертой «старого» города обособленными микрорайонами, то сейчас строительство современных зданий ведется в самом центре города. Деревянные и кирпичные строения, сооруженные 50, а то и 70 лет назад, уступают место высотным зданиям из бетона, стекла и алюминия.

Реконструируется и вновь застраивается не только центр столицы. В течение нескольких лет на юго-западе Алма-Аты, где еще совсем недавно были расположены опытные поля Казахского института земледелия, создан благоустроенный городской район с населением более 40 тысяч человек с прекрасными школьными зданиями, клиниками, детскими учреждениями.

Показателен в этом отношении проспект Абая. Еще совсем недавно здесь по Головному рынку проходила городская черта. Чуть подалее от нее тянулись пустыри, колхозные сады и огороды. Теперь проспект Абая — одна из самых оживленных и благоустроенных магистралей города. Он как бы приподнят над столицей на самом виду у сверкающего вечными льдами Алатау. Проспект начинается на востоке, там, где к столице вплотную подступают «прилавки» гор. На их фоне стоит памятник Абаю работы талантливого скульптора Хакимжана Наурзабаева.

Широкая лента проспекта имени Абая, разрезанная вдоль зеленым газоном, устремляется на запад. По левую сторону его расположены преимущественно вузы, научно-исследовательские и проектные институты. Справа поднимаются кварталы современных до-

Новейшим оборудованием оснащена
высокогорная обсерватория близ Алма-Аты.

мов. Над ними высоко в голубое небо взметнулись ажурные стрелы башенных кранов. На пересечении проспекта Абая с проспектом Коммунистическим возводятся два новых здания: русский драматический театр имени Лермонтова и публичная библиотека имени Пушкина. А чуть подалее уже встают первые этажи Дома радио.

Минуем еще две или три троллейбусных остановки. Центральный стадион Казахской ССР. Его хорошо знают столичные болельщики. Каждый интересный матч собирает здесь более тридцати ты-

сяч человек, которые с присущей алма-атинцам горячностью и энтузиазмом болеют за «Кайрат». К стадиону примыкает Дворец спорта — один из крупнейших в нашей стране центров физической культуры. Зал его, вмещающий зрителей больше, чем все театры столицы, вместе взятые, универсален. Он может быть использован и для концертов, и для спортивных состязаний, и даже для фигурного катания на коньках.

Еще полчаса езды — и мы в новых микрорайонах. Сейчас их на западной окраине уже десять. В микрорайонах продуманно и комплексно решаются все вопросы культурного и бытового обслуживания населения. Строительство ведется современными промышленными методами.

Рядом с жилым массивом поднялись корпуса текстильного комбината, одного из крупнейших в Советском Союзе. Он рассчитан на 240 тысяч прядельных веретен и 6 тысяч ткацких станков.

За последние годы Алма-Ата стала одним из крупных промышленных центров страны. В казахской столице свыше 160 промышленных предприятий, а номенклатура их изделий включает не одну тысячу названий. Алма-Атинские предприятия поставляют стране сложнейшие механизмы, станки и машины, прокатное, гидротехническое и коксохимическое оборудование, сельскохозяйственные машины, оборудование для электростанций, шахт, геологоисследовательских работ, изделия для различных отраслей народного хозяйства и удовлетворения бытовых нужд населения. Не лишено интереса такое сравнение: сейчас в Алма-Ате за одни сутки производится промышленной продукции в 14 раз больше, чем выпускалось ее за целый год в дореволюционном Верном. Столица дает четвертую часть продукции легкой и пищевой промышленности, производимой в республике. Далеко за пределами Казахстана пользуются доброй славой оригинальные гобелены коврово-ткацкой фабрики, изделия мехового комбината, шампанские и марочные вина «Казахстан», «Целинное казахское», «Ак-Вулак», получившие более сорока золотых и серебряных медалей на многих международных выставках.

В новой пятилетке в казахской столице будет построен ряд крупных промышленных предприятий. Вводятся в строй новые мощности по производству предметов культурно-бытового назначения, продовольственных товаров, кондитерских изделий, шампанских вин.

Алма-Ата быстро превращается в один из самых благоустроенных городов страны, где наиболее полно удовлетворяются бытовые запросы населения. В короткие сроки от мощной тепловой электростанции, расположенной на северной окраине города, на многие де-

сятки километров протянулась теплотрасса. Тысячи квартир, целые городские районы получают горячую воду. Ликвидированы десятки котельных. Воздух над городом стал значительно чище.

Всего лишь несколько лет назад в квартирах алма-атинцев появились первые газовые установки, а ныне газифицированы уже десятки тысяч квартир. Газом пользуются не только жители центральных улиц, но и самых отдаленных окраин, пригородных колхозных и совхозных поселков. Правда, столица еще живет на привозном газе, который в сжиженном виде доставляется потребителям в баллонах или заливается в уличные газгольдеры, но в недалеком будущем в Алма-Ату придет бухарский газ, и тогда решится одна из основных проблем бытового обслуживания населения города.

Старожилы еще помнят непроглядную темноту верненских ночей. Несколько тусклых, закопченных керосиновых фонарей на столбах обозначали перекрестки улиц, месторасположение губернского дома, городской управы и тюрьмы.

Протяженность городской электросети Алма-Аты превышает 2,5 тысячи километров, а подземных кабелей — 645 километров. На улицах города установлено около 30 тысяч светильников, большая часть которых оборудована лампами дневного света.

У казахской столицы надежная энергетическая база. Мощность центральной электростанции выражается в сотнях тысяч киловатт. Из ущелья Большой Алматинки во все районы города шагают ажурные фермы, несущие провода высоковольтных линий от каскада гидроэлектростанций. На северной окраине построена мощная теплоэлектростанция. Это первая в стране теплоцентральный открытого типа: ее энергетические блоки смонтированы прямо под открытым небом.

Светло и уютно ночью на улицах нашей столицы! Но город быстро растет, и увеличивается расход электроэнергии на промышленные и бытовые нужды. И в 60 километрах от Алма-Аты на реке Или, там, где гранитные скалы сжали бурный поток, развернулось строительство Капчагайской гидроэлектростанции.

Капчагайский гидроузел сыграет важную роль в решении такой сложной задачи, как опреснение озера Балхаш. Это необходимо для быстрого освоения природных богатств Прибалхашской пустыни. Алма-атинцев же особенно радует, что с вводом в эксплуатацию нового гидроузла они будут иметь буквально у себя под боком огромное пресноводное море. Электрички доставят вас к его золотистым берегам за каких-нибудь полчаса.

Уж коли зашла речь о бытовом обслуживании жителей казах-

ской столицы, нелишне остановиться на такой немаловажной детали, какой является городской транспорт. Ведь в большом современном городе развитие транспорта и оживленность уличного движения — верный признак интенсивности и напряженности всей его жизни.

В Алма-Ате свыше 220 километров трамвайных и троллейбусных линий. Каждый день на автомагистрали столицы выходит тысяча комфортабельных автобусов, свыше 200 вагонов троллейбусов и трамваев, 800 легковых такси. Каждые сутки они перевозят 700—800 тысяч человек. По обеспечению пассажирским транспортом на душу населения Алма-Ата не уступает Москве и Ленинграду.

Алма-Ата — один из красивейших и, пожалуй, самых зеленых городов Советского Союза. Раскинувшаяся в живописных предгорьях Заилийского Алатау на фоне сверкающих снежных вершин, вся в густой зелени и ярких цветах казахская столица по праву снискала себе славу чудесного города-сада.

Город-сад!

Вечерняя Алма-Ата.

В этом поэтическом названии нет никакого преувеличения. Общая площадь зеленых насаждений в Алма-Ате достигает 8 тысяч гектаров, а количество декоративных деревьев на улицах и площадях превысило миллион. На каждого жителя столицы в общей сложности приходится почти 90 квадратных метров зелени.

Особенно много зелени и цветов в парке имени Горького — излюбленном месте отдыха алма-атинцев. Но город непрерывно растет, и, чтобы добраться до парка, например, из микрорайона, надо потратить добрый час. Поэтому-то и возникла необходимость создать еще одну зону отдыха в западной части столицы. Новый огромный парк раскинется по берегам большой Алматинки.

В большом городе, население которого превышает 600 тысяч человек, с каждым днем все полнее осуществляется девиз нашего коммунистического завтра: «Все во имя человека, все для блага человека».

...На столицу медленно опускается вечер. На снежных вершинах гаснет последний солнечный луч. Отчетливой становится говорливый шум арыков, сильнее аромат цветов, легкий ветер с гор приносит освежающую прохладу. А когда ночной воздушный лайнер делает над казахской столицей круг и заходит на посадку, пассажирам кажется, что они вот-вот окунутся в пылающее море огней.

* * *

Вот и завершено, друг-читатель, наше путешествие по древней казахской земле. Лишь небольшую часть того, что создано на ней за полвека вдохновенного труда, увидели мы. Но и это увиденное дает возможность судить о гигантских масштабах созидания и творчества, о величайших переменах, происшедших в жизни народа, во всей его исторической судьбе.

Не будет преувеличением, если мы скажем: «На всем протяжении этого увлекательного путешествия, на каждом шагу мы были свидетелями великого чуда!»

Где же его истоки, в чем заключены они?

Они — в мудром руководстве Коммунистической партии Советского Союза, настойчиво и последовательно осуществляющей справедливую и гуманную национальную политику, разработанную В. И. Лениным и им завещанную поколениям.

Они — в ясном видении цели, указанной Лениным.

Они — в нерушимой дружбе советских народов, которые, взявшись за руки, плечом к плечу идут к великой цели.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	5	Русский город Оренбург	188
Край маральных садов и титана		На месте Яицкого городка	191
С первыми лучами солнца	9	В наступлении на мясную целину	198
Путь к истокам Черного Иртыша	20	Дорога к полуострову сокровищ	
Сердце Каменных гор	23	«Гурьев-городок»	209
По иртышской волне	31	Край «тысячи зимовок»	214
Флагман цветной металлургии	37	Люди из племени каспи	222
Именем жизни	43	Клады Мангышлака	230
Зыряновская марка	51	Ударная комсомольская	234
Вниз по Иртышу	55	Младший брат Урала	
Город Семи Палат	59	Поправки к географии	245
О медовых реках и солнечном цветке	65	Почему горели «тигры»?	249
Павлодар ситцевый? Индустриальный!	69	У подножия Белого холма	254
Земля, с которой стартовал «Восток»	79	Уральское чудо	257
Немного истории	82	Реки голубого огня	259
Тлебен-су, желанная вода	82	Серебряная нива	260
Экибастуз	88	Солнечные грозды	
Край несметных богатств	92	Тайна древнего города	275
Звезды над копрами	97	Кентау — горняцкая слава	278
Быль Железной горы	102	Щедрая пустыня	284
Огни Балхаша	111	На «пограничной» земле	292
«Место, где копали медь»	120	От жаркой пустыни до Арктики	298
Космические рейсы	124	Рожденный заново	300
Вторая житница страхи		По следам Дмитрия Фурманова	308
На просторах древней земли	139	В краю семи рек	
Конец «Белой могилы»	131	Пути-дороги	321
В стране голубых озер	145	Страна контрастов	323
Такого еще не знал мир	149	На новую, высшую ступень	330
Зарницы над нивами	155	Главный город республики	
Рождение исполинов		От Верного к Алма-Ате	341
На пороге чудесной кладовой	165	Горы зовут	347
Солнца и ветра брат	166	Крупный центр науки	354
Рудный — город юности	168	У песенных истоков	359
Двойники Сарбала	175	От домбры к опере	374
Колокол Ибрая	179	Рожденное новой жизнью	383
Яик — светлая река		Самое молодое	387
Путешествие продолжается	187	Столица растет ввысь	391

Н. Зверев, О. Мацкевич, К. Шангитбаев.

ПОЛВЕКА СОЗИДАНИЯ

Редакторы *Г. Никитевич, Р. Пашевская.* Оформление
художника *А. Гурьева.*
Фото *И. Будневича, Ф. Сальникова.*
Худож. редактор *В. Ткаченко.*
Техн. редактор *М. Злобин.*
Корректоры *Л. Рудова, А. Булатова.*

Сдано в набор 30/XII 1966 г. Подписано к печати
28/IV 1967 г. Формат 70×90^{1/16}—25,0 п. л. (29,0 уч.-изд. л.).
УГ06174. Тираж 10000, цена 1 руб.
Издательство «Казахстан», г. Алма-Ата, ул. Кирова, 122.

Заказ № 25. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Госкомитета Совета Министров КазССР по печати,
г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.